БУДЕННЫЙ

Александр Золототрубов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге писателя А. Золототрубова рассказывается о легендарном герое гражданской войны командарме Первой Конной армии, выдающемся советском военном и государственном деятеле, трижды Герое Советского Союза С. М. Буденном.

-
- ГЛАВА ПЕРВАЯ
- ГЛАВА ВТОРАЯ
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
- ГЛАВА ПЯТАЯ
- ГЛАВА ШЕСТАЯ
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
- ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

○ 19

С. Буденный

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Н. Н. Азовцев, член СП СССР М. С. Колесников

СЛОВО О БОЕВОМ ДРУГЕ

Эта книга посвящена нашему боевому другу Маршалу Советского Союза С. М. Буденному, чья жизнь намного ярче и богаче, чем легенды о ней.

Семен Буденный… Народный герой, легендарный полководец. Его имя овеяно славой лихих рейдов красных конников по тылам врага, походов против царских генералов Деникина и «черного барона» Врангеля. Оно звучало как символ блестящих побед Красной Армии над интервентами и белогвардейцами.

С. М. Буденного хорошо знал и высоко ценил В. И. Ленин.

Впервые я услышал о Буденном в далекое время гражданской войны, в 1920 году, когда командовал кавалерийским эскадроном. Помню, как бойцы в походах и коротких перерывах между боями с каким-то особым подъемом пели песню: «Буденный наш братишка, с нами весь народ». Потом, много лет спустя, мне довелось участвовать в параде войск Московского гарнизона на Красной площади в 1938 году. Парадом командовал Маршал Советского Союза С. М. Буденный, принимал его народный комиссар обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. С чувством восхищения смотрел я, тогда слушатель Военной академии Генерального штаба, на Буденного, когда он, уже в возрасте пятидесяти пяти лет, лихо гарцевал на коне, командуя парадом. Всех нас он изумлял поистине юношеской ловкостью и умением держаться в седле.

Семен Михайлович прошел прекрасный путь от крестьянина-батрака до государственного деятеля, члена Президиума Верховного Совета СССР, от рядового солдата-кавалериста до легендарного полководца, Маршала Советского Союза. Этот путь был нелегким. Еще на фронтах русско-японской и первой мировой войн он приобрел богатый опыт. Всем сердцем он ненавидел царизм. И когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, Буденный на Дону создает небольшой кавалерийский отряд для борьбы с врагами Советской власти. Этот отряд и стал зародышем будущей Первой Конной армии.

Буденный понимал громадное значение крупных кавалерийских соединений в гражданской войне, когда почти не было сплошных фронтов и долговременной позиционной обороны и конница могла решать задачи не только оперативного, но и

стратегического масштаба. Буденный приложил максимум усилий, чтобы создать мощные конные соединения и с их помощью наносить решающие удары по врагам молодой Республики Советов. Уместно будет отметить, что уже в период своего зарождения красная конница сыграла огромную роль в боевых действиях на юге России.

С. М. Буденный внес значительный вклад в строительство и укрепление Советских Вооруженных Сил, в повышение обороноспособности Советского Союза. Ему в числе первых было присвоено звание Маршала Советского Союза.

В годы Великой Отечественной войны С. М. Буденный занимал должности главнокомандующего войск Юго-Западного направления и Северо-Кавказского, командующего Северо-Кавказским фронтом, командующего кавалерией Советской Армии, состоял членом Ставки Верховного Главнокомандования. Широко известны его заслуги в организации обороны городов-героев Киева, Севастополя, Одессы, Москвы, Сталинграда, в создании стратегического Резерва Верховного Главнокомандования. Уместно вспомнить, что 7 ноября 1941 года, когда немецко-фашистские войска вели ожесточенные сражения своей главной группировкой на подступах к Москве, именно С. М. Буденный принимал исторический парад войск, которые прямо с Красной площади направлялись в бой.

После войны мне не раз доводилось встречаться с С. М. Буденным как по служебным делам, так и за дружеской беседой. Он, выдающийся народный герой, большой государственный деятель, был прост и доступен, в этих беседах без всякой рисовки рассказывал о пройденном пути, былых походах и многогранной деятельности. «Тяжелое у меня было детство, — говорил он мне как-то. — И дед и отец батрачили. В школе мне учиться не пришлось, грамоте выучился сам. Зато когда разбили белогвардейцев, Советская власть сделала все, чтобы мы могли учиться. В итоге в 1932 году я закончил Военную академию имени Фрунзе».

Член Коммунистической партии с марта 1919 года, С. М. Буденный принимал активное участие в общественной жизни нашей страны. Круг его интересов был широк и разнообразен. В его библиотеке насчитывалось около десяти тысяч книг. В часы отдыха он любил послушать и народные песни, и арии из опер. Но большая часть времени была занята у него трудом. Трижды Герой Советского Союза, кандидат в члены ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР, депутат Верховного Совета СССР, председатель центрального правления Общества советско-монгольской дружбы, член президиума ЦК ДОСААФ, он активно

участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи, вел обширную переписку, выступал в печати.

Автору этой книги капитану 1-го ранга А. М. Золототрубову, члену Союза писателей СССР, посчастливилось многие годы быть рядом с Буденным, и все то, о чем он пишет, не может не волновать. Биография Буденного — яркая, самобытная, неотделима от судеб нашей Родины, ее борьбы и побед на ратном и трудовом фронтах. Читатель узнает немало интересного о встречах Семена Михайловича с В. И. Лениным, М. И. Калининым, И. В. Сталиным, М. В. Фрунзе, А. В. Луначарским, Максимом Горьким, Демьяном Бедным, Г. М. Димитровым, Бела Куном, Людвиком Свободой, маршалом Чойбалсаном… Тепло рассказывает автор о боевых соратниках Семена Михайловича по Первой Конной армии, а также полководцах Великой Отечественной войны маршалах К. Е. Ворошилове, Г. К. Жукове, С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошникове, К А. Мерецкове и других.

Я уверен, что тот, кто прочтет эту книгу, больше узнает о том, как бывший батрак Семен Буденный стал легендарной личностью еще при своей жизни. И не зря наши мальчишки, играя в красных конников, говорят: «Мы станем такими, как маршал Буденный!» Его жизнь — подвиг. Жила в нем неугасимая вера в партию и народ, и эту веру он пронес в своем сердце через всю жизнь.

Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза
И. Х. БАГРАМЯН

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ДОН — МОЯ ЗЕМЛЯ

1

В конце октября 1919 года а разгар наступления генерала Деникина, конный корпус Буденного разгромил под Воронежем казачьи корпуса генералов Шкуро и Мамонтова и вышел на правый фланг главной ударной группировки деникинской армии, рвавшейся на Москву. Под ударом оказались важнейшие железнодорожные артерии и тылы белых, снабжавшие их ударные части в районе Курска и Орла. Уже после гражданской войны, в декабре 1920 года, на VIII Всероссийском съезде Советов Владимир Ильич Ленин в беседе с командармом Первой Конной армии Буденным спросил:

— Вы понимаете, что ваш корпус сделал под Воронежем?

— Разбил противника, — ответил Буденный.

— Так-то просто, — улыбнулся Владимир Ильич. — Не окажись ваш корпус под Воронежем, Деникин мог бы бросить на чашу весов конницу Шкуро и Мамонтова, и республика была бы в особо тяжелой опасности. Ведь мы потеряли Орел. Белые подходили к Туле…

Чтобы как-то оправдать поражение Шкуро и Мамонтова, белые распустили слух и даже напечатали в газетах, что их конницу разбил чуть ли не сподвижник известного генерала Скобелева.

— Пришлось, батенька, опровергать, что Буденный не генерал, а всего лишь вахмистр, — сказал Ленин.

Буденный, улыбаясь, поблагодарил Владимира Ильича за производство его в вахмистры.

— А вы что, не были в этом звании?

Буденный ответил, что временно исполнял обязанности вахмистра.

— Главное, — продолжал Ленин, — пришло время, когда люди из простого народа бьют буржуазных генералов. Пусть это чувствуют империалисты. Вы преподнесли им хороший урок.

Родился Семен Буденный 25 апреля 1883 года неподалеку от казачьей станицы Платовской, что на Дону, в крестьянской семье.

Предки будущего полководца поначалу жили в Воронежской губернии. Но вскоре после отмены крепостного права дед Буденного, крестьянин слободы Харьковской Бирючинского уезда,

вынужден был покинуть родные места: не смог выкупить землю, бросил разоренное хозяйство и уехал с семьей на Дон. Но и там было не легче. Власть и почти вся земля принадлежали казакам. А иногородним крестьянам приходилось в основном батрачить. Отец Буденного, Михаил Иванович, как и дед, также всю жизнь батрачил. В молодости, не имея своего собственного угла, кочевал по Дону в поисках работы.

В мае 1875 года он женился на Меланье Никитичне Емченко и осел на хуторе Козюрин. Вначале родился Григорий, потом Семен, Федора, Емельян, Татьяна, Анастасия, Денис, Леонид.

Весной 1891 года Буденные поселились на хуторе Литвиновка (Дальний), расположенном на правом берегу реки Маныч, в сорока километрах от станицы Платовской. Арендовали землю на кабальных условиях: половину урожая приходилось отдавать хозяину.

Работал в поле и восьмилетний Семен: иногда лошадь погонял, а то и за плуг становился.

Одевался Сема по-бедняцки: носил сатиновую рубашку, холщовые брюки. Кепку надевал по праздникам и когда ездил с отцом на ярмарку в соседнюю станицу. Летом ходил босиком, пас скот, помогал матери убирать на огороде картошку.

Несмотря на бедность, жили Буденные весело. Михаил Иванович хорошо играл на балалайке, а Семен — на гармошке. Бывало, отец придет с работы усталый, голодный, не успеет поужинать, а сын тут как тут: «Батя, давай «Яблочко» играть, покажи, а то у меня гармошка вроде плачет». Отец усаживал рядом Сему и медленно растягивал мехи…

Михаил Иванович Буденный нередко подрабатывал у купца первой гильдии Яцкина. Товары привозил, рыбу солил, за скотом ухаживал. А в голодную зиму 1892 года Михаил Иванович одолжил у купца до весны денег. Неделями, месяцами пропадал он в соседней станице на заработках, но выбраться из долгов так и не смог. Однажды, когда на воскресенье Михаил Иванович приехал домой, пришел Яцкин и стал требовать деньги. Даже пригрозил коня отобрать.

Михаил Иванович был выборным старостой иногородних и часто заступался за них перед станичным начальством, даже перед самим атаманом. А за себя постоять не умел. И на этот раз стал он робко упрашивать купца отсрочить долги.

— Давай мне Семку в батраки, будет мальчиком на побегушках, в счет долгов. Год поработает, и рассчитаемся мы с тобой.

— Малой еще Семка, куда ему в батраки? — возразила

Меланья Никитична и прикрыла собой сына.

— Батя, я согласен, — вдруг выступил вперед Сема.

Так Сема стал батраком. Сперва был на побегушках, потом хозяин послал его в кузницу подручным. В школу он не ходил, а тяга к учебе была. Помог мальчишке научиться читать и писать старший приказчик хозяина Страусов. А за это Сема убирал его комнату, чистил обувь, мыл посуду, словом, ходил в прислугах. После работы он часто оставался в кузнице и при свете каганца учил уроки, заданные Страусовым. А чтобы от усталости не уснуть, окатывал себя водой…

2

Летом 1900 года станицу Платовскую посетил военный министр А. Н. Куропаткин. В честь «дорогого гостя», как объявил атаман, состоялись скачки с рубкой лозы и чучел. Многие казаки приняли в них участие, от иногородних выступил Семен Буденный.

— Бери мою шашку, — сказал отец. — А уж как лозу рубить, ты соображаешь. Да и скакун у тебя резвый.

В первую минуту, когда Семен отпустил поводья, конь поцокал копытами на месте, потом рванулся вперед. Через некоторое время он обошел пятерых казаков и первым стал рубить чучела. Семен развернулся, выпрямился в седле, поглядел в сторону толпы, что стояла, окружив военного министра, низко нагнулся в седле и плашмя ударил шашкой коня, и он, словно получив второе дыхание, резко усилил бег. От встречного ветра захватило дыхание.

На полном скаку Семен рубанул шашкой лозу, потом еще и еще и, круто повернув коня, натянул поводья. Тяжело дыша, конь замер на месте. Первый подбежал к Семену отец и крепко обнял сына.

Иногородние хлопцы стали поздравлять Семена. В это время к толпе в сопровождении атамана и жандарма подошел Куропаткин.

— Молодец, казак!

— Я не казак, мой батько иногородний.

— Вот уж не ожидал… — недовольно сказал военный министр. — Значит, из батраков?

— Оно самое…

— Так-с… Где работаешь?

— У купца Яцкина, кузнецом, ваше благородие, на локомобильной молотилке.

— Это тебе награда за джигитовку и умение рубить шашкой. Куропаткин протянул Семену серебряный рубль.

Через три года, 15 сентября 1903 года, родные провожали Семена на военную службу.

Призывался он в Бирючинском уезде Воронежской губернии, в той волости, откуда родом был его дед и где они получали паспорта. Семена зачислили в драгуны. В конце сентября 1903 года он в числе других прибыл в город Бирюч. Новобранцев повели в казармы на окраине города, очень смахивавшие на сараи. Когда все расположились, вахмистр, глядя на Буденного, сказал:

— Ну-ка собери у ребят на водку. Надо отпраздновать ваше прибытие.

У Буденного было в кармане пять рублей — мать сунула на дорогу, он вынул и отдал три.

— Свое отдал, а у других берите сами.

— Что?! — рассердился вахмистр. — Как смеешь? — Он выхватил у стоявшего рядом «дядьки» плетку и сильно ударил Семена по спине. — Я те покажу!

Так началась новая жизнь. На первых порах новобранцев часто наказывали. Самым тяжелым считалась ходьба «гусиным шагом». Солдаты становились в затылок друг другу. По команде унтер-офицера они приседали на корточках и подпрыгивали. Если кто-либо из солдат падал, тогда вся цепь разрывалась. Унтер тут же стегал «виновного», его подводили к коню и заставляли скакать без стремени.

Телесные наказания были широко распространены в армии, хотя ни одним уставом они не были предусмотрены.

Испытал это на себе и Буденный, Как-то его назначили дневальным. Дежурил по казарме Волков, служивший последний год. Кончилась вечерняя уборка, и Буденный пошел к колодцу набрать воды. Дул пронизывающий ветер. Вода выплеснулась на сапоги и брюки. В казарме достал из кармана спички и махорку, а они промокли. В это время подошел Волков:

— Буденный, у тебя спички есть?

— Отсырела, — коротко ответил драгун.

И вдруг, ни слова не говоря, тот сильно ударил Буденного кулаком по лицу. Из носа пошла кровь…

Буденный с болью перенес это издевательство, но жаловаться на старослужащего не стал.

Однажды после занятий его подозвал к себе унтер-офицер.

— А ты неплохой ездок. И в седле сидишь справно.

— Стараюсь, ваше благородие.

— Тогда садись вот на ту лошадь, что стоит в конюшне

первой, и покажи, как ты ездишь галопом.

Лошадь по кличке Ангел была молодой и под седлом ходила мало. За две недели до этого унтер посадил на нее новобранца, и она сбросила его на землю, да еще лягнула ногой. Теперь, видно, унтер решил поиздеваться над Буденным.

Ангел, как сумасшедший, скакал по двору, стараясь сбросить седока, но Буденный крепко держался в седле. Когда Ангел упал на передние ноги, наездник ловко ухватился за гриву коня и остался в седле. В одно мгновение Семен дернул повод, и Ангел вскочил на дыбы, а затем почувствовал, что поводья ослаблены, рванулся вперед, вихрем пронесся по кругу и неожиданно помчался прямо на колючий забор. Раздались громкие голоса:

— Убьется!

— Сворачивай!

— Прыгай!

Буденный на какое-то мгновение растерялся, но в следующую секунду он резко дернул поводок, и Ангел стремительно перепрыгнул через забор. Такое сделать не решался еще ни один драгун. Ангел, видно, почувствовал, что ездок под ним волевой, остановился неподалеку от забора и притих.

Подошел унтер-офицер, поздравил Буденного. Потом подозвал к себе старослужащего Волкова и строго предупредил:

— Чтоб пальцем драгуна не трогал, ясно? Такого орла в обиду не дам!..

Так за Буденным и закрепилось слово «орел», и уже никто из «дядек» не решался обидеть его. «Познаю службу с потом и кровью, но духом не падаю, потому что дело свое понимаю, — писал Буденный в одном из писем отцу. — За меня не волнуйся. Вот когда наберусь опыта, и служба пойдет веселей. Я твердо решил стать военным. Чего я дома не видал? Али нрав старосты? Здесь же, если стать справным солдатом, никто изгаляться не будет. Задумка у меня есть: отслужу свое и останусь на сверхсрочную. А, батя? Ты как насчет этого? Определят меня в школу, и стану я потом унтер-офицером».

Вскоре началась русско-японская война. 10 января 1904 года в числе других новобранцев Буденный прибыл в Маньчжурию.

Группу прибывших драгун послали на пополнение 46-го казачьего полка, охранявшего коммуникации русской армии. Буденный сразу же обратился к начальнику штаба: «Ваше благородие, на фронт желаю». Подполковник строго сказал: драгун обязан быть там, куда его посылают; полк несет службу летучей почты, но и здесь бывают схватки с хунхузами. А за то, что готов отдать свою жизнь во имя Отечества, — хвалю!

Хунхузы часто нападали на драгун, пытаясь забрать военную

почту или уничтожить связь. Во время одной из перестрелок Буденный получил ранение. Вскоре он выздоровел и попросился у старшего унтер-офицера в ночную разведку. И когда Буденный привел с собой пленного хунхуза, пытавшегося бросить гранату в почтовую кибитку, старший унтер-офицер с уважением глянул на Буденного.

— А ты, оказывается, храбрец.

Первый успех выдвинул Буденного в число тех, кому командование поручало ответственные задания. Спустя неделю Буденный во главе команды драгун сопровождал почту с особо важными документами по дислокации войск. Глубокой ночью, когда обоз находился на пол-пути к штабу соседнего полка, на кибитку из засады напали хунхузы. Их было втрое больше. В результате перестрелки хунхузам удалось убить троих драгун. Казалось, почту вот-вот захватит неприятель. Но, спешившись, Буденный организовал круговую оборону. В ход пошли гранаты. А вскоре подошла подмога…

После окончания русско-японской войны Буденного перевели служить в Приморский драгунский полк, расквартированный в селе Раздольном, под Владивостоком. Здесь служба была тяжелее. Сильные морозы, сухой колючий снег, буйные ветры и цунами… Но Буденный служил с присущей ему настойчивостью.

Осенью 1906 года на учениях группа драгун во главе с Буденным зашла в тыл «противника» и решительной атакой захватила орудийную батарею. Командир полка пожелал лично поговорить с Буденным.

— Кому служишь? — спросил офицер, важно прохаживаясь по казарме.

— Царю-батюшке и Отечеству, ваше благородие, — ответил Буденный.

— Про революцию в Петрограде слыхал?

— Как не слыхать, ваше благородие, кругом гутарят…

— А ты что думаешь?

— Мое дело — служба, ваше благородие…

— Ты мне нравишься, драгун. Тебе надо быть унтер—офицером, и я это сделаю. Такие надежные люди нам нужны. Поедешь учиться.

16 января 1907 года командир полка, как и обещал, направил Буденного в Петербургскую школу наездников при Высшей офицерской кавалерийской школе. Тогда в кавалерийских полках была должность наездника, который вел инструкторское наблюдение за выездкой молодых лошадей. Таких вот наездников-инструкторов и готовила школа, в которую попал Буденный.

В школе Буденному присвоили звание младшего унтер-офицера, он вернулся в полк и занял должность наездника. Командир полка, отмечая его старание по службе, а также умение, с которым он обучал молодых драгун, присвоил ему звание старшего унтер-офицера. По своей должности Буденный пользовался правами вахмистра. В те дни он писал отцу: «Я тебе говорил, что стану унтер— офицером, и, как видишь, стал им».

Отслужив свой срок, Буденный остался в Приморском драгунском полку на сверхсрочную службу. Летом 1914 года ему дали отпуск с правом выезда в станицу Платовскую, где в то время жил отец с семьей.

Приехал Буденный домой поздно вечером. Над станицей опустилась ночь, в небе уже горели первые звезды; степь пахла полынью и кизяком. У дома Буденный остановился, отдышался, сердце гулко стучало. Одиннадцать лет не был дома! Он тихо вошел в комнату. Над столом горела керосиновая лампа, мать накрывала стол, отец чинил сапоги. Увидев человека в шинели, мать испуганно окликнула отца:

— Михайло, погляди, кто это к нам…

Отец встал, бросил в сторону сапог.

— Семка, сынок, и чего ты тайком-то… — задыхаясь от радости, сказал Михаил Иванович и хотел было обнять сына, но его опередила Меланья Никитична.

Ужинали всей семьей. Сын то и дело поглядывал на мать — постарела она, седин прибавилось. Нужда так и не ушла из дому.

— Не густо тут у вас с едой-то, — сказал Семен.

Отец признался, что порой без куска хлеба сидят.

— Так-то, сынок. Ну а ты рад, что стал унтером?

— Конечно, рад, но не могу я солдат бить, как иные унтера. Для них солдат — скотина. И вообще, батя, шум в народе, злость накипает. Как бы царю по шапке не дали.

Михаил Иванович улыбнулся:

— Дадут, Сема, и не только по шапке, а по башке. Народ в большой нужде живет, голодает, не хочет он так жить, не может. Его на цепь, как скотину, не привяжешь и рот не заткнешь.

На другой день Буденный собрался с отцом на ярмарку, но тут к ним пришел станичный писарь. Прямо с порога сказал:

— Война началась… Во как! Только что атаман объявил. Завтра мобилизация, и ты, Семен, согласно царскому указу теперь в свой полк не поедешь, а утром явишься к атаману и получишь направление в воинскую часть.

На фронт Буденный не попал. Его послали в Армавир, в запасной кавалерийский дивизион, который готовил маршевые эскадроны для действующей на фронте Кавказской

кавалерийской дивизии. Выбрав удобный момент, Буденный спросил у ротмистра, долго ли драгун будут обучать в Армавире.

— Месяц, а то и меньше, — ответил ротмистр. — А ты что, на фронт торопишься? Еще успеешь кровь пролить…

15 августа 1914 года маршевые эскадроны направили в действующую армию и распределили по частям Кавказской кавалерийской дивизии, которая вела боевые действия в районе города Калиш, западнее Варшавы. Буденного назначили взводным унтер-офицером пятого эскадрона 18-го Северского драгунского полка.

3

Однажды командир эскадрона вызвал Буденного к себе. Он угостил его стаканом вина, спросил:

— Это ты во время учебной атаки заставил новобранца ночью переплыть речку?

— Да, ваше благородие. Он не желал плыть в ледяной воде, но я заставил его.

— Почему?

— Я так понимаю, — начал Буденный. — Солдат, значит, получил приказ наступать и должен выполнить его, чтоб себя закалить, тогда и в настоящем бою он не дрогнет. Одним словом, в бою, значит, знай свой маневр, врага убей, а сам пуле свою башку не подставляй.

Ночью 7 ноября Буденного неожиданно разбудили. Командир эскадрона сказал:

— Вот что, унтер-офицер Буденный, бери с собой взвод драгун — и в разведку. Только огня не открывать. Ясно?..

Вернувшись к себе, Буденный собрал драгун, сказал коротко:

— Братцы, идем в разведку. А там не зевай, иначе пуля вышибет из седла. Кто боится, может остаться.

Драгуны замаскировались неподалеку от шоссе, по которому двигались немецкие обозы. Буденный, хотя и имел приказ ротмистра в бой не ввязываться и огня не открывать, все же не выдержал и, когда показались обозы, прикрываемые ротой немецких солдат с двумя станковыми пулеметами, вскочил на коня, выхватил клинок п громко скомандовал: «В атаку, марш-марш!..» Драгуны рванулись к дороге. Буденный первым выскочил на шоссе.

— Руби пехоту, братцы, отсекай ее от обозов! Забирай оружие и на обозы, — приказал Буденный.

Трофеи были богатыми: около двухсот немцев, два офицера и

несколько повозок с оружием и обмундированием.

Прибыли в дивизию лишь на третий день, 11 ноября.

— Поедешь со мной к генерал-лейтенанту Шарпантье, он лично пожелал увидеть тебя, — сказал Буденному ротмистр.

Командир дивизии встретил их радушно.

В это время у штаба, где стоял часовой, раздался выстрел. От испуга кони, стоявшие неподалеку от домика, заржали, встали на дыбы. Генерал испуганно схватил зачем-то фуражку. Адъютант доложил, что солдат, заряжая карабин, нечаянно выстрелил, генерал приказал сейчас же привести к нему виновника. Солдата привели. Генерал подозвал Буденного к себе и протянул хлыст.

— Ну-ка, голубчик, всыпь ему десять ударов, а то у меня рука слабая.

Буденный опустил голову.

— Герой, а трусишь? — возмутился генерал.

— Ваше превосходительство, — тихо сказал Буденный, — солдат молодой, потому и оплошал. Не осознал еще, что всякое оружие уважения к себе требует…

— А я вот прикажу тебя исхлестать. Ишь ты, заступник нашелся.

— Прикажете раздеваться?

— Ладно, ступай, — отмахнулся генерал.

Эта встреча с генералом надолго запомнилась Буденному. С тягостным настроением возвращался он в полк.

За бой под Бжезинами все солдаты взвода были удостоены георгиевских медалей «За храбрость». Буденного наградили Георгиевским крестом 4-й степени.

В конце ноября 1914 года Кавказскую кавалерийскую дивизию перебросили по железной дороге в район Тифлиса для ведения боевых действий на Турецком фронте. Неподалеку от города находилась немецкая колония Александрдорф — там и расположился 18-й Северский драгунский полк. Долго и утомительно ждали драгуны отправки на фронт.

Некоторые старшие и младшие офицеры пьянствовали, прожигали солдатские деньги, играли в карты. Особенно усердствовал унтер-офицер Хестанов. Солдаты видели это, возмущались, но молчали. Однажды Буденный предложил им потребовать у Хестанова деньги. Тогда тот подошел к Буденному, ткнул его кулаком и зло выругался. Буденный не выдержал и сильно ударил кулаком Хестанова.

Вскоре, 3 декабря, Буденного судил полевой суд Кавказской дивизии. Неподалеку от селения Коды полк выстроился в каре. На середину полка вынесли штандарт — полковое знамя. Адъютант полка зачитал приказ по дивизии, в котором говорилось, что

старший унтер— офицер Буденный за совершенное им «преступление» подлежит преданию полевому суду и расстрелу. Однако, учитывая его честную и безупречную службу, командование дивизии решило: под суд не отдавать, а ограничиться лишением Буденного Георгиевского креста 4-й степени. Адъютант подъехал к Буденному и сорвал крест.

Многие сочувствовали Буденному. Даже ротмистр поздно вечером поддержал его: «Не отчаивайся, Семен. Хитрость, смекалка и сила у тебя есть, будут и новые кресты. Человек ты справедливый, я таких уважаю». Буденный тихо ответил: «Благодарствую за сочувствие. А уж в бою перед врагом на колени не стану. Такой мне наказ отец дал».

5 декабря 1914 года дивизия продолжала поход на Карс, откуда двинулась вдоль персидской границы в обход озера Урмия на турецкий город Ван. В решающий момент боя за город Ван Буденный вместе со своими драгунами проник в глубокий тыл расположения противника, смело атаковал батарею турок и захватил три орудия. Дивизия ринулась в атаку и опрокинула оборону врага. Сильно уставший, Буденный чистил карабин, когда в полк на гнедом жеребце прискакал генерал.

— Ну-ка, голубчик, приведи ко мне героя, чей взвод драгун захватил вражью батарею, — сказал генерал.

Командир полка стоял растерянный и молчал.

— Ты что, голубчик, оглох? — сердито спросил генерал. — Кто этот герой?

Тогда командир полка доложил, что ходил в тыл неприятеля взвод старшего унтер-офицера Буденного. Услышав это имя, генерал насупил брови, задумался. Потом, взглянув в лицо полковника, отрывисто спросил:

— Это тот, которого я лишил Георгиевского креста четвертой степени?

— Да, господин генерал.

— Зови!

— Ну, здравствуй, — генерал улыбнулся. — Значит, ты забрал у турок пушки?

— Я, ваше превосходительство, — выдохнул Буденный.

Генерал похвалил старшего унтер-офицера за доблесть во имя Отечества и наградил его Георгиевским крестом 4-й степени.

В январе 1916 года Кавказскую кавалерийскую дивизию включили в состав экспедиционного корпуса генерал—лейтенанта Н. Н. Баратова и пароходами перебросили по Каспию в Персию. Экспедиционный корпус имел задачу выйти в район Багдада и соединиться с войсками англичан для совместных действий против Турции. Кавдивизии поставили задачу: до

подхода экспедиционного корпуса сдержать натиск врага в районе города Менделидж. В январе, выгрузившись в Энзели (Пехлеви), дивизия двинулась на Багдад, и уже через несколько дней начала боевые действия в районе Менделиджа. Бои были упорными. Турецкие войска, имея численное превосходство, добились некоторого успеха: дивизия отступила на Керманшах, куда тем временем подходил корпус Баратова. Обозы дивизии с оружием и боеприпасами подвергались постоянному нападению врага. Тогда командир полка приказал Буденному своим взводом прикрыть обозы. Трое суток драгуны вели неравный поединок с турками. В одной из атак Буденный лично захватил в плен турецкого офицера. Обоз потерь не понес. Буденного наградили Георгиевским крестом 3-й степени.

В феврале бои с турками возобновились. Кавказская кавалерийская дивизия двигалась на Багдад. В местечке Бекубэ взвод Буденного вновь послали в разведку.

В тылу врага взвод пробыл 22 дня, в дивизии драгун уже считали без вести пропавшими. И вдруг на двадцать третьи сутки они прибыли в расположение дивизии с богатыми трофеями.

За этот подвиг солдаты взвода получили награды, а Буденный — Георгиевский крест 2-й степени.

Под Керманшахом корпус генерала Баратова перешел к обороне. Враг наседал со всех сторон. Командир полка приказал ротмистру достать «языка». Буденный пошел на опасное задание с четырьмя солдатами. Ночью подкрались к вражеским окопам и увидели неподалеку винтовки, составленные в козлы. Турки спали, их охраняли двое часовых. «Полевой караул противника», — догадался Буденный. По его сигналу солдаты бесшумно обезоружили часовых, собрали винтовки спящих турок, а потом Буденный по-турецки громко крикнул: «Встать, руки вверх!»

«За смелые и успешные действия, — вспоминал позже Буденный, — солдаты, ходившие со мной в разведку, были награждены Георгиевскими крестами. Я был награжден Георгиевским крестом первой степени и, таким образом, стал обладателем полного банта георгиевского кавалера». Кавказская дивизия продолжала затяжные бои с турками, а в это время в Петрограде было свергнуто царское самодержавие и образовано Временное правительство во главе с Керенским. Дивизию по железной дороге срочно перебросили в Минск на Западный фронт. В армии усиливались волнения. 15 июля начались перевыборы солдатских комитетов. Буденного избрали председателем полкового комитета и заместителем председателя дивизионного комитета; фактически же ему пришлось исполнять

обязанности заболевшего председателя дивизионного комитета. Буденный уже знал о том, что большевистская партия развернула работу среди солдат на фронте и в тылу по созданию своих военных организаций, которые направляли деятельность солдатских комитетов. 16 июля Буденный пришел в исполком Минского Совета. Здесь он познакомился с Михаилом Васильевичем Фрунзе, известным тогда по партийной кличке Михайлов. М. В. Фрунзе был председателем Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, членом исполкома Минского горсовета, фронтового комитета армий Западного фронта. Он и большевик А. Ф. Мясников помогли Буденному установить связь с Минским горкомом партии, приглашали его на заседания Минского большевистского Совета рабочих и солдатских депутатов. «Работа под руководством Фрунзе и Мясникова была моей первой настоящей большевистской школой, хотя я в это время и был беспартийным», — не раз говорил Буденный. Буденный со всей ответственностью выполнял каждое задание Фрунзе. В августе 1917 года под его руководством без единого выстрела была разоружена «дикая» дивизия, получившая приказ разгромить Советы в Москве. Когда Буденный вернулся со своей бригадой, Фрунзе поблагодарил его. Однако тут же предупредил, что враги революции не сложили оружия и борьба будет еще более жестокой, отчаянной. Скоро, очень скоро в Петрограде будет настоящая революция! На днях начнутся выборы в Учредительное собрание. Важно, чтобы все полки Кавказской кавалерийской дивизии проголосовали за большевиков. Выборы в Учредительное собрание прошли организованно. Все полки Кавказской кавалерийской дивизии проголосовали за список большевиков, и только 1-й Хоперский Кубанский казачий полк отдал свои голоса за эсеров. Буденный был явно огорчен. Фрунзе успокоил его: на Западном фронте большинство солдат высказалось за большевиков, а это, по существу, победа. Конечно, еще многие солдаты находятся под влиянием меньшевиков и эсеров. Но ненадолго. События в Петрограде, Москве, Иваново-Вознесенске показывают нарастание революционного взрыва. Буденному, возглавлявшему солдатский комитет, многое было неясно. И он честно рассказывал об этом Фрунзе. Именно Михаил Васильевич посоветовал не арестовывать генералов и офицеров, враждебно настроенных к солдатам, что решил сделать Буденный, а предложил им оставить в дивизии свои посты и уехать из Минска. Так и было сделано. Большинство командного состава дивизии бежало в Польшу, а фактическое руководство перешло в руки солдатского комитета. Утром 26 октября на экстренном совещании Фрунзе сообщил, что из

Петрограда пришла радостная весть — власть там перешла в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В Петрограде создано первое в мире Советское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с товарищем Лениным. Дивизионный и полковые солдатские комитеты приняли решение о демобилизации. В тот же день Буденный уехал на Дон. «Я вез с собой первый Декрет Советской власти, написанный В. И. Лениным и принятый II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, — вспоминал Буденный. — С этим Декретом, с наставлениями Фрунзе выехал я на родину, в станицу Платовскую».

ГЛАВА ВТОРАЯ
МЫ — КРАСНАЯ КАВАЛЕРИЯ

1

19 ноября 1917 года Буденный приехал в родную станицу. По обстановке понял, что на Дону вот-вот начнется вооруженная борьба: против Советов выступил генерал Каледин, создавший контрреволюционное Донское «войсковое правительство». Борьба эта особенно разгорелась, когда на Дон бежали генералы и офицеры, участники корниловского мятежа, а также главари буржуазной партии кадетов, которую В. И. Ленин назвал всероссийским штабом контрреволюции. Генерал Каледин, пользуясь финансовой и военной помощью Антанты, а также действуя в контакте с украинской контрреволюционной Центральной Радой, заявил, что уничтожит Советы, защитит казаков от «большевистской заразы». Расширение Калединым боевых действий на Дону было настолько опасным, что оно угрожало самому существованию Советской власти. «Либо победить Калединых и Рябушинских, либо сдать революцию», — писал В. И. Ленин[1]. Чтобы склонить на свою сторону рядовых казаков, контрреволюционные главари запугивали их тем, что Советы хотят отнять казачью землю. И тогда к рядовым казакам обратилось Советское правительство. 10 декабря 1917 года было опубликовано воззвание «Ко всему трудовому казачеству», подписанное В. И. Лениным. В нем указывалось: «Рабочее и Крестьянское правительство ставит своей ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе советской программы и принимая во внимание все местные и бытовые условия, и в согласии с голосом трудового казачества на местах». Это воззвание Совнаркома, деятельность большевистских подпольных комитетов Донской области, а также съезд революционных казаков, состоявшийся 8 января 1918 года в станице Каменской, сыграли большую роль в разгроме казачьей контрреволюции во главе с Калединым.

— Ты думаешь, на место Каледина богатеи не найдут других генералов? — спрашивал Михаил Иванович Буденный своего сына. — Найдут! Еще такая заваруха будет, что держись. У купца Яцкина, вот где ты в детстве батрачил, три тысячи десятин земли, а у многих казаков еще больше, и добровольно они эту землю не

отдадут.

…Буденный созвал у себя в хате рядовых казаков и иногородних и предложил создать в станице ревком, а для борьбы с контрреволюцией организовать кавалерийский отряд. Позже генерал-полковник Городовиков вспоминал: «В Платовской я встретил своего старого друга Семена Михайловича Буденного.

— Ты откуда, Городовиков? Вот встреча! — заговорил Буденный, дружески пожимая мне руку.

— С фронта прибежал. А ты?

— Тоже с фронта. Надо будет нам организовать ревком из фронтовиков, — перешел прямо к делу Семен Михайлович.

— Конечно, организуем! — ответил я радостно.

— Ну так давай, друг, руку, и за дело! Нечего терять время.

Эта встреча с Семеном Михайловичем воодушевила меня. В Буденном я видел не только своего друга, но и смелого, решительного борца за свободу, который знал лучше меня, что надо было делать в настоящее время».

12 января 1918 года на общем собрании жителей станицы Платовской и близлежащих хуторов была провозглашена Советская власть. На митинге выступил Буденный. «Я, дорогие товарищи, — сказал Семен Михайлович, — приехал из Минска. Я добирался сюда кружным путем, из Минска доехал до Бахмача, оттуда пеши добрался до Конотопа, здесь мне удалось снова сесть на поезд, через Воронеж и Царицын добрался в Платовскую. Скажу вам, что везде народ радуется победе революции, готов защищать ее до последнего дыхания. Нам здесь предстоит нелегкая борьба, ведь товарищ Ленин призывает нас окончательно уничтожить эксплуататоров…»

Станичный совет избрал своим председателем Д. Сорокина, Т. Никифорова — народным военным комиссаром, а Буденного — заместителем председателя станичного Совета.

14 февраля в станице Великокняжеской состоялся окружной съезд Советов. Противники Советской власти пытались сорвать съезд, но успеха не имели. В Сальском округе была провозглашена Советская власть и избран окружной Совет рабочих, крестьянских, казачьих и солдатских депутатов в составе двадцати девяти человек. 18 февраля окружной Совет на своем заседании избрал президиум. Председателем был избран коммунист Кучеренко. Буденного избрали членом президиума и заведующим окружным земельным отделом.

Однако положение на Дону снова осложнилось. Походный атаман войска Донского генерал Попов во главе отряда казаков и юнкеров бежал из Новочеркасска, занятого частями Красной Армии, в донские степи. С отрядом ушли генералы Алексеев,

Корнилов, Мамонтов, Семилетов, Гнилорыбов и другие. Окружной Совет принял решение создать для отпора белогвардейцам краснопартизанские отряды — Великокняжеский, Платовский, Мартыновский, Орловский, Куберлевский, Зимовниковский, Гащунский и другие. Один из них возглавил Буденный. В ночь на 24 февраля он решил дать бой белогвардейцам генерала Гнилорыбова, засевшим в станице Платовской. В разведку Буденный ходил сам. Ночь была темная, дул сильный ветер с редким дождем. В станице находилось две сотни белоказаков и сотня кадет, вооруженные двумя орудиями, четырьмя пулеметами. Буденный привял решение наступать.

Ударили по белогвардейцам на рассвете, они не успели оказать даже сопротивления. Трофеи были богатыми: 2 орудия и к ним 300 снарядов, 4 пулемета, 300 винтовок с 16 тысячами патронов и 150 лошадей с седлами.

— Товарищ командир, — окликнул Буденного ординарец, — тут вот в соломе нашли раненого, гутарит, что партизан…

Это был Степан Долгополов, которого хорошо знал Буденный. «Три дня тому назад наш небольшой отряд вступил в бой с белоказаками неподалеку от Платовской, — рассказывал Долгополов. — Но силы были неравны. Одиннадцать партизан, в том числе и я, попали в плен. Нас повели под конвоем в станицу. Помню, как после команды раздался залп, и товарищи, стоявшие возле меня, упали на землю. Я тоже свалился и притворился мертвым. Ночью освободился из-под трупов. Вот так, Семен. А ты ищи своего отца в Куцей балке, беляки повели его на расстрел. Там, должно быть, он».

Буденный поспешил в Куцую балку. Однако среди убитых отца не нашел.

На другой день, 25 февраля, в станицу вошел партизанский отряд Степанова. С бойцами отряда прибыл и Михаил Иванович Буденный. Его выручил знакомый охранник. Когда группу повели на расстрел, он и помог ему бежать.

После освобождения Платовской красноармейцы приступили к организации обороны в Платовском районе. Военные силы были организованы по принципу милиционной системы. Район разбили на взводы, роты, батальоны. Всего насчитывалось до 2700 вооруженных человек.

1 мая 1918 года в газете «Революционное знамя» было опубликовано воззвание ЦИК Донской республики к трудящимся с призывом дать отпор немецким оккупантам и контрреволюционному казачеству. Буденный собрал людей и стал читать: «Трудовое казачество! Проснись! Иначе снова будешь рабом генералов и офицеров — своих, украинских, немецких и

австрийских… Для спасения своего вы должны все встать единодушно под ружье…»

Врагу надо противопоставить сильный, единый, организованный отряд, беспрекословно подчиняющийся воле командира, — этого добивался Буденный, готовил своих бойцов к новым схваткам.

Враг тоже готовился выступить против большевиков. Еще 12 марта в станице Константиновской Войсковой круг — верховный законодательный орган власти Донского казачьего войска — избрал генерал-майора Краснова атаманом Всевеликого войска Донского. Он усиленно готовит поход на Царицын, стремясь объединить все силы контрреволюции на решительную борьбу против Советов. 8 мая 1918 года Ростов был занят немцами и белоказаками. Краснов издает приказ «Всевеликому войску Донскому» о союзе с немцами для борьбы с Советской властью.

В течение мая — июня 1918 года немцы передали белоказачьей армии 11651 винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов, 109104 артиллерийских снаряда и 11594 721 патрон; треть снарядов и четверть патронов были уступлены Красновым Добровольческой армии.

К 1 июня 1918 года Краснову удалось собрать большое войско для захвата Царицына. Под ружьем «находилось 27 тысяч пехоты, 20 тысяч конницы, 175 орудий, 610 пулеметов, 20 самолетов и 4 бронированных поезда».

А тем временем под руководством партийных и советских органов на Дону, Кубани и Северном Кавказе возникли первые отряды из местных рабочих, крестьян, революционных казаков и горцев. Вдоль железной дороги Лихая — Царицын двигались с боями советские войска, в составе которых были 3-я и 5-я революционные армии Украины и крестьянско-казачьи революционные отряды Морозовского и Донецкого округов. Эти войска под командованием Ворошилова в начале июля 1918 года вышли в район Царицына. По обе стороны железнодорожной линии Царицын — Торговая действовали красноармейские и партизанские отряды, в том числе крестьянско-казачьи советские конные части под командованием С. М. Буденного и О. И. Городовикова. Позже, 3 октября 1918 года, группа войск Ворошилова была переименована в 10-ю Красную Армию. В состав этой армии вошла и 1-я Донская советская стрелковая дивизия, которой вначале командовал В. С. Ковалев, а с 11 ноября — Шевкоплясов. Был создан также 1-й Социалистический кавалерийский полк, командиром назначили Б. М. Думенко, а его помощником стал Буденный.

1-я Донская стрелковая дивизия заняла оборону по правому

берегу реки Сал. Кавалерийский полк Думенко находился в это время на хуторе Ильинка.

13 июля в Дубовском состоялось совещание, на котором присутствовали прибывшие в дивизию нарком И. В. Сталин и военный руководитель Северо-Кавказского военного округа бывший генерал А. Е. Снесарев.

Думенко послал в Дубовку своего помощника. На совещании обсуждались текущие вопросы, в том числе: надо ли сейчас создавать солдатские комитеты, наподобие тех, что были образованы после Февральской революции.

Буденный выступил против создания солдатских комитетов. «Время солдатских комитетов отошло, — говорил Семен Михайлович, — раньше они нужны были для установления «политического ока над командным составом старой царской армии». Теперь бойцы в подавляющем большинстве рабочие и крестьяне, и они из своей среды сами выдвинули командиров».

Буденный предложил из числа наиболее сознательных и политически грамотных солдат выдвинуть политбойцов, которые будут проводить политическую работу среди красноармейцев, разъяснять им смысл и задачи борьбы с врагом. Сталин поддержал это предложение.

После совещания Сталин подозвал к себе Буденного и стал расспрашивать, кто он по социальному происхождению, какое имеет образование.

Тот четко ответил на все вопросы.

Генерал-лейтенант старой русской армии Снесарев устроил Буденному своего рода экзамен по тактике ведения боя в конном строю, атаки на пехоту противника… Снесарев остался доволен, обращаясь к Сталину, сказал: службу Буденный знает.

2

Буденный вернулся в полк. На совещании обсуждался вопрос о разделении в ближайшее время Царицынского фронта на боевые участки. У каждого участка будет своя задача, но цель общая: обеспечить сообщение по Грязи — Царицынской и Царицын — Тихорецкой железным дорогам, не дать противнику захватить Царицын и оттеснить по возможности противника к западу.

24 июля в полк поступило сообщение о разделении фронта на боевые участки. В царицынский участок — начальник участка П. П. Харченко — вошли все войска, находящиеся между линией ст. Котлубань, устье реки Песковатки (севернее хутора

Песковатского) и линией Котельниково — станция Нагавская. Сюда же вошла и Сальская группа, начальником которой был назначен хорошо знакомый Буденному Шевкоплясов. В группу Шевкоплясова входила Доно-Ставропольская сводная бригада Колпакова.

Командующий группой войск Царицынского фронта Ворошилов объезжал боевые участки. Побывал он и в кавалерийском полку Думенко. Зашел разговор о необходимости иметь кавалерийские части.

Ворошилов соглашался: да, нам очень нужна своя кавалерия. Буденный, слушая командующего, не мог не заметить, что тот чем-то обеспокоен и, конечно же, прибыл в их стрелковую дивизию не для того, чтобы говорить только о значении кавалерийских частей в боевых операциях по разгрому белогвардейцев. Наблюдательность не обманула Буденного. Ворошилова беспокоило положение Мартыно-Орловского партизанского отряда. Находясь в окружении белогвардейцев, люди мужественно сражаются, но боеприпасы у партизан на исходе, в отряде много раненых. Надо немедленно помочь партизанам.

— Как вы, товарищ Буденный, смотрите на это дело? — спросил Климент Ефремович.

— С вашим предложением полностью согласен, — ответил Буденный.

— Готовьте полк к рейду, — приказал командующий.

В час ночи 29 июля полк выступил, а уже в семь вечера следующего дня бойцы ворвались в хутора южнее Большой Мартыновки. Белоказаки были разгромлены; а партизаны, продержавшиеся в зажатом врагом кольце тридцать семь дней, освобождены.

5 августа 1918 года командующий группой войск Царицынского фронта Ворошилов доносил в Военный совет Северо-Кавказского военного округа: «Мартыновка освобождена. Сейчас на автомобиле еду туда. По донесению Думенко, в Мартыновке 5 тысяч бойцов. По донесению мартыновцев, начали боевые действия на Батлаевскую…»

Через два дня, 7 августа, Мартыно-Орловский отряд отошел в район станция Зимовники — к этому времени сюда подошли стрелковые части. С разрешения командующего группой войск Ворошилова отряд был реорганизован в Мартыно-Орловский стрелковый полк 1-й Донской стрелковой дивизии, а кавалерийский полк — в бригаду. Командование кавбригадой возглавил Думенко, Буденный был назначен его помощником.

Положение на фронте оставалось напряженным. На северном,

поворинском участке отряд белогвардейцев рвался к Камышину, чтобы выйти к Волге. Ударная группа генерала Мамонтова наступала на станцию Воропоново, близ Царицына, с запада. Усилился натиск на город и с юга. Вражеское полукольцо, упиравшееся флангами в волжский берег, сжималось все теснее.

После ряда успешных атак на северном участке обороны части Красной Армии овладели станцией Иловля, на западе были освобождены города Калач, Ляпичев, захвачен мост через Дон, на юге — Ромашки, Дымкин, Демиковский. Об этой победе было доложено В. И. Ленину. В ответ пришла телеграмма:

«Царицын, Военсовет, командующему фронтом Ворошилову. Начальникам боевых участков Худякову, Харченко, Колпакову, Ковалеву, начальнику Военно-Волжской флотилии Золотареву.

Передайте наш братский привет геройской команде и всем революционным войскам Царицынского фронта, самоотверженно борющимся за утверждение власти рабочих и крестьян. Передайте им, что Советская Россия с восхищением отмечает геройские подвиги коммунистических и революционных полков Худякова, Харченко, Колпакова, кавалерии Думенко и Булаткина, броневых поездов Алябиева, Военно-Волжской флотилии Золотарева.

Держите Красные знамена высоко, несите их вперед бесстрашно, искореняйте помещичье-генеральскую и кулацкую контрреволюцию беспощадно и покажите всему миру, что Социалистическая Россия непобедима.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов-Ленин
Народный Комиссар и Председатель
Военно-революционного Совета Южного
фронта И. Сталин
Москва
19 сентября 1918 года».

…Кавбригада Думенко под Абганерово вела ожесточенные бои. 23 ноября Буденный с семью бойцами, переодевшись в форму белоказаков, разведали расположение частей Астраханской пехотной дивизии генерала Виноградова. Созрел план разгрома этой дивизии: кавбригада ночью внезапно атакует конницу генерала Голубинцева, засевшую в Аксае, отбрасывает ее на юг, а затем частью сил выходит в тыл пехотной дивизии. Главной сложностью при проведении этой операции оказался скрытный выход кавбригады на рубеж атаки. С этой задачей конники справились успешно, и, хотя в бою на подступах к Аксаю бригада понесла незначительные потери, враг был разбит. Ворошилов, осуществлявший общее руководство операцией, высоко оценил действия кавбригады. «Объявляя об этой

блестящей победе войскам 10-й армии, — говорилось в приказе, — Революционный военный совет армии горд и счастлив отметить этот выдающийся случай геройской отваги и мужества как со стороны командного состава, так и со стороны товарищей красноармейцев. Честь и хвала товарищам героям!» Успешные боевые действия кавбригады против белоказачьих частей убедительно доказали высокую боеспособность кавалерии. Но иначе считал Наркомвоенмор Троцкий, приехавший в Абганерово. Он выступил против создания в Красной Армии кавалерийских частей, объясняя это тем, что конница якобы аристократический род войск, которым командовали князья, графы и бароны. Встреча с Троцким оставила в душе Буденного какой-то тяжелый осадок. Тогда Буденный решил обратиться за помощью к Ворошилову и Сталину. Опыт начала гражданской войны убеждал неоднократно нас в том, рассуждал Буденный, что массированное применение конницы, особенно для развития успеха пехоты и ударов во фланги и тыл, часто приводит к разгрому противника. Неужели этого не понимает Наркомвоенмор? Ведь у белых какой козырь в руках? На Южном фронте они добиваются успеха именно благодаря тому, что имеют в составе своих войск крупные конные казачьи соединения. Это позволяет врагу быстро производить нужную ему перегруппировку войск и превосходящими силами наносить удар по наиболее слабому месту нашего фронта. Наши же стрелковые части, ограниченные в маневре — отсутствует конница, — не могут своевременно сосредоточиться на угрожаемом участке фронта либо быстро уйти из-под удара белой конницы… Такой случай вскоре представился. В конце ноября на всем фронте 10-й армии удалось отбить вражеские атаки. Белогвардейцы были отброшены за Дон, и теперь части Красной Армии готовились к новым сражениям. Кавалерийская бригада, выведенная в резерв, сосредоточилась в районе Дубовый овраг, — Большие и Малые Чапурники недалеко от Реввоенсовета. Думенко и Буденный узнали, что неподалеку от них расположилась стрелковая дивизия Жлобы. Решили поговорить с ее командиром о создании кавалерийской дивизии. «А что, добрая идея, — согласился Жлоба. — А как на это дело поглядит Реввоенсовет?» 27 ноября они доложили о своих соображениях командованию. Сталин согласился и заметил, что следует идти дальше — создавать большие кавалерийские соединения.

— Правильно! — согласился Ворошилов. — Уверен, что кавдивизия с честью справится с боевыми задачами.

28 ноября кавбригада была реорганизована в сводную кавалерийскую дивизию двухбригадного состава. Начдивом

назначили Думенко, начальником штаба — Буденного.

Вскоре командующего 10-й армией Ворошилова назначили на другую должность.

Дела у него принял А. И. Егоров.

3

В январе 1919 года армия генерала Краснова усилила натиск на Царицын. Потеснив 9-ю армию на север, белогвардейцы перешли в наступление на правом фланге 10-й армии, вышли к Волге, захватив Дубовку. …Командование 10-й армии обсуждало создавшееся серьезное положение на фронте. Командарм Егоров указал на неэффективность лобовых атак и обратил внимание, что у рвущегося к Царицыну Краснова обнажился левый фланг и этим надо немедленно воспользоваться.

— Краснов боится, чтобы мы не ударили на Донбасс и не вышли ему в тыл. — Егоров склонился над картой. — Дубовка… Если мы снова возьмем ее, то вое— становим положение на северо-востоке от Царицына, тогда и камышинский боевой участок соединится с общим фронтом обороны города. — И, глянув в сторону члена Реввоенсовета Ефремова, спросил: — Где сейчас начдив Думенко?

— Заболел тифом и находится в госпитале. За него остался Семен Буденный, человек весьма храбрый и до отчаяния дерзкий.

— Мне кто-то о нем уже говорил, но кто? Да, вспомнил! Ворошилов. Да, да, Климент Ефремович рассказывал, как Буденный осенью прошлого года вместе с Думенко громил Астраханскую пехотную дивизию белогвардейцев в Гнилоаксайской…

До самого рассвета командарм Егоров колдовал над картой боевых действий. Ясно было одно — предстоят тяжелые испытания. Он решил созвать в ночь на 10 января совещание командиров дивизий и начальников боевых участков.

— Вызывайте на совещание и Буденного, — приказал командарм начальнику штаба. — Я хочу с ним лично познакомиться.

Ночью разразилась сильная пурга, дорогу замело снегом, и Буденный едва не сбился с пути. На совещание он прибыл с опозданием. Егоров поздоровался с ним за руку, велел после совещания задержаться.

— Хочу кое о чем поговорить с вами, — бросил он вскользь и, не глядя на гостя, сердито добавил: — А вот опаздывать красному командиру не к лицу.

— Я к теще на блины не ездил, — вспылил Буденный. — Пурга метет…

— Садитесь, я буду говорить, а вы слушайте, — сердито заметил командарм, давая понять, что разговор Буденного ему не понравился.

— Если что дельное, то я готов и послушать, — отозвался Семен Михайлович.

Егоров совершенно спокойно спросил:

— Может быть, товарищ Буденный, не я, а вы командующий армией? Тогда прошу вас вот за этот стол…

Буденный смутился, почувствовал на себе укоряющие взгляды командиров.

— Извините, товарищ командарм, — глухо сказал он, — погорячился я…

Командарм изложил общую политическую и боевую обстановку и потребовал от командиров самых решительных действий.

— Краснов усиливает натиск, и мы обязаны выстоять. Для начала надо освободить Дубовку, где сейчас находятся белогвардейцы. Эту задачу я поручаю… — Егоров остановил свой взгляд на Буденном, — вам, Семен Михайлович. Операцию разработаем вместе. У кого есть вопросы? Нет? Тогда все свободны. А ты, товарищ Буденный, останься.

Это «ты» и то, как улыбнулся командарм, растрогало Буденного, он тоже улыбнулся, потрогал усы и, резко поднявшись с места, серьезно сказал:

— Я готов выполнить ваш приказ.

Егоров подошел: к карте боевых действий.

— У меня есть такой замысел… Вашу 1-ю кавбригаду погрузить в вагоны на станции Сарепта и по железной дороге направить в село Гумрак, откуда и начать наступление на Дубовку.

Буденный пристально поглядел на карту, прикинул расстояние от Дубовки до Царицына, сказал, что не согласен: противник держит под обстрелом железную дорогу и, едва покажется поезд, как его тут же уничтожат.

— Пока погрузим кавбригаду, доедем, выгрузим — пройдет не один час. Нет, на такое дело я не пойду.

— Конечно, вы правы, есть риск, — сказал Егоров.

— Я люблю рисковать, но, когда риск заранее обречен на проигрыш, это уже беспечность. — В голосе Буденного послышалась едва скрытая ирония.

— Что вы предлагаете?

— Двинуться кавбригаде на Гумрак походным порядком под

прикрытием темноты. К исходу ночи мы сможем начать боевые действия. Это единственный шанс на успех. Вы же сами сказали, что завтра мороз будет еще сильнее, белые офицеры от холода запрутся в хатах, тут мы им и устроим баньку. — Буденный засмеялся.

— Хорошо, я согласен, — сухо сказал Егоров. — Только не медлите ни минуты. Положение на правом фланге очень тяжелое.

У двери Буденный остановился и тихо сказал:

— А я ведь старший унтер-офицер, правда, бывший.

Егоров улыбнулся:

— Я тоже и полковник, и эсер. Бывший… Ну, ни пуха ни пера. За два дня возьмешь Дубовку?

— Факт возьму, и никак иначе.

Каково же было удивление Егорова, когда в час дня 12 января Буденный доложил, что Дубовкой его конники овладели; разгромлено четыре вражеских кавалерийских и два пехотных полка, взяты большие трофеи, одних лошадей около тысячи.

В дальнейшем Буденный решил наступать на Давыдовку, где засела конница генерала Голубинцева.

Егоров одобрил его замысел, но предупредил: в боевые порядки противника глубоко не вклиниваться, ибо в районе Давыдовки скопилось немало неприятельских войск, которые могут предпринять контратаку. Сейчас на учете каждый штык, ибо положение на фронте 10-й армии резко ухудшилось. Белогвардейская армия генерала Краснова продолжала сжимать кольцо окружения Царицына; южнее города ей удалось выйти к Волге и с ходу овладеть Сарептой.

— Я прошу вас, Семен Михайлович, — говорил Егоров, — разгромить противника в районе Давыдовки, ибо без этого нам не сдержать натиск врага.

4

Под Царицыном обстановка создалась критическая. Командарм Егоров, член Реввоенсовета Легран и начальник штаба Клюев доносили в Реввоенсовет Южного фронта, что в течение одиннадцати дней войска левого фланга ведут напряженные бои. Противник, сосредоточив значительные силы, обрушился на весь фронт. Непрерывные ожесточенные бои при отсутствии свежих резервов и свежих пополнений вынудили части южного участка отойти на новые позиции по Отрадное — Ельшанку… Вся власть в Царицыне и его районе приказом Реввоенсовета 10-й армии была передана военно-

революционному комитету. На ревком возлагалась задача — в кратчайший срок призвать к оружию население города, сформировать боевые части, установить и поддерживать в городе и его районе железную дисциплину революционной власти… Реввоенсовет Южного фронта принимал все меры, чтобы оказать помощь войскам 10-й армии. 15 января части 9-й армии решительным натиском овладели Новохоперском и станцией Ярыженской; на другой день 8-я армия с боем заняла Калач. «Обе армии двигаются вперед, чтобы облегчить положение 10-й армии, оттянув силы противника на себя, — телеграфировал Егорову Реввоенсовет Южного фронта. — Группа войск Кожевни— нова захватила северную часть Донецкого бассейна и своими левофланговыми частями выходит на линию ст. Митрофановка — Беловодск. Чтобы облегчить положение 10-й армии, войска группы будут немедленно повернуты на юг с целью обрушиться на Ростов и жестоко наказать противника за страдания Красной Армии под Царицыном… Главком срочным порядком направил на фронт 100 рот, вполне вооруженных, при командном составе, двух пулеметах в каждой роте».

— Вот это по-братски, — обрадовался Буденный и приказал начальнику штаба дивизии собрать командный состав.

До глубокой ночи Буденный обсуждал с командирами, как лучше атаковать конницу белогвардейцев в Давыдовке.

На другой день, 23 января, в пять часов утра началось наступление. Удар был внезапным, и белогвардейцы не смогли оказать упорного сопротивления и вскоре оставили Давыдовку, понеся большие потери.

Но, как и предполагали Буденный и Тимошенко, противник после отступления из Давыдовки бросил в бой свежие силы: два дня не утихала артиллерийская канонада. Потом наступило затишье, и красные конники отошли на Песковатку, где расположились на ночлег. В это время в селе Рахинка отдыхала Доно-Ставропольская кавбригада Булаткина, понесшая в боях немалые потери. По замыслу Егорова, эта кавбригада и кавбригада Буденного должны были образовать конный ударный кулак на правом фланге 10-й армии. У Семена Михайловича возникла идея объединить эти две бригады в кавдивизию. Он тут же связался с Егоровым и изложил свое предложение. Командарм ответил коротко: «Согласен».

Вскоре вновь образованная дивизия, названная Особой кавалерийской, построилась в Дубовке на смотр. Буденный проехал вдоль строя.

— Товарищи кавалеристы! — обратился он к бойцам. — Наша дивизия названа Особой, отсюда вытекают ее задачи — быть в

авангарде. Трудно это? Очень. Положение на фронте пока не в нашу пользу. Белые рвутся в Царицын. Так что не на жизнь, а на смерть будем рубиться. Клянемся, что в наших руках не дрогнет клинок! — Семен Михайлович, привстав на стременах, выхватил из ножен шашку. Громкое «Клянемся!» раздалось над степью.

После осмотра Буденный связался по прямому проводу с Егоровым и согласовал с ним дальнейший план: разгромить противника в районе Прямой балки — Давыдовки и, обеспечив соединение камышинского боевого участка с фронтом обороны 10-й армии, нанести удар по тылам врага в общем направлении на Карповку. Ответ командарма был кратким: «Действуйте по своему усмотрению. Докладывайте каждые сутки. Егоров».

А уже через пять дней начдив Буденный сообщил командующему 10-й армией, что в результате ожесточенных боев связь 10-й армии с ее камышинским боевым участком восстановлена.

В феврале Особая кавдивизия ринулась на Котлубань. Бой закончился полным разгромом группы генерала Попова. Так блестяще завершилась рейдовая операция Особой кавалерийской дивизии. В приказе Реввоенсовета республики № 26 от 29 марта 1919 года отмечалось, что Особая кавдивизия совершила четырехсотверстный рейд, разбила двадцать три полка, из коих четыре пеших были полностью взяты в плен. В качестве трофеев дивизия захватила у противника сорок восемь орудий, более ста пулеметов и многое другое.

Впоследствии, оценивая рейд Особой кавдивизии под Царицыном, А. И. Егоров писал, что кольцо обороны «было разорвано только благодаря доблестным действиям славной конницы Буденного… Результатом действий его конницы явился полный разгром противника перед фронтом всего северного участка и центра 10-й армии… Наша армия, окрыленная боевыми успехами конницы Буденного, с повышенным настроением рванулась вперед, преследуя отступавшего противника на Маныч».

Республика Советов высоко оценила боевые успехи Особой кавалерийской дивизии, наградив ее Почетным революционным знаменем; Буденный в числе других командиров получил орден Красного Знамени. Это была его первая высокая награда рабоче-крестьянского государства.

…Особая кавдивизия развивала наступление по левому берегу Дона, освобождая станицы и хутора. Особенно тяжелые, изнурительные бои она вела на реке Маныч, где войска генерала Краснова имели численное превосходство. И все же белогвардейцы не смогли сдержать натиска красных.

Утром 19 марта, когда над степью пригревало весеннее солнце, полки буденновцев ворвались в станицу Великокняжескую. Решительным натиском белогвардейцы были смяты. Однако штаб Мамонтова и на сей раз захватить не удалось — генерал вместе со своей свитой скрылся на бронепоезде за реку Маныч.

— Вот чертов генерал, опять удрал от нас, — сокрушался Буденный, сидя в домике, где располагался, штаб дивизии. — А почему удрал? Вот ты, комиссар Сигизмунд Савицкий, объясни мне, где мы дали промах? Ты сколько уже в дивизии комиссаром, а? Не помнишь, а я тебе скажу — ты прибыл к нам восемнадцатого февраля, когда мы были в Карповке. Уже, как видишь, месяц… Ну, чего улыбаешься?

Комиссар Савицкий, прошедший царские тюремные застенки, был опытным коммунистом, понимал военное дело. За короткое время он провел в дивизии большую работу: в эскадронах и полках была созданы партийные ячейки, партийно-политическая работа приняла организованные формы. «Этот умеет отдавать себя людям и долг свой несет в сердце», — как-то сказал Буденный командующему армией, когда тот спросил о комиссаре.

— Я потому улыбаюсь, Семен Михайлович, что не надо нам гоняться за генералами. Нам важно разбить их войска, и генералы сами уйдут со сцены.

На рассвете 26 марта Буденный получил приказ командующего 10-й армией о переименовании Особой кавдивизии в 4-ю кавалерийскую дивизию. По существу, это ничего не меняло: численный состав дивизии остался прежним.

— Нам бы корпус создать, вот это дело! — сказал Буденный Савицкому.

Прошел месяц, 6 мая — этот день Буденному запомнился надолго — он вышел из домика, где размещался штаб дивизии. Видит, какой-то всадник спрыгнул с коня. Высокий, плечистый, через плечо — красная лента: «Депутату Ставропольского губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов тов. Апанасенко».

— Вы кто?

— А что, разве не умеешь читать? — усмехнулся тот. — Апанасенко я, Иван Родионович, начальник первой Ставропольской рабоче-крестьянской кавалерийской дивизии.

Он сообщил, что у него две тысячи бойцов — три бригады и артдивизион из трех орудий.

— А что, если мы объединим твою и мою дивизии и создадим конный корпус? — предложил Буденный.

— Конный корпус. — Апанасенко задумался. — А кто будет

командовать им?

— Если хочешь, то я предложу твою кандидатуру, — серьезно сказал Буденный.

Однако Апанасенко наотрез отказался.

— Я буду командовать своей дивизией, если товарищ Егоров не станет возражать.

В тот же день Буденный связался по телефону с Егоровым и доложил ему о своем разговоре с Апанасенко.

— А завтра ты попросишь у меня лошадей, седел, шашек, орудий: как же — теперь не дивизия, а корпус.

— Ничего не попрошу, — ответил Буденный.

— Ну что ж, на собственный страх и риск объединяю всю кавалерию в первый конный корпус. Командовать корпусом назначаю вас, — уже официально приказал командующий. — Приказ об организации корпуса я отдам позже, как только буду в штабе армии. Вас же прошу подобрать достойных людей на командные посты. Это очень важно…

Буденный вошел в штаб. Здесь его ожидали Апанасенко, комиссар Савицкий и другие. Он сообщил, что командующий одобрил их идею, теперь надо решить организационные вопросы.

В дверь постучали. В штаб вошел командир полка Литунов и черноглазый коренастый драгун в белогвардейской форме.

— Это еще кто такой? — насупился комкор.

Литунов доложил, что бойцы взяли в плен драгуна. Повели в полк, а он и заявляет: «Отведите меня лично к товарищу Буденному. У меня к нему есть важное дело». Вот и привели. Драгун оказался земляком Семена Михайловича, привез ему письмо от матери, в котором она писала о гибели отца. Кулаки избили отца и едва живого привезли в село Светлый Яр. Болел он тифом, а тут еще воспаление легких. Не выдержал отец и через десять дней скончался. Земляки-беженцы помогли похоронить отца в селе Покровка, что неподалеку от Астрахани. «…А как ты живешь? Гляди, чтоб тебя вражья пуля не укусила. Жду я тебя, мой соколик, и никак не дождусь. Потому письмо тебе передаю тут с одним казаком. У него мать беляки убили. Возьми его в свой отряд, сынок, прошу тебя…»

— Что, не хочешь белым служить? — спросил Буденный.

— Изверги они, белые… — тихо обронил казак. — Ранен я был в руку, потому и домой попал. А теперь здоров…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
КОМАНДИР КОРПУСА

1

Ночью лил дождь. Буденный, осторожно вглядываясь в темноту, объезжал полки. У штаба 4-й кавдивизии его окликнул часовой.

— Свои, комкор. Где Городовиков?

Начдив появился из темноты. Он доложил о готовности своей дивизии, внимательно выслушал советы комкора. Дивизия первой идет в атаку, значит, на фланги надо выдвинуть пулеметные тачанки, особо усилить левый фланг — там главные силы белых.

— Трудно нам будет, Ока, но надо выстоять. Поеду еще к Тимошенко…

На рассвете завязался бой. Левофланговые полки 4-й кавдивизии ринулись в атаку. Буденный, охваченный азартом боя, не заметил, как оторвался от своих. На какую-то секунду он вздыбил коня, остановился. Сзади кто-то крикнул: «Это же Буденный, руби его, казаки!» Буденный развернулся и неподалеку от себя увидел трех казаков, скакавших прямо на него. Один из них, офицер в черной бурке, вырвался вперед. Когда всадник был совсем близко, командарм резко остановил своего коня и, увернувшись от удара, в свою очередь, рубанул офицера по спине. Хрипло вскрикнув, тот рухнул с коня. Другой наскочил сзади, но, видно, не рассчитал и только задел круп комкоровской лошади. Она заржала от дикой боли, метнулась следом за казачьей лошадью и в этот момент Буденный своим клинком достал второго всадника. Удар пришелся по плечу, и казак свалился с седла. Буденный развернулся, чтобы не угодить под клинок третьего, это ему удалось, и, когда тот занес шашку, он успел кольнуть его в живот.

После атаки к Буденному подскочил на разгоряченном коне Ока Городовиков. Доложил: белые напирают.

Им удалось на левом фланге создать превосходство в силе; даже губительный огонь тачанок не мог сдержать натиск казаков. Судя по всему, противник стремился вбить клин между двумя дивизиями корпуса. Начальник 4-й кавдивизии просил комкора оказать его бойцам поддержку — бросить часть сил на левый фланг.

— Я поведу в атаку Особый дивизион, а ты, Ока, скачи к

штабу, там заваруха началась.

Буденный подскочил к Особому дивизиону, лихо осадил лошадь и, выхватив из ножен клинок, громко скомандовал: «За мной, в атаку, марш-марш!» Бойцы лавиной устремились на врага. Мощное «ура!» гремело кругом. Атака конников была поддержана огнем с тачанок. Пригнувшись к шее коня, комкор с шашкой в руке вихрем летел впереди дивизиона. Прошли какие-то секунды, и вот уже началась отчаянная рубка. Белогвардейцы, не выдержав внезапного удара, в панике стали отступать.

Против 8-й и 9-й армий Деникин бросил конные корпуса генералов Шкуро и Науменко, пехотные корпуса генералов Май-Маевского, Кутепова, Слащева, а также несколько пехотных дивизий. Положение обеих армий осложнилось и тем, что донская контрреволюция в тылу у красных подняла мятеж казаков, кулаков и отчасти середняков-крестьян, недовольных продразверсткой. Деникин, используя это обстоятельство, форсировал наступление своей армии. Буденный понимал, что связь донских мятежников с Деникиным представляла особую опасность. Но только ли этим объяснялись неудачи наших двух армий? Была еще одна, пожалуй, основная причина, о которой впоследствии писал Буденный. Троцкий, являясь в то время председателем Реввоенсовета республики, развалил работу по руководству боевыми действиями армий Южного фронта. Между армиями фактически отсутствовало взаимодействие, в результате чего 8-я и 9-я армии не сумели воспользоваться успешным наступлением 10-й армии, затянули свое продвижение и не выполнили задачу по захвату Ростова — очага контрреволюции на юге страны. Неорганизованность и медлительность в наступлении 8-й и 9-й армий дали возможность Деникину отмобилизовать свои войска и перейти в наступление. Под ударами деникинских войск с фронта и повстанцев с тыла 8-я и 9-я армии к концу апреля вынуждены были начать тяжелый отход.

Обстановка осложнялась с каждым днем. Деникин, имея преимущество в подвижных конных частях, мог беспрепятственно выйти на незащищенные фланги 10-й армии и нанести удар с тыла. С этой целью он бросил корпус генерала Улагая в район станицы Граббевской с задачей захватить станцию Ремонтная, перерезать железнодорожную магистраль Тихорецк — Царицын. Егоров приказал Буденному выйти в район Граббевской и разгромить корпус генерала Улагая. «Улагай, Улагай», — вспоминал Буденный. Уж не тот ли поручик, который летом 1914 года командовал третьим взводом драгун.

— Тогда редко он сам водил нас в атаку, чаще возлагал эту обязанность на меня, — сказал Буденный Савицкому.

На рассвете 10 мая корпус Буденного выступил из станицы Орловской. Разведка донесла, что Улагай идет к Граббевской. У Буденного созрело решение: обойти с флангов эту станицу и обрушить на врага внезапный удар. Ожесточенный бой завязался на подступах к Граббевской. Появление конницы красных было для белоказаков полной неожиданностью. Генерал Улагай, увидев в бинокль красных всадников, в испуге воскликнул: «Боже, они обошли нас с флангов!» Враг не выдержал внезапного удара и, неся большие потери, отступил за реку Маныч. К ночи корпус прекратил преследование противника и согласно приказу командарма Егорова расположился на ночлег в станице Граббевской. Поздно вечером начальник оперативного отдела штаба корпуса Зотов с тревогой в голосе сообщил Буденному, что белоказаки форсируют реку Сал в районе хутора Плетнева. Генерал Улагай поспешно отступил за Маныч для того, чтобы отвлечь конный корпус с главного направления, где белые усилили натиск. Скорее всего, заметил Зотов, он начнет наступление у станицы Великокняжеской, так как, по сведениям воздушной разведки, противник стремится охватить с флангов наши 32-ю и 37-ю стрелковые дивизии, чтобы прорваться в район станции Ельмут.

— Возможно, — согласился Буденный и тут же добавил: — Выходим на рассвете.

На рассвете 16 мая корпус двинулся к станице Орловской. Вперед ушли разведчики.

В десять часов утра они вернулись и доложили, что у станицы Великокняжеской противник перешел в наступление.

Буденный спешился у небольшого кургана, подозвал к себе Погребова и Зотова, раскинул перед ними на зеленой травке измятую карту. Комкор предложил зайти противнику в тыл и нанести контрудар. Для этого надо изменить маршрут движения корпуса. Начальник штаба Погребов засомневался — дело выигрышное, но рискованное.

— А я люблю риск, — засмеялся Буденный. — Разумный риск — ключ к победе. Итак, в тыл врага!..

Внезапность удара корпуса решила исход боя: 1-я Пластунская дивизия почти вся была уничтожена. Успех налицо, но мысль о том, что группировка деникинских войск, наступавшая против 8-й и 9-й Красных Армий и стремившаяся захватить промышленный Донбасс и своим левым крылом выйти на Украину, а правым — разгромить 10-ю армию, все больше волновала Егорова. Командарм вынужден был отдать приказ стрелковым соединениям армии отойти на рубеж реки Сал. А

конному корпусу следовало занять оборону на широком фронте по правому берегу реки Маныч и обеспечить стрелковым соединениям армии планомерный отход на новый рубеж обороны; когда это будет сделано, корпусу предстояло отходить вдоль железной дороги.

Буденный приказал Погребову подобрать двух-трех разведчиков и послать их в тыл белых.

Через три дня разведчики вернулись, они доставили белогвардейского офицера из штаба Покровского.

— Да ты что, Виктор Андреевич, не шутишь ли? — удивился Буденный. — Давай его сюда…

Белогвардейский офицер сообщил, что Деникин приказал генералу Покровскому продвигаться к Большой Мартыновке, чтобы обойти правый фланг 10-й Красной Армии и перерезать железную дорогу в районе станции Котельниковой на Царицын.

Буденный по прямому проводу донес Егорову о предполагаемом намерении генерала Покровского. «Сосредоточьте свой корпус севернее населенных пунктов Кудинов — Плетнев, — приказал ему Егоров. — Я буду у вас». «Вот и отлично, — сказал Буденный. — Вместе тут и решим, как нам быть дальше». 25 мая корпус сосредоточился в указанном районе. …Егоров застал Буденного в штабе, который располагался в крестьянской избе.

— Не ожидал, что я так скоро приеду? — Он пожал комкору руку. — Мой вагон на станции Ремонтной. Сел на лошадь и галопом к тебе. Ну, как тут живешь? — И, не дождавшись ответа, продолжал: — Противник сегодня форсировал реку Сал в районе хутора Плетнева, готовится переправиться на правый берег крупными силами. Надо сейчас же, немедленно сорвать замысел врага, а те части, что уже переправились, уничтожить. Я тоже поведу людей в бой. Доложите, как будете действовать.

— Вам бы побыть в штабе, а то пуля людей не разбирает… — заговорил Буденный, но Егоров прервал его:

— Я жду доклада.

Комкор доложил: во-первых, надо ударить белым в тыл, во-вторых, наступать только ночью, чтобы враг не заподозрил неладное, в-третьих, 6-я дивизия наносит удар с запада, со стороны Андреевской, 4-я — с востока, со стороны хутора Гуреева, она уничтожит белоказаков, переправившихся через реку.

— Согласен, — сказал Егоров. — А шестую дивизию я поведу в атаку. Давно не брал в руки клинок… Не возражаешь?..

Ночью дивизии конного корпуса скрытно подошли к хутору Плетневу и с ходу атаковали противника. Белоказаки

растерялись, не успели организовать оборону; частью были изрублены, частью взяты в плен. Перед самым наступлением Буденный приказал начдивам бросить на фланги дивизии пулеметные тачанки. Они-то в упор и расстреливали белогвардейцев, отошедших к реке. Положение наших стрелковых частей было вновь восстановлено. Но в бою получил ранение Егоров. Он лежал на земле рядом с убитой лошадью, солдат делал ему перевязку.

Буденный вытащил из кобуры седла лошади чистую белую рубашку, разорвал ее на куски и перевязал раны. С помощью бойцов положил командарма на тачанку. Лицо у Егорова посерело, на груди запеклась кровь. Он тихо стонал. Потом неожиданно приподнялся и тихо сказал:

— Семен Михайлович, сними мое седло и положи на тачанку. Не хочется с ним расставаться.

Буденный оставил за себя начальника штаба Погребова и приказал ему сосредоточить корпус в районе слободы Ильинки, а сам на тачанке повез Егорова на станцию Ремонтная.

Там Буденный встретил Федора Прасолова, сослуживца брата Дениса. Он сообщил, что Денис погиб. В бою его ранило в живот, пока везли на бричке, кровью изошел… Вечером поезд командующего отправлялся в Царицын. Прощаясь с Буденным, Егоров приказал ему возглавлять руководство частями армии на фронте до тех пор, пока начальник штаба 10-й армии Л. Л. Клюев не примет обязанности командарма на себя.

— Я хочу тебе сказать, Семен Михайлович, что Деникин бросил на Царицын новые воинские части. Мало у нас конницы, вот только ваш один корпус… Постарайся прикрыть Десятую армию, если придется отходить. Корпус береги, укрепляй, это наша надежда…

Весь июнь конный корпус вел ожесточенные бои. Белогвардейцы, неся большие потери, рвались к Царицыну. Генерал Мамонтов захватил станцию Арчеда, перерезав железную дорогу, соединяющую Царицын с войсками 9-й армии; белогвардейцы ворвались также в Лозное и Давыдовку, создав угрозу тылам 10-й армии.

Вечером 23 июня Буденный приехал в штаб корпуса. Погребов доложил ему о том, что получен приказ командующего 10-й армией Клюева, предписывающий конному корпусу двинуться в район Лозное через Котлубань, Садки…

Что же это получается, размышлял комкор: армия готовит оборонительные рубежи, корпус прикрывает ее, а потом она, не принимая серьезного боя с противником, передает эти оборонительные рубежи конному корпусу и отступает. Когда,

наконец, это кончится? И кто в этом виновен?.. Позже, уже будучи маршалом, Буденный писал; «В Реввоенсовете 10-й армии не было дружной, коллективной работы, и это чувствовалось во всей жизни армии. Члены Реввоенсовета Легран, Сомов, Ефремов без согласования между собой отдавали противоречивые распоряжения. Л. Л. Клюев, будучи хорошим начальником штаба, оставшись за командующего, не смог, очевидно, по слабости своего характера проявить должной воли, настойчивости и принципиальности и других качеств, необходимых для командира».

— Что сбудем делать? — нарушил раздумья комкора Погребов.

— Приказ есть приказ, и прошу всех без исключения его выполнять, — строго сказал Буденный.

Генерал Мамонтов, не принимая боя, отступал. Преследуя его войска, 28 июня конный корпус занял район Лозное — Давыдовка, а в ночь на 29 июня Мамонтов, сгруппировав крупные силы конницы, пошел в атаку. Всю ночь и утром шел ожесточенный бой; конница белых волнами накатывалась на дивизии корпуса, но красные бойцы не дрогнули, в отчаянной рубке они сумели нанести мамонтовцам решительный удар, белоказаки дрогнули, отступили. Конный корпус вошел в Садки. Отсюда комкор послал Клюеву приказ, в котором указывалось, что приказ — обеспечить правый фланг и тыл 10-й армии — выполнен. Получив донесение, Клюев 30 июня телеграфировал Буденному: в связи с отходом 10-й армии в направлении Камышина Реввоенсовет приказывает конному корпусу прикрывать правый фланг армии. Ось маневра корпуса — река Иловля. Штаб армии перемещается на пароходе по Волге в село Золотое…

Буденный с огорчением узнал о том, что в Царицын ворвались белогвардейцы.

Это произошло главным образом потому, что процесс перестройки Красной Армии на регулярных началах оказался на юге страны особенно трудным и затяжным. Он осложнялся элементами партизанщины, недооценкой использования опыта и знаний военных специалистов старой армии, сепаратизмом и местническими тенденциями ряда работников. Наши части, оборонявшие Царицын, имели численное превосходство, но возможности для нанесения решающего удара по врагу не были до конца использованы. Это сказалось на последующем ходе событий на юге страны: борьба с Донской белоказачьей армией затягивалась, помощь советским войскам на Северном Кавказе своевременно не была оказана.

На VIII съезде партии В. И. Ленин, отметив беспримерный героизм защитников Царицына, остановился на ошибках командования 10-й армии, которое вслед за военной аппозицией отказывалось от использования опыта военных специалистов, не вело борьбы с партизанщиной. В речи на закрытом заседании съезда Владимир Ильич, в частности, сказал: «Когда Ворошилов говорил о громадных заслугах царицынской армии при обороне Царицына, конечно, товарищ Ворошилов абсолютно прав, такой героизм трудно найти в истории… Но сам же сейчас, рассказывая, Ворошилов приводит такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины. Это бесспорный факт…»

Разумеется, Буденный и для себя сделал вывод: чтобы преодолеть следы партизанщины, о которых говорил Ленин, необходимо провести огромную организационную работу в корпусе, поднять боевой дух среди бойцов и командиров, воодушевить их на ратный подвиг.

…Комиссар Кивгела, выслушав комкора, сказал о том, что больших потерь 10-я армия не понесла: конный корпус прикрывал ее отход надежно. Теперь же, несмотря на падение Царицына, надо собраться с силами и крепко ударять по белогвардейцам. Соглашаясь с ним, Буденный не мог не признать, что происшедший разрыв между флангами наших 8-й и 9-й армий способствовал захвату врагом Царицына, и важно хотя бы теперь выправить положение.

— Чтобы укрепить веру стрелковых частей в наши силы, а также дать им возможность лучше подготовиться к обороне, надо конным корпусом нанести контрудар по противнику. — Буденный посмотрел на комиссара. — Я так полагаю, а ты?

— Ясное дело, чего же тут гадать?

3

С самого раннего утра Буденный кропотливо изучал сводку разведданных. В это время в комнату вошел начальник штаба Погребов и доложил, что командир одного эскадрона ночью без разрешения начдива ночевал в соседнем селе и прибыл в полк на рассвете: говорит, что гостил у одной молодухи.

— Ишь ты, на любовь его потянуло, — сердито сказал Буденный. — Что же вы решили, начштаба?

— Можно бы и простить, да совесть не позволяет, — признался Погребов.

— Если сам командир грубо нарушает воинскую дисциплину, разве может он требовать от своих бойцов смело и отважно

действовать в бою? Разве будут брать пример солдаты с такого командира? Наконец, разве станут уважать такого командира его подчиненные? — сказал Буденный. Комкор подошел к командиру эскадрона и, глядя ему в лицо, спросил, где он был вчера днем, когда на привале комиссар читал командирам статью В. И. Ленина «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком». Тот ответил: был в эскадроне и вместе с бойцами слушал комиссара.

— Слушали? — сурово спросил Буденный. — Тогда, видимо, вы не поняли смысл статьи Ленина? В боях вы храбро сражались, но сегодня ночью грубо нарушили революционную дисциплину. А товарищ Ленин пишет в письме о том, что кто не помогает всецело и беззаветно Красной Армии, не поддерживает изо всех сил порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник, того надо истреблять беспощадно. И еще вот что здесь написано: «Не за страх, а за совесть исполнять все законы о Красной Армии, все приказы, поддерживать дисциплину в ней всячески…»[2] А вы какой подаете бойцам пример? Вы же командир Красной Армии! Нет, видно, недостойны вы быть командиром…

…На рассвете 14 сентября разведка донесла, что в районе Калача появилась группа генерала Савельева.

Деникин, ставя задачу Савельеву, потребовал от него прорвать фронт в стыке 8-й и 9-й Красных Армий и во взаимодействии с корпусом Мамонтова разгромить 8-ю армию, действовавшую на левом берегу Дона от Воронежа до Павловска.

Буденный скомандовал корпусу «смирно!» и, подъехав к Троцкому, отдал ему рапорт. Выслушав его, Троцкий не поздоровался ни с комкором, пи с бойцами. Докладывая о делах в корпусе, Буденный сказал, что в нем много добровольцев, наслушавшихся разных белогвардейских басен о коммунии, нередко поэтому среди бойцов возникают дебаты: что такое Советская власть? Что такое коммунизм?

— Может быть, вы скажете бойцам несколько слов по этому вопросу? — попросил Троцкого комиссар Кивгела.

Троцкий согласился выступить. Он рассказал о том, что в рядах Красной Армии есть элементы, извращающие понятия о формах устройства общества, за которое мы воюем. «Я имею в виду коммуну с ее обобществленными средствами производства и равными условиями пользования благами труда». Из рядов послышалось: «Значит, все общее?» Буденный увидел, как Троцкий покраснел, голос его стал грубым и жестким. Когда же он заявил, что все будет общим при абсолютной ликвидации частной собственности, поднялся шум, послышались крики: «Эта коммуна — для коммунистов, а мы за большевиков!» Буденный

поднял руку — наступила тишина. Он достал из кармана коробку спичек и стал громко объяснять: на одной стороне этой коробки мы напишем «большевик», а на другой — «коммунист». Повернет ли он, Буденный коробку эту одной или второй стороной, вниз или вверх, от этого ничего не изменится — коробка останется коробкой.

— То же самое назовите вы меня большевиком или коммунистом, будет одно и то же, — сказал в заключение комкор.

— Понятно! — ответили бойцы в один голос.

Уехал Троцкий недовольный. «Потом мне рассказывали, — писал впоследствии Буденный, — что, вернувшись от нас в Москву, Троцкий говорил: «Корпус Буденного — это банда, а Буденный — атаман-предводитель. Мое выступление эта банда встретила ревом, а один взмах руки Буденного произвел на них впечатление электрического удара. Это современный Разин, и куда он поведет свою ватагу, туда она и пойдет: сегодня за красных, а завтра за белых». После отъезда Троцкого Буденный и комиссар Кивгела долго молчали. Первым нарушил тишину комиссар. Он прямо заявил, что удивлен поведением Троцкого.

— Ничего, комиссар, при первом же случае, когда будет прямая связь с Москвой, я обо всем лично доложу товарищу Ленину. А сейчас прошу собрать сюда всех командиров, и будем думать, как нам повести наступление, чтобы в недельный срок настигнуть и разбить группу генерала Савельева.

Стояли жаркие осенние дни. Конный корпус продолжал движение к Новохоперску. На окраине села у глиняной хаты красногвардейцев встретила крестьянка с кувшином молока. Она подошла к Буденному и спросила на украинском языке:

— Хто вы таки?

— Красные, мамаша, — Буденный улыбнулся.

Она подала ему кувшин, и Буденный с аппетитом выпил холодного молока. Поблагодарил хозяйку. Женщина рассказала, что недавно белые убили ее мужа-инвалида.

— Я чула, — говорила она сквозь слезы, — що тут десь Буденный со своим отрядом. Чого же вин там десь скакае, если боляки тут недалеко, у Калача. Що, спугався небось генерала? Так вроде Буденный, говорят, храбрый.

— Может, и храбрый, — взволнованно сказал Буденный. — А врага мы из Калача выбьем…

Разложив перед собой карту, Буденный уяснил обстановку: конная группа генерала Савельева стремится прорвать наш фронт в стыке 8-й и 9-й Красных Армий и во взаимодействии с корпусом Мамонтова разгромить 8-ю армию, действующую на левом берегу Дона от Воронежа до Павловска. «Мы должны сорвать этот

план», — решил Буденный. Он не стал ожидать указаний от командующего армией, ибо твердо знал не только состав сил противника, но и его замысел.

На рассвете 23 сентября корпус занял город Калач. 26 и 27 сентября разгорелись ожесточенные бои корпуса с кавалерией противника в районе Котовка — Березняги и пехотой противника севернее Казанской. Конница белых, как и предполагал Буденный, под мощными ударами 4-й и 6-й кавалерийских дивизий бросилась к переправе через Дон, но тут их преследовали части 6-й кавдивизии. Белоказаки начали беспорядочный отход к станице Казанской. Офицерская бригада генерала Арбузова пыталась оказать сопротивление, но командир кавполка Федор Морозов с криком «ура!» увлек бойцов в атаку. Морозова дважды ранило, под ним убили коня, но он нещадно разил белых. Он зарубил одиннадцать белогвардейцев, в том числе и генерала Арбузова. Буденный подъехал к Федору Морозову.

— Что, еще не успокоился после боя? — спросил Семен Михайлович. Он обнял Морозова и при всех расцеловал его. — Молодцом! Храбро ты рубил беляков, ох и молодчина, видать, рука у тебя, Федор, крепкая!

— Может, и крепкая, — смущенно улыбнулся Морозов.

— Ну а за то, что лично зарубил белого генерала, — продолжал Буденный, — представлю тебя к награде.

Позже Буденный назначил Морозова начальником 11-й кавалерийской дивизии. Он геройски погиб на Южном фронте 30 октября 1920 года. Итак, группа генерала Савельева разгромлена. Не теряя времени, Буденный связался с командующим Особой группой войск Шориным и доложил о своем замысле. Однако Шорин не разделил точку зрения командарма и приказал конному корпусу идти на Бутурлиновку. У Буденного создалось впечатление, что командованию Особой группы не совсем ясна создавшаяся обстановка, и он заявил об этом главкому. В тот же день по приказанию главкома С. С. Каменева начальник штаба Реввоенсовета республики П. П. Лебедев телеграфировал командованию Особой группы: «…представляется крайне желательным, чтобы Буденный нанес еще один короткий удар в юго-восточном направлении; это приведет к тому, что вся 9-я армия легко выйдет на Доп. После этого короткого удара, который не должен длиться долее 1–2 дней, Буденного желательно повернуть, но не на Бутурлиновку, а примерно на Павловск, дабы далее направить его по тылам противника, наступающего на Лиски, Коротояк, что, несомненно, вызовет встречное движение конницы противника и подставит ее под

удары Буденного. Вполне целесообразнее ваше приказание от 27 сентября Буденному двинуться на Бутурлиновку в то время, когда он еще был значительно севернее, сейчас же это может привести к тому, что корпус будет только болтаться между двумя полями сражений в тылу своих частей. Поэтому главком просит вас изменить ваш приказ от 27 сентября и отдать новое распоряжение в соответствии с изложенным выше, но, однако, лишь в том случае, если у вас не будет опасения, что эта отмена приказания может сбить Буденного с толку». Шорин, однако, почему-то медлил. А время шло. Корпуса Мамонтова в районе Бутурлиновки уже не было. Стало очевидным, что надо немедленно двинуть конный корпус на помощь 9-й армии, помочь ей выйти на Дон. 30 сентября главком шлет директиву командованию Особой группы об ускорении удара конного корпуса для содействия выходу 9-й армии на Дон. «Сегодняшний день в конном корпусе Буденного прошел, видимо, только в разведке. Между тем по обстановке совершенно необходимо скорейшее освобождение конкорпуса для новой задачи. Поэтому потребуйте от конного корпуса еще одного короткого энергичного удара на юго-восток с тем, чтобы 9-я армия немедленно вышла на Дон и приступила к подготовке переправ», — указывалось в директиве главкома С. С. Каменева. В этот же день Буденный получил новую директиву Шорина: корпусу вернуться назад в Казанскую и нанести удар по белоказакам перед фронтом 9-й армии вдоль Дона на станицу Вешенскую.

— Безобразие, я никак не пойму товарища Шорина! — возмутился начальник штаба Погребов.

— Это просто-напросто предательство по отношению к нашей Восьмой армии!

О своем мнении комкорпуса срочно доложил командующему Особой группой войск.

Шорин, однако, стоял на своем. Дальнейший ход событий показал, что Буденный не ошибся в своих предположениях. В. И. Ленин писал члену Реввоенсовета Юго-Восточного фронта И. Т. Смилге 4 октября 1919 года: «Шорин жульничает, сберегая Буденного только для себя и вообще не проявляя никакой энергии для помощи войскам Южфронта. Вы будете целиком ответственны за устранение этого безобразия, равносильного предательству. Телеграфируйте подробно, какие реальные меры серьезной помощи и серьезного контроля за выполнением ее и с каким успехом применяете»[3].

Утром 2 октября Буденный получил директиву командующего Особой группой войск Шорина, в которой тот вынужден был согласиться с решением комкора. Однако вместо

постановки задачи корпусу на разгром Мамонтова Шорин подчинил конкорпус командующему 9-й армией, поставив ему задачу с узкой целью не допустить продвижения Мамонтова в восточном и юго-восточном направлениях.

— Вот увидишь, комиссар, — сказал Буденный Кивгеле, — эту директиву Шорина главком отменит. Ведь теперь главное — разбить два вражеских корпуса: Мамонтова и Шкуро.

Буденный был уверен, что главком примет необходимые меры, чтобы нацелить корпус на оказание помощи 8-й армии. И вот в директиве № 47891 от 7 октября 1919 года он указывал: «Ввиду выяснившейся обстановки в 8-й армии конкорпусу продолжать преследование Мамонтова, разбить его и конницу Шкуро». Более того, главком принял решение усилить корпус Буденного всей конницей 8-й армии, пехотой этой же армии оказать Буденному самую деятельную поддержку. И хотя 8-я армия потеряла Воронеж и теперь вела бои по реке Икорец, ей ставилась задача при первой же возможности возвратить Воронеж. Но самое главное было то, что главком это директивой передал корпус Южному фронту: «Корпус Буденного переходит в подчинение командюжа».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
РОЖДЕНИЕ КОНАРМИИ

1

3 октября 1919 года, после разгрома группы генерала Савельева в районе Калача и Казанской, в село Воробьевка, где размещался штаб корпуса, приехал Е. А. Щаденко. Он сообщил Буденному, что член Реввоенсовета фронта Сталин очень доволен действиями конного корпуса, просил передать Буденному «горячий большевистский привет» и письмо. Щаденко подал аккуратно сложенное письмо комкору. Сталин писал, что Центральный Комитет партии делает все необходимое, чтобы остановить продвижение Деникина к Москве, а затем перейти в контрнаступление. Положение осложняется действиями корпуса генерала Мамонтова, и ЦК возлагает большие надежды на конный корпус. Щаденко извлек еще один документ. Это было циркулярное письмо ЦК РКП (б) от 20 сентября 1919 года, которое призывало «удвоить, утроить, удесятерить энергию партийных организаций в деле военной обороны Советской России. Наступление Деникина с юга начинает грозить жизненным центрам Советской Республики так же, как весной подобную же угрозу несли с востока банды Колчака… Наступление Деникина есть покушение на самое существование Советской власти, а вместе с ней на существование Коммунистической партии…» Некоторые строки Буденный воспринял как адресованные ему лично: «…Немедленно должны быть выдвинуты десятками работники на должности комиссаров полков. Товарищи, годные к этой работе, должны быть сняты со своей обычной работы немедленно и направлены в распоряжение Политического управления армии. Объявите добровольную запись на эту работу! Помогайте строить кавалерийские части! Извлекайте всех коммунистов-кавалеристов, создавайте из них ячейки для советской кавалерии». Хорошо, думал Буденный, что вопросом укрепления кавалерийских частей занялся Центральный Комитет партии. Как это закономерно и правильно — создавать кавалерийские части! Путь самый верный, ведущий к победе. Кому неясно: Деникин добился успеха потому, что его армия состоят в основном из наиболее маневренного и боеспособного рода войск — казачьей конницы? Не зря он с начала своего наступления на Южном фронте бросил против Красной Армии

конные корпуса генералов Мамонтова, Покровского, Шатилова (объединенные при наступлении на Царицын в группу Врангеля), конные группы генералов Голубинцева, Яковлева, корпуса генералов Гусельщикова, Коновалова, Шкуро, Улагая, Науменко. Да, мудрое решение принял ЦК партии, думал комкор, пора нам создавать свою массовую кавалерию. В те дни противник занимал перед войсками Красной Армии фронт по правому берегу Дона от станицы Клетской до станицы Усть-Хоперской. Затем его линия проходила по левому берегу Дона. А перед левым флангом 9-й армии и конным корпусом сильной группировки белогвардейских войск не было. Оценив создавшуюся обстановку, Буденный решил переправить свой корпус через Дон и внезапно нанести удар на Миллерово, где находилась Донская армия генерала Сидорина. «Разгромив Сидорина, потом двинемся на север, по правому берегу Дона, вдоль железной дороги Миллерово — Воронеж, — размышлял Буденный. — В случае успеха, во-первых, будет разрушен тыл белых, уничтожены их войска, которые действуют в направлении Воронежа, а во-вторых, Мамонтов будет вынужден вернуться из рейда по нашим тылам, бросится на выручку своих, придет в Воронеж…» Буденный считал, что действия его конного корпуса по тылам белогвардейцев будут наилучшей контрмерой против рейда Мамонтова.

— Вы хотите накрыть и Мамонтова и Шкуро? — спросил комкора начальник штаба Погребов.

— Да, но сначала надо разделаться с Мамонтовым.

Виктора Андреевича Погребова Буденный ценил. Прислали его в корпус из штаба армии. У этого умного, исполнительного работника, бывшего офицера царской армии, командиры, особенно начальники штаба полков, учились многому. И что особенно нравилось Буденному в Погребове, так это его смелость. Если обстановка накалялась, он не сидел в штабе, а ехал на передовую. Рубился под стать комкору — дерзко, с какой-то особой удалью.

Видно, пойдет Мамонтов на соединение с генералом Шкуро. Если оба генерала засядут в Воронеже, рассуждал Буденный, то разгромить их будет нелегко. И все же Буденный твердо решил идти на Воронеж и не сомневался, что командующий Южным фронтом одобрит его намерение. Конечно, Мамонтов — генерал способный, и в смелости ему не откажешь, и в дерзости тоже. Своим рейдом в тылу советских войск он добился определенного успеха. Части 8-й армии под давлением противника оставили рубеж реки Дон и начали отходить; они не сумели удержать Воронеж и отступили. Шкуро без особого труда вошел в город. После анализа боевой обстановки Буденный пришел к выводу, что

если бы его корпус своевременно не разгромил на Дону группу генерала Савельева и не вышел к станции Таловой для противодействия Мамонтову, дело могло для 8-й армии кончиться катастрофой.

7 октября Буденный получил директиву командующего Южным фронтом А. И. Егорова, в которой указывалось, что «корпус переходит в подчинение непосредственно мне, 8-я армия отходит на линию реки Икорец от ст. Тулинова до устья. По имеющимся сведениям, Мамонтов и Шкуро соединились в Воронеже…»

2

Пять дней — с 9 по 13 октября — корпус с ожесточенными боями продвигался к Воронежу, где сосредоточились главные силы врага. На исходе ночи 13 октября разведка донесла, что противник сам перешел в наступление.

— Что будем делать? — спросил начальник штаба Погребов, когда стал очевиден замысел генерала Шкуро. Комкор поглядел на Погребова и сказал:

— Нам необходимо оттянуть свои полки, сделать вид, что наши части отступают, а когда войска Шкуро подойдут ближе, ударить по ним с обоих флангов, взяв в клещи.

Белогвардейцы не сумели разгадать замысел Буденного. Бой длился четыре часа. Шкуро, понеся большие потери, отступил к городу.

Буденный, воспользовавшись передышкой, решил провести совещание начдивов.

— Вот что, товарищи, прошу в бригадах всем объяснить, почему мы прекратили наступление, — сказал комкор, подводя итоги совещания. — Воронеж сильно укреплен белыми, это крепкий орешек, и расколоть его надо умело, без лишних для нас жертв.

17 октября из вражеского тыла вернулись разведчики и доложили, что белогвардейцы имеют численное превосходство и сильно укрепленные позиции.

У Буденного созрела мысль — выманить белых из города, а когда они окажутся в заболоченной местности, ударить по ним всем корпусом.

Комиссар Кивгела предложил провести корпусную партийную конференцию, на которой обсудить предстоящие задачи.

I корпусная партийная конференция состоялась 18 октября. Выступая на ней, Буденный вслед за комиссаром призвал

коммунистов разъяснить бойцам, что Мамонтов и Шкуро — враги опасные, и чтобы разбить их конные корпуса, надо тщательно подготовиться. «Я прошу это учесть и сделать все, чтобы каждая бригада была готова к немедленным и решительным действиям, — говорил комкор. — Я не знаю, когда генерал Шкуро начнет свое наступление. Одно вам скажу, что белые тоже не дремлют. Генерал Мамонтов выехал к генералу Сидорину просить помощи. Значит, не очень-то они верят в свой успех. Выходит, что еще до сражения в лагере противника разлад, а это нам на руку».

Прошло два дня, а Шкуро не подавал никаких признаков. Начальник штаба Погребов, который поначалу был сторонником штурма, согласился с мнением Буденного и сказал: надо ждать, пока Шкуро выйдет из города.

Кто-то из командиров предложил написать письмо генералу Шкуро. Вскоре письмо было готово. Если исключить из него некоторые пикантные выражения, то содержание было таким: «Завтра мною будет взят Воронеж. Обязываю все контрреволюционные силы построить на площади Круглых рядов. Парад принимать буду я. Командовать парадом приказываю тебе, белогвардейский ублюдок. После парада ты за все злодеяния, за кровь и слезы рабочих и крестьян будешь повешен на телеграфном столбе там же, на площади Круглых рядов. А если тебе память отшибло, то напомню: это там, где ты, кровавый головорез, вешал и расстреливал трудящихся и красных бойцов. Мой приказ объявить всему личному составу Воронежского белогвардейского гарнизона. Буденный». Комкор еще раз пробежал текст. Все хорошо. Ну а кто повезет письмо? Ведь его надо вручить лично генералу Шкуро!

— Есть у меня такой смельчак. — Комкор покрутил усы. — Не догадываешься, комиссар? Олеко Дундич. Он знает, где расположен штаб Шкуро.

Дундича Буденный знал давно. Впервые они познакомились в 1918 году в бою под Гнилоаксайской. В том бою боец-кавалерист повел сербов в атаку, белоказаки не выдержали их натиска и дрогнули. После боя Дундич рассказал Буденному о том, что он сын сербского скотопромышленника. В гусарском полку в 1912 году воевал против турок. А через четыре года попал в плен к австрийцам, но бежал в Россию. В 1918 году, когда К. Е. Ворошилов создал первый Луганский социалистический партизанский отряд, в него влился отряд сербов-интернационалистов во главе с Олеко Дундичем. Отряд сражался в рядах 5-й армии, а затем в Морозовско-Донецком отряде, которым командовал Е. А. Щаденко.

А вот и Олеко Дундич. Лицо серьезное, в глазах

настороженность: он знал, что если комкор вызывает, значит, есть какое-то важное задание.

— Вот это послание надо передать генералу Шкуро, — сказал Буденный. — Только жизнью своей не рисковать.

— Зачем же жизнью рисковать? — усмехнулся Дундич. — Я осторожно…

18 октября, переодевшись в форму белогвардейского капитана, Дундич выехал в штаб генерала Шкуро. Добрался туда благополучно. Часовой штаба спросил, кто од и зачем едет, попросил предъявить документы. «У кого спрашиваешь документы, у меня, героя сражения? — крикнул Дундич. — Пошел вон, свинья!» Солдат растерялся так, что и слова не мог вымолвить. А Дундич тем временем вошел в комнату дежурного и доложил поручику, что он привез пакет от генерала Сидорина лично генералу Шкуро. Поручик ответил, что их превосходительство вчера допоздна совещался с офицерами штаба и еще спит. «А что, генерал Сидорин собирается прислать нам в Воронеж войска?» — спросил поручик. Дундич сказал, что войска будут, ибо одному Шкуро трудно управиться с корпусом Буденного. Поручик наклонился к Дундичу и тихо, чтобы его не слышал часовой у двери, сказал: «Мы этому Буденному устроим баньку, он будет наступать с востока, а там у нас главные силы…»

Дундич сказал поручику, что, пока генерал проснется, он посмотрит город. И уехал.

Вернулся в корпус Дундич под вечер 19 октября. Доложил Буденному о выполнении задания и о своем разговоре с поручиком. Данные Дундича подтвердились разведкой: на восточном направлении находились основные силы белогвардейцев.

В комнату вошел комиссар Кивгела. Он признался, что и его мучает молчание Шкуро, и высказал свое сомнение — а вдруг он выработал другой план? Ведь конный корпус выдвинулся вперед с открытым флангом, а главные силы 8-й армии еще не подтянулись к Воронежу. Образовавшийся разрыв между 8-й и 13-й армиями большой, и белогвардейцы могут этим воспользоваться. И вот что еще стала известно — генерал Сидорин принял решение прислать Шкуро часть казачьей конницы. Может, сейчас самый раз ударить по Шкуро?

— Что мне по душе, комиссар, так это твое беспокойство, — сказал комкор. — На нам необходимо выманить белогвардейцев из города. Понял, да? А теперь иди и поспи часок, а то весь почернел.

…Бой завязался неожиданно. Полки Шкуро под прикрытием тумана ворвались в село Хреновое и с ходу атаковали заслоны 6-й

кавдивизии. Начдив Апанасенко, однако, не растерялся, развернул главные силы и упредил удар белоказаков. А тем временем по приказу комкора 4-я кавдивизия Оки Городовикова вышла в тыл врага и нанесла по коннице белых сильный удар. Белоказаки не выдержали и отступили к Воронежу. 20 октября главком С. С. Каменев в разговоре по прямому проводу с командующим Юго-Восточным фронтом В. И. Шориным отметил: «Буденный вчера разбил два полка Шкуро. Этот небольшой успех хорош тем, что совершенно изменил намерения Шкуро, который только 18 октября отдал свой приказ, по которому видно, что он сам хотел разбить Буденного по частям». Далее главком, ставя задачу конному корпусу Думенко, рекомендовал «действовать с левого фланга 9-й армии, нанося удар вдоль фронта, по тылам противника… то есть проделав ту же операцию, какую проделал конкорпус Буденного, но в обратном порядке».

На рассвете 20 октября, взаимодействуя с 12-й и 16-й стрелковыми дивизиями 8-й армии, корпус Буденного перешел в контрнаступление. Поскольку основные силы врага были сосредоточены у Воронежа с восточной стороны, комкор решил наступать с севера.

В результате ожесточенных боев белоказаки были разгромлены, а оставшиеся части поспешно отступили из Воронежа.

Буденный тут же послал донесение командованию Южного фронта: «После ожесточенного боя доблестными частями конкорпуса в 6 часов 24 октября занят город Воронеж. Противник отброшен за реку Дон. Преследование продолжается. Подробности дополнительно».

Обстановка на Дону начала резко меняться в пользу советских войск: конный корпус выходил на правый фланг главной ударной группировки деникинской армии, рвавшейся к Москве. Победа под Воронежем вошла яркой страницей в боевую летопись Красной Армии. Михаил Шолохов в романе «Тихий Дон» написал об этом так: «Вскоре обстановка на Южном фронте резко изменилась. Поражение Добровольческой армии в генеральном сражении на Орловско-Кромском направлении и блестящие действия буденновской конницы на воронежском участке решили исход борьбы; в ноябре Добровольческая армия покатилась на юг, обнажая левый фланг Донской армии, увлекая ее в своем отступлении».

Вечером 25 октября по прямому проводу командующий Южным фронтом Егоров и член Реввоенсовета Сталин объявили благодарность бойцам, командирам и комиссарам корпуса. Через несколько дней Буденный получил приказ войскам 10-й армии

№ 148 от 31 октября, в котором, в частности, указывалось: «Созданные долгими усилиями англо-французских капиталистов и Деникина конные корпуса генералов Шкуро и Мамонтова, как единственный оплот контрреволюции, разбиты наголову в боях под Воронежем красным конкорпусом тов. Буденного. Воронеж взят красными героями. Масса трофеев, подсчет производится. Пока выяснено, что захвачены все именные бронепоезда противника во главе с бронепоездом имени генерала Шкуро. Преследование разбитого противника продолжается, ореол непобедимости, созданный вокруг имени генералов Мамонтова и Шкуро, доблестью красных героев конкорпуса Буденного низвержен в прах. От лица армий Южфронта объявляю братскую благодарность доблестному корпусу Буденного. Приказываю: захваченный бронепоезд имени генерала Шкуро переименовать в бронепоезд имени народного героя Буденного. Командюж Егоров. Член Реввоенсовета Южфронта Сталин».

— Вот здорово, а? — улыбнулся комиссар корпуса. — А что ты такой задумчивый, Семен Михайлович?

— Да вот жду сообщения о создании Конной армии. Я же лично Сталину письмо отправил.

3

Еще днем раньше, воспользовавшись переговорами по прямому проводу, Буденный заявил, что будет ходатайствовать перед Реввоенсоветом Южного фронта о создании Конной армии. «Шлите письмо на мое имя», — ответил ему Сталин. Буденный так и сделал. «Я понимаю, — писал комкор, — что для формирования кавалерии белые располагают большими возможностями, занимая районы казачьих областей. Но и мы можем многое сделать. Если мы не имеем возможности создать такое же количество конных корпусов, какими располагают белые, то почему бы на первых порах не развернуть наш корпус в Конную армию. Создание такого кавалерийского объединения будет впервые в истории этого рода войск. Для создания Конной армии у нас имеются все возможности. Хорошей основой для этого послужит конный корпус. Из состава любой дивизии корпуса можно будет вывести кавалерийскую бригаду и, взяв ее за ядро, сформировать за счет добровольцев третью кавалерийскую дивизию. Можно создать эту дивизию и за счет конных частей войсковой кавалерии. При желании можно создать второй конный корпус и свести два корпуса в армию… Я уверен, что создание Конной армии — это не пустой эксперимент, а

назревшая необходимость. Она (Конная армия) явится не только серьезным противовесом белогвардейской казачьей коннице, но и могучим средством в руках фронтового или Главного командования для решения задач в интересах фронта и, не исключено, в интересах всей Советской Республики. Я, безусловно, рассчитываю на Ваше глубокое понимание существа моего предложения и надеюсь, что вы не только поддержите его, но и лично примете решительные меры. Думаю, что это предложение поддержит и А. И. Егоров. Если вопрос создания Конной армии будет решен положительно, то у меня к Вам будет еще одна большая просьба. Пришлите, пожалуйста, человек 300 рабочих-коммунистов. Они будут укреплять ряды бойцов-кавалеристов, разъяснять им насущные задачи нашей революции, повышать сознательность, а следовательно, и боеспособность». После взятия Воронежа Буденный надеялся дать отдых частям корпуса, но такой возможности не представилось: поступил приказ командующего 10-й армией: нанести удар по станции Касторная. «Надо наступать, — размышлял С. М. Буденный, — а снаряды и патроны на исходе, мало продовольствия. Ведь что получается: корпус в административном, санитарном отношении находится в подчинении 10-й армии, продовольственном — 9-й армии, снабжает его боеприпасами 8-я армия, а в оперативном отношении он подчинен Южному фронту. Что это за неразбериха? Нет, так продолжаться больше не может. Немедленно еду в Воронеж и переговорю с командующим лично». Рано утром 28 октября комкор получил телеграмму Реввоенсовета Южного фронта и облегченно вздохнул. «Конкорпус, Буденному. Вверенный вам корпус во всех отношениях подчинен исключительно Южному фронту. Вопрос о довольствии корпуса будет поставлен на должную высоту, о чем отдаю распоряжение начснабу и продкому Южного фронта. Предложение о временной передаче вам 11-й кавдивизии имеет целью, что дивизия под вашим руководством в боевом отношении сделается такой же, как и остальные ваши дивизии — 4-я и 6-я. В ближайшем будущем предположено создать 2-й конкорпус из 11-й и 8-й дивизий. Оба корпуса предположено объединить под вашим руководством на правах Конной армии… Конкорпусу именоваться — «Конкорпус Южфронта».

— Ну, теперь ты доволен? — спросил комиссар Кивгела, увидев на лице комкора улыбку.

— Да, — ответил Буденный, — но меня настораживает одно слово, повторенное в телеграмме дважды — предположено Тут надо решать эти вопросы как можно скорее, а не заниматься словесной практикой.

— Ты прав, — согласился комиссар. Он спросил, где обосновался штаб корпуса.

— В Стаднице. Собирайся, и мы туда поедем. Но сначала надо поехать в шестую дивизию, что-то там у Апанасенко не ладится…

Однако в три часа дня 31 октября Буденный получил донесение от начдива шестой Апанасенко и помрачнел. Он сообщал, что противник отходит в западном направлении. «Необходимо было бы совместно с 4-й кавдивизией в самом непродолжительном времени нанести противнику решительный удар…» Комкор негодовал. Во-первых, противник отходит в западном направлении, а Апанасенко отводит свою дивизию в противоположном направлении: во-вторых, части 4-й дивизии яростно отбиваются от наседающего врага, они нуждаются в поддержке, а Апанасенко самовольно увел свои части в тыл.

— Только не горячись, Семен Михайлович, — сказал ему комиссар Кивгела. — Сейчас поедем в штаб шестой кавдивизии и во всем разберемся на месте.

Иосифа Родионовича Апанасенко Буденный знал давно, еще с тех пор, когда тот организовал партизанский отряд в Ставрополье, а затем создал Ставропольскую кавалерийскую дивизию, ставшую основой 6-й кавдивизии конного корпуса. Как командир Апанасенко сложился в период партизанского движения, когда процветала «батьковщина», нередко своевольничал, хотя воевал отважно. В штабе 6-й кавдивизии комкор в присутствии командиров бригад разобрал неправильные действия Апанасенко, решил снять его с занимаемой должности. Апанасенко стал заверять Буденного, что он учтет ошибки и впредь будет взвешивать каждый свой шаг. Всем, в том числе и комиссару корпуса Кивгеле, казалось, что начдив простит ему допущенные ошибки. Но иного мнения был Буденный. Он встал из-за стола и твердо сказал о том, что революционная дисциплина у каждого бойца и командира должна быть на первом плане. Однако Апанасенко нарушил ее и должен понести суровое наказание. Наша партия, говорил комкор, лично Ленин требуют, чтобы красные командиры строго и неукоснительно следовали революционной дисциплине. Только такая армия, в рядах которой высокая дисциплина, и, как говорил Владимир Ильич, доведенная до высших пределов, способна побеждать любого, даже самого сильного, врата.

3 ноября 4-я и 6-я кавдивизии корпуса оставались в районе Меловатка — Стар — Ведуга — Гнилуша и вели разведку противника; 11-я кавдивизия подходила к Землянску. Утром 4 ноября Буденный и комиссар Кивгела обсуждали план боевых

действий. В это время в штаб вошел боец и доложил о том, что разъезд 2-й бригады 6-й дивизии захватил в плен двух буржуев. Может, купцы, бежавшие из Воронежа к белым? Чудные какие-то, веди, говорят, к самому Буденному. Один называет себя председателем России, другой — председателем Украины. Всю дорогу бойцов агитировали. А чтоб те поверили им, стали про В. И. Ленина рассказывать. Один, который пониже ростом да с бородкой, уверяет, что с товарищем Лениным работает…

— Давай их сюда! — махнул рукой Буденный.

«Пленные» были одеты в длиннополые купеческие шубы. Человек с остренькой бородкой снял запотевшие очки, протер их кончиком шарфа и, подав свои документы комиссару Кивгеле, посмотрел на Буденного изучающим взглядом. Комиссар подошел к комкору и молча указал на подпись в мандате — Ульянов (Ленин). Вот тебе и буржуи! Это были Председатель ВЦИК РСФСР Михаил Иванович Калинин и Председатель ЦИК УССР Григорий Иванович Петровский. Буденный представился гостям и попросил извинить его за столь нелюбезный прием.

— Ничего, ничего, — улыбнулся Михаил Иванович. — Теперь мы с Григорием Ивановичем спасены и от мороза, и от твоих молодцов. Снимай, говорят, шубы, хватит, погрелись, а на тот свет и голых принимают. Григорий Иванович показывает одному мандат, читай, мол, Лениным подписан. А тот говорит: «Ты, буржуй, товарища Ленина не марай, читать я не умею, а вас, таких угнетателей, не впервой вижу». Второй боец говорит: «Чего рассуждать, давай кончать с этой контрой, а то от своих отстанем». — «Нет, — говорю, — братцы, расстрелять вы нас всегда успеете. Везите к Буденному, он разберется, кто мы такие…»

— Виновных я строго накажу, — сказал комкор.

— Нет, нет, дорогой мой, мы сами во всем виноваты. Понесло же нас из Воронежа к вам без охраны. Мы этих бойцов должны еще благодарить. В такую погоду и к белым немудрено попасть, и попали, если бы не подвернулся ваш разъезд. Ну а как ваши дела, Семен Михайлович? — спросил Михаил Иванович.

Буденный рассказал о героизме бойцов во время боев под Воронежем, о трудностях с продовольствием и обмундированием в конном корпусе. «Но инициативу мы им не отдадим, разобьем Шкуро и Мамонтова и под Касторной», — добавил комкор.

— Правильно! — одобрил Калинин. — Я не сомневаюсь в том, что бойцы-буденновцы не уступят врагу победу. Владимир Ильич Ленин просил меня передать вам: народ, наша партия большевиков надеются на бойцов Красной Армии, что они сумеют постоять за Республику Советов. Уже недалек тот день, когда на

советской земле наступит мир. А мир нам очень нужен, товарищи. Везде разруха, голод, нет топлива, керосина и даже спичек. И все же, — продолжал Михаил Иванович, — наши рабочие и революционные крестьяне полны решимости отстоять свою власть Советов. Именно свою… Мы много слышали о боевых подвигах конного корпуса и вот с Григорием Ивановичем приехали к вам, чтобы еще раз убедиться в этом.

— Спасибо, что приехали к нам, — сказал Буденный. — Только вот помощь нам нужна…

— Что вас беспокоит?

— Есть одно важное дело, товарищ Председатель ВЦИК, — сказал Буденный, садясь за стол.

И он изложил Калинину план создания Конной армии, а также сообщил о том, что две недели назад, 25 октября, он доложил о своем замысле в Реввоенсовет Южного фронта и лично председателю Реввоенсовета республики Троцкому, но тот идею создания Конной армии не поддержал.

— Значит, Конная армия? — задумчиво сказал Калинин. — Интересно, весьма интересно!..

— Пора нам наконец создать свою массовую кавалерию. Нам нужны не мелкие кавалерийские части, наносящие противнику булавочные уколы, а крупные конные соединения, которые могли бы решать судьбу любой операции. Я вас очень прошу доложить об этом Владимиру Ильичу.

Калинина заинтересовала эта идея, и он обещал поддержку. В честь взятия Воронежа Буденный сфотографировался. Во время беседы у него мелькнула мысль — а что, если подарить свою фотокарточку Ленину? Мигом достал ее из сумки и подписал. Протянул фотокарточку Калинину и попросил передать Ленину. Сказал это, а сам подумал — а не рассердится ли Владимир Ильич? Но Калинин успокоил его:

— Я уже рассказывал о вас Ленину. Говорит, очень интересная фигура Буденный. Это настоящий красный командир.

(Просьбу Буденного Калинин выполнил. И сейчас в комнате Ленина в Кремле на письменном столе лежит небольшая, пожелтевшая от времени фотокарточка. Это та самая карточка… На обороте надпись: «Тов. Ленину — ком. кон. корп. Буденный. 28.X».)

— Я не сомневаюсь, что вы и ваши храбрые бойцы еще проявите себя на поле брани, — сказал Калинин. И вдруг спросил: — А как у вас дома, Семен Михайлович? Как мать, отец?

— Плохо, товарищ Калинин, — тихо сказал Буденный. — Отца убили кулаки, а брата Дениса в бою смертельно ранило. Как видите, Михаил Иванович, у меня есть еще и свой, семейный счет

с белогвардейцами.

Буденный умолк.

— Я верю, что горе не сломит вас, Семен Михайлович.

— За сочувствие благодарю вас, Михаил Иванович. Мы обязательно в ближайшие дни овладеем Касторной.

Под вечер, когда на улице утихла метель, Калинин и Петровский в сопровождении усиленного взвода резервного кавдивизиона уехали в Воронеж.

4

9 ноября Буденный отдал приказ наступать. Сразу стал очевидным замысел генерала Постникова — он стягивал силы для организации круговой обороны станции Касторной. Корпус Мамонтова, пополнившись свежими силами после поражения под Воронежем, теперь сосредоточивая в городе Нижне-Девицке, а корпус Шкуро, также получивший подкрепление от генерала Сидорина, расположился в селе Бычек, неподалеку от Касторной. Об этом комкору донесла разведка, и он тут же вызвал к себе начальника штаба Погребова. Буденный решил главными силами корпуса нанести удар в направлении Суковкино. Он доложил начальнику оперативного управления штаба, что «завтра конный корпус приступает к операции по окружению и уничтожению касторненской группировки противника. Прошу вас доложить об этом Реввоенсовету фронта и при поступлении донесения о взятии Касторной уточнить дальнейшую задачу корпуса». 14 ноября началось наступление на Касторную. Буденный находился в 4-й кавдивизии вместе с Окой Городовиковым. Еще на рассвете поднялась сильная пурга, ударил мороз. Темнота и пурга позволили нашим частям на рассвете 15 ноября скрытно подойти к станции Суковкино. Белые были застигнуты врасплох. Буденный и Городовиков в сопровождении адъютантов вошли в здание оперативного пункта штаба генерала Постовского, связывающего касторненскую группу с конницей генералов Шкуро и Мамонтова. Дежурный офицер, бледный, растерянно глядел на Буденного. Потом вынул из кобуры пистолет я отдал его начдиву Городовикову. «Господа, — сказал он, — я не стреляю в большевиков». Комкор лично допросил офицера, и тот выложил ему: белых войск в Касторной пять-шесть тысяч, четыре бронепоезда, станция забита эшелонами со снарядами и патронами, они следовали в Курск, но в связи с наступлением войск Буденного были задержаны.

— Вызовите к аппарату дежурного штаба генерала

Постовского, — приказал Буденный.

От имени офицера оперативного пункта Буденный сообщил дежурному штаба, что разъезды противника пересекли железную дорогу севернее и южнее станции Суковкино. В связи с этим он просил «выслать бронепоезд, чтобы прикрыть станцию и оперпункт от внезапного нападения красных». Дежурный штаба Постовского ответил: «Вас понял. Бронепоезд будет выслан, а вас прошу передать генералу Шкуро, чтобы он выслал усиленную разведку в восточном направлении от станции Суков— кино». Потом комкор спросил дежурного, нет ли данных, что красные намерены перейти в наступление. Тот ответил, что захвачен приказ Буденного, в котором говорится о наступлении. Но генерал Постовский считает, что этот приказ красные сами подбросили с какой-нибудь целью, а наступать в такую пургу и мороз они не станут.

— А теперь, Ока, надо подготовиться к захвату бронепоезда, — сказал комкор. — Все мы наденем бурки, чтобы ничем внешне не отличаться от белых. Впереди нас будут стоять захваченный в плен жандарм и дежурный офицер. А бойцы, выделенные для захвата бронепоезда, укроются по обе стороны железной дороги.

К перрону подошел белогвардейский бронепоезд. Его командир, поручик, спрыгнув на перрон, подскочил к Буденному с рапортом: «Господин генерал, бронепоезд «Слава офицерам» прибыл в ваше распоряжение» (он принял Буденного за Мамонтова). Буденный прервал его и приказал следовать в здание вокзала для обстоятельного доклада о положении в Касторной, где у поручика изъяли оружие. А бойцы тем временем захватили бронепоезд.

У Буденного возникла дерзкая мысль — связаться со штабом генерала Постовского и попросить прислать еще один бронепоезд, чтобы он мог контролировать треугольник железной дороги Суковкино — Касторное — Благодатинский. «Я доложу вашу просьбу командованию», — ответил дежурный. А Буденный тем временем послал распоряжение командиру 3-й бригады Алаухову, чтобы тот ускорил продвижение к разъезду Благодатинский для захвата белогвардейского бронепоезда. Вскоре Алаухов сообщил комкору: бронепоезд захвачен его бойцами.

К концу дня 14 ноября белоказаки поняли, что на станции Суковкино красные.

С утра 15 ноября корпус начал бой за Касторную; белые, убедившись в бесполезности сопротивления, сложили оружие. Генерал Постовский пытался на санях уйти из Касторной, но был убит. Трофеи оказались большими: четыре бронепоезда, четыре

танка, сто пулеметов, двадцать два орудия, десятки тысяч снарядов, миллион патронов, тысяча лошадей и около трех тысяч белогвардейцев сдалось в плен.

Победой под Касторной деникинский фронт был окончательно надломлен. А на другой день, 16 ноября, Буденный получил приказ командующего 10-й армией Клюева, в котором указывалось, что конный корпус согласно распоряжению главкома С. С. Каменева передан в подчинение командующему Южным фронтом. «С болью в сердце приходится расставаться с доблестными частями конкорпуса тов. Буденного, — отмечалось в приказе, — который во всех боевых операциях являлся сердцем 10-й Красной Армии. Ныне, расставаясь с геройскими частями конкорпуса тов. Буденного, от лица армии выражаю глубокую благодарность командиру корпуса тов. Буденному, его доблестным начдивам, комбригам и комполкам, начштакору тов. Погребову, начштадивам и начштабригам, всему комиссарскому составу и всем доблестным героям — бойцам 1-го Красного кавалерийского корпуса Советской Республики. Уверен, что геройские части конкорпуса, разбившие наголову оплот деникинской контрреволюции — корпуса генералов Мамонтова и Шкуро, принесут нашей Советской Республике новые победы над нашими заклятыми врагами. Ура доблестным героям! 10-я Красная Армия с интересом будет следить за боевой работой корпуса…» А тем временем М. И. Калинин вернулся в Москву и подробно информировал В. И. Ленина о положении дел в конном корпусе, о предложении Буденного создать Конную армию. По указанию вождя революции этот вопрос был положительно решен в Реввоенсовете республики. В приказе по войскам Южного фронта от 19 ноября 1919 года сообщалось: «В соответствии с п. 1 протокола № 68 заседания РВС республики от 17 сего ноября приказываем: 1. 1-й конный корпус Южного фронта в его нынешнем составе переименовать в Конную армию РСФСР. 2. Командующим Конной армией назначается тов. Буденный. 3. Членами Реввоенсовета Конной армии назначаются тт. Ворошилов и Щаденко…» Утром 6 декабря состоялось первое заседание Реввоенсовета Первой Конной армии и командования Южного фронта. Открыв заседание, Егоров подчеркнул, что Первая Конная армия создана Реввоенсоветом Южного фронта как оперативно-стратегическая подвижная группа войск для решения главной задачи — разгрома Деникина; стремительным ударом через Донбасс следовало расчленить Донскую и Добровольческую армии белых и во взаимодействии с 8-й и 13-й Красными Армиями разгромить их. Поэтому важно теперь же решить вопросы организации боевых частей и соединений армии,

армейского аппарата, тыловых органов. В этом отношении у Ворошилова и Щаденко есть богатый опыт. Слушая Егорова, Буденный записал себе в блокнот: «Ворошилов — политический аппарат, Щаденко — организация частей, тыла и т. п.». Потом выступил Сталин. Он сказал, что Конная армия создается вопреки желаниям некоторых военных руководителей и прежде всего председателя РВС республики Троцкого. Далее Сталин отметил, что задача Конармии — рассечь фронт противника на две части, не дать войскам Деникина, расположенным на Украине, отойти на Северный Кавказ. В этом залог успеха. Задача весьма ответственная, она требует максимум сил и напряжения. Конной армии придется идти через Донбасс…

— Удар через Донбасс, — задумчиво сказал Буденный. — Пролетариат Донбасса поддержит нас, но, пожалуй, плохо будет с фуражом…

Сталин сказал, что руководство Южным фронтом примет все меры, чтобы в кратчайший срок доставить Конной армии фураж и продовольствие в необходимом количестве. Было принято решение подчинить в оперативном отношении Конной армии две стрелковые дивизии, создать отдел формирования (позже отдел стал упраформом Конной армии), а также организовать лазарет.

После заседания Реввоенсовета Сталин спросил Буденного, почему он до сих пор еще не вступил в партию. Буденный сказал, что считает себя большевиком с августа 1917-го. По заданию М. В. Фрунзе разоружал «дикую» дивизию в Орше. Боролся он за дело большевистской партии и у себя в станице, создал там ревком, краснопартизанский отряд. Буденный даже подал заявление в политуправление 10-й армии, чтобы его приняли в ряды большевиков. В подтверждение своих слов он подал Сталину копию этого заявления, датированного 19 марта 1919 года.

Сталин тут же поставил вопрос о приеме Буденного в РКП (б). Было решено считать его членом партии с момента подачи заявления — с 19 марта 1919 года. Рекомендовали Буденного в партию Сталин, Ворошилов и Щаденко.

Когда гости уехали, Ворошилов сказал Буденному, что в последней беседе Владимир Ильич особо подчеркнул необходимость политического воспитания бойцов и командиров Конной армии. Он отметил, продолжал Ворошилов, что сформированная из неорганизованной крестьянской и казачьей массы Конная армия, в том числе и значительная часть командиров, не имеет идейной пролетарской закалки и крепкой военной дисциплины и заражена партизанщиной, не располагает достаточным числом коммунистов среди рядового и командного

состава. Все это следовало преодолеть в условиях боевой походной жизни. В завершение беседы Владимир Ильич подчеркнул: «На политических работников и всех коммунистов Конной армии нашей партией возлагается большая задача — сделать свою армию олицетворением нерушимости союза рабочих и крестьян, имеющих общую цель и единые интересы. Как и во всей стране, этот союз должен проявляться во всем — в боевой обстановке и в повседневной жизни, в общении и укреплении дружеских отношений с представителями разных национальностей. В этом залог нашей победы и в гражданской войне, и в дальнейшем построении социализма».

Именно к этому призывал и первый приказ Реввоенсовета Конармии от 6 декабря 1919 года. «На Реввоенсовет Конармии возложена чрезвычайно трудная и ответственная задача, — говорилось в нем, — сплотить части красной конницы в единую, сильную духом и революционной дисциплиной Красную Конную армию.

Вступая в исполнение своих обязанностей, Реввоенсовет, напоминая о великом историческом моменте, переживаемом Советской Республикой и Красной Армией, наносящей последний смертельный удар бандам Деникина, призывает всех бойцов, командиров и политических комиссаров напрячь все силы в деле организации армии. Необходимо, чтобы каждый рядовой боец был не только бойцом, добровольно выполняющим приказы, но сознавал бы те великие цели, за которые он борется и умирает. Мы твердо уверены, что задача будет выполнена, и армия, сильная не только порывами, но сознанием и духом, идя навстречу победе, беспощадно уничтожая железными полками и дивизиями банды Деникина, впишет еще много славных страниц в историю борьбы за рабоче-крестьянскую Советскую власть».

ГЛАВА ПЯТАЯ
«Я ЛЮБЛЮ КОННУЮ АРМИЮ, НО ЕЩЕ БОЛЬШЕ ЛЮБЛЮ РЕВОЛЮЦИЮ»

1

8 декабря Буденный получил директиву Главного командования № 1311/ш об овладении Полтавой. Главком С. С. Каменев, член РВСР Д. И. Курский и начальник штаба РВСР П. П. Лебедев, анализируя ход операции Южного фронта, потребовали от конницы Буденного нанести быстрый и энергичный удар в направлении на Купянск. В директиве указывалось, что без таких действий в период вынужденного отступления противника утрачивает всякий смысл само сосредоточение в одних руках столь мощной конной группы. «Немедленное нанесение удара конницей Буденного на Купянск может иметь следствием того, что Добровольческая армия будет отрезана от казачьего фронта». Директива адресована командованию Южного фронта. Но ведь только вчера здесь были И. В. Сталин и А. И. Егоров, и, когда речь шла о дальнейших боевых действиях Конармии, вопрос о немедленном овладении Купянском так резко не ставился. Буденный еще раз про чел вслух последнюю строчку директивы: «Добровольческая армия будет отрезана от казачьего фронта…»

— Что, не понял задумку главкома? — спросил командарма Ворошилов, все утро писавший обращение Реввоенсовета армии в связи с предстоящими боями за Донбасс.

— Нам, Клим, дня два необходимо на подготовку наступления на Купянск. И все же сегодня в ночь наступаем. Надо срочно собрать начдивов, командиров бригад и полков.

— Вот прочти, Семен Михайлович, — Ворошилов отдал командарму листы бумаги.

«Крепче же зажми винтовку, красный воин! — читал Буденный. — Получше приготовься, красный храбрый кавалерист, и стройными, стойкими рядами сметем деникинские банды с лица пролетарского Донецкого бассейна.

Пусть Красное знамя труда на веки вечные водрузится в угольном царстве, и народ не забудет наших великих жертв и славных доблестных сил. Он скажет: наши сыны были достойны великих дней освобождения, они завоевали нам жизнь».

Прочитав воззвание, Буденный сказал:

— Это то, что надо. Ты в Конармии недавно, но, чувствую, люди к тебе тянутся, а это главное.

Поздно вечером 9 декабря Конармия овладела Валуйками. Теперь главный удар наносился на Купянск, а вспомогательный — на Покровское. Ворошилов горячо поддержал командарма, добавив, что дорог каждый час: отступая, деникинцы попытаются разрушить в Донбассе шахты.

— Похоже, — размышлял С. М. Буденный, — что Деникин стремится вывести свои войска из-под удара и перебросить свои войска в Донскую область, где контрреволюционное казачество предоставит ему возможность пополнить армию свежими силами, продуктами, оружием… На станции Сватово уже скопились вражеские эшелоны с живой силой и ценными грузами. Надо овладеть станцией. Для этого мы выделим ударную группу в составе 4-й и 11-й кавдивизий под командованием О. Городовикова.

14 декабря Буденный получил директиву Реввоенсовета Южного фронта. Теперь не оставалось никаких сомнений насчет замысла Деникина: главное — не дать его Добровольческой армии уйти в Донскую область. «Ударной группе т. Буденного, — говорилось в директиве, — в составе Конармии, 9-й и 12-й стрелковых дивизий, использовав самым решительным образом для быстрого продвижения пехоты весь наличный транспорт местного населения, стремительным натиском выдвинуться в район Донецкого бассейна и, заняв железнодорожные узлы Попасная, Дебальцево, Иловайская, отрезать все пути отхода для Добровольческой армии в Донскую область. Для занятия Таганрога выделить достаточной силы конную группу. Обращаю внимание т. Буденного, что от быстроты и решительности действий его ударной группы будет зависеть успех всей намеченной операции».

— Ну, что я тебе, Клим, говорил, — улыбнулся Буденный, прочитав директиву. — Отрезать Деникину все пути отхода.

— Надо еще выбить врага из Сватова, — заметил начальник штаба Зотов.

— Я думаю, через день-два Сватово будет в наших руках.

16 декабря командарм получил короткое донесение от Городовикова: «4-я дивизия овладела станцией Сватово, захвачены трофеи, в числе их бронепоезд «Атаман Каледин», много лошадей и снарядов».

— Молодец Ока! Теперь можно переправляться через Северный Донец.

Анализируя обстановку, Буденный высказал начальнику

полевого штаба Зотову такую мысль: Деникин, видимо, постарается нанести удар по частям Конармии при форсировании Северного Донца. Поэтому нам необходимо вначале захватить плацдарм на южном берегу реки, чтобы обеспечить переправу остальных частей ударной группы.

Днем 17 декабря Буденный руководил переправой своих войск. Первый эшелон бойцов в составе 4-й и 6-й кавдивизий на участке Насветечить — Лоскутовка форсировал реку и на ее южном берегу захватил плацдарм. Сделано это было в считанные часы. Другого выхода у командарма не было: по мере вклинивания в территорию, занятую противником, Конармия все больше отрывалась от соседних армий. На это, как выяснилось позже, Деникин и рассчитывал. Но еще перед форсированием реки командарм приказал начдиву 6-й кавдивизии С. Тимошенко прикрыть левый фланг армии, а 11-я кавдивизия, хотя и была выведена в резерв, фактически прикрывала правый фланг 9-й и 12-й стрелковых дивизий.

И все же генерал Улагай, имея численное превосходство в колпице, пытался отбросить Конармию, не дать ей переправиться на южный берег реки. Главное, к чему он стремился, — прорваться в тыл 4-й кавдивизии, окружить и уничтожить ее.

Бойцы 4-й кавдивизии Городовикова сражались храбро, но белые теснили конников к реке, пытаясь сильным артогнем разгромить их. Только тогда Городовиков послал Буденному донесение с просьбой о подмоге. Командарм позвал к себе Зотова и коротко бросил:

— Давай сюда штабных товарищей, и двинем в район боя на бронепоезде!

Бронепоезд Реввоенсовета Конармии двинулся по железной дороге в Сватово — Кременная, неподалеку от станций Меловатка и Кабанье, где кавдивизия Городовикова вела ожесточенный бой. Бронепоезд открыл огонь из орудий и пулеметов. Противник в панике стал откатываться к Северному Донцу.

В ночь на 23 декабря Конармия форсировала Донец и прочно закрепилась на его правом берегу. В тот же день Буденный прибыл на станцию Валуйки — к прямому проводу его вызывал командующий Южным фронтом Егоров.

Буденный доложил: «Боевой дух чудо-богатырей Конармии выше всяких похвал. Преданность революции и хорошее отношение к совершающимся событиям гарантируют полную и скорую победу…» Однако Буденный со свойственной ему прямотой сказал, что Конармия нуждается в огнеприпасах; пет санлетучек, а раненых много, им нужна немедленная медицинская помощь. «Обещанный вами фураж до сих пор не

поступает, и что-то о нем совершенно не слышно. А мы уже подошли к голодноватым местам… В данный момент нет пи одного фунта сахару…»

Егоров сообщил Буденному, что «овса в пути 80 вагонов, сена отправляется 50, остальное грузится и будет направлено; вам выслано 2 миллиона патронов…».

Подводя итоги боев за станцию Сватово и другие населенные пункты, Буденный отметил, что успех был достигнут не только благодаря четкому командованию начдива Городовикова, возглавившего ударную конную группу, но и благодаря стремительности общего наступления Конармии. А самое главное, пожалуй, то, что умело использовались приданные Конармии 9-я и 12-я стрелковые дивизии. Солдаты-пехотинцы, посаженные на конные по возки, успешно взаимодействовали с кавалерией, сковывая противника в нужном направлении, что, в свою очередь, позволяло кавалерии наносить удары во фланг и тыл врага. К сожалению, командующий 8-й армией Сокольников еще перед боями потребовал от Буденного вернуть 12-ю стрелковую дивизию. «Вообще я считаю, — говорил Сокольников Буденному, — что наступление моей Восьмой армии в направлении станции Лихой важнее удара Конной армии через Донбасс на Ростов, а лобовой удар, который мы наносим противнику, приведет не к разобщению белогвардейских армий, а к поражению вашей армии».

На другой день Буденный пытался снова вызвать Сокольникова на прямую связь, но белогвардейцы усилили натиск на фронте, и он не смог связаться с командующим 8-й армией. Сокольников тем временем связался с Егоровым, а тот, прежде чем принять решение, запросил Буденного по прямому проводу: «Твердо ли держите в руках 9-ю и 12-ю дивизии? Помогают ли они вам и считаете ли необходимым дальше продолжать их подчинение вам?» Прочитав это, Буденный усмехнулся:

— Деликатно запрашивает нас Александр Ильич. А я полагал, что Сокольников понял мои доводы. А он… Ну скажи, разве нужна ему эта дивизия, если главный удар по белым наносит Конармия? Нет, Клим, я, кажется, поссорюсь с командующим, если снова буду с ним говорить. Давай лучше ты.

Ворошилов подошел к дежурному связисту и продиктовал: «9-я и 12-я стрелковые дивизии добросовестно и с большой пользой выполняют все наши задания. Считаю крайне важным оставление обеих дивизий в нашем распоряжении».

На следующий день Егоров отправил на имя Сокольникова телеграмму: «Наступление ударной группы т. Буденного отнюдь

не носит лобового характера. Если соседними армиями будут прикованы к себе находящиеся против них силы противника, то маневр т. Буденного может привести именно к разобщению частей Донской армии от Добровольческой, главные силы которых до сего времени действуют к западу от меридиана Попасная — Таганрог. Ввиду изложенного дать согласие на снятие с фронта ударной группы т. Буденного, 12-й дивизии, не могу. Эта дивизия уже втянута в боевые действия названной группы и в настоящее время выдвигается на южный берег р. Северный Донец».

Буденный вызвал к себе начальника разведотдела армии И. С. Стройло и попросил уточнить данные о войсках Деникина, обороняющих Донбасс.

Ивана Сергеевича Стройло Буденный знал давно, еще когда тот в 1915 году окончил учительскую семинарию и был призван в царскую армию. Стройло стал прапорщиком, воевал на Юго-Западном фронте, которым в то время командовал генерал А. А. Брусилов. После свержения царизма в ноябре 1917 года попал на Дон, работал в подпольной большевистской организации в отряде председателя Донского советского правительства Ф. Г. Подтелкова, откуда его послали на курсы политработников в Ростов. Но окончить курсы Ивану Сергеевичу не удалось: все курсанты ушли на фронт. Стройло умело организовал в Конармии разведку, и командарм высоко ценил его. Сейчас Иван Сергеевич доложил: в районе Донбасса Деникин собрал три кавалерийских корпуса, две пехотные дивизии и пять бронепоездов. А главные его силы находятся в районе Бахмута.

Буденный проницательно посмотрел на Стройло. Выходит, Деникин замышляет нанести контрудар? Расчет на то, что Конармия дрогнет и белогвардейцы отбросят ее за Северный Донец.

— Да, а что делать с пленными? — спросил Стройло. — Их чертова дюжина.

Командарм предложил Ворошилову отпустить их.

— Наверняка они ждут, что мы их расстреляем. Деникин своих казаков стращает Буденным, мол, красный бандит, вешатель. Отпусти их, Зотов, — распорядился командарм. — Пусть видят беляки, что мы не злодеи.

Буденный стал размышлять над тем, как сковать действия противника. Скорее всего наступлением с фронта частями 9-й и 12-й стрелковых дивизий; 11-я и 6-я кавдивизии нанесут фланговые удары по врагу в районе Бахмут (Артемовск) — Попасная. А для развития успеха и парирования возможных контрударов он выделит в резерв 4-ю кавалерийскую дивизию.

Бронепоезда пошлет на станцию Попасная, откуда можно действовать в трех направлениях: Попасная — Бахмут, Попасная — Горловка, Попасная — Дебальцево…

Однако настораживало одно обстоятельство: если белогвардейцы пойдут в контратаку, выдержит ли их натиск 9-я стрелковая дивизия? Люди там закаленные, приобрели опыт ведения боев с конницей белых, но у противника численное превосходство. Буденный считал также, что соседние 8-я и 13-я армии наступают крайне медленно. Еще 21 декабря он послал телеграмму командующему Южным фронтом Егорову с просьбой поправить это дело. Но случилось так, что об этой телеграмме узнал главком С. С. Каменев и не поддержал его просьбу. Мало того, главком счел нужным указать Егорову на активизацию действий Первой Конной армии. В своей телеграмме от 26 декабря главком писал, что, требуя ускорить наступление соседних 8-й и 13-й армий, Буденный, по-видимому, не вполне уяснил свои задачи быстрого выдвижения конницы, совершенно не равняясь на соседнюю пехоту для выполнения поставленной ему цели. «Прошу вас указать т. Буденному на необходимость энергичного действия конной массы в данном ей направлении».

— Есть над чем подумать, — сказал Буденный.

Он тут же вместе с членами Реввоенсовета еще раз проанализировал действия Конармии и отдал приказ ускорить темпы продвижения, чтобы не дать противнику возможность перегруппировать свои войска. А такой замысел Деникина был очевиден: конная группа Улагая неожиданно появилась к северу от Бахмута.

Буденный бросил навстречу конной группе 11-ю кавдивизию, а 4-ю кавдивизию Городовикова — в тыл белогвардейцев. Ставя задачу Городовикову, командарм приказывал начдиву ночью вывести дивизию в район Михайловка — Ореховка, создав угрозу правому флангу и тылу бахмутской группировки Улагая. Городовиков, однако, возразил: «Зачем ждать рассвета? Не надо ждать. Я начну переход сейчас. Под покровом ночи незаметно выведу свою дивизию. Разрешите?..»

Вклинившись глубоко в расположение белогвардейцев и разорвав фронт на две части, 4-я кавдивизия создала реальную угрозу окружения белых. 26 декабря противник повсеместно вынужден был начать отступление.

И к 1 января 1920 года Донбасс вновь стал советским.

2

Наступил новый, 1920 год. Противник в течение 2 и 3 января сумел задержать наступление наших частей на фронте 8-й армии и правофланговых частей Юго-Восточного фронта. «Это обстоятельство, — телеграфировал Буденному командующий фронтом Егоров, — создает крайне благоприятную обстановку для нанесения ему частями вверенной вам группы удара во фланг и тыл в направлении Ростов — Нахичевань. Для успешности этой операции намечаемый удар должен быть нанесен безотлагательно и самым стремительным образом…»

— Ростов — это ворота на Северный Кавказ, и Деникин непременно попытается вывести через них свои войска из-под удара Красной Армии, — возразил командарм. — Необходимо преследовать противника. Ведь, по данным разведки, в районе Большие Салы, Несветай и Генеральный Мост противник сосредоточил ударную группу своей конницы, состоящую из частей корпусов генералов Мамонтова, Науменко, Топоркова, Барбовича.

Ворошилов предложил выехать на фронт и там принять окончательное решение.

Весь день Буденный, Ворошилов и Щаденко провели на передовых позициях. Выяснилось, что главные силы белогвардейцев на Ростовском направлении, значит, наступать на Таганрог не было смысла.

В это время в штаб Конармии поступило сразу две директивы Главного командования командованию Южного и Юго-Восточного фронтов. В одной из них — № 4/ш об овладении районом Ростова и Новочеркасска — говорилось, что ввиду крупных успехов 13-й и Конной армий в Донецком бассейне, захвативших в плен Марковскую дивизию Добровольческой армии и громадные военные трофеи, главком С. С. Каменев, в частности, приказывал левому флангу Южного фронта и правому флангу Юго-Восточного фронта «продолжить энергичное и согласованное наступление на юг для овладения районом Ростов-на-Дону — Нахичевань — Новочеркасск, выслав сильную конницу для захвата переправ через Дон на участке от ст. Аксайская до устья». В другой директиве — № 5/ш о задачах Первой Конной армии — главком писал: «Не стесняя вас в выборе решения, считаю необходимым пояснить мою директиву от 2 января с. г. № 4/ш, а именно: при распределении сил Конной армии главным направлением считаю направление на Ростов-на-Дону и Нахичевань, куда, полагаю, и надлежит бросить главную массу Конной армии, выделив меньшую часть ее сил для захвата Таганрога и содействия 13-й и 14-й армиям в их операции по окончательному разгрому остатков главного ядра

Добровольческой армии…»

В морозный день 6 января Буденный отдал приказ об овладении Ростовом. Завязались ожесточенные бои. Под ударами частей 9-й стрелковой и 11-й дивизий пал Таганрог, белые отступили к Ростову, надеясь, что подступы к этому городу надежно защищены. На город наступала 6-я кавдивизия Семена Тимошенко, и Буденный решил вместе с Ворошиловым быть в ее рядах, чтобы непосредственно руководить наступлением, а Щаденко он направил в 11-ю кавдивизию. Собрались ехать, а тут в штаб армии поступило донесение о том, что 15-я и 16-я стрелковые дивизии 8-й армии, наступавшие в Ростовском направлении, в бою с конницей белогвардейцев понесли большие потери и отступили в район расположения 4-й кавдивизии. Противник мог использовать этот частичный успех, если не принять срочных мер. Буденный приказал командиру автобронеотряда Аргиру и автоброневикам Войткевича немедленно «опрокинуть вражью конницу». 11-ю кавдивизию он направил в район Чалтырь — Крым с тем, чтобы она охватила левый фланг противника.

4-я кавдивизия без единого выстрела вышла в район хутора Ольгинский — Волошино и, круто повернув назад, нанесла внезапный удар по флангу и тылу противника. Когда Буденному, находившемуся в штабе 6-й кавдивизии, стало об этом известно, он обрадовался: «Ну и Городовиков, ну и молодчина! А что, Климент Ефремович, любит наш Ока фланговые удары по врагу? Вот оно, искусство боя — уметь навязать противнику свою волю».

Вечером 8 января части Конармии ворвались в Ростов. Белогвардейцы, застигнутые врасплох, не смогли оказать им упорного сопротивления. 11 января Реввоенсовет Конармии отправил донесение Реввоенсовету Южного фронта и В. И. Ленину: «Красной Конной армией 8 января 1920 г. в 20 часов взяты города Ростов и Нахичевань. Наша славная кавалерия уничтожила всю живую силу врага, защищавшую осиные гнезда дворянско-буржуазной контрреволюции. Взято в плен больше 10 ООО белых солдат, 9 танков, 32 орудия, около 200 пулеметов, много винтовок и колоссальный обоз…»

Утром 12 января на окраине Ростова выстроились полки Конармии. Буденный громко читал телеграмму Реввоенсовета Южного фронта, присланную по случаю освобождения Ростова. В ней говорилось, что беззаветное мужество и доблесть героев Конной армии вернули Советской России Ростов. Красное знамя развевается на стенах бывшего очага заклятых врагов русского трудового народа. «Братски жмем руку красным богатырям, несущим знамя освобождения Кавказу. Обнимаем товарищей

Буденного, Ворошилова, Щаденко».

После занятия Ростова Южный фронт был переименован в Юго-Западный, а Первая Конная армия передана в подчинение Юго-Восточного фронта, которым командовал В. И. Шорин. 9 января Буденный получил директиву командующего: Конармии ставилась задача «перебросится на левый берег Дона и, обеспечив за собой обладание переправами, выходить на фронт Ейское — Кущевская (исключительно)». Командарм задумался. По сведениям разведки, почти все переправы через Дон враг уничтожил; реки покрыты тонким льдом… Как тут наступать? А если учесть, что в эти дни началась оттепель и по утрам над степью стояли густые туманы, то станет очевидным, что продвигаться Конармия будет медленно. Так оно и случилось.

Буденный в тот же день послал Шорину донесение, в котором изложил причины задержки наступления. Он с нетерпением ждал ответа.

Прошло еще несколько тревожных дней. Буденный вновь и вновь изучал сложившуюся обстановку, требовавшую учета своих сил и сил противника, создавшего на некоторых участках фронта ударные пункты. На фронте Азов — Батайск — Ольгинская Деникин сосредоточил свои главные силы — конные корпуса, а также части Добровольческой армии. Войска 8-й армии в эти дни находились на правом берегу реки Аксай, от Нахичевани до Новочеркасска. Что предпримет Шорин?

Наконец вечером 14 января поступила депеша от командующего фронтом. Шорин подтвердил задачу Конармии — форсировать Дон на участке Батайск — Ольгинская, прорвать оборону противника и выйти на линию Ейск — Старо-Минская — Кущевская. Получалось, надо наносить удар в лоб по главным силам противника, сосредоточенным в Батайске и Ольгинской? Но зачем идти в лоб? Наносить удар по Батайску крайне невыгодно для Конармии. Если даже она и форсирует Дои, то попадет в болота: поймы рек Дона и Койсуг, отделявшие Конармию от Батайска и Ольгинской, затоплены водой, покрыты тонким льдом. По нему армия не пройдет, вся застрянет, по ней деникинцы из орудий и пулеметов смогут бить прямой наводкой. Рассчитывать на помощь 8, 9 и 10-й армий не приходилось: они еще не успели перегруппировать свои силы. Что делать? К тому же у врага на том берегу Дона масса конницы, орудия и пулеметы будут бить без промаха. С болью в душе Буденный отдал приказ наступать.

17 января Конармия устремилась к Батайску. Кавалерия шла на врага под градом пуль. Атака длилась до самого вечера, но успеха не имела. К ночи полки Конармии вернулись на исходные

позиции.

В 3 часа ночи Реввоенсовет Конармии обратился к командующему фронтом с просьбой оказать поддержку стрелковыми частями или отменить директиву. Но Шорин был неумолим. Ворошилов только развел руками, а Буденный, бросив взгляд на карту, высказал такую мысль: а что, если переправиться через Дон в районе станицы Константиновская, где есть переправа, и с тыла ударить по белым? Да, так он и решил. 21 января Конармия снова пошла в наступление, но успеха не имела. Командарм еще раз убедился, что лобовой атакой Батайском не овладеть, надо применять обходной маневр. Реввоенсовет Конармии вновь обратился по прямому проводу к Шорину с просьбой отменить его приказ на атаку Батайска со стороны Ростова. Однако тот отклонил его просьбу.

Мнение Буденного о бесцельности лобовых атак, как позже выяснилось, разделяло и Главное командование Красной Армии. Так, 22 января в директиве № 66/ш о перенесении главного удара на фронт 9-й армии главком С. С. Каменев писал, что операция форсирования Дона на фронте 8-й и Конной армий, произведенная этими армиями 21 января, с достаточной очевидностью доказала всю трудность этого маневра при настоящей обстановке. «Считаю, — телеграфировал главком командующему Кавказским фронтом (Юго-Восточный фронт в это время уже был переименован в Кавказский), — что дальнейшее повторение такого рода маневра не обещает успеха и поэтому необходимо все внимание обратить сейчас на маневр 9-й и 10-й армий, поставив задачей: прорыв 9-й армией линии Маныча с целью продвижения конницы Думенко во фланг и тыл Добровольческой армии, укрепившейся на фронте 8-й и Конной армий».

К сожалению, командование Кавказского фронта не приняло мер для выполнения этой директивы. 23 января Буденный вынужден был послать телеграмму на имя И. В. Сталина и председателя Реввоенсовета республики, изложив подробности бесцельного наступления, во время которого армия понесла большие потери. Командарм писал, что командующему фронтом Шорину Реввоенсоветом армии предложена следующая комбинация: 8-я армия, оставаясь в Нахичевани и Ростове, берет на себя защиту этих городов, а Конармия перебрасывается в район станицы Константиновская, где, легко переправившись на левый берег реки Дои, форсированным маршем поведет наступление на юго-запад, уничтожая все на своем пути. «Если же будем продолжать попытки овладеть г. Батайском от Ростова, Нахичевани, наша нравственная обязанность предупредить вас и

в вашем лице Советское правительство, что мы уничтожим окончательно лучшую конницу республики и рискуем очень многим…»

Однако одним этим Буденный не ограничился. Когда 24 января в Ростов прибыл Шорин, командарм высказал ему все. Конармия, говорил Буденный, штурмует Батайск и буквально истекает кровью в болотах, а другие армии фронта почему-то не оказывают ей должной помощи. Однако Шорин заявил, что Конармия должна взять Батайск, как и было им решено. Остается неясным, почему Шорин не выполнил требования директивы главкома за № 66/ш от 22 января, то ли он не получил ее, когда ехал в Ростов, то ли игнорировал требование С. С. Каменева.

В тот же день Реввоенсовет Конармии обратился с телеграммой к Ленину, Сталину и Троцкому. Он докладывал, что командующий Кавказским фронтом Шорин «поставил Конную армию на грань гибели и совершенно не прислушивается к нашему мнению о наиболее целесообразном ее использовании…». В этот же день начальник штаба РВСР П. Лебедев передал приказание главкома «принять все меры, чтобы лобовые атаки 8-й и Конной армий, назначенные на 24 января, были отложены».

Положение усугубилось еще и тем, что в это время частям 21-й дивизии удалось занять Манычскую, что было равносильно началу прорыва линии Маныча. С. С. Каменев, желая развить главный маневр на фронте 9-й армии, решил нанести с этого же фронта удар конной группой. Поскольку, как считал главком, бесцельные атаки Конной армии на Батайск уже были прекращены, он приказал обеспечению фронта Новочеркасск — Синявская возложить на 8-ю армию, усиленную 9-й, 12-й стрелковыми дивизиями и одной из основных конных дивизий, входящих в состав Конной армии Буденного. Остальные силы Буденного, писал главком, быстро перекинуть в район Константиновская — Раздорская, «где объединить командование всех частей конницы Думенко и Буденного под начальством командарма Буденного, усилить еще одной пехотной дивизией и нанести решительный удар в общем направлении на Мечетинскую с целью выхода конной группы во фланг и тыл противнику, собравшему лучшие свои части на фронте Новочеркасск — Синявская. Переброска частей конницы Буденного должна быть произведена форсированным маршем». Шорин вывел из подчинения Конармии 9-ю и 12-ю стрелковые дивизии, передал их 8-й армии, а ослабленную Конармию, не объединив с конницей Думенко, как того требовал главком, приказал перебросить в район Заплавской с задачей форсировать Маныч в районе станицы Багаевской и нанести удар во фланг

ростовской группировки противника.

Три дня продолжались бои. Но продвинуться к Батайску так и не удалось. Буденный мучительно думал, как спасти армию. Это было его долгом, его обязанностью, пренебрегать которой он не имел права. И тогда он решил обратиться с письмом к Ленину. Буденный взял лист бумаги, карандаш и стал писать:

«Станица Багаевская на р. Дон, 1-го февраля 1920 года. Глубокоуважаемый вождь, Владимир Ильич! Простите меня за то, что обращаюсь к Вам с этим письмом. Я очень хочу лично Вас видеть и преклониться перед Вами как Великим вождем всех бедных крестьян и рабочих. Но дело фронта и банды Деникина мешают мне сделать это. Я должен сообщить Вам, тов. Ленин, что Конная армия переживает тяжелое время. Еще никогда так мою конницу не били, как побили теперь белые. А побили ее потому, что командующий фронтом поставил Конную армию в такие условия, что она может погибнуть совсем. Мне стыдно Вам об этом говорить, но я люблю Конную армию, но еще больше люблю революцию. А конница еще очень нужна революции. Командующий фронтом товарищ Шорин вначале поставил конницу в болота Дона и заставил форсировать р. Дои. Противник этим воспользовался и чуть было не уничтожил всю нашу конницу. А когда Реввоенсовет потребовал, чтобы изменить направление Конной армии, тов. Шорин лишил вверенную мне армию пехоты. Он передал две пехотные дивизии 8-й армии, а Конная армия была брошена одна на противника и вторично оказалась сильно помятой. За все мое командование подобных печальных явлений не было. А как только Шорин получил право распоряжаться вверенной мне армией, так и полились несчастья. Еще 26-го октября 1919 года, когда я был в подчинении тов. Шорина, он мне дал задачу, которая была вредна нам и полезна противнику. Тогда я по телеграфу ему об этом сказал, и он, наверное, обиделся и запомнил, а теперь все это отражается на общем нашем революционном деле. На сегодня получил задачу разбить противника и продвинуться вперед на 60 верст, а соседние армии стоят согласно приказу Шорина на месте и тем самым дают возможность противнику снимать свои части с фронта и бросать их против Конной армии. Это явное преступление. Прошу обратить Ваше внимание на Красную Конную армию и другие армии, иначе они понапрасну погибнут от такого преступного командования. Крепко жму Вашу руку. Командарм 1 Конной Буденный». Отправить письмо Буденный поручил начальнику полештарма Зотову. «Сделай, Степан Андреевич, так, чтобы письмо попало лично в руки Ильича», — сказал Буденный. (Уже после гражданской войны Буденный

узнал, что В. И. Ленин, получив его письмо, лично расписался на конверте. С пометкой В. И. Ленина оно хранится теперь в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.) В ночь на 2 февраля Буденный выехал на фронт. Конармия по-прежнему вела тяжелые бои с белогвардейцами, лишенная всякой поддержки соседей. В ожидании доставки письма В. И. Ленину в Москву Буденный решил послать телеграмму С. С. Каменеву и вечером 2 февраля вместе с Ворошиловым приехал в Ростов. В докладе главкому с предельной точностью изложил суть вопроса. Теперь оставалось ждать, что решит главком. В это время в штаб Конармии приехал другой член Реввоенсовета, Е. А. Щаденко, который все это время находился в Таганроге. Он создал там упраформ Конармии, сформировал из добровольцев 14-ю кавалерийскую дивизию, готовил к открытию командную школу Конармии. Узнав о неправильных действиях Шорина, он посоветовал Буденному немедленно связаться по прямому проводу со Сталиным, который, по его данным, находился в Курске.

— А что, стоящее дело! — поддержал его Ворошилов.

Связаться со Сталиным удалось на другой день, 3 февраля. Изложив обстановку на фронте, Буденный в заключение сообщил: «Повторяем, на фронте неблагополучно. Сегодня собирались сдать Новочеркасск. Если не приедете вы или кто-нибудь равный вам в Ростов, здесь произойдет катастрофа. Еще раз обращаемся с просьбой немедленно выехать сюда, хотя бы на 2–3 часа…»

С волнением Буденный читал ленту с ответом Сталина: «Дней восемь назад, в бытность мою в Москве, в день получения мной вашей шифротелеграммы, я добился отставки Шорина… В Ревсовет вашего фронта назначен Орджоникидзе, который очень хорошо относится к Конармии…

Что касается моего выезда, я, вы знаете, не свободен, назначен председателем Совета Труда Юго-Западного фронта и без согласия Совета Обороны не смогу выехать. Во всяком случае, передам вашу записку Ильичу на заключение, если вы не возражаете. Окончательный ответ могу дать только после переговоров с Ильичем. Об одном прошу: берегите Конную армию, это неоценимое золото республики. Пусть временно пропадают те или иные города, лишь бы сохранилась Конная армия».

Буденный бросил быстрый взгляд на Ворошилова:

— Жаль, что Сталин не сможет приехать сюда, жаль. А ты-то будешь с ним говорить?..

Ворошилов подошел к аппарату. Он знал Сталина давно, вместе с ним был на Царицынском фронте и, как рассчитывал

Климент Ефремович, он лучше других поймет их состояние. Он доложил Сталину обо всем, что тревожило Реввоенсовет Конармии. «Если почему-либо Ильич не согласится на ваш приезд, хотя он в интересах республики необходим, настойте, пожалуйста, на немедленном выезде в Ростов Орджоникидзе». Ворошилов просил также немедленно откомандировать в распоряжение Конармии 9-ю стрелковую дивизию, указать на срочное пополнение Конармии.

Поздно вечером Реввоенсовет Конармии по прямому проводу вновь связался со Сталиным. «Результаты таковы, — сообщил Сталин, — что я к вам пока выехать не могу — это первое; второе — мы перебрасываем в район Иловайская две лучшие дивизии, из них одна Латышская; третье — мы сегодня или завтра выбросим Шорина из Дебальцева (в Дебальцеве размещался полевой штаб Кавказского фронта. — А. З.); четвертое — я добиваюсь и, надеюсь, добьюсь отставки Сокольникова».

Сталин, обеспокоенный положением на Кавказском фронте и особенно неправильным использованием Конармии, утром 4 февраля связался по прямому проводу с Саратовом, где находился Орджоникидзе, и сообщил ему подробности своих переговоров с Реввоенсоветом Конармии. Он указал, что Шорин «ведет войну с Конармией», отобрал у нее подчиненные ей в оперативном отношении две стрелковые дивизии; командующий 8-й армией Сокольников создал вокруг Конармии атмосферу вражды и злобы. «По моему глубокому убеждению, — говорил Сталин, — ваш новый комфронт (командующим войсками Кавказского фронта был назначен М. Н. Тухачевский. — А. З.) п члены Реввоенсовета должны принять следующие меры: 1. Немедленно удалить Шорина.

2. Выехать самим на правый фланг. 3. Объединить группу Думенко с Конармией в одну мощную силу, подчинив первую последней. 4. Передать Конармии в оперативное подчинение две стрелковые дивизии для опоры на флангах. 5. Отставить командарма 8 Сокольникова без промедления…»

Орджоникидзе ответил Сталину, что «Шорин со вчерашнего дня уже не командует, приказ ему вручен в Купянске».

5 февраля Реввоенсовет Конной армии получил телеграмму от Реввоенсовета Кавказского фронта, подписанную Г. К. Орджоникидзе и М. Н. Тухачевским. Они сообщали, что «неприятно поражены сложившейся обстановкой в отношениях соседних армий и некоторых отдельных лиц с героической красной конницей. Мы глубоко убеждены, что старые дружественные отношения возобновятся и заслуги и искусство Конной армии будут оценены по достоинству. Завтра выезжаем в

вашу армию».

— Ну, кажется, трудности остались позади, — облегченно вздохнул Буденный. — Но я и сейчас еще волнуюсь. Как пойдут дальше дела? Примет ли новый комфронтом Тухачевский наш план дальнейшего наступления?

— Насчет плана ты, Семен, не торопись. Дай людям время подумать, — отозвался Ворошилов.

И только 9 февраля Буденный получил директиву Реввоенсовета Кавказского фронта: план разгрома деникинских войск, предложенный Буденным, был принят, Конармия нацеливалась для удара на Тихорецкую, в стык Донской и Кубанской армий Деникина.

Передохнув и пополнившись боеприпасами и продовольствием, Конармия 11 февраля начала марш в район Платовская — Шара-Булукский. К вечеру прибыли в район станицы Платовской. Мать бы свою проведать, но не мог Буденный терять время, потому что 15 февраля была назначена переправа через Маныч.

— Может, заскочишь к своим на часок, а?

— Нет, Клим, сейчас не могу. Ты же сам знаешь. Зачем нервы щекочешь?

— Ладно, хотел как лучше…

Бои возобновились. Под ударами Конной армии белогвардейцы отступали. В ночь с 16-го на 17 февраля были освобождены станция Торговая, село Воронцово-Николаевка. Здесь сосредоточились 4-я, 6-я кавалерийские, 20, 34 и 50-я стрелковые дивизии. Буденный, собрав на короткое совещание командиров, довел до их сведения, что, по данным разведки, в тыл наших войск движется конная группа генерала Павлова. По приказу Деникина она должна была, «следуя вверх по Манычу, совместно с 1-м корпусом ударить во фланги и тыл конницы Буденного…». У Павлова было до двенадцати тысяч конников, и в районе хутора Веселый ему удалось 16 февраля опрокинуть корпус Б. М. Думенко, затем форсированным маршем продвинуться к станице Великокняжеской.

Стоял сильный мороз. Конница Павлова утопала в глубоком снегу. 18 февраля Первая Конная армия нанесла ощутимые удары по врагу. Вспоминая это сражение, Буденный писал: «Жуткую картину представляла степь, усеянная сотнями убитых и замерзших белоказаков. Среди брошенной артиллерий и пулеметов, зарядных ящиков и разбитых повозок лежали замерзшие люди и лошади. Одни замерзли, свернувшись в клубок, другие на коленях, а иные стоя, по пояс в снегу, рядом со своими застывшими лошадьми.

Впоследствии нами была организована специальная комиссия под председательством комиссара 4-й кавдивизии А. И. Детистова по обследованию поля боя. За время боевых действий в районе Торговая — Средний Егорлык согласно учету комиссии Детистова белые потеряли убитыми и замерзшими до пяти тысяч человек и две тысячи триста лошадей».

В операции по разгрому войск Деникина в Белой Глине проявилась одна из ярких черт таланта Буденного — его умение вовремя разгадать замысел врага. Деникин стремился ударить по левому флангу и тылу Конармии, для чего к югу от Конармии сосредоточил неподалеку от Белой Глины пехотные и кавалерийские корпуса Кубанской армии. Буденный разгадал этот план врага. Несмотря на то, что противник имел численное превосходство, командарм применил тактику охвата флангов, ударил по нему с запада и с юга. Для усыпления бдительности белых он приказал начальнику полевого штаба Зотову перебросить несколько частей южнее Белой Глины: пусть Деникин думает, будто он, Буденный, поведет Конармию в лобовую атаку, как это было в районе Батайска по злой воле Шорина. Убедившись, что другого, более короткого пути к разгрому врага нет, Буденный, собрав совещание начдивов и комиссаров, изложил суть своего плана. Возражений ни у кого не было. И все же Буденный еще раз предупредил, что операция по своему маневру очень сложная и требует максимальной быстроты — важно не допустить объединения сил противника и громить его по частям. Начдивам Тимошенко и Городовикову командарм приказал вывести свои части скрытно в район Среднего Егорлыка на фланг корпуса Крыжановского, перерезать железную дорогу у разъезда Горький и нанести удар белым с тыла.

Белогвардейцы были разбиты. «Дух был потерян вновь», — писал Деникин впоследствии, характеризуя состояние своих войск после поражения. В егорлыкском сражении с обеих сторон участвовало до сорока тысяч одних кавалеристов, не считая пехоты.

«Если говорить об этом сражении как испытании боевой зрелости и боевого духа Конармии, — отмечал Буденный, — то я с полным правом могу сказать, что испытание было выдержано блестяще всеми соединениями и частями нашей армии. Геройски сражались и умело руководили дивизиями начдивы 4, 6 и 11-й кавалерийских дивизий Городовиков, Тимошенко и Степной-Спижарный. Примером личной храбрости воодушевляли бойцов комиссары дивизий Бухтуров, Детистов и Хрулев. Тюленев, сменивший на посту погибшего Мироненко, раненный в бою, руководил 2-й бригадой 4-й дивизии до конца сражения. Нельзя

было не восхищаться стойкостью в бою наших артиллеристов и пулеметчиков. Храбро сражались бойцы, командиры и комиссары доблестной 20-й стрелковой дивизии».

13 марта Буденный вместе с Ворошиловым прибыл в Батайск. Там они узнали от начальника станции, что здесь стоит вагон командующего Кавказским фронтом. «Надо бы нам представиться», — сказал Ворошилов. Только вошли в вагон командующего, как Тухачевский строго спросил, почему это он, Буденный, двинул Конармию не в направлении станции Мечетинской, а в район Торговой.

— Вы что же самовольничаете? — Тухачевский не мигая смотрел прямо ему в глаза.

Буденный сообщил Тухачевскому, что принял такое решение вовсе не случайно и не из желания действовать вопреки командующему. Этого потребовала сложившаяся обстановка. Во-первых, Конармия страшно утомлена и не могла двигаться по степи, где лежит глубокий, до метра высотой, слой снега: лошади и люди просто увязли бы в нем; во-вторых, были сильные морозы и армию могла бы постичь участь конной группы Павлова, где померзли тысячи людей.

— Товарищ командующий, мы ведь выполнили свою задачу, — осторожно заметил Буденный. — Остатки войск генерала Деникина бегут под ударами конармейцев.

Тухачевский отозвался сдержанно:

— Я ценю инициативу любого командарма, если она на пользу дела. Сами ведь жаловались на Шорина? Стоило ему принять неправильное решение, и едва не произошла катастрофа с вашей Конной армией.

В вагоне Буденный познакомился и с членом Реввоенсовета фронта Г. К. Орджоникидзе. Об этом он написал так: «Пока я говорил с Тухачевским, к нам подошел черноглазый и черноусый, плотно сложенный мужчина средних лет с орлиным носом и, немного послушав, добродушно улыбаясь, с заметно кавказским акцентом сказал командующему:

— Брось придираться. Нужно радоваться. Ведь противник разбит. Разбит в основном усилиями Конармии. А ты говоришь… Даже Екатерина Вторая сказала, что победителей не судят. — И он обернулся к нам: — Будем знакомы — Орджоникидзе».

После беседы о предстоящих боях по уничтожению остатков банд генерала Деникина Орджоникидзе сообщил Буденному, что на имя И. И. Смилги и его, Орджоникидзе, получена телеграмма В. И. Ленина. Ленин писал: «Крайне обеспокоен состоянием наших войск на Кавказском фронте, полным разложением у

Буденного, ослаблением всех наших войск, слабостью общего командования, распрей между армиями, усилением противника. Необходимо напрячь все силы и провести ряд экстренных мер с революционной энергией. Телеграфируйте подробно шифром, что именно предпринимаете»[4].

Буденный был уверен, что кто-то из недоброжелателей выдал желаемое за действительное. С присущей ему горячностью командарм отверг всякие обвинения в адрес Конармии, потребовал от командования фронта лично проверить состояние дисциплины и организованности в армии. Орджоникидзе и Тухачевский заверили его в том, что опровергнут эти нелепые утверждения. И действительно, Реввоенсовет Кавказского фронта вскоре послал письмо В. И. Ленину и главкому С. С. Каменеву. «Со слов Лебедева (начальник штаба Реввоенсовета республики. — А. З.), — писали Орджоникидзе и Тухачевский, — нам стало известно, что в Реввоенсовете республики вследствие неточной информации создалось неправильное представление о Конной армии и об ее командарме… Конная армия в смысле боеспособности выше всяких похвал. Отличается дисциплиной в бою и чрезвычайной смелостью… Ни одна кавчасть противника, даже сильнейшая, не выдерживала стремительных атак частей Конной армии. Начдивы очень способные и смелые начальники».

В. И. Ленин об этом не забыл, и, когда в апреле 1920 года Буденный прибыл в Москву для решения вопроса о способе переброски Конармии на Западный фронт, Владимир Ильич, выслушав его доклад о Конармии, неожиданно спросил:

— Скажите, вы на меня не обиделись?

Буденный недоуменно пожал плечами:

— За что обижаться, Владимир Ильич?

— Забыли, да? А моя телеграмма?

Буденный доложил В. И. Ленину, что бойцы Конармии высоко несут честь и достоинство защитников Советской Республики. Конармия успешно громит врага. А этого можно достичь при условии высокой дисциплины и организованности.

Ленин улыбнулся:

— Верю, товарищ Буденный. А за телеграмму не сердитесь. Так надо. Красная Армия — детище народа, его страж и надежда. И нам вовсе небезразлично, как ведут себя бойцы. Надо свято дорожить именем солдата революционной армии…

Командующий Кавказским фронтом М. Н. Тухачевский поставил Конармии задачу — выйти в район Усть-Лабинская — Ладожская, форсировать реку Кубань и к 19 марта овладеть районом Белореченская — Гиагинская. Тухачевский добавил, что с овладением городами Екатеринодаром (Краснодар) и

Новороссийском Кавказский фронт пере ходит к решительным действиям по овладению Грозненским районом.

Уяснив задачу, Буденный вернулся в Егорлыкскую. На следующий день сюда прибыли командующий Кавказским фронтом Тухачевский и член Реввоенсовета фронта Орджоникидзе. Они устроили строевой смотр частей армии. После смотра частей Тухачевский похвалил его:

— А вы, Семен Михайлович, не сердитесь. Мне, командующему, положено строго спрашивать за порядок и организованность. Армия сильна единством духа и дисциплины, и вы с Ворошиловым знаете это не хуже меня.

Буденный пригласил гостей пообедать вместе с Реввоенсоветом Конармии. Те согласились. За обедом зашел разговор о том, что скоро кончится война и тогда можно будет взяться за мирные дела. Однако Орджоникидзе не разделил оптимизма командарма:

— Видно, придется еще воевать с белополяками. — И он показал Буденному телеграмму В. И. Ленина. «Очень рад вашему сообщению, что скоро ожидаете полного разгрома Деникина, — писал Ленин, — но боюсь чрезмерного вашего оптимизма. Поляки, видимо, сделают войну с ними неизбежной. Поэтому главная задача сейчас не Кавтрудармия, а подготовка быстрейшей переброски максимума войск на Запфропт. На этой задаче сосредоточьте все усилия. Используйте пленных архиэнергично для того же»[5].

— Что, и Конармию пошлют на Западный фронт? — спросил Буденный.

Тухачевский ответил: указаний на этот счет пока от главкома нет. Орджоникидзе высказался более определенно: Конармия наверняка будет переброшена к западным границам республики. Обстановка там складывается тревожная. Папская Польша угрожает нам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

1

Так оно и произошло. 25 марта у командарма по прямому проводу состоялся разговор с Орджоникидзе. Буденного и Ворошилова срочно вызвали в Москву. Речь будет идти о переброске Первой Конной армии на Западный фронт. 29 марта Буденный и Ворошилов прибыли в Ростов, где размещался штаб Кавказского фронта. В штабе фронта их принял член Реввоенсовета фронта Г. К. Орджоникидзе.

— Ну вот и освободители Майкопа! — сказал он, подавая руку Буденному.

В это время подошел М. Н. Тухачевский и, поздоровавшись, спросил:

— Как дела на фронте, товарищи? Чем порадуете? Да вы садитесь, товарищ Буденный.

Командарм доложил, что все складывается хорошо. Разбитые и деморализованные части 2-го Кубанского корпуса и примкнувшие к нему подразделения Чеченской и Астраханской дивизий под прикрытием бронепоездов отходят в направлении станции Хадыжинской и Кабардинской.

Выслушав Буденного, Тухачевский сказал, что в Москве, вероятно, речь будет идти о способе переброски Конармии на запад.

— Мы докладывали главкому С. С. Каменеву, что считаем целесообразнее всего двигаться походным маршем, ибо в настоящее время фронт не располагает подвижным составом, чтобы в короткий срок перебросить такую массу конницы по железной дороге. Но пока решение не принято, за этим и надлежит вам ехать в Москву.

— Завидую вам. Едете в Москву. Там сегодня открывается девятый съезд партии.

— А вы, Григорий Константинович, почему не на съезде? — удивился Буденный.

Орджоникидзе сказал, что ехать ему никак нельзя. С Деникиным надо кончать, да и в Закавказье неспокойно. Меньшевики, дашнаки и мусаватисты стремятся ликвидировать там Советскую власть.

30 марта рано утром поезд особого назначения тронулся в

путь. В конце состава с нефтью прицепили два вагона — один служебный, другой с мукой и сахаром — подарок Владимиру Ильичу от конармейцев.

Всю дорогу Буденный волновался.

— Не переживай, все будет так, как решил Реввоенсовет Конармии. А если главком с нами не согласится, пойдем к товарищу Ленину, — сказал Ворошилов.

2 апреля поезд прибыл в Москву. Буденный и Ворошилов сразу же отправились в полевой штаб РВСР. Там их принял главнокомандующий Вооруженных Сил республики Сергей Сергеевич Каменев. Каменев, полковник дореволюционной армии, окончивший Академию Генштаба в 1907 году, с начала 1918 года добровольцем вступил в ряды Красной Армии, активно включился в борьбу против врагов молодой Республики Советов. После разгрома Колчака Каменева назначили главкомом.

Выслушав краткий доклад о положении дел в Конармии, главком спросил Буденного:

— Значит, вы предлагаете перебрасывать Конармию походным порядком?

— Да, иначе просто нельзя, — сказал Буденный.

Каменев вызвал к себе начальника полевого штаба Реввоенсовета республики П. П. Лебедева. В это время вошел и начальник оперативного управления Б. М. Шапошников. Буденный видел его впервые, но от Ворошилова знал, что и Шапошников из бывших царских офицеров, перешедших на сторону Советской власти; с отличием окончил Академию Генерального штаба, в звании полковника участвовал в первой мировой войне, а в мае 1918 года вступил в Красную Армию и проявил недюжинные способности на оперативной работе. Когда главком спросил у Лебедева его мнение о переброске Конармии на Западный фронт, то он ответил:

— Целесообразно направить ее по железной дороге в район Знаменки.

Каменев повернулся к Шапошникову и предложил высказать свое мнение. Шапошников поддержал начальника полевого штаба.

— А теперь послушаем мнение Реввоенсовета Конармии…

Буденный прямо заявил, что не согласен ни с начальником полевого штаба РВСР Лебедевым, ни с начальником оперативного управления РВСР Шапошниковым. Конечно, Конармию можно перебросить и по железной дороге, по дело это, если говорить по-большевистски, преступное, потому что армия — это не взвод солдат, не рота и даже не батальон. Из-за плохого состояния путей, неисправности водонапорных башен и, главное, из-за

отсутствия на станциях баз с фуражом и продовольствием делать это категорически нельзя. Надо перебрасывать армию походным порядком, и он твердо убежден, что это единственно правильное в данной обстановке решение.

Ворошилов поддержал командира: да, Буденный прав. Ведь чтобы погрузить людей, лошадей и вооружение, потребуется 4600 вагонов, или 92 эшелона, по 50 вагонов в каждом. Перевозка автобронеотрядов, авиации, тылов, штабов займет еще минимум 20 эшелонов. Значит, всего потребуется около 110. Где взять такое количество эшелонов? Допустим, их достали. Но надо еще погрузиться, причем грузить не только людей, по и технику, продовольствие, фураж, лошадей. А в сутки можно снарядить лишь один эшелон, не больше. Вот и выходит, что на переброску армии уйдет четыре месяца.

— А чтобы перебросить ее походным порядком, потребуется всего полтора-два месяца, то есть вдвое меньше, — сказал Буденный.

Он подошел к карте и, вынув из портупеи карандаш, отметил, что от Майкопа, где сейчас дислоцируется Конармия, до Знаменки примерно тысяча верст. При суточном переходе в тридцать — тридцать пять верст для преодоления этого расстояния необходимо тридцать — тридцать пять суток. Прибавим еще десять-двенадцать — на дневки после каждого трехсуточного, пять-семь суток — на возможные стычки и бои с бандами и на неблагоприятные условия погоды. Вот и получится, что через полтора-два месяца армия сможет выйти в район сосредоточения. А главное — при движении походом дивизии смогут удовлетворить свои нужды за счет местных ресурсов; трудовой народ России и Украины, где будет двигаться армия, поможет бойцам и фуражом и продовольствием. И еще: в полосе движения Конармия сможет ликвидировать контрреволюционные банды.

— Хорошо, я еще подумаю, — сказал Каменев, так и не приняв окончательного решения.

— Что ж, — решительно сказал Буденный, — я вас, видимо, не убедил. Пойду к товарищу Ленину…

Главком улыбнулся и чуть слышно произнес:

— И я бы этого желал…

Вечером Буденный связался по телефону с М. И. Калининым и И. В. Сталиным. Они пригласили его и Ворошилова на IX съезд РКП (б) и обещали организовать встречу с Владимиром Ильичем.

Днем 2 апреля Буденный и Ворошилов прибыли в Кремль. Сталин сообщил, что Владимир Ильич примет их в Кремле.

— Ну, рассказывай, как дела в Конармии?..

Не успел командарм ответить на вопрос, как стоявшие рядом делегаты съезда расступились, и Буденный увидел Ленина. От смущения он вытянул руки но швам. А Владимир Ильич уже подошел к ним. Здороваясь, подал руку.

— Вот это и есть тот самый Буденный? — быстро спросил Ленин, внимательно рассматривая командарма.

Стоявший рядом Сталин сказал:

— Да, это наш Буденный.

Семен Михайлович рассказал о делах в Конной армии. Потом ответил на многочисленные вопросы Владимира Ильича, а его интересовало буквально все: и состояние политической работы в полках и эскадронах, и отношение конармейцев к политике партии, к Советской власти, настроение, классовый, национальный и даже возрастной состав армии.

Ленин задумался, что-то припоминая, потом сказал:

— Да, чуть не забыл. Спасибо вам за фотографию. Михаил Иванович передал мне ее месяца четыре назад. Все собирался вам написать, да сами видите, не дают покоя капиталисты. Да, на фотографии вы суровее, нежели вот так, в жизни.

Буденный улыбнулся, признался, что фотографировался наскоро, буквально сразу же после освобождения Воронежа от белых.

— Вижу, что наскоро…

Ленин вновь заговорил о Конной армии, вернулся к вопросу об отношении бойцов к Советской власти, и когда услышал ответ командарма, что конники самоотверженно выполняют приказ Советского правительства, проявляют массовый героизм в боях, а многие из них отдали свои жизни за дело революции, Ленин задумчиво, с грустью в голосе сказал:

— Народ, революция никогда не забудут их подвигов. Но вы не думайте, что война закончится скоро. Буржуазным правительствам, — продолжал Владимир Ильич, — не по душе Советское государство, поэтому Антанта прилагает все силы, чтобы задушить Советскую Республику, а ее народ вновь закабалить. Мы еще много принесем жертв во имя революции, но победим. Непременно победим!

Ленин сказал, что самое важное сейчас — это сбор и подвоз продовольствия, а также восстановление разрушенного войной транспорта.

— Иные товарищи полагают, что делать это можно не спеша, — продолжал Владимир Ильич. — По их мнению, если война прекратилась, то чего же бояться? Странные люди! — Ленин усмехнулся. — Сейчас наш враг — разруха и голод — не менее опасен, чем тот, которого разбила наша Красная Армия. Вы

понимаете, как это страшно для России?

— Тут нужна не менее железная дисциплина, чем на фронте, — заметил Ворошилов.

— Вот именно — железная дисциплина, доведенная до высших пределов. — Ленин сделал паузу и посмотрел на Буденного. — Почему Конармия одерживала победы? Да потому, в частности, что ваши бойцы сознательно шли на любые жертвы во имя революции, во имя победы. Это и есть дисциплина. Теперь же и бойцы, и рабочие, и крестьяне должны понять, что наши мирные дела должны осуществляться с военной быстротой, энергией, дисциплиной. И еще — производительность труда. Да, да, товарищи, работать надо с высоким напряжением, изгонять из всех ведомств и учреждений бюрократизм, пресекать саботаж…

— Наши конармейцы, Владимир Ильич, считают Советскую власть родной, партии верят, свидетельство тому — рост партийных рядов в нашей армии и высокая политическая активность.

— Очень хорошо, — сказал Ленин. — Используйте этот подъем. Постоянно опирайтесь на коммунистов и беспартийный актив. Будьте в самой гуще красноармейцев, прислушивайтесь к их мнению, запросам, советуйтесь с ними, направляйте их революционную энергию к единой цели — к победе над врагом.

Что же, выходит, мы правильно поступили, создав Конную армию. Таких армий не было в истории. Белые имели только конные корпуса… Да, товарищи, — продолжал Ильич, воодушевляясь, — революция ломает все старое, отжившее и выдвигает новые, прогрессивные формы организации, в том числе и в военном строительстве. Да, как решили перебрасывать Конную армию на запад? Каково мнение главкома?

Буденный доложил о беседе с главкомом.

— Хорошо, я с вами согласен. Так и передайте Сергею Сергеевичу Каменеву. Он очень внимательный товарищ и нас с вами поймет. — Потом добавил: — Только, пожалуйста, не растягивайте сроки, нужно торопиться.

— Я все сделаю, Владимир Ильич. Клянусь вам…

Ленин внимательно посмотрел на командарма, потом заговорил о том, что Пилсудский готовит армию, берет на службу иностранцев, главным образом французов. Империалисты Антанты вооружают его войска и готовят к войне. Внимательно выслушав Ленина, Буденный сказал:

— Ну, раз так, то, видно, нападут. А что империалистам? Они же будут воевать руками рабочих и крестьян.

— По-другому они и не могут, Семен Михайлович. Вы правильно заметили: империалисты намерены именно польский

пролетариат и беднейшее крестьянство бросить в новый пожар войны, а на их крови умножить свои богатства. Французское капиталистическое правительство подстрекает Польшу напасть на нас. А мы — люди мира и труда. Мы не собираемся нападать ни на Польшу, ни на Румынию.

После недолгой паузы Ленин с сожалением заметил:

— И все-таки империалисты столкнут Польшу с нами. Войны не миновать.

— На Конную армию вы, Владимир Ильич, можете положиться, не подведет. Врагов республики будем бить беспощадно!

— Это великолепно, что вы так уверены в своих бойцах, — сказал Ленин. — А драться с врагами еще придется. Именно поэтому я и прошу вас, товарищи, поторопиться с переходом…

Когда прощались с Владимиром Ильичем, Буденный сообщил, что конармейцы прислали ему скромный подарок — вагон муки и сахара.

— Да. ничего себе скромный!.. Хотя как сказать, — Ленин посмотрел на командарма, прищурив улыбающиеся глаза. — Как-то Михаил Иванович Калинин рассказывал, что в память пребывания его в конном корпусе вы прислали ему несколько вагонов с продовольствием и каменным углем. Вероятно, тогда расщедрились потому, что он «всероссийский староста». — И тут же стал серьезным. Пожимая Буденному руку, сказал: — Большое спасибо, товарищ Буденный. Передайте мою благодарность конармейцам. А что касается их подарка, то, извините, лично для себя принять его не могу, не имею права. Прошу передать муку и сахар детским домам. Для меня же лучшим подарком являются ваши победы на фронте…

Главком Каменев принял Буденного в своем рабочем кабинете. Тут же находился и Лебедев.

— Ну, с чем пришли? — спросил командарма Каменев.

Буденный сообщил, что Ленин поддерживает предложение Реввоенсовета о переброске Конармии походным порядком.

— Ну что ж, будем считать вопрос решенным, — согласился Каменев. — Пока можете планировать марш на Ростов. Дальнейший маршрут вам укажет командующий Юго-Западным фронтом Егоров. Армия переходит в его подчинение.

Вечером 4 апреля 1920 года Буденный отправил начальнику штаба армии Н. К. Щелокову телеграмму с приказом начать движение дивизий из Майкопа к Ростову.

Утром 5 апреля, завершив служебные дела в Москве, Буденный собрался ехать в Харьков в штаб Юго-Западного фронта. И в это время в вагон Реввоенсовета вошли Федор

Шаляпин и Демьян Бедный. Демьяна Бедного командарм знал давно, не раз тот бывал на фронте, гостил в Конармии. А Федора Шаляпина Буденный раньше не встречал, хотя слышал о нем, еще когда проходил службу в Петербургской школе наездников.

Буденный обрадовался гостям, распорядился угостить их шампанским и донским салом. С бокалом шампанского Шаляпин подошел к Буденному и спросил:

— Скажите, почему белые боятся вас как огня? Человек вы среднего роста, веселый, даже добрый. Вот и шампанского не пожалели. А то был на днях у Михаила Ивановича Калинина, водил он меня по кремлевским подвалам, показывал, какие вина остались от запасов царя. Этому, говорит, десять лет, а тому все сто. «Да дайте же отведать!» — взмолился я. «Нет, — говорит, — не могу. Это не мое, а народное добро». Подумайте, какой скряга! — улыбнулся Шаляпин.

Ворошилов пригласил в вагон Реввоенсовета музыкантов Конармии. Они спели «Марш Буденного» Дмитрия Покрасса, несколько частушек. Шаляпин воскликнул: «Вот хорошо, народные частушки на фронтовой лад — это замечательно!» И совсем угодил ему баянист конармеец Григорий Зайцев, исполнивший отрывок из «Бориса Годунова».

Прощаясь с Буденным, Шаляпин посоветовал создать в Конармии красноармейский ансамбль, чтобы в нем были хороший хор, оркестр и танцоры. Пусть пропагандируют классику и народное искусство.

7 апреля Буденный и Ворошилов прибыли в Харьков. Там Буденный встретился с Егоровым и доложил ему о своих переговорах с главкомом, о беседе с Лениным, подчеркнув, что лично Владимир Ильич распорядился перебросить Конармию на новый фронт походным порядком. Рано утром 8 апреля Буденный связался с Ростовом, где находился основной штаб Конармии. Начальник штаба Н. К. Щелоков доложил командарму, что дивизии к исходу 7 апреля сосредоточились на правобережье Кубани, в районе станиц Воронежская, Тифлисская и Ново-Донецкая. 11 апреля двинутся на Ростов. Во время марша 15–16 апреля в станице Кущевской состоялась III армейская партийная конференция. Делегаты ее заслушали и обсудили доклад политотдела армии о работе IX съезда РКП (б) и доклады политотделов дивизий о партийной работе в частях. Делегаты горячо одобрили решения съезда партии и направили приветственное письмо В. И. Ленину. Конференция приняла решение усилить партийно-политическую работу в частях во время перехода. И тут огромную роль сыграло то обстоятельство, что по решению Реввоенсовета Конармии при политотделах

дивизий и в упраформе (управление формирования Конной армии. — А. З.) были организованы курсы. Партийные ячейки выдвигали туда лучших бойцов и командиров. И хотя курсы были краткосрочными, обучающиеся прослушали обширную программу, в которую входили такие вопросы, как коммунизм и диктатура пролетариата, империалистическая война и крах капитализма, аграрный вопрос в России, строительство Красной Армии, национальный вопрос и т. д. Эти курсы были созданы еще в Майкопе и теперь сыграли важную роль в воспитании кадров низового звена политработников. Во время перехода в частях Конармии устраивались концерты, спектакли, лекции. Вот один эпизод из походной жизни Конармии, о котором рассказал бывший начальник политотдела армии И. В. Вардин: «Чудесное осеннее утро. Вся армейская руководящая верхушка садится на коней и направляется в Особую бригаду. Она выстроена в поле и выглядит отлично. После обычного «смотра-парада» открывается короткий митинг. Говорят Буденный, Ворошилов, Минин. Объясняют значение предстоящей операции. Митинг окончен. Музыка играет «Интернационал». А затем переходит на… «Русскую». Пляшет Буденный, и пляшет прекрасно… Настроение приподнятое. Мы трогаемся дальше». Особенно ценили в Конармии песни. И не случайно, что после разгрома Врангеля в декабре 1920 года И. В. Вардин по совету Семена Михайловича собрал опубликованные в газете «Красный кавалерист» стихи и песни, выпущенные отдельной книжечкой в январе 1921 года под названием «Песни красных кавалеристов». На первой странице значится: «В праздник годовщины 1-й Конной Красной Армии честному воину, красному кавалеристу этой армии — от политического отдела 1919-17/XI-1920». В предисловии составитель пишет: «Вы хотите знать, что такое Первая Конная Красная Армия? Вот в этих песнях вся она. Ее душа, ее мощь, ее доблесть и отвага — все могущество Конной армии в этих простых песнях, сложенных на поле битвы». Во время марша Реввоенсовет постоянно заботился о пополнении Конармии добровольцами. 11 апреля в Ростов, кроме 4, 6 и 11-й дивизий, вступила новая 14-я кавдивизия, сформированная из добровольцев — шахтеров и металлистов Донбасса, рабочих Таганрога и крестьян южных губерний страны. Начдивом ее был назначен член партии большевиков с 1904 года, герой гражданской войны, луганский слесарь, земляк Ворошилова Александр Яковлевич Пархоменко, состоявший до этого особоуполномоченным Реввоенсовета Конармии. …20 апреля на Ростовском ипподроме состоялся митинг, посвященный встрече конармейцев. От трудящихся Ростова и московского пролетариата

Реввоенсовету Конармии вручили знамена. «Дорогие товарищи! — начал свою речь Буденный. — Разрешите от вашего имени заверить Коммунистическую партию и Советское правительство, трудящихся Москвы и Ростова, что конармейцы в боях с врагом оправдают высокую честь, оказанную им рабоче-крестьянским государством. Мы до конца выполним свой долг перед Родиной. Клянемся!..»

2

Между тем обстановка на советско-польском фронте накалялась с каждым днем. В связи с этим начальник штаба Юго-Западного фронта Н. Н. Петин от имени командующего потребовал от Буденного срочно направить 4-ю кавдивизию на станцию Лозовую, а оттуда эшелонами в район боевых действий 14-й Красной Армии. Это распоряжение Егорова огорчило командарма. Днем после обеда командующий фронтом вызвал Буденного к прямому проводу. Командарм, несмотря на суровый разговор с Егоровым, категорически возразил против переброски 4-й кавдивизии. «При создавшихся условиях на фронте можно и нужно бить только кавкулаком», — сказал Буденный. «Егоров: 1) Перевозка желдорожная отменяется. 2) Всем дивизиям армии двигаться форсированным маршем, при этом правая колонна должна следовать не севернее Павлограда с расчетом переправиться на правый берег Днепра у Кременчуга. 3) 30 апреля вам надлежит прибыть в Лозовую, куда также прибудет Реввоенсовет фронта, для решения дальнейших вопросов…» Главком также согласился с доводами командарма против раздергивания Конармии и в телеграмме Егорову сообщил: «Основная задача, для которой Конармия направляется на Юго-Западный фронт, заключается в нанесении такого удара польским войскам на Украине, которым был бы сломан весь польско-украинский фронт…» Далее главком указывал, что для выполнения этой задачи наиболее выгодно нанести всей Конармией удар по правому флангу польско-украинского фронта, занятому наиболее слабыми галицийскими войсками, и, прорвав его глубоким движением в тыл в общем направлении на Ровно, разрушить весь фронт, а для этого необходимо усилить Конармию двумя пехотными дивизиями. Рано утром 4 мая в Павлоград, где находился поезд Реввоенсовета Конармии, прибыли А. И. Егоров и С. К. Минин, назначенный членом Реввоенсовета Конармии вместо Е. А. Щаденко. Сергея Константиновича Минина, члена партии большевиков с 1905 года, Буденный узнал еще в 1918 году

во время обороны Царицына. Выслушав краткий доклад командарма, Егоров сообщил, что 12-я и 14-я Красные Армии с трудом сдерживают натиск белопольской армии. Враг рвется к Киеву, там действует самая сильная на Украинском фронте 3-я польская армия генерала Рыдз-Смиглы; тяжелое положение сложилось и на Одесском направлении. На фронте Конармию ждут с нетерпением. 12 мая поезд Реввоенсовета прибыл в город Александрию: сюда вышли главные силы Конармии. Находясь в 4-й кавдивизии, Буденный с удовлетворением воспринял донесение о том, что четыре бронепоезда Конармии прибыли в Кременчуг, авиагруппа пополнилась новыми самолетами. А вот обмундирование до сих пор не получено, и когда 14 мая командующий фронтом Егоров вызвал его к прямому проводу, Буденный доложил об этом. «К вам в армию едет нарком просвещения товарищ Луначарский, прошу встретить», — прочел Буденный на телеграфной ленте. На вопрос командарма, когда будет обмундирование, Егоров обещал в ближайшее время прислать. Луначарский прибыл в Конармию 16 мая и сразу же включился в работу.

— Хочу знать, как и чем живут бойцы вашей армии, какое у них настроение, — сказал нарком просвещения. — Что вас волнует, Семен Михайлович?

Буденный доложил: не хватает винтовок, большие сложности с обмундированием. Из поезда командарма Луначарский сразу же послал телеграмму Владимиру Ильичу, в которой, в частности, писал: «Считаю делом первоклассной важности в военном и политическом отношении ускорить всемерно дело снабжения, особенно обмундированием. Это сейчас необыкновенно важно». Вскоре Первая Конная получила 10 тысяч пар белья, два эшелона овса, 1400 шашек и 1400 винтовок для 14-й кавдивизии.

Вечером в штабе армии собрались К. Е. Ворошилов, С. К. Минин, начальники и военкомы дивизий: С. Ф. Грай, С. К. Тимошенко, П. В. Вахтуров, Ф. М. Морозов и другие.

— Прошу вас, товарищ Луначарский, поужинать с нами, — сказал Буденный и подмигнул Клименту Ефремовичу. — Вот Ворошилов сетует, что мало времени у бойцов для самообразования. А я говорю ему, что сейчас главное для нас не азбука, а то, как надо бить врага.

Луначарский, сняв пенсне, возразил Буденному: да, сейчас идет война, решается судьба Советской власти — быть ей или не быть. Но и в этих условиях важно учить солдат грамоте.

— Это командарм пошутил. У нас в армии есть даже школы грамоты, — вмешался в разговор комиссар Бахтуров. — И созданы они по инициативе работника политотдела Конармии

Екатерины Давыдовны Ворошиловой.

Нарком просвещения взглянул на Ворошилова.

— Она что, ваша жена?

За Ворошилова ответил командарм:

— Ему жена, а нам она работник политотдела. Кстати, хороший работник.

— Вот это здорово! — оживился Луначарский. — А учителя у вас есть?

— Кто грамотный, тот и учитель, — улыбнулся командарм. — А бумагу, карандаши и все прочее мы достали. Не стану хвалиться, по и культурно-просветительная работа в армии не стоит на месте. У нас сейчас девять партшкол, тридцать читален, сто пятнадцать библиотек, четыре клуба, одиннадцать самодеятельных театров и тридцать восемь школ грамотности. Во всех частях созданы культурно-просветительные комиссии, которые вовлекают бойцов в различные секции и кружки. Конармейцы знакомятся с искусством, литературой, разучивают новые песни, стихи, готовят спектакли…

(Много лет спустя маршал Буденный писал: «Я уверен, что именно в наших кружках и секциях получили первое вдохновение конармейцы-писатели Николай Островский, Всеволод Вишневский, Александр Листовский. Песни для самодеятельных коллективов сочиняли конармейские поэты, музыку к ним писали конармейские композиторы. В Конармии начали свой творческий путь известный композитор-песенник Дмитрий Покрасс, художник-баталист С. Зелихман».)

— Семен Михайлович, а вы книги читаете? — неожиданно спросил Луначарский.

Командарм вынул из полевой сумки томик стихов и протянул Луначарскому. На лице наркома застыло недоумение:

— Пушкин?..

— Да. Когда мы освободили Ростов, в гостинице «Палас» белогвардейские офицеры оставили много книг. Я взял себе томик Пушкина. А позднее распорядился, чтобы в каждой бригаде бойцы прочли эти стихи. Наш самодеятельный театр пропагандирует произведения русских классиков.

— Это великолепно, Семен Михайлович! — поддержал его Луначарский. — Приобщайте солдат к литературе и искусству, это очень важно для воспитания настоящих бойцов-героев, бойцов-патриотов.

Луначарский побывал во многих бригадах и полках, благодарил бойцов и командиров за «великую преданность делу революции», отвечал на вопросы, тесно увязывая борьбу на фронте с борьбой в тылу, где свободный народ «трудится горячо и

вдохновенно, потому что этот народ теперь свободен от оков помещиков и капиталистов».

На прощание Луначарский попросил Буденного подарить ему какой-нибудь сувенир.

— Сувенир? Сейчас принесу. — Буденный принес подкову.

— Чудесно! — рассмеялся Луначарский. — Я буду хранить ее как символ нашей дружбы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
НА ПОЛЬСКОМ ФРОНТЕ

1

Переброшенная из Майкопа на Украину походным порядком, Конная армия прошла более 1200 километров. И сразу же ее полки ринулись в стык между киевской и одесской группировками противника в общем направлении на Казатин. Им ставилась задача не позднее 1 июня захватить район Казатин — Бердичев и ударить по тылам врага. С юга Конармию поддерживала 14-я армия, на Фастовском направлении — группа войск И. Э. Якира: 44-я и 45-я стрелковые дивизии, кавалерийская бригада Г. И. Котовского и 3-й отряд Днепровской военной флотилии. Первые бои показали, что белополяки построили свою оборону прочно. К тому же в полосе наступления Конармии действовала не только 13-я польская стрелковая дивизия, а почти вся 2-я армия. Несмотря на это, Конармия прошла с боями около ста километров и нанесла противнику тяжелые удары. Однако Буденный видел и отдельные недостатки в ведении боевых действий конармейцев. 2 июня он собрал в Тетиве командиров и комиссаров, чтобы выслушать их мнение. Начальник 11-й кавдивизии Ф. М. Морозов признал, что в бою он действовал иногда шаблонно, бросал людей в лобовые атаки. Он призвал отказаться от тактики, которую применяли на Дону и Северном Кавказе, а вести комбинированный бой в конном и пешем строю. Его поддержал лихой и отважный А. Я. Пархоменко. Немало ценных мыслей высказали на этом совещании политработники П. В. Бахтуров, А. В. Хрулев, П. К. Случевский, В. И. Берлов, К. И. Озолин и другие. Начальник разведотдела армии И. С. Стройло обратил внимание на то, что в частях все еще слабо поставлена служба разведки и охранения… После совещания Буденный, Ворошилов и начальник полевого штаба Зотов подготовили приказ, в котором рекомендовалась тактика действий в предстоящем наступлении. Командарм требовал от командиров большей гибкости, инициативы, рекомендовал ряд оправдавших себя тактических приемов. «Всякий бой, — подчеркивалось в приказе, — должен быть развит в неотступное преследование врага до полного его разгрома или пленения». Очевидным для командарма было и другое — дать войскам хотя бы короткий отдых, чтобы подтянуть резервы, лучше изучить систему обороны

противника, произнести глубокую разведку. Без этого нельзя начинать большую операцию. Однако, к удивлению Буденного, командование Юго-Западного фронта расценило эту передышку Конармии как слабость ее сил для глубокого прорыва в столь трудных условиях и обратилось к В. И. Ленину и главкому С. С. Каменеву с просьбой об изменении прежнего плана наступления. И 3 июня Реввоенсовет Конармии получил новую директиву, которая предписывала овладеть районом Фастова. Буденный огорчился: удар на Фастов — это удар во фланг, а не в тыл 3-й польской армии! Командарм тут же послал ответную телеграмму. Нет, никак не мог он согласиться на новую задачу, ибо она сулила противнику, а не ему выигрыш времени. При этом Конармия не только не получала оперативного простора, а напротив, сама могла стать объектом атаки войск противника непосредственно с полосы обороны. Командование фронта согласилось с его доводами и оставило для Конармии прежнее направление удара — на Казатин, Бердичев. Все складывалось удачно и, несмотря на яростное сопротивление белополяков, соединения Конармии — 4, 6, 11 и 14-я кавдивизии и поддерживающая их 45-я стрелковая дивизия с тяжелыми боями упорно продвигались вперед. Пытаясь задержать их продвижение в свои тылы, противник создал две ударные группировки — в Липовце и Сквире — с задачей зажать Конармию с флангов и разгромить. На рассвете 5 июня передовые части Конармии стремительной атакой прорвали польский фронт в полосе 10–12 километров, обеспечили всей армии выход на оперативный простор. Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, участник боев на польском фронте, писал: «Перед буденновцами поставили задачу пробиться к Бердичеву и разгромить вражеские тылы. 5 июня после затяжного и яростного боя противник дрогнул. 4-я дивизия ворвалась в Ягнатин, форсировав реку Ростовицу. Справа и слева прорвались наши 14-я и 11-я дивизии, а в Озерную вошла 6-я дивизия. Теперь вся Конармия вклинилась в расположение вражеских войск, которые пытались сжать нас с боков. По флангам Конармии ударили кавдивизия Карницкого с севера, кавбригада Савицкого и пехота — с юга. Но Буденный не стал отбиваться на флангах, а повел армию вперед, в глубокий рейд на северо-запад. Сзади нас сомкнулось польское кольцо. Так начался знаменитый Бердичевский прорыв. Еще через три дня 4-я кавдивизия ушла на Житомир, с ходу овладела им, освободив несколько тысяч пленных красноармейцев, потом повернула на восток и установила связь неподалеку от местечка Брусилов с фастовской группой войск во главе с И. Э. Якиром. Это означало, что между Киевом и Винницей практически был создан «красный

коридор». При штурме Бердичева и Житомира конармейцы проявили массовый героизм. Реввоенсовет Юго-Западного фронта 9 июня известил по радио советский пород о первой победе над войсками белополяков. «Всем… Всем… Всем… — радировал Кременчуг. — Доблестные части Конной армии Юго-Западного фронта прорвали фронт противника в районе Сквира. В кровопролитных боях, изрубив лучшие части генерала Галлера, стремительным ударом в 11 часов 8 июня части Конармии захватили Житомир. Польскими войсками командует лично маршал Пилсудский. Преследование противника продолжается». Конная армия с выходом в район Житомир — Бердичев разрезала польский фронт на глубину 120–140 километров, нарушила важнейшие линии связи, вышла в тыл 3-й польской армии и вынудила белополяков отступить к Киеву. Благодаря этому фастовская группа, 12-я и 14-я армии получили широкую возможность для развития наступления. В этих боях командарм проявил личное мужество и геройство. В приказе Реввоенсовета республики № 38 от 13 марта 1923 года отмечалось: награждается вторично орденом Красного Знамени Буденный Семен Михайлович за то, что, командуя 1-й Конной армией на польском фронте в 1920 году, во время создавшейся для нашего левого фланга тяжелой обстановки энергичным, неожиданным для противника ударом на Житомир прорвал его расположение и, продолжая развивать одержанный им успех в направлении к сердцу буржуазной Польши — Варшаве, заставил поляков поспешно отступать под постоянной угрозой ударов со стороны наших войск, перешедших в наступление по всему фронту. «При проведении этой операции т. Буденный неоднократно принимал личное участие в кавалерийских атаках, подавая пример храбрости и мужества героям 1-й Конной армии». 11 июня все кавдивизии Конной армии успешно преследовали белополяков. Порадовал командарма успех Тимошенко; его бойцы в районе Городковки разгромили кавалерийскую бригаду из дивизии генерала Карницкого, оседлали железную дорогу Киев — Казатин, закрыв пути отхода противника на Житомир, Бердичев и Казатин. Добилась успеха и 11-я кавдивизия, но ее комиссар К. И. Озолин был хмур и невесел. Это сразу заметил Буденный, как только увидел его. Оказывается, от тяжелых ран умер комиссар 2-й бригады И. Я. Трегубое. Умирал в полном сознании, как доложил Озолин. Перед смертью сказал: «Жизни своей не жалко, потому что отдаю ее за святое дело, за свободу и счастье пролетариата. Но хочу, чтобы глаза мне закрыл большевик. Так что ты уж не уходи, Константин». Озолин признался командарму, что не выдержал, заплакал. И все же, несмотря на успех,

Буденный был огорчен. Дело в том, что 3-я польская армия все же сумела ускользнуть из окружения. Там, где прорывались польские части, фронт держала 4-я кавдивизия. Ее начальник Д. Д. Коротчаев растерялся, отдавал противоречивые приказания, чем еще больше осложнил положение дивизии. Только решительное вмешательство К. Е. Ворошилова позволило навести порядок и организованно отразить атаки белополяков. 16 июня, когда дивизиям был дан отдых, Буденный собрал членов Реввоенсовета, начдивов и сделал разбор проведенной операции. Вскрыл недостатки и тут же произвел некоторые перемещения. Д. Д. Коротчаев был понижен в должности до командира бригады, вместо него начальником 4-й кавдивизии стал Ф. М. Литунов, коммунист, отважный и талантливый командир, которого давно знал и ценил командарм. И уже через несколько дней он оправдал доверие Реввоенсовета Конармии. Польское командование пыталось разгромить правый фланг и выйти в тыл Конармии. На пути белополяков встала 4-я кавдивизия. Всю ночь шел упорный бой. Бойцы не только удержали свои позиции, но и нанесли противнику ощутимые потери. В эти горячие дни Буденный все время находился в передовых частях. Шли бои на подступах к городу Новоград-Волынскому. 26 июня ему доложили, что 14-я стрелковая дивизия захватила первую линию окопов противника и подошла ко второй, но белополяки усилили натиск. К Буденному прискакал разгоряченный начдив Ф. Морозов и попросил разрешения бросить в бой 3-ю бригаду. «Давай, только гляди в оба!» — предупредил командарм. Вскоре поступило донесение: 14-я стрелковая дивизия прорвала оборону противника, а 2-я кавбригада Морозова форсировала Случь у Ивашковки. На другой день полки Конармии ворвались в Новоград-Волынский. На очереди был город Ровно.

2

Из дивизии Тимошенко Буденный возвратился усталый. Начальник штаба Зотов подал Семену Михайловичу котелок с горячей картошкой и салом.

— Степан Андреевич, разве вы не знаете, что мне необходимо в первую очередь?

Зотов тут ж принес карту боевых действий фронта. Пробежав глазами директиву Юго-Западного фронта, командарм подчеркнул красным карандашом: «Командарму Конной, стремительно преследуя разбитого противника, забирая его технику и пленных, занять 29 июня район Шепетовки и не

позднее 3 июля — район Ровно». Буденный, глядя на карту, сказал: «Ударом на Ровно мы сможем окончательно разрезать польский фронт на Украине и разбить противника по частям. Сейчас перед нами поставлена конкретная задача — овладеть Ровно. Может быть, нанести удар с флангов, как это нам не раз удавалось». После глубокого анализа обстановки Буденный предложил свой план действий: выдвинуть Конармию на рубеж реки Корчик, в сорока километрах западнее Новоград-Волынского, и здесь тщательно подготовиться к операции. Ворошилов и Минин поддержали командарма. На совещании в штабе армии Буденный отметил, что в прошедших боях хорошо зарекомендовал себя такой при ем, когда меньшая, спешенная часть конницы сковывала противника демонстративными действиями с фронта, а большая часть скрытно выходила во фланг или тыл врага для решительного удара в конном строю. По данным разведки, говорил Буденный, главные силы 2-й польской армии закрепились на западном берегу реки Горынь. Город Ровно с востока прикрывает 3-я пехотная дивизия легионеров, а в полосе Оженин — Могиляны расположилась I-я кавалерийская дивизия. Все это предстоит преодолеть бойцам. Наши фланги открыты. Конармия вклинилась далеко на запад, опередив соседей на полсотни километров. Ворошилов предложил нанести удар правым флангом в направлении Тучин — Ровно. Однако командарм возразил: армия попадет в леса и болота, увязнет в них, а тем временем белополяки стянут сюда свои войска. Нельзя идти и в лобовые атаки, в этом случае бои затянутся, что крайне невыгодно.

— А если главный удар нанести по правому флангу второй польской армии? — спросил Ворошилов. — Здесь есть броды, да и оборона белополяков гораздо слабее.

— Вот это другое дело, Клим, — улыбнулся Буденный.

Когда план обсудили во всех деталях, сели обедать. Хозяйка дома принесла Буденному польский журнал и показала на рисунок. На нем был изображен всадник, застрявший в болоте. Он размахивал шашкой, что-то кричал. Внизу под рисунком Ворошилов прочел вслух:

— «Красный генерал Буденный застрял в болотах, он погибнет здесь вместе со своей Первой Конной армией, и победа будет на стороне маршала Пилсудского».

— Ишь чего захотели! — улыбнулся Буденный.

На рассвете 2 июля Конармия стала наступать. Враг упорно оборонял город. Ударная группа скрытно вышла к назначенному месту и решительно атаковала. Удар оказался неожиданным, и противник отступил. 11-я кавдивизия Ф. М. Морозова первой

подошла к городу. И тут случилось то, о чем командарм предупреждал начдива, — с севера по шоссе на Здолбунов, куда ворвались части II-й кавдивизии, шли танки, а рядом по железной дорого двигались три вражеских бронепоезда. Они напугали конармейцев, некоторые повернули лошадей назад. Морозов на какое-то время растерялся. Буденный в это время прибыл в штаб дивизии.

— Чего стоишь? — крикнул командарм. — Прикажи артиллеристам открыть по ним огонь и подготовь к контратаке резервную бригаду. А я пошлю к Тимошенко связного, чтобы его дивизия ударила по флангу противника. Действуй!

Морозов тут же отдал необходимые распоряжения. Первым же снарядом был накрыт паровоз бронепоезда — он взорвался. Затем вспыхнул первый танк, остальные повернули обратно.

— Ну вот, — сказал Буденный, — не так страшен черт, как его малюют! — И, уже обращаясь к артиллеристам, громко сказал: — Спасибо, орлы, за верную службу Советской власти!..

Ударная группа с боем продвигалась к городу с юга. Белополяки попытались силами 18-й пехотной дивизии атаковать Конармию, но их маневр вовремя разгадал командарм, и с помощью решительных действий 45-й стрелковой дивизии и кавгруппы А. Осадчего действия белополяков северо-восточнее Ровно были локализованы. Это позволило армиям Западного фронта начать наступление в Белоруссии. 11 июля войска фронта освободили Минск, 14 июля вступили в Вильно. Войска Юго-Западного фронта тоже теснили врага на запад. Конная армия заняла Ровно, Клевень, Здолбунов и Погорельцы.

12-я армия приближалась к железной дороге Сарны — Ровно, 14-я вышла на рубеж Базалия — Ермолинцы — Каменец-Подольский.

— Белополяки бегут без оглядки, — сказал Ворошилов.

— Маршал Пилсудский не из тех, кто легко уступает победу, — не без иронии возразил командарм. — Он наверняка соберет свежие силы и попытается нанести Конной армии удар. Но где? Я пока этого не знаю.

Полевой штаб находился в районе Здолбунова. Воспользовавшись передышкой, Буденный обсудил с начдивами план предстоящей операции. 13 июля он получил директиву А. И. Егорова, из которой следовало, что для развития общего успеха 12-й армии предлагалось двигаться в направлении на Ковель — Брест-Литовск. А Конной армии с частями 45-й стрелковой дивизии отводилась роль ударной группы фронта: полки 45-й дивизии должны были овладеть городом Ковель, Конная — Холмом и Замостьем, а 14-я армия — Равой-Русской, Городком и

Львовом. Буденный быстро понял цель нового наступления: продвигаясь к Люблину, Конная армия создаст угрозу северо-западной группе польских войск и таким образом облегчит наступление Западного фронта к Висле. Об этом и шел разговор командарма с начдивами. Когда обсуждение закончилось, Буденный вышел во двор. И вдруг видит: к штабу несется пулеметная тачанка. На ходу из нее кто-то лихо выпрыгнул. Так это же Демьян Бедный! И вот уже гость обнял командарма, расцеловал его.

— Не имею желания получать выговор от товарища Буденного, — улыбнулся Демьян. — Мое слово — закон: если обещал быть днем, значит, буду. Ну, — подмигнул он командарму, — что прикажете делать?..

— Ты вовремя прибыл, Демьян, — сказал командарм. — Сейчас поедем в шестую кавдивизию, будешь читать бойцам стихи.

Вернувшись в штаб армии, Демьян Бедный остался тут ночевать и допоздна читал членам Реввоенсовета и работникам штаба Конармии свои стихи. Его знали бойцы Конармии, его знала вся Красная Армия. Стихи и басни поэта любили, заучивали их наизусть, они были просты и доступны каждому. Как позже говорил Семен Михайлович, «красноармейцы охотно брали на вооружение сатиру Бедного — как винтовку или шашку».

3

Конармия с боями продвигалась на запад, громя белополяков на реках Случь, Горынь, Стырь, Западный Буг. В эти напряженные дни Буденный особое внимание уделял командному составу армии, тщательно анализировал действия начдивов, командиров бригад и командиров полков. Между тем в ведении боевых действий Конармии выявились серьезные недостатки, которые, естественно, не могли не беспокоить командарма. В одной из своих дневниковых записей член Реввоенсовета Ворошилов отмечал тогда: «Наши командиры медлительны, нерешительны и плохо ориентируются в обстановке. Связь до сих пор налажена плохо: рядом действующие дивизии не знают друг о друге. Сторожевое охранение отсутствует. Начдивы до безумия храбры, как и весь комсостав, но плохо справляются с управлением…» Эти недостатки обсуждались на совещаниях комсостава, в штабе армии, но чаще всего непосредственно на местах, в дивизии, где командарм и член Реввоенсовета Ворошилов учили командиров тактике и искусству ведения боя. С течением времени выявился

еще один весьма существенный недостаток: в сложных и постоянно менявшихся условиях маневренных действий Конармии ее политотдел не поспевал за дивизиями и бригадами, часто находился в отрыве от них. Ворошилов предложил командарму создать политотдел тыла, которым будет руководить заместитель начальника политотдела армии. Буденный согласился, и это дало положительные результаты: политработа в бригадах и дивизиях активизировалась. Тогда же в политотделах армии появились крестьянские секции для налаживания политико-массовой работы среди населения освобождаемых районов. В подразделения назначены политруки. Однако предметом особой заботы Буденного и Ворошилова были коммунистические ячейки. Реввоенсовет заботился об их росте, пополнении из числа наиболее преданных и храбрых бойцов и командиров. Только за период с 15 марта по 1 июня 1920 года число коммунистов в Конармии увеличилось с 1605 до 3228, а число партийных ячеек с 78 до 140. Коммунисты шли первыми в атаку и поэтому несли большие потери. 19 июля в бою погиб командир 2-й бригады 11-й кавдивизии Семен Михайлович Патоличев, которому еще недавно, при переходе Конармии на польский фронт, М. И. Калинин лично вручил орден Красного Знамени. Буденный высоко ценил своего тезку — так они в шутку называли друг друга. Это был храбрый человек, грамотный командир, отлично разрабатывавший операции, и поэтому его бригада была ударной силой дивизии. Командарм всегда ставил Патоличева в пример другим командирам, ибо во всех боях в наступлении он был первым. «Не один я жизнью своей рискую, потому как боремся мы за родную Советскую власть», — говорил как-то в беседе с командармом Патоличев. Однажды Буденный с М. И. Калининым во время смотра объезжали части Первой Конной армии. Рядом с командиром бригады С. М. Патоличевым они увидели верхом на лошади в полной военной форме юношу лет пятнадцати. Михаил Иванович спросил, чей это мальчуган. Патоличев не без гордости ответил, что это его сын. «У меня их семеро, жена прибаливает, да и в наших местах голодно, вот и приходится старшего возить с собой», — пояснил командир 2-й бригады. Калинин участливо посмотрел на юношу и сказал, чтобы его поберегли в бою. «Мы за их будущее сражаемся, терпим лишения. — И, посмотрев на Патоличева, добавил: — И себя поберегите, вам детей растить». После гибели С. М. Патоличева в Реввоенсовет Конармии поступил рапорт от начдива 11-й Ф. М. Морозова. «В боях под г. Дубно, — писал он, — пал смертью доблестного революционера командир 2-й бригады вверенной мне дивизии тов. Патоличев. Происходящий из бедных крестьян

Владимирской губернии, тов. Патоличев оставил после себя ничем не обеспеченную семью из жены и семи человек детей, причем старшему из них 15 лет. Высоко ценя заслугу тов. Патоличева перед революцией вообще и, в частности, перед 11-й кавдивизией, прошу разрешения выдать его семье из сумм штадива (штаба дивизии. — А. З.) единовременное пособие в сумме 20 тысяч рублей». В эти дни умерла жена комбрига Патоличева, и дети остались круглыми сиротами. Буденный распорядился выдать им трехмесячное жалованье отца и пособие в размере 15 тысяч рублей из денег, присланных трудящимися в подарок Конной армии. Конармейцы также помогли деньгами детям героя. Деньги вручили старшему сыну Патоличева Михаилу и в сопровождении боевого друга отца А. Гулякова отправили домой… Ныне один из сыновей героя — Николай Семенович Патоличев — видный партийный и государственный деятель, министр внешней торговли СССР, дважды Герой Социалистического Труда. Буденный до конца своей жизни с глубоким уважением относился к сыну легендарного комбрига, нередко они встречались у маршала на даче, и тогда невольно разговор заходил о гражданской войне, о бойцах и командирах Первой Конной. «Я рад, Коля, что ты продолжаешь дело отца, не щадишь себя во имя служения Родине», — говорил маршал. Уже после кончины Семена Михайловича в своей книге «Испытание на зрелость» Николай Семенович Патоличев писал: «Прошло много-много лет. Конница Буденного в 1969 году отмечала свое пятидесятилетие. Буденновцев Патоличевых уже не было в живых. Ко мне пришли ветераны-буденновцы, члены совета ветеранов Первой Конной армии: Шахматов Александр Матвеевич, Кузнецова Елена Ивановна, хорошо знавшие отца по гражданской войне. Они вручили мне юбилейную медаль «50 лет Первой Конной армии». Теперь это наша семейная реликвия». …Бои продолжались. Конная армия, главная ударная сила Юго-Западного фронта, осуществляла быстрые маневры. Она разгромила сильную дубно-кременецкую группировку противника и освободила города Дубно, Кременец, Броды. И в это время Реввоенсовет Юго-Западного фронта дает командарму новую директиву: не позднее 29 июля овладеть районом Львов — Рава-Русская. Буденный высказал сомнения командующему фронтом: такое крутое отклонение Конармии от главного оперативного направления на Варшаву очень опасно. Но Егоров сказал, что «польские войска нашим Западным фронтом разбиты, и помощь ему не нужна, а овладение Львовским районом санкционировано главкомом». Как же родилось это ошибочное решение? Еще в середине июля Реввоенсовет Западного фронта сообщил

главкому, что левое крыло польских войск в Белоруссии разбито и что победа не за горами. С. С. Каменев тут же выехал в Минск, в штаб Западного фронта. Главком поставил вопрос о развитии наступления на Варшаву, считая, что эту задачу успешно выполнят три из четырех армий М. Н. Тухачевского. В свою очередь, командующий Юго-Западный фронтом А. И. Егоров доносил 22 июля главкому, что поляки по всей линии фронта оказывают весьма упорное сопротивление, особенно на Львовском направлении. «При данных условиях считаю необходимым центр тяжести главного удара со стороны армий Юго-Западного фронта перенести в пределы Галиции». Реввоенсовет республики 23 июля санкционировал новый план действий для армий Юго-Западного фронта. Против изменения направления Юго-Западному фронту не возражал и М. Н. Тухачевский, который еще 19 июля рекомендовал главкому «обдумать удар Конармии в юго-западном направлении, чтобы пройти укрепления в районе, слабо занятом противником, и выиграть фланг поляков…». В тот же день С. С. Каменев, убежденный в том, что другого решения в данной ситуации быть не может, сообщил командующему Западным фронтом, что дальнейшие действия Конармии «будут именно в этом направлении, о котором вы говорите». Как же так, негодовал Буденный, ведь армии Юго-Западного фронта должны, обязаны помогать войскам Западного фронта, а ему ставят совершенно иную задачу! Нет, это явная ошибка. Уже после гражданской войны Буденный прочтет вот эти строки в многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза»: «Ход событий показал, что это было ошибочное решение. Действия Юго-Западного фронта отныне направлялись не на содействие войскам Западного фронта, который наносил главный удар в Варшавском направлении, а на решение самостоятельной задачи — занятие Львова. Войска Юго-Западного и Западного фронтов теперь наступали в расходящихся направлениях, ослабляя тем самым свои удары». Несмотря на решительное возражение Буденного, ни главком С. С. Каменев, ни командующий фронтом А. И. Егоров эту ошибку тогда не исправили. Конармия вынуждена была наступать на Львов, где хорошо вооруженный Антантой противник держался особенно упорно. Весь день Буденный просидел над картой, изучал обстановку, донесения разведки. Вечером вернулся от начдива Ф. М. Морозова Ворошилов.

— Какие новости, Семен Михайлович?

— Враг собирается ударом второй армии с северо-запада и частью сил шестой армии с юго-запада в направлении города

Броды окружить и разгромить нас. В этом я окончательно убедился, допросив пленных белополяков. Надо сорвать замысел врага, — добавил Буденный. — А для этого нужно разгромить его луцко-боремельскую группировку.

Позже стало известно, что Буденный точно определил замысел белополяков. Маршал Пилсудский, главнокомандующий войск буржуазно-помещичьей Польши, впоследствии утверждал, что мог бы остановить наступление советских войск, сконцентрировав на севере часть сил с Украины. Но для этого была необходима «ликвидация того сильного козыря, которым располагал противник в лице конницы Буденного…».

Ставя начдивам задачу, командарм строго-настрого предупредил: в наступлении действовать быстро и решительно, ибо только ликвидировав луцко-боремельскую группировку противника, армия сможет развить наступление в направлении Львова. Об этом он сообщил и Реввоенсовету фронта.

Упорное сражение разгорелось 30 июля на реке Стырь. Конармия, сдерживая натиск врага, не позволила соединиться 2-й и 6-й армиям белополяков. Но окончательно разгромить луцко-боремельскую группировку польских войск Конармии не удалось. Главные силы 2-й польской армии концентрировались перед центром и правым флангом Конармии. А 1-я дивизия польских легионеров, глубоко вклинившись в наши боевые порядки, пыталась совместно с 6-й пехотной и 1-й кавалерийской дивизиями ударить на Броды — Радзивиллов, разгромить красную конницу, а затем соединиться со своей 6-й армией. Буденный разгадал замысел врага и был твердо убежден, что в этой сложной обстановке нужно немедленно отвести части Конармии подальше от центра, ближе к флангам. Но ежедневные бои измотали людей, и Буденный понимал, что теперь надо упорно держать оборону, выбрать удачный момент и самим контратаковать.

Утром 31 июля положение армии еще более ухудшилось. 11-я и 4-я кавдивизии отошли к Стыре. 6-я кавдивизия неоднократно контратаковала противника, но безуспешно, а 14-я кавдивизия отступила к Козину. Лишь правофланговая 24-я и левофланговая 45-я стрелковые дивизии удерживали свои рубежи. Командарм принимал все меры, чтобы не дать 1-й дивизии легионеров продвинуться на юго-восток, ибо это грозило серьезными неприятностями. С этой целью в 14-ю кавдивизию он направил начальника штаба армии Л. Л. Клюева с задачей помочь начдиву А. Я. Пархоменко восстановить утраченное положение, организовать взаимодействие с 24-й стрелковой дивизией.

На другой день 4-я кавдивизия Ф. М. Литунова отбросила

неприятельскую пехоту своим огнем, а 11-я кавдивизия под командованием Ф. М. Морозова отрезала противнику пути отхода к реке Западный Буг. Но длилось это недолго: получив подкрепления, белополяки снова пошли в атаку.

— Надо бы дать людям отдохнуть, иначе трудно будет драться, — задумчиво сказал Буденный.

— Нет, Семен Михайлович, рано еще отдыхать, — возразил Ворошилов.

В штаб вошел Зотов и доложил, что из штаба фронта получена телеграмма, в которой указывается, что лично В. И. Ленин потребовал от члена Реввоенсовета республики И. В. Сталина «ускорить распоряжение о бешеном усилении наступления»[6] на Польшу.

— Вот видишь, Семен Михайлович, — улыбнулся Ворошилов. — Куда уж тут отдыхать…

4

2 августа на всем фронте армии бои разгорелись с новой силой. Обстановка осложнилась. Дивизия С. К. Тимошенко успеха не имела: ее атаковали части 6-й польской пехотной и 1-й кавалерийской дивизий. Пришлось отступить на юго-восток к Бродам. Тыл 4-й кавдивизии оголился, и, чтобы противник не окружил ее полки, начдив отдал приказ отойти на прежние рубежи. Командарм остро переживал неудачу. В эти дни В. И. Ленин, внимательно следивший за ходом боев на польском фронте, в телеграмме на имя члена Реввоенсовета республики И. В. Сталина запрашивал: «Завтра в шесть вечера назначен пленум Цека. Постарайтесь до тех пор прислать Ваше заключение о характере заминок у Буденного и на фронте Врангеля, а равно и о наших военных перспективах на обоих этих фронтах. От Вашего заключения могут зависеть важнейшие политические решения»[7]. В тот же день, 4 августа, И. В. Сталин доложил В. И. Ленину о положении дел на Юго-Западном фронте. «Заминка Буденного временная, — писал он, — противник бросил на Буденного литовскую, луцкую и галицкую группы в целях спасения Львова. Буденный уверяет, что он разобьет противника (он уже взял большое количество пленных), но Львов будет взят, очевидно, с некоторым опозданием. Словом, заминка Буденного не означает перелома в пользу противника». Буденный послал телеграмму на имя командующего фронтом, в которой указал, что Реввоенсовет Первой Конной армии видит спасение положения только в отходе армии по крайней мере за реку Икву, где можно было бы

привести в порядок армию. 6 августа пришла телеграмма, в которой Реввоенсовет фронта отклонил его просьбу и приказал «с неослабной энергией выполнять боевую задачу по ликвидации львовской группы противника». «Конечно, командующий фронтом исходил из общей ситуации на фронте, — анализировал Буденный. — И моя точка зрения не должна идти вразрез с позицией комфронта. Значит, надо наступать». 6 августа на совещании командиров и комиссаров он кратко сказал:

— Значит, так, надо выстоять! — И добавил: — Видимо, нет еще возможности дать отдохнуть Конной, не может Главное командование обойтись без нашей армии. Все ясно? Тогда всем по своим дивизиям…

Оставшись один в штабе, Буденный долго сидел за столом. За окном бушевал ветер, накрапывал дождь. На память пришли слова В. И. Ленина: «Как огня надо бояться партизанщины…»[8]. Да, а мы до сих пор ее не изжили. Вот Семен Тимошенко вчера получил приказ, форсировать реку Слоновку и занять район Полуночное — Редков. Тогда бы мы смогли перехватить все дороги из Радзивиллова на запад и не дать белополякам выйти из леса. При этом Тимошенко получил строгое указание — на шоссе не выходить! Но он все же решил пробиваться по шоссе, ссылаясь на то, что на пути дивизии большие болота. Командарм строго наказал Тимошенко. «Я ценю вашу храбрость, — сказал начдиву Буденный. — Но не позволю нарушать мои приказы». Обстановка осложнилась, и командарм решил послать в Бердичев Ворошилова, чтобы оттуда связаться по прямому проводу с главкомом и доложить об истинном положении в армии. Собрав работников тыла, командарм распорядился немедленно и энергично, пока на фронте наступило затишье, наладить снабжение. Во-первых, упорядочить движение обозов, доставлявших боеприпасы в дивизии и другие грузы; во-вторых, тыловым учреждениям указать пункты, куда в первую очередь направлять материальные средства. Пока Ворошилов находился в Бердичеве и вел переговоры с Реввоенсоветом фронта и главкомом С. С. Каменевым о нуждах Конармии, Буденный побывал во всех дивизиях, встретился с командным и политическим составом, выступил перед ним, обрисовав обстановку в стране и на фронтах, подчеркнув ту главную мысль, что партия большевиков, лично товарищ Ленин требуют напрячь «наши усилия для еще большего наступления на врага». В связи с вступлением на территорию Галиции Реввоенсовет Юго-Западного фронта принял обращение к войскам Красной Армии. Теперь комиссарам и политработникам надлежало довести это обращение до каждого бойца. В эти дни в 4-й кавдивизии

состоялась красноармейская конференция, в которой принял участие командарм. В резолюции говорилось, что бойцы подтверждают свою полную солидарность с политикой Советского правительства, выражающей революционную волю русских рабочих и крестьян по вопросу о войне с польской шляхтой. …Бои становились упорными. Вспоминая о тех тяжелых днях, бывший помощник начальника штаба 6-й кавдивизии по разведке Маршал Советского Союза К. А. Ме рецков впоследствии писал: «Неделя с 4 по 11 августа прошла в сражении за переправы через Стырь и за подступы к Радехову. Новое руководство дивизии действовало очень энергично, что оказалось кстати, так как вконец измотанные 4-ю и 11-ю дивизии С. М. Буденный своей властью вывел на отдых, а в первом эшелоне Конармии остались наша и 14-я дивизия да Особая кавбригада. Подчиненные Буденному соседи тоже напрягали все силы: на севере пехота взяла Луцк; на юге золочевская группа И. Э. Якира с кавбригадой Г. И. Котовского и червонноказачьей дивизией В. М. Примакова упорно наступали на Ясенов. Апанасенко получил задачу овладеть Бус— ком». 10 августа из Бердичева вернулся Ворошилов и сообщил Буденному, что Конармии направляется все необходимое — и боезапас, и обмундирование, и фураж. Что касается боевой задачи, то она остается прежней — овладеть Львовом. Вскоре в районе Львова начались затяжные бои. Буденный стремился совместно с войсками 14-й армии охватить город с трех сторон и решительным штурмом сломить сопротивление противника. И вдруг вечером 14 августа в штаб поступила директива Реввоенсовета Юго-Западного фронта, датированная 13 августа. В ней говорилось: «Согласно директиве главкома от 13 августа за № 4774/оп 10.52/ш приказываю: 1. 12-й и 1-й Конной армиям без 8-й кавалерийской дивизии червонных казаков с 12 часов 14 августа поступить в оперативное подчинение командующего Западным фронтом… 2. Командарму 1-й Конной с 12 часов 14 августа передать 8-ю кавдивизию червонных казаков в полное распоряжение командарма-14…» Буденный посмотрел на часы — девять вечера. Почему так поздно поступила директива? Где она задержалась? Как бы то ни было, но Первая Конная армия не была своевременно передана Западному фронту и не могла принять участия в Варшавской операции. Что же произошло? Буденный еще не знал, что 2 августа состоялось заседание Политбюро ЦК РКП (б). Оно обсудило положение на юге страны в связи с активизацией Врангеля и приняло решение выделить крымский участок Юго-Западного фронта в самостоятельный Южный фронт. Члену РВС республики И. В. Сталину поручалось сформировать Реввоенсовет

нового фронта. Одновременно Западный и Юго-Западный фронты объединялись, и в качестве Реввоенсовета объединенного фронта намечалось оставить Реввоенсовет Западного. В тот же день В. И. Ленин телеграммой сообщил об этом решении И. В. Сталину. Одновременно с телеграммой И. В. Сталину был направлен полный текст решения Политбюро. 4 августа И. В. Сталин телеграфировал в ЦК РКП (б) о согласии с постановлением Политбюро в части, касающейся передачи трех армий Западному фронту. Вместе с тем он предложил штаб и РВС Юго-Западного фронта не делить, а преобразовать в штаб и РВС Южного фронта. Эти его соображения были приняты Пленумом ЦК партии 5 августа. В тот же день главком директивой известил командование Юго-Западного фронта о предстоящем подчинении Западному фронту 12-й и Первой Конной армий, а 6 августа потребовал подготовить к передаче М. Н. Тухачевскому и 14-ю армию. Последней директивой предлагалось «сменить пехотой 1-ю Конную армию и вывести ее в резерв для отдыха и подготовки к решительному новому удару». Несколько дней между главкомом и командованием фронта велись переговоры и переписка по организационной стороне передачи армий, и только 11 августа была достигнута договоренность об участии 12-й и Первой Конной армий в боях против основной варшавской группировки противника. Главком предлагал 12-й армии наносить главный удар на Люблин, а Первую Конную армию двинуть в районе Грубешов — Замостье — Томашов. Позже в новой директиве главком потребовал от 12-й армии немедленно приступить к выполнению задачи — двинуться на Люблин. Но в директиве ничего не говорилось о Конной армии. К тому же в полевом штабе Реввоенсовета республики при передаче директив в штабы фронтов шифр был искажен, и они стали известны командованию Юго-Западного фронта лишь во второй половине дня 13 августа. А тем временем командование фронта бросило Конармию в наступление на Львов, хотя уже не имело права использовать ее: армия находилась в резерве главкома. Весь день 19 августа Конармия штурмовала подступы к Львову. В одном из боев погиб начальник 4-й кавдивизии Ф. М. Литунов, один из отважных и любимых командиров Семена Михайловича. Командование 4-й кавдивизией Буденный временно возложил на Ивана Владимировича Тюленева, командира 2-й бригады, ставшего впоследствии известным военачальником, генералом армии. Когда Конармия находилась в пяти-семи километрах от Львова и охватывала его с трех сторон, в штаб Реввоенсовета прибыла делегация львовских рабочих. Они заявили Буденному, что готовы ночью провести в город целую кавалерийскую дивизию,

минуя железную дорогу, где стояли вражеские бронепоезда, помешавшие Конармии ворваться в город. Однако поздно вечером 19 августа была получена директива командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского, которая предписывала Буденному перебросить Конармию на Варшавское направление, где белополяки перешли в наступление. Командующий фронтом требовал ликвидировать люблинскую группировку врага, для чего к 20 августа сосредоточиться в районе Владимир-Волынский — Устилуг, чтобы затем наступать в тыл ударной группировки противника. А ведь до Бреста, где находился противник, было 140 километров! Первое, о чем подумал Буденный, — физически невозможно в течение одних суток выйти из боя и совершить стокилометровый марш, чтобы к 20 августа быть в указанном районе. А кто займет боевой участок Конармии? Снять армию не представляется никакой возможности, ибо противник сразу же перейдет в наступление и ударит ей в тыл. Буденный сознавал всю ответственность и тем не менее вынужден был признать, что в сложившейся обстановке единственно правильное решение — продолжать наступление на Львов. Это привело бы к разгрому львовской группировки неприятеля и укреплению Юго-Западного фронта. Более того, захват Львова создавал угрозу правому флангу и глубокому тылу противника, оперировавшему против нашей армии на Варшавском направлении. В этом случае белопольское командование неизбежно вынуждено было бы перебросить значительные силы в Львовский район с севера, что, безусловно, облегчило бы положение отступавших соединений Западного фронта. Буденный по предложению Ворошилова послал донесение командующему фронтом. Объяснив Тухачевскому, почему за два дня боев 18 и 19 июля Львов не был взят, и указав на то, что противник, хотя и понес значительные потери, все еще силен (у него восемь бронепоездов, две кавдивизии, четыре пехотные дивизии), Буденный твердо заверил, что через два-три дня Львов будет занят частями Конной армии. Оставление Конной армией занимаемого участка и замену ее другой частью в данный момент и при данных условиях он считает абсолютно невозможным и могущим катастрофически отразиться на всем фронте. И все же, несмотря на это, командарм подготовил приказ на отход армии за реку Буг. 20 августа в шесть часов утра командарм уже читал ответ М. Н. Тухачевского. Командующий подтвердил свою директиву о движении Конармии в район Владимир-Волынский. Однако вовремя прибыть в район Устилуг — Владимир-Волынский Конармия не смогла. Ворошилов по этому поводу писал члену Реввоенсовета республики И. В. Сталину и члену Реввоенсовета Западного

фронта Уншлихту: «По моему глубокому убеждению, основанному на опыте, снятие Конармии с Львовского фронта в момент, когда армия подошла вплотную к городу, приковав к себе до семи дивизий противника, является крупнейшей ошибкой, чреватой значительными последствиями». Как и предполагал командарм, обнаружив отход Конармии, белополяки стали преследовать ее, и вскоре их части вышли на реку Буг. Генерал Галлер уход Конармии от Львова расценил как свой крупный успех и использовал его для поднятия боевого духа своих войск. «Нетрудно было представить, — писал впоследствии Буденный, — что в условиях отхода главных сил обоих фронтов наступление на Замостье могло превратиться в обособленную операцию Конармии. Однако директиву требовалось выполнять, и мы немедленно начали готовить соединения к наступлению. Справедливости ради следует сказать, что М. Н. Тухачевский был против движения Конармии на Замостье и отдал директиву лишь по настоянию главкома». К исходу 25 августа командарм принял решение выдвинуться на 25–30 километров в сторону Замостья и запять район Скоморохи — Варенж — Комаров. Буденный знал, что Конармии придется действовать с открытыми флангами, поэтому оперативное построение войск он избрал в форме ромба. 4-я кавдивизия наступала в голове, за ней справа, уступом назад, 14-я, а слева — 6-я. 11-ю кавдивизию командарм вывел в резерв, и она двигалась в хвосте армии. Продвигаясь с боями в направлении на Замостье, Конная армия оказалась в узком коридоре между соединениями польских войск в лесисто-болотистой местности, без должного запаса боеприпасов, продовольствия и фуража. Польское командование было совершенно уверено в успехе операции, а маршал Пилсудский приказал даже не только полностью уничтожить красную конницу, но и захватить в плен Буденного и Ворошилова. Противнику на какое-то время удалось окружить Конармию, но все попытки сжать кольцо не увенчались успехом. Конармейцы героически сражались. Сам командарм часто спешил туда, где складывалась особенно тяжелая обстановка. Так было у села Хорышова-Русского, куда прибыл Буденный. Выслушав доклад Тимошенко о том, что в селе находятся крупные силы противника и он готовится лично повести бригаду в атаку, Буденный сказал:

— Бригаду я сам поведу в атаку.

Он тотчас же проехал перед строем, подбадривая шутками конармейцев, а потом подал команду и первым выхватил из ножен шашку. Конная масса лавиной ринулась вперед. На флангах стремительно рванулись пулеметные тачанки, поливая врага свинцовыми очередями. Белополяки ответили орудийным

огнем. Рядом рвались снаряды. Истошно ржали раненые лошади, но командарм был поглощен азартом боя и теперь думал только об одном — чтобы не дрогнули, не остановились бойцы. Оглянулся назад — конармейцы вихрем с криком «ура!» летели на врага.

Смяв белополяков, конармейцы ворвались в село. Хорышов-Русский был очищен от врага.

Очень тяжелыми были бои в районе Замостья. 31 августа 3-я бригада 4-й кавдивизии расположилась на окраине Стаброва, километрах в пятнадцати от Замостья. И вдруг из-за леса выскочили уланы. Тревога! 24-й кавполк быстро развернулся в боевой порядок и двинулся навстречу противнику.

«Оглянувшись, я увидел группу всадников, а впереди знакомую коренастую фигуру командарма, — вспоминал бывший командир взвода 4-й кавдивизии, ныне генерал— майор инженер Потоцкий. — Товарищ командарм, — что было силы закричал я, — еще конница справа!

Но Буденный и группа конармейцев продолжали скакать с обнаженными шашками. Командарм, поглядев в ту и другую стороны, громко подал команду:

— Черт с ними! Бей этих, потом тех!

Бойцы полка увидели командарма, ближайшие к нему услышали его необычную команду: «Бей этих, а потом тех!» и передавали ее по цепи. Эта команда подняла наш дух, усталость как рукой сняло, отовсюду неслись крики:

— С нами Буденный! Ур-рр-ааа!

Полк двинулся на врага. Завязалась рубка. Вначале я еще видел Буденного, старался своим взводом прикрывать его. Командарм был напорист. Он сильным ударом выбил из седла одного улана, схлестнулся в поединке с другим… В гуще боя, когда все смешалось и возникла настоящая свалка, я потерял Буденного из виду. Схватка была недолгой, вскоре противник, беспорядочно отступая, скрылся в лесу.

И тут мы снова увидели Семена Михайловича. Он был разгорячен боем, сверкающий клинок сабли опущен, усы задорно торчат, фуражка, закрепленная ремешком на подбородке, лихо сбилась набок. Счастливые минуты… Мы радовались успеху и гордились своим боевым командармом, храбрым и непобедимым в кавалерийском бою». После этих боев Буденный окончательно убедился, что кольцо окружения можно прорвать. Но где, в каком месте лучше нанести удар? И он принял решение — в районе деревни Русский Горяшев-Грубешов, там, где находились болота. Полки конармейцев не только успешно форсировали заболоченную местность, но и с ходу нанесли по белополякам

ощутимый удар.

Ночью 16 сентября из Бердичева прибыл начальник политотдела Конармии Вардин, он сообщил командарму приятную новость: с Польшей ведутся переговоры о мире.

— Дали им по шапке, вот и о мире заговорили! — Семен Михайлович устало зевнул.

Вардин доложил, что в Бердичев прибыло пополнение — четыре тысячи конников. Солдаты бывалые, есть среди них и сибирские казаки. В конце беседы начальник политотдела передал Буденному обращение военнопленных поляков к своим соотечественникам. «Мы не хотим войны с Советской Россией, — читал Семен Михайлович. — Мы требуем немедленного заключения мира. Мы желаем жить в дружеских отношениях и мирно исполнять свой труд совместно с рабочими и крестьянами России. И обещаем Ревкомитету Польши на каждое его воззвание и требование встать с оружием в руках, как один, как кирпичная стена, для защиты Рабоче-Крестьянского Революционного Комитета Польши и совместно с советскими российскими войсками вступить в бой против лакеев иностранного капитала и угнетателей рабочих и крестьян Польши.

Председатель Дрожанский. Секретарь Аспер. От имени присутствующих Иондрас».

Буденный приказал это воззвание перепечатать и иметь в каждому полку. Прошла еще одна неделя. Соединения 12-й армии прочно закрепились на Горыни и успешно сдерживали натиск белополяков. По настоятельной просьбе командующего фронтом М. Н. Тухачевского, главком С. С. Каменев принял решение вывести Конную армию на отдых. В директиве главкома командованию Западного фронта и Первой Конной армии указывалось: «1-ю Конную армию назначаю в свой резерв и приказываю направить ее через Бердичев на Кременчуг, где ей сосредоточиться к 10 октября…»

— Видимо, собираются бросить нас на Врангеля. Об этом мне говорил главком еще в Бердичеве, — сказал Ворошилов.

Еще когда Первая Конная вела тяжелые бои с белополяками, Врангель активизировал свои действия на юге страны. Особо серьезную опасность представляло для частей Красной Армии, писал главком С. С. Каменев в своем докладе председателю Реввоенсовета республики, превосходство конницы у Врангеля. 19 августа, обсудив обстановку на юге страны, Политбюро ЦК партии приняло специальное постановление о военном положении на врангелевском фронте. В нем, в частности, указывалось на необходимость снять на врангелевский фронт 6-ю дивизию I Конной армии…

Узнав об этом документе, главком С. С. Каменев пишет докладную записку председателю Реввоенсовета республики с возражением против переброски 6-й кавдивизии на врангелевский фронт, мотивируя это тем, что для восстановления положения всего Западного фронта был намечен удар 12-й и Первой Конной армий в северо-западном направлении. «Ясно, — писал главком, — что всякое ослабление намеченного удара при такой обстановке сейчас недопустимо вообще. Тем более недопустим увод из Первой Конной армии 6-й кавалерийской дивизии, которая по своей численности (5240 сабель) и качеству равняется всем трем остальным дивизиям Конной армии в совокупности (4, 11 и 14-я дивизии — 4791 сабля) и составляет основное ядро этой армии. С отнятием от I Конной армии этого ядра несомненно будет расстроена вся I Конная армия».

И 6-я кавдивизия осталась в составе войск Первой Конной армии.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
РАЗГРОМ ВРАНГЕЛЯ

1

24 сентября 1920 года командарм получил директиву Главного командования, в которой указывалось на необходимость напряженной работы по восстановлению боеспособности Конармии и самого быстрого передвижения ее в район Бердичева и далее в район Кременчуг — Елисаветград. Главком предлагал походное движение армии использовать для ее восстановления, вливая пополнения в попутных пунктах, производя на марше обучение и используя дневки для ковки лошадей и ремонта материальной части. По пути следования предстояло также заняться заготовкой продовольствия и фуража. «Выражаю твердую уверенность, — говорилось в директиве главкома, — что армия проникнется серьезностью возлагаемой на нее задачи и в кратчайший срок, передвинувшись на юг, подойдет к новому врагу в состоянии той мощи и боевой готовности, с какой летом она начала победоносную борьбу с поляками». Реввоенсовет по предложению Буденного специально обсудил на одном из своих заседаний вопрос о пополнении Конной армии. Основной состав конармейцев — люди с Дона, Кубани и Ставрополья. В тех краях особенно любили Конную армию и всячески ей помогали — и лошадьми, и фуражом, и обмундированием для бойцов. Учитывая это, Буденный просил Реввоенсовет республики послать на Дон и Кубань делегатов для вербовки добровольцев среди казаков в Конармию. Такое разрешение было получено. Буденный, К. Е. Ворошилов и С. К. Минин написали специальное обращение к крестьянам и трудовым казакам Дона и Кубани, в котором не только обрисовали обстановку в стране в связи с наступлением генерала Врангеля, но и высказали свою просьбу укрепить Конармию, пополнить ее добровольцами. Выражая твердую уверенность в победе над Врангелем, Реввоенсовет писал: «Но, товарищи, облегчите и вы нашу победу. Помогите нам последний раз ударить по белогвардейцам так, чтобы они больше не встали. Придите на помощь красному фронту, придите на помощь вашим братьям, вашим сынам. Помните, что только единением красного фронта и тыла мы добьемся победы! Помните, что красные бойцы, уставшие в боях, нуждаются в вашей самой живой помощи. Дайте Красной Армии хлеба, фуража! Шлите своих сынов и братьев!

Шлите новых и новых добровольцев!..» 1 октября на имя председателя Реввоенсовета республики Владимир Ильич пишет записку, в которой спрашивает: «…когда решили дать туда (на врангелевский фронт) Буденного?..» А через три дня, 4 октября, когда Буденный находился в частях 14-й кавдивизии, вступившей в район Жашкова, начальник полевого штаба С. А. Зотов доложил ему о полученной по прямому проводу телеграмме В. И. Ленина, которая была адресована Реввоенсовету Конной армии. «Крайне важно изо всех сил ускорить передвижение вашей армии на Южфронт, — писал Владимир Ильич. — Прошу принять для этого все меры, не останавливаясь перед героическими. Телеграфируйте, что именно делаете»[9].

Буденный срочно созвал Реввоенсовет, чтобы в деталях обсудить вопрос об ускорении движения армии. По предложению командарма Реввоенсовет утвердил новую должность начальника тыла армии, на которого и была возложена обязанность возглавить борьбу с бандами и контрреволюцией. В распоряжение начальника тыла выделялись специальные части. Особый отдел армии, губчека, ревкомы уездных начальников гарнизонов, комендантов железных дорог, войска внутренней охраны — всех их подчинили начальнику тыла, которому предоставили право объявлять отдельные районы, входившие в тыловую зону, на военном положении. Теперь основные силы Конармии могли двигаться к Каховке ускоренным маршем. Реввоенсовет ответил В. И. Ленину следующей телеграммой: «Предсовнаркома товарищу Ленину. Сознавая всю важность настоящего момента для нанесения противнику окончательного сокрушительного удара, РВС Первой Конной армии принимает самые чрезвычайные меры к ускорению сосредоточения армии согласно приказу командюжа». Климент Ефремович предложил командарму создать при политотделе Конармии телеграфно-информационный отдел «Конарм РОСТА». Появилась возможность на всем протяжении маршрута информировать бойцов о событи ях, происходящих в стране и за рубежом. В эти дни особенно оперативно работала редакция газеты «Красный кавалерист». На ее страницах публиковались письма, статьи, очерки, в которых рассказывалось об опыте ведения боевых действий, о думах и чаяниях бойцов. 14 октября части Конармии сосредоточились в районе Знаменки. А на другой день сюда поездом «Октябрьская революция» прибыл Председатель ВЦИК М. И. Калинин. Буденный попросил Михаила Ивановича председательствовать на заседании Реввоенсовета армии. На этот раз Калинин придал заседанию форму интереснейшей беседы. «Цель у конармейцев одна, — сказал в заключение Калинин, — скорее добраться до

Каховского плацдарма. В. И. Ленин возлагает на вас большие надежды. Врангеля надо разбить до зимы, иначе он прочно засядет в Крыму». М. И. Калинин решил побывать в частях Конармии, поговорить с людьми. …Село Митрофановка. Части 14-й кавдивизии выстроились на поляне. Михаил Иванович выступил перед бойцами с яркой речью. Он напомнил им, что в конце мая встречался с дивизиями Первой Конной армии примерно в этих же местах, когда они шли на польский фронт, чтобы заставить врага признать силу и нерушимость Советской власти. «Вы это сделали быстрее, чем мы ожидали, — сказал Калинин. — Тому свидетельство — подписание перемирия с Польшей. Это уже почти мир. Это признание польскими панами силы и непобедимости советского народа. Перемирие подписано после отступления частей Красной Армии от Варшавы. Но польские паны по опыту прошлых боевых операций хорошо знают, что наши отступления на фронтах заканчиваются новым наступлением и окончательным поражением врага. Это-то и заставило их пойти на мир. Теперь перед нами последний враг — Врангель, которого нужно обязательно уничтожить. Победа над Врангелем не за горами. Несмотря на трудность и огромность задач, стоящих перед нами, мы с ними справимся, — продолжал Калинин. — Можно смело сказать, что нет в мире лучших, более сознательных войск, чем вы. Может быть, у вас есть много и неграмотных людей, но смело могу сказать, что нет в мире армии, которая была бы так сознательна, которая бы так хорошо знала, за что она воюет, которая бы так ненавидела людей, с которыми она воюет, которая бы так доверяла комиссарам…» По дороге в штаб Буденный доложил Председателю ВЦИК о том, что армия нуждается в теплом обмундировании. Михаил Иванович обещал помочь.

— Вами доволен, — сказал Калинин, — армия в основном готова к штурму врага.

Об этом вскоре Калинин доложил В. И. Ленину но прямому проводу: «Настроение людей хорошее. Боеспособность несомненна».

После отъезда Председателя ВЦИК в Конармию прибыл эшелон с одеждой и обувью.

— Вот видишь, Клим, весомо слово товарища Калинина, — сказал Буденный.

2

20 октября Буденный получил директиву № 0163 М. В.

Фрунзе, в которой армиям Южного фронта ставилась задача разбить Врангеля, не дать ему возможности отступить на Крымский полуостров и захватить перешейки. Первой Конной предстояло в ночь на 26 октября скрытно сосредоточиться на правом берегу Днепра, в селах. В ночь на 27 октября переправиться на левый берег реки и быстро выйти в район северной оконечности озера Молочное — ст. Федоровка, разгромить здесь резервы противника и, отрезав ему пути отступления в Крым, преследовать до полного уничтожения. К началу наступления соотношение сил в северной Таврии было в пользу Красной Армии. Войска Южного фронта насчитывали почти 100 тысяч штыков и около 33,5 тысячи сабель. Но войска Врангеля были значительно лучше вооружены, обеспечены питанием, конский состав кавалерийских частей не изнурен длительными переходами. А если учесть, что Врангель опирался на заранее подготовленные позиции, в том числе на мощный оборонительный пояс Крымского перешейка, то станет очевидным: враг располагал определенным преимуществом. Буденный обратил особое внимание на тот факт, что главные силы генерала Кутепова были сосредоточены против Каховского плацдарма, там, где необходимо вести наступление Первой Конной армии. Учитывал он и то, что в Крыму собралось почти все белогвардейское офицерство, люто ненавидевшее Советскую власть. Из них формировались целые полки, и ясно, что они будут сражаться до последнего. Врангель располагал также опытными командными кадрами, хорошо налаженными коммуникациями, связью с тылом. Он мог легко и быстро получить подкрепление, пополнить войска оружием и боеприпасами. Фронтовую ударную группу Врангеля составили конный корпус генерала Барбовича, Кубанская дивизия, дроздовская пехотная дивизия и Терско-Астраханская кавалерийская бригада. К этому времени она располагалась в районе Серогоз. Большие надежды Врангель возлагал также на 1-ю армию генерала Кутепова, куда входили: 1-й и 2-й армейские корпуса, сводный гвардейский отряд, резервные части генерала Черепова и ряд частей специального назначения. Армия генерала Кутепова противостояла нашим 6-й и 2-й Конной армиям. Против 4-й армии стояли 7-я пехотная дивизия, 1-я и 2-я дивизии Донского корпуса 2-й армии, которой командовал махровый враг Советской власти генерал Абрамов. Командарм, как обычно, волновался за исход операции, еще и еще раз оценивал создавшуюся обстановку. И может быть, поэтому директива Фрунзе № 0163, которую он недавно получил, как-то еще более насторожила его. Неясно, почему командующий делил операцию по разгрому Врангеля на две части —

Таврическую и Крымскую? Буденный был глубоко убежден, что она должна быть единой и удар следовало наносить «двумя кулаками: у Перекопа и Бердянска». На его взгляд, ликвидации подлежала прежде всего мелитопольская группа. Иначе противник, подавшись правее Александровки, пропустит наши части через Перекоп в Крым и отрежет их. Закроет ворота. Настораживало и то, что при штурме Перекопа белые могут ударить частям Красной Армии в тыл. Неужели этого не увидел Фрунзе?.. С одной стороны, Буденный не мог согласиться с таким планом начала военных действий и не хотел молчать, с другой, ему не хотелось прослыть этаким лихим провидцем, легко оспаривающим директивы командующего фронтом. Он поделился своими мыслями с членами Реввоенсовета. К. Е. Ворошилов и С. К. Минин поддержали его. «А утром 21 октября в Знаменке мы собрали Реввоенсовет, — писал впоследствии Буденный, — на котором все как следует обсудили. Не скажу, что наш план операции сразу приобрел стройную форму. Возможно, мы не все продумали. Однако исходили мы не из своих местных интересов, думали не только о Первой Конной. Мы горели желанием как можно скорее разгромить Врангеля и поэтому так уверовали в свой план, что доложили в первую очередь В. И. Ленину и М. В. Фрунзе». Со свойственной ему прямотой Буденный сообщал В. И. Ленину и М. В. Фрунзе, что директива № 0163 не содержит в себе характеристики и оценки сил и намерений противника, не охватывает в целом операцию Южного фронта, совершенно умалчивается об операциях на самом полуострове. А разновременное наступление армий даст противнику возможность бить наши силы по частям. Кроме того, оторванность 2-й Конной армии от главных фланговых групп лишает последнюю сильной поддержки в лице этих армий и подвергает ее риску остаться бездействующей или быть разгромленной. У противника, безусловно, имеются сильные резервы в Крыму, которые обеспечивают оборону укрепленного перешейка, а в случае успеха могут подкрепить необходимый участок и довершить операцию. «А поэтому, — писал Буденный, — со своей стороны полагал бы: 1) операцию начать 31 октября 1920 г. и одновременно по всему фронту, имея свободный сильный фронтовой резерв; 2) 2-ю Конную к моменту наступления сосредоточить у Берислава для совместных операций 1, 2 и 6-й армий; 3) для большей успешности действий всей конницы совершенно необходимо объединение конных частей под одним общим командованием; 4) второй наш кулак должен быть сосредоточен примерно в районе Большая и Малая Михайловна, на побережье нужно иметь кавалерийскую группу до трех

кавалерийских дивизий. Точные оперативные задачи правой и нашей групп — согласованным ударом уничтожить противника, группирующегося между Перекопом и Днепром. 6-я армия, поставив две дивизии в район Каланчаки — Оскажиднов, остальными силами на плечах противника врывается на полуостров. В случае успеха вслед за 6-й бросаются на подкрепление еще две кавалерийские дивизии. Всей остальной конной массой, по уничтожении перекопской группы противника, бить в направлении на Мелитополь с целью отрезать пути отступления противника на Сиваш и уничтожения живой силы. Правой нашей группе стремительными концентрическими ударами содействовать левой группе, действуя в направлении на Мелитополь. Вот те соображения, которые по долгу революционной совести я счел необходимым довести до вашего сведения». Почти всю ночь, пока секретарь Реввоенсовета Конармии С. В. Орловский передавал по прямому проводу решение Реввоенсовета, командарм не сомкнул глаз. Тревожили мысли — поймет ли его замысел Фрунзе? А что ответит Ленин? Главком С. С. Каменев в это время находился в штабе Южного фронта в Харькове, и когда ему стало известно о предложении Буденного, он 23 октября в 18 часов 40 минут послал телеграмму в Москву на имя председателя Реввоенсовета республики о сроках наступления фронта, в которой, в частности, писал: «Не вдаваясь в рассмотрение плана, представленного т. Буденным, ходатайствую предложить Реввоенсовету I Конной армии никаких своих сроков не назначать, а твердо держаться числа, определенного т. Фрунзе, а именно 28 октября». Разумеется, Буденный об этом не знал и все свои надежды связывал с ответом В. И. Ленина. Наконец 24 октября поступила телеграмма от Владимира Ильича. «Врангель явно оттягивает свои части, — телеграфировал Ленин. — Возможно, что он уже сейчас пытается укрыться в Крыму. Упустить его было бы величайшим преступлением. Успех предстоящего удара в значительной степени зависит от 1 Конной. Предлагаем РВС 1 Конной применить самые героические меры для ускорения сосредоточения 1 Конной»[10].

Применить самые героические меры… Значит, не может быть и речи об изменении сроков наступления! Буденный теперь думал о том, как важно подготовить армию к действиям в указанный срок. Вскоре после получения телеграммы В. И. Ленина начальник полевого штаба Г. И. Лецкий, сменивший С. А. Зотова, назначенного на должность начальника оперативного управления Конармии, доложил, что Буденного и Ворошилова вызывает на совещание командиров на станцию Апостолово командующий

фронтом М. В. Фрунзе.

Там Буденный встретился с главкомом, доложил ему свои соображения. Тот одобрил их, о чем 25 октября из Апостолова телеграфировал Ленину: «…все меры к ускорению сосредоточения I Конной будут приняты. Совместно с Буденным прибыл в Апостолово, где через несколько часов состоится совещание с командюжем и командармами 2 и 6 для выработки окончательных мер, чтобы не упустить противника. Если совещание признает полезным, вернусь в I Конную, чтобы лично присутствовать при переправе».

Фрунзе в откровенной беседе с Буденным назвал план Реввоенсовета Конармии оригинальным, заслуживающим внимания. Однако он вынужден отклонить его в первую очередь по той причине, что Врангеля нужно уничтожить до зимы и именно в северной Таврии, на подступах к Перекопу и Чонгару. Тогда и Крымом овладеем быстро. В связи с этим операция и разделена на два этапа…

Мог ли утверждать тогда Буденный, что план Реввоенсовета Конармии по разгрому Врангеля был лучше того, который наметил Фрунзе? Нет, не мог, ибо доводы Михаила Васильевича были настолько убедительными, что он не стал настаивать на своем мнении.

Однако есть все основания полагать, что Буденный, хотя и согласился с Фрунзе, был все же убежден, что его план выгодно отличался по многим аспектам от того, который утвердил главком. Спустя годы в трехтомнике «Гражданская война. 1918–1921», изданном под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского и Р. П. Эдеймана в 1930 году, дается высокая оценка плану, предложенному Реввоенсоветом Первой Конной армии: «Командование 1-й Конной армией (Буденный, Ворошилов) предложило командованию Южным фронтом… более решительный план оперативного использования 1-й Конной армии. По этому предложению Конная армия должна прорваться через Сальковский перешеек в Крым и перехватить с юга пути отступления армии Врангеля. Этот план был отклонен как командованием Южного фронта, так и Главным командованием. В настоящее время, когда историки обладают материалами, характеризующими состояние тыла белых и группировку их сил к началу решительных действий Красной Армии, нельзя не признать, что самый смелый и полный риска план командования Конной армии в тех условиях мог дать совершенно исключительные результаты».

…Буденный внимательно слушал Фрунзе, излагавшего свой план разгрома Врангеля. Особый упор он делал на применение

эффективных и решительных мер: двухсторонний охват противника, удары по флангам и тылам, окружение. И конечно же, подчеркнул Фрунзе, особые надежды он возлагает на Первую и Вторую Конные армии, ибо конница — самая мощная и подвижная группа войск фронта. Наступление начнется 29 октября. 6-я армия Корка своим левым флангом совместно со Второй Конной армией ударит на Рубановку — Серогозы. В этот же день Первая Конная армия, переправившись через Днепр, стремительным маршем выйдет на фронт Аскания-Нова — Громовка.

— Вам, товарищ Буденный, — сказал Фрунзе, — надлежит отрезать противника от перешейков и наступлением с юга на Агайманы — Серогозы совместно с Шестой армией и Второй Конной окружить и уничтожить там главные силы врага. Ну как, по плечу задача, товарищ Буденный?

Командарм заверил командующего, что приказ армия выполнит с честью. Поздно вечером состоялось совещание командующих армиями, на которое прибыл главком С. С. Каменев. Сергей Сергеевич коротко, по-деловому обрисовал обстановку в стране, на всем Южном фронте, сообщил о том, что войска в целом подготовку к наступлению закончили. Правда, признал главком, до сих пор не налажено снабжение войск правобережной группы. Причина — затор на железных дорогах, однако он потребовал от командармов 4-й и 13-й армий принять все меры, чтобы обеспечить подвоз боеприпасов в полном объеме. Потом главком неожиданно обратился к Буденному с вопросом, получил ли он телеграмму В. И. Ленина. Да, ответил Буденный, получил, обсудили ее на совещании Реввоенсовета и уже дали ответ.

— Сроки наступления все армии должны выдержать, — строго предупредил главком. — О результатах совещания я доложу товарищу Ленину.

Утром 26 октября С. С. Каменев телеграфировал В. И. Ленину: «…на совещании командармов определен срок операции, согласованы действия, выяснено крупное преобладание наших сил. Продвижение 1-й Конной ускорено согласно задания. Существует твердая уверенность перехватить Врангеля».

После совещания Фрунзе подошел к Буденному и сказал, что многое в сражении зависит от действий Первой Конной армии. Но он, Фрунзе, уверен, что бойцы проявят себя на поле боя. «Я так и доложу Владимиру Ильичу, Семен Михайлович, — улыбнулся Фрунзе. — А уж вы постарайтесь…»

26 октября, когда командарм вернулся к себе, он узнал, что М. В. Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину из Апостолова о том,

что отдал окончательный приказ об общем наступлении. Решающими днями будут 30, 31 октября и 1 ноября. «В разгроме главных сил противника не сомневаюсь. Отойти за перешейки к моменту нашего удара он не успеет. На немедленный захват перешейков считаю не более 1 шанса из 100. В ночь с 26 на 27 в Апостолово провел совещание командармов и Реввоенсоветов 6, 2 и 1-й армий. Установлена полная согласованность и взаимное понимание… В частности, в отношении Ревсоварма 1-й и всей 1-й Конной у меня нет никаких сомнений в том, что она до конца выполнит свой долг», — писал Михаил Васильевич Ленину.

Буденный принял все меры, чтобы 27 октября Конная армия сосредоточилась в районе Берислава. А на другой день она переправилась на Каховский плацдарм. Буденный целый день провел на переправе, проверяя готовность армии к предстоящим боям.

3

Наступление, начатое на рассвете 28 октября, сразу нее после переправы Конной армии на левый берег Днепра, развивалось успешно. Решительно пошли в бой части 6-й армии, в их числе и закаленная в сражениях 51-я дивизия В. К. Блюхера. Они прорвали оборону противника и уже к исходу 29 октября подошли к Перекопу. То, что намечал Фрунзе, было сделано: Красная Армия закрыла Врангелю путь отхода в Крым через перешеек. Теснила противника и 13-я армия И. П. Уборевича, а в районе Херсона успешно вели боевые действия части 1-й стрелковой дивизии. Латышская и 52-я дивизии наступали на Агайман — Серогозы. Из-под Александровска двигалась 4-я армия. Развертывала свои кавалерийские части на левом берегу Днепра и 1-я Конная армия. Буденный в этот день — 28 октября — все время находился в частях, строго следил за тем, чтобы начдивы в точности выполняли приказ. Командарм не мог упрекнуть своих командиров в чем-либо — они успешно руководили подчиненными, их полки продвигались вперед, нанося белогвардейцам ощутимый урон. 4-я кавдивизия, например, прошла с боями только за один день 50 километров. В тылу врага она вышла в район Аскания-Нова — Громовка. 14-я и 6-я кавдивизии также достигли намеченных пунктов. Части 11-й кавдивизии заняли Агайман. Ожесточенные бои шли в районе Аскании-Нова. Перед наступлением Буденный ознакомился с данными разведки. В Аскании-Нова, находящейся километрах в сорока от Каховки, был государственный заповедник.

Врангелевцы намеревались уничтожить его при отступлении. Вот почему, ставя начдивам задачу, Буденный сказал, что заповедник представляет для нашего государства большую ценность, поэтому все, что в нем имеется, важно сохранить. А для этого надо овладеть этим населенным пунктом без боя. И это удалось сделать конармейцам. Наступление оказалось для врага неожиданным, белогвардейцы в панике бежали, не успев уничтожить заповедник. Под вечер 29 октября Реввоенсовет и полевой штаб Конармии расположились в Аскании-Нова, и Буденный тут же назначил комендантом заповедника конармейца Ивана Селезнева, выделил ему людей для охраны и дал указание после разгрома Врангеля передать его по акту представителям украинского правительства. Сохранился этот своеобразный документ: «Предсовнаркома УССР тов. Раковскому. Ново-Троицкое, 5 ноября 1920 года. При занятии 1-й Конной имения Аскания-Нова там оставлен представитель РВС с охраной, дабы предотвратить от разгрома проходящих частей столь ценного советского имения с единственным в мире зоологическим садом, большим количеством овец, скота и хлеба. Сообщаем, что будем вести охрану имения до 15 ноября, после чего просим принять от нас таковое для передачи Советской власти. В имении до 1 октября числилось племенных заводских овец 6162, волов 66, кобылица английская заводская одна, лошадей приплода 1920 штук, верблюдов 75, буйволов 20. В зоопарке млекопитающих 32 вида, всего 256 штук, птиц 166 видов, всего 1422 штуки, зерна — пшеницы около 6000 пудов, ржи 5000 пуд. и ячменя 3000 пуд. Реввоенсовет 1-й Конной армии — Буденный, Ворошилов, начполештарм Лецкий». Разбив врага и обосновавшись в Аскании-Нова, командарм изучил данные разведки, поставил новые задачи начдивам — не теряя времени, наносить удары по белогвардейцам, окопавшимся на пути Конармии. В этих местах действовали части 1-й армии Врангеля, которой командовал небезызвестный генерал Кутепов, заверивший «черного барона», что конница Буденного будет разгромлена. Задачей 1-й армии Кутепова было ликвидировать группу красных войск в Каховском районе. Белогвардейцы обосновались в Нижних и Верхних Серогозах, Торгаевке, Верхней Рубановке. Из Нижнего Рогачика 28 октября сюда прибыла и Терско-Астраханская бригада противника, которой командовал генерал-майор Агеев. Разведка доложила, что врангелевцы усилили движение войск в районе Геническа, и Буденному стало ясно: у Врангеля оставался путь отступления в Крым через Чонгарский перешеек и Арабатскую стрелку. И тогда командарм, посоветовавшись с М. В. Фрунзе, направил в Геническ 4-ю кавдивизию, приказав начдиву во что бы

то ни стало разбить противника, овладеть городом, занять ближайшие к перешейку станции Сальково и Ново-Алексеевка, чтобы отрезать войска Врангеля, находившиеся в северной Таврии, от Крыма. По существу, решить задачу, поставленную перед 6-й армией и Первой Конной, в целом. Буденный перебросил Реввоенсовет и полевой штаб из Аскании-Нова в село Отрада, расположенное в пятидесяти километрах. Там он анализировал обстановку, выдвигал силы армии на те участки, где враг мог добиться успеха. Когда Особая кавбригада, находившаяся в распоряжении Реввоенсовета и командарма, расположилась в Отраде, Буденный приказал начальнику полевого штаба Лецкому тут же установить надежную связь с частями 6-й армии и, когда она была налажена, ввел в курс дела командарма 6-й армии. 14-я кавдивизия разместилась в районе Рождественское и поступила в резерв командарма. Когда все было готово, Буденный отдал приказ: наступать! «Действия героев Первой Конной и 30 октября были выше всяких похвал, — вспоминал Буденный. — Боевой приказ дивизии выполнили с честью. Рейд красных конников явился полной неожиданностью для противника…» В районе Ново-Алексеевки конники Тимошенко разгромили полк марковской пехотной дивизии, штаб 1-й армии, захватили обоз генерала Кутепова. А произошло это так. Неожиданно у станции приземлился белогвардейский самолет. Запыхавшийся летчик бросился к Кутепову:

— Ваше превосходительство, красные! Конница! Большая колонна!..

— Идите к черту! — рассердился генерал. — Вам всюду мерещатся красные. Это наши идут от Агаймана. Поручик, коня! Посмотрим, что за красные!

Кутепов во главе конвоя двинулся навстречу… штабу нашей 4-й кавдивизии. «Убедившись, что невозможное возможно для красной конницы, Кутепов стремительно бежал на станцию Рыково, постыдно бросив свою пешую свиту из нескольких офицеров, которые и были захвачены нашими передовыми частями. Станция Ново-Алексеевка в 13 часов была занята частями 1-й кавбригады без выстрела, так как бывшие на станции военные приняли нас за своих, только группа офицеров, заняв пакгауз, отчаянно сопротивлялась, но была полностью уничтожена… На станции Алексеевка захвачено 6 паровозов, до 310 вагонов, нагруженных авиачастями с мастерскими, 3 легких орудия, много пулеметов, винтовочных патронов, 16 вагонов снарядов; всякая связь противника была уничтожена, взорван путь во многих местах» — так сообщала оперативная сводка Первой Конной армии от 1 ноября 1920 года. В плен попала не

только вся свита генерала Кутепова, но и председатель военно-судной части Врангеля генерал Морель. Однако вскоре обстановка изменилась. Если Ново-Алексеевкой бойцы овладели с ходу, то за станцию Сальково развернулась целая баталия. Станцию обороняли около двух тысяч белогвардейцев с четырьмя бронепоездами. В несколько рядов она была окружена окопами и проволочными заграждениями. И все же конармейцы спешились и, как это часто бывало и на польском фронте, выбили врага из окопов, опрокинули его, овладев станцией. А когда пал Геническ, Буденный, глядя на Ворошилова, довольно сказал:

— Все, кажется, теперь белогвардейцам в Крым не пробиться.

В Геническе враг оставил не один миллион пудов зерна, награбленного у крестьян северной Таврии и приготовленного к отправке за границу. Штаб наладил охрану хлеба. В городе была восстановлена Советская власть.

Несмотря на превосходство противника в живой силе и технике, дивизиям Первой Конной армии удалось потеснить врага. Вот как характеризует сам Врангель в своих записках положение под Сальковом в ночь с 29 на 20 октября, когда уже наметилось движение южной группы Конной армии к Сальковскому перешейку: «1-я Конная армия красных всей своей массой двинулась в тыл к нашим армиям, стремясь отрезать их от Крыма. Между тем генерал Кутепов медлил. В течение целого дня 29 октября он продолжал оставаться в районе Серогоз. Я по радио передал ему приказание спешно двигаться к Салькову, стремясь прижать прорвавшегося противника к Сивашу. Однако было ясно, что противник успеет подойти к перешейку прежде, нежели части генерала Кутепова туда прибудут. Противник двигался беспрепятственно, и ожидать его в районе Салькова можно было к вечеру 30-го. Укрепленная позиция, прикрывшая выход из Крыма, была занята лишь слабыми караульными командами. Красные части с налета легко могли захватить Сальковские дефиле, прервав всякую связь Крыма с армией. Необходимо было спешно занять дефиле войсками. Генералу Абрамову я послал приказание в ночь с 29-го на 30-е направить к Салькову под прикрытием бронепоездов сосредоточенную в Мелитополе 7-ю пехотную дивизию…» Далее Врангель сетует на железную дорогу: она, мол, была забита, а тут еще морозы достигли двадцати градусов, водокачки замерзли, и поезда не могли дальше двигаться. Словом, все эшелоны врага застряли в пути. Наступили жуткие часы, признается Врангель, под рукой у него войск не было, доступ в Крым для противника был открыт. В сумерках передовые части красной конницы подошли к Салькову и завязали перестрелку с белогвардейцами.

Справедливости ради следует отметить, что Врангель пишет правдиво, он не боится признать того факта, что, командуя войсками, не сумел вовремя разгадать замысел командования Первой Конной армии, поэтому и не смог должным образом организовать оборону. Убедившись, что враг растерян, Буденный отдал приказ начдивам решительно идти вперед.

30 октября войска Южного фронта добились успеха: Врангелю так и не удалось остановить наступление Красной Армии, нанести сколь-нибудь сильные ответные удары. У него остался один выход — отходить в Крым, за перешейки, прикрыться ими, ибо вести бои с красными войсками на степных просторах северной Таврии было опасно. И «черный барон» дал приказ своим войскам отступать в Крым. Перекоп уже закрыт, и вся масса белогвардейских войск двинулась к чонгарским позициям, куда выходила Первая Конная армия. Ей одной предстояло выдержать сильный натиск врага. «Выстоим ли?» — думал Буденный. Он мог бы связаться с командармом Второй Конной армии и попросить поддержать его. Но противнику удалось сковать действия этой армии.

Таким образом, только Первой Конной армии было предназначено сдерживать наступающего противника.

Командарм Второй Конной не сумел использовать пехоту и, по существу, уклонился от поставленной командованием фронта задачи. «Было еще время исправить ошибку, — отмечал позже Буденный, анализируя действия командарма 2-й Конной Миронова. — Армия могла, продвинувшись к югу всего на 20–25 километров, вклиниться между мелитопольской и серогозской группировками врага (между ними оставался разрыв в 35 километров), нанести первый удар по тылам, а второй — во фланг, что поставило бы противника в катастрофическое положение. Но время было упущено, и главные силы ударной группы генерала Кутепова обрушились на Первую Конную, которая в упорных боях с превосходящим по силам противником несла большие потери».

Командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе строго предупредил Миронова: «Обращаю ваше внимание на отсутствие должной энергии и решительности в действиях вашей конницы. Вместо того чтобы согласно моему приказу (приказ № 002 от 26 октября 1920 года. — А. З.), стянувшись в общую ударную массу, стремительно броситься в район Серогозы, Калашинская, главная масса ее весь день 30 октября пассивно провела в районе Б. Белозерка, отбивая атаку двух конных полков противника, явно имевшую цель прикрыть отход главных сил. Этим же непростительным бездействием не была дана своевременная

помощь частям 1-й Конармии, вынужденным в районе Агайман выдерживать бой, не давший решающих результатов, с главной массой конницы противника».

Войска Врангеля между тем откатывались назад, в Крым. На Первую Конную легла вся тяжесть борьбы с большими силами белогвардейцев. На 11-ю кавдивизию враг бросил танки. Молодые солдаты 1-й бригады дрогнули. И тогда в атаку их повели начдив Ф. М. Морозов и комиссар дивизии П. В. Бахтуров. Оба героически погибли в бою. Но враг был смят, разбит и отброшен. Командование дивизией принял на себя командир 24-го кавполка В. В. Коробков, он тут же повел людей в атаку. Белогвардейцев удалось отбросить. Несколько бойцов спешились и связками гранат подорвали врангелевские танки.

После боя командарм прибыл в 11-ю кавдивизию, понесшую большие потери. Минутой молчания почтили память погибших. Затем Буденный вызвал из строя Коробкова, отметил его мужество и отвагу и объявил, что Реввоенсовет армии назначил его начальником 11-й кавдивизии. «Уверен, — сказал командарм, — что под началом нового начдива вы будете сражаться так же мужественно, как это делали при начдиве товарище Морозове и комиссаре Бахтурове».

К вечеру 31 октября сопротивление врага было сломлено и конармейцы овладели Агайманами. В районе Ново— Алексеевки колонны противника обрушились на полки 4-й кавдивизии. Начдив Семен Тимошенко был дважды ранен, но поля боя не покинул. Дивизия выстояла, белогвардейцам прорваться так и не удалось. Было взято в плен до двух тысяч солдат и пятнадцать офицеров. 14-я кавдивизия А. Я. Пархоменко в районе Рождественки отбивала яростные атаки белогвардейцев, наступавших на нее с трех сторон. Весь день 31 октября и 1 ноября продолжались бои, но бойцы 14-й кавдивизии не отступили, показав примеры высокого мужества и доблести.

В это время командарм Буденный вместе с Ворошиловым и полевым штабом находились в Отраде. Белогвардейское командование узнало об этом и решило нанести туда внезапный удар. В Отраде разместился полевой штаб: Особая кавбригада под командованием храброго и умелого командира К. И. Степного-Спижарного, эскадрон связи и ординарческий кавдивизион. Силы невелики, но зато здесь были отборные герои-конники, не раз показывавшие свою удаль и храбрость.

Едва командарм переговорил со своими командирами, как в степи показались колонны белогвардейцев. По ним открыли огонь артиллеристы. Враг, однако, наседал. И тогда Буденный решил сам повести полк в атаку.

Бой в Отраде запечатлел на кинопленку кинооператор Эдуард Тиссэ. В беседе с молодыми работниками искусств он рассказывал: «Я снимал в Крыму, в районе Оренбурга и Челябинска, на территории Латвии и в других местах. Но наиболее яркие эпизоды я пережил, участвуя в знаменитых походах Первой Конной армии…

Помню бой на подступах к Крыму. Выбирая высокую точку съемки, я забрался с аппаратом на вышку ветряной мельницы. Увлекшись съемкой, совершенно не заметил того, что мельница сделалась центром боя. Я продолжал снимать до той минуты, пока кавалерия белых не подошла вплотную к мельнице. Красная кавалерия перешла в контратаку. С величайшим трудом, под обстрелом, мне удалось сойти со своим киноаппаратом с вышки мельницы. Меня подхватили на тачанку, я получил радостную возможность снять паническое бегство белых…»

Еще два дня продолжались упорные бои. Лишь к ночи 2 ноября наступило затишье. Приказ командарма был выполнен. Утром 3 ноября 6-я кавдивизия вместе с 30-й стрелковой дивизией после жестокого боя овладела укреплениями Чонгарского полуострова; начдив Ока Городовиков доносил: преследуя отступающих, 6-я кавдивизия первой вышла на Чонгарский полуостров. 11-я кавдивизия во второй половине дня 3 ноября совместно с частями 9-й стрелковой дивизии и 5-й кавдивизии заняла Геническ. Начдив Коробков докладывал: белые взорвали за собой мост через пролив, отделяющий Арабатскую стрелку от моря; к Геническу подошли 15 военных кораблей и судов и стали бить по городу из орудий. 4-я кавдивизия захватила Ново-Алексеевку. Начдив С. К. Тимошенко доносил: прорвав окружение, конармейцы решительным ударом разбили полк врангелевцев, спасли от разгрома две наши батареи и много обозов. А что же 14-я кавдивизия? Ее бойцы смело дрались с врагом в районе Рождественской. Начдив А. Я. Пархоменко сообщал: преследуя врангелевцев, конники подошли к позициям врага южнее Салькова…

Итак, наступило временное затишье. Части Первой Конной повсеместно прекратили боевые действия. Первый этап по ликвидации войск Врангеля был закончен. Всего с обеих сторон в боях участвовало до 200 тысяч штыков и сабель. Наступление велось на фронте протяженностью до 350 километров. Противник был разгромлен в этом районе за короткий срок — 7 дней. Теперь армиям Южного фронта предстояло ворваться в Крым и уничтожить белогвардейцев.

Передышка на фронте оказалась непродолжительной. Прорвавшись со своими войсками в Крым, Врангель рассчитывал выдержать длительную осаду, а затем, сохранив основные силы, вновь двинуться в наступление. В своих мемуарах он отмечал, что особую надежду возлагал на укрепления на Перекопском и Чонгарском перешейках, а также на Юшуньские позиции. После осмотра системы укреплений крымских перешейков Врангель на совещании своего командного состава в Севастополе заявил: «Русская (то есть белая. — А. З.) армия спокойно перезимует в Крыму. За зиму оправится и окрепнет, а весной перейдет в решительное наступление». Такое заявление барона было не случайным — Перекопский перешеек белогвардейцы превратили в неприступную крепость. Основная линия обороны была сооружена на Турецком валу длиной в 11 километров, высотой 8 метров. Перед валом — ров глубиной 10 и шириной более 20 метров. Несколько рядов проволочных заграждений с заложенными в них фугасами прикрывали ров и подступы к валу. В 25–30 километрах за Турецким валом шла вторая полоса укреплений: Юшуньские позиции, представлявшие собой линии окопов, густо опоясанных колючей проволокой. Вторая линия окопов проходила от Перекопского залива в районе Карт-Казака и дальше, огибая южную оконечность озера Старое. Пулеметные гнезда, орудия, убежища — все это осложняло атаку в лоб. К тому же белогвардейские части поддерживали огнем 20 боевых кораблей, введенных в Каркинитский и Перекопский заливы по просьбе Врангеля американцами, англичанами и французами. Фрунзе это учитывал и в директиве от 5 ноября потребовал: в ночь на 8 ноября начать штурм вражеских укреплений, «по крымским перешейкам немедленно ворваться в Крым и энергичным наступлением на юг овладеть всем полуостровом, уничтожив последнее убежище контрреволюции». Как и предвидел Буденный, директива требовала от него спешно привести конницу в порядок и готовиться к переправе через Сиваш у Чонгарского полуострова вслед за пехотой 4-й армии. Буденный считал, что всю операцию по форсированию Сиваша надо проводить сосредоточенными силами, и был доволен, что Фрунзе как раз этого и требовал, правда, в директиве он веско подчеркнул, что операцию надо проводить с «максимальной энергией, доводя атаки во что бы то ни стало до успешного конца, ибо при данных условиях открытая атака живой силой является наискорейшим и наилучшим средством решения задачи». Командарм использовал затишье для того, чтобы привести части в боевой порядок, произвести выкормку и ковку лошадей, ремонт обоза и снаряжения, чистку орудий, пулеметов, пополнить

дивизии, отправить раненых в тыл. В полдень 7 ноября в Конармию прибыл командующий фронтом М. В. Фрунзе. Он одобрил дислокацию и состояние войск Конармии. Высоко оценил мужество и боевую доблесть конармейцев.

— Я бы поставил вам в упрек лишь одно, — заметил Михаил Васильевич, — ваши бойцы не взорвали мост через Генический пролив. Ведь часть войск Врангеля ушла через Арабатскую стрелку.

Буденный честно объяснил: враг сосредоточил там большие силы, и конникам не удалось прорваться. Потом разговор зашел о директиве. Командарм доложил, что ему все ясно и Конная армия «до конца выполнит свой долг перед революцией». Фрунзе одобрил это, признав, что хотя войска 4-й армии и готовятся к форсированию перешейков, однако работы тормозятся полной оторванностью тылов; нет танков, нет тяжелой артиллерии; железнодорожные мосты в ряде мест еще ремонтируются; нет топлива, не хватает продовольствия. Потому-то и приходится медлить с операцией. Фрунзе поинтересовался, как отмечают в Конной армии третью годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Буденный доложил: в частях прошли торжественные собрания, беседы, читки, особенно большую работу проводят среди солдат комиссары, их слово воодушевляет конников на новые героические дела во имя Советской Республики. В эти дни в штаб и политотдел Конармии пришло немало поздравлений. Одно из них Буденный показал Фрунзе. «Организованный пролетариат и красный гарнизон Елисаветграда (ныне Кировоград. — А. З.) приветствует в Вашем лице легендарную красную кавалерию, пробившую дорогу в Крым, — читал Фрунзе. — Передавая от нас привет частям красной конницы, скажите им, что сердца елисаветградского пролетариата и красного гарнизона бьются в унисон с сердцами героев славной непобедимой конницы. Да здравствует всемирная непобедимая Красная Армия!»

— Да, народ ждет от нас решительного удара по Врангелю, — сказал Фрунзе, возвращая письмо командарму. — И мы это сделаем.

Потом он достал из планшета лист бумаги и сказал, обращаясь к Буденному и Ворошилову:

— Друзья, у меня есть предложение послать телеграмму Владимиру Ильичу!

Буденный и Ворошилов горячо поддержали это предложение. Фрунзе прочел: «Дорогой Владимир Ильич! Сегодня, в день годовщины рабоче-крестьянской революции, от имени армий Южного фронта, изготовившихся к последнему удару на

логовище смертельно раненного зверя, и от имени славных орлов 1-й Конной армии — привет. Железная пехота, лихая конница, непобедимая артиллерия, зоркая стремительная авиация дружными усилиями освободят последний участок Советской земли от всех врагов».

Однако, уезжая в штаб фронта, Фрунзе так и не сказал Буденному, в каком месте наши войска начнут штурм. «Я еще не решил, пока ведется глубокая разведка, замеряются глубины на Сиваше», — сказал он, пообещав сообщить позже.

В ночь на 6 ноября по просьбе Фрунзе местный житель Иван Иванович Оленчук с группой саперов поставили по дну Сиваша через каждые сто метров вехи, чтобы потом, при наступлении войск, выставить посты. Фрунзе решил главный удар наносить на Перекопском направлении, а Чонгарское сделать вспомогательным, так как разведка установила, что Литовский полуостров укреплен сравнительно слабее, чем Турецкий вал, и обороняется небольшими силами. Тогда и было решено одновременно атаковать Турецкий вал с фронта, чтобы сковать главные силы обороняющихся, а Литовский полуостров — через Сиваш.

Итак, Первая Конная армия, говорил Буденный на совещании в штабе незадолго до начала штурма вражеских укреплений, составляя главную фронтовую подвижную группу, вводится в прорыв на Перекопско-Сивашском направлении. Однако штурмовать Турецкий вал с фронта будет 51-я стрелковая дивизия 6-й армии. На Перекоп наступает 6-я армия в составе 16, 51 и 52-й стрелковых дивизий и Латышской стрелковой дивизии. В район Перекопа уже подтянуты части 2-й Конной армии. А на Чонгарском направлении действует усиленная 4-я армия.

13-я армия остается пока в резерве. «Очень тяжело придется солдатам 51-й дивизии Блюхера, — продолжал командарм. — Штурмовать Турецкий вал с фронта дело нелегкое. И я прошу вас внушить своим бойцам, что это наш последний и решительный удар».

Разошлись командиры и комиссары, а Буденный, несмотря на поздний час, все еще оставался в штабе и вместе со своими соратниками изучал обстановку. А когда вечером 7 ноября войска Южного фронта пошли в наступление, командарм облегченно вздохнул: что ж, вот-вот поступит приказ идти в решающий бой и для Конной армии. О том, сколь тяжки были для него эти часы, Буденный написал позже: «Тревожной была ночь на 8 ноября. Засыпал на несколько минут и снова просыпался. Привыкнув в течение трех десятков месяцев находиться в самом пекле боя, я не мог сидеть в бездействии в тылу, тогда как совсем рядом, в каких-

нибудь тридцати-сорока километрах, развертывался заключительный этап исторического сражения. И хотя понимал, что нельзя бросать конников на штурм укрепленных позиций, сердцем рвался к войскам на передовую, хотелось встать и скакать туда…»

Трое суток — 8, 9 и 10 ноября — на Перекопе продолжались бои. Наконец в ночь на 11 ноября 51-я и Латышская стрелковые дивизии прорвали юшуньскую укрепленную полосу и вышли на оперативный простор. На Чонгаре в это время солдаты 30-й Иркутской дивизии, сломив сопротивление белогвардейцев, ночью 11 ноября форсировали Сиваш. Путь в Крым и на Чонгарском направлении был открыт.

12 ноября Фрунзе предъявил Врангелю ультиматум: прекратить сопротивление и сдаться со своими войсками армии и флота, военными запасами, снаряжением, вооружением и всякого рода военным имуществом. Однако «черный барон» не принял предложения советского командования. Фрунзе отдал приказ войскам Южного фронта окончательно разгромить врага.

По улицам села Ново-Троицкое, где размещался штаб и Особая кавбригада, а также в других селах, где дислоцировались части Конармии, разнесся сигнал трубы:

— По коням!..

Первая Конная форсированным маршем шла на Симферополь и Севастополь, преследуя противника.

В ее авангарде была 4-я кавдивизия. Ее полки, преодолев около ста километров, вместе с передовыми частями 51-й стрелковой дивизии Блюхера подошли к Симферополю. «Дивизии за бесстрашие и доблесть ее воинов, проявленные при штурме перекопских укреплений, присвоено наименование Перекопской. Многие ее воины получили высшую военную награду — орден Красного Знамени. В числе других орденом Красного Знамени были награждены начальник дивизии В. К. Блюхер и командир артиллерийского дивизиона Леонид Александрович Говоров, впоследствии Маршал Советского Союза, Герой Великой Отечественной войны. Я хорошо знал Блюхера, не раз встречался с ним и до сих пор вспоминаю о нем с теплотой. Василий Константинович в числе немногих был награжден пятью орденами Красного Знамени», — писал Буденный.

Врангель никак не мог противостоять наступлению войск Красной Армии, хотя ее потери были большими. При штурмах перешейков героически погибло не менее десяти тысяч человек. Но армии фронта, как докладывал М. В. Фрунзе В. И. Ленину, «… свой долг перед республикой выполнили. Последнее гнездо контрреволюции разорено, и Крым вновь станет советским».

На рассвете 14 ноября Буденный вместе с Ворошиловым, не дожидаясь подхода всех частей Конармии, поехали в Симферополь. По праву старшего Буденный вступил в должность начальника гарнизона. Еще со станции железной дороги в Симферополе он связался с Севастопольским ревкомом. Его интересовали дела в Севастополе. Ему пояснили: Северная и Южная бухты свободны от судов, в Стрелецкой бухте на суда грузятся врангелевские офицеры; на рейде стоит крейсер «Генерал Корнилов» и большой транспорт «Херсон». Буденный пытался узнать, где находится сам Врангель, но никто из членов Севастопольского подпольного ревкома этого не знал. Твердили одно: «черный барон», надежно охраняемый преданными ему офицерами, еще два дня тому назад прибыл в Севастополь и сразу же направился на какой-то корабль. Теперь он либо на крейсере «Генерал Корнилов», либо на французском дредноуте «Вальдек Руссо». Буденному стало ясно, что Врангелю, видимо, удалось уйти.

В это время командарму сообщили, что в Севастополе сдалось в плен около десяти тысяч врангелевских солдат, и он отправился в город выполнять приказ М. В. Фрунзе. Еще когда Фрунзе 6 ноября в канун Октябрьского праздника приезжал в Первую Конную армию, он предупредил Буденного: если Конармия первой войдет в Севастополь, то ей надо немедленно разоружить беляков. «Среди офицерства много врангелевских агентов, и очень важно изолировать их, предать суду военного трибунала за все те злодеяния, которые они творили на крымской земле», — говорил Фрунзе. Теперь Буденный спешил в Севастополь. И 15 ноября части Первой Конной вместе с героями 51-й дивизии В. К. Блюхера вступили в Севастополь. 16 ноября утром командарм докладывал Реввоенсовету республики: «Доношу, что армия Врангеля — живая сила и материальная часть — почти целиком в наших руках, за исключением некоторых штабов высшего офицерства, которое ему (Врангелю. — А. З.) удалось увезти. В данный момент Крым очищен, устанавливается Советская власть. Врангель ликвидирован ровно в двадцать дней, как и указал, ко дню годовщины 1-й Конармии. Поздравляю с окончательной победой над Врангелем товарища Ленина, ВЦИК и ЦК РКП (б).

Командарм 1-й Конной Буденный».

Последняя надежда Антанты — Врангель — разбит. Иностранцы были ошеломлены ходом событий. Французское агентство признало тогда, что в военных кругах (Франции) выражают большое удивление по поводу быстроты, с которой произошла катастрофа. Интервенты, как позже выразился

Буденный, «делали хорошую мину при плохой игре». Французский адмирал Дюмениль, признавал позднее Врангель, радировал ему, когда корабли вышли в море при подходе войск Красной Армии к Севастополю: «В продолжение семи месяцев офицеры и солдаты армии юга России под вашим командованием дали блестящий пример… Адмиралы, офицеры и матросы французского флота низко склоняются перед генералом Врангелем, отдавая дань его доблести». Иронизируя по поводу этих слов французского адмирала, Буденный писал: «Какая уж тут доблесть! Не знаю, как во Франции, но у нас в Советской России подобный акт бегства за мужество и доблесть не считался». Первая Конная армия успешно выполнила свою задачу и на Южном фронте. Успех любой операции, какую проводила конница, отмечал Буденный, определялся умелым решением тактических и боевых задач. К ним относятся: 1) разведывательная деятельность; 2) действия на флангах и в ближайшем тылу противника; 3) рейд в тыл противника с оперативно-политическими целями; 4) преследование опрокинутого противника; 5) прикрытие отхода своих войск; 6) ликвидация прорыва противником нашего фронта. Все эти и другие задачи Буденный решал исключительно оперативно на всех фронтах, где довелось ему воевать. Командарм всегда требовал от своих бойцов и командиров полного волевого напряжения, решительности до дерзости, умения использовать все наличные средства борьбы для главной цели — нанесения сокрушительного конного удара атакой. Нередко внезапность и решительность наступления выручали конников. «Мы стремились всегда и во всех случаях навязать противнику конный бой, наиболее выгодный для нас, — писал Буденный. — И только в исключительных случаях, наткнувшись на мощную инженерную оборону, спешивались. Но завершали задачу опять-таки на копе. Это единственно правильно и верно. И этому мы постоянно учили и начдивов, и командиров полков. Пеший бой — подсобное средство. Оно лишь создает возможность для кавалериста действовать на коне. Самые блестящие пешие действия, полное использование огневых средств, даже доведение атаки до штыка без завершения конным ударом не дадут должного результата. Противник окончательно разгромлен не будет… Конная армия всегда была в руках высшего командования молотом, тараном» который крушил фронт противника». Крымский фронт перестал существовать. Но в это время одной из острых форм классовой борьбы стал бандитизм, особенно на Украине, где банды группировались вокруг батьки Махно. В. И. Ленин в те дни писал: «Теперь на Украине каждая банда избирает кличку, одна

свободнее другой, одна демократичнее другой, и в каждом уезде — по банде»[11]. Ленин не случайно говорил об Украине — она особенно страдала от бандитизма. И прежде всего правобережная ее часть, преимущественно сельскохозяйственная, где сильно было кулачество. Первая Конная армия по приказу главкома перебрасывалась на Украину. Перед отъездом из Симферополя в Харьков Фрунзе вызвал Буденного и Ворошилова к себе. Вместе обсудили вопросы, связанные с передислокацией Первой Конной армии в Екатеринославскую губернию. Особое внимание Фрунзе обращал на то, чтобы «не ослаблять боеготовность армии. Думать о мирных делах еще рано. Всюду рыщут недобитые бандиты».

— На маршруте проявлять высокую бдительность, — предупреждал Фрунзе. — Во время похода армии следует оказывать всемерную помощь местному населению. И хлебом и лошадьми. Да что мне вас учить, — Михаил Васильевич улыбнулся. — Сумели же перед боями отправить целый эшелон хлеба рабочим Москвы, Петрограда и Тулы?.. Продумайте, пожалуйста, товарищи, все до мелочей.

За личную храбрость и мужество в боях с Врангелем Реввоенсовет Южного фронта наградил Буденного боевым оружием — серебряной шашкой. Почетное революционное оружие — шашку с вызолоченным эфесом и наложенным на нем знаком ордена Красного Знамени получил член Реввоенсовета Конармии К. Е. Ворошилов. Позднее, в январе 1921 года, ВЦИК РСФСР наградил Буденного высшей воинской наградой, установленной в то время, — почетным огнестрельным оружием с орденом Красного Знамени. Командарм награждался за то, что умело руководил действиями Первой Конной армии, «… оказавшей неоднократно решительную поддержку другим частям Красной Армии на Юго-Западном, Западном и Южном фронтах…».

М. В. Фрунзе, давая оценку Первой Конной армии, писал: «Оружие ее играло решающую роль во многих важнейших кампаниях времен гражданской войны. Деникин, белополяки, Врангель, Махно — одних этих имен достаточно, чтобы судить о роли Первой Конной в истории наших революционных войн… В нашей армии нет других частей, которые бы с такой полнотой, такой яркостью и глубиной отразили в себе и своих действиях весь характер гражданской войны, характер всей Красной Армии в целом».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
НА МИРНЫЕ РЕЛЬСЫ

1

Глубокой осенью 1920 года Первая Конная армия совершила еще один переход — из освобожденного Крыма в район Екатеринослава. Здесь она должна была сократить свою численность, дать отдых бойцам и принять участие в ликвидации кулацко-петлюровского бандитизма, покончить с бандами Махно. Предстояло умело увязать вооруженную борьбу с широкой разъяснительной работой среди населения: опираясь на бедноту, привлечь на свою сторону середняка, помочь ему разобраться в событиях. Буденный дал указание командному составу, политработникам и членам партии кропотливо работать на местах, поддерживая постоянную связь с парткомами, Советами и комнезамами; все важнейшие политические кампании проводить совместно. Вместе с тем Буденного беспокоило предстоящее сокращение войск. Дело в том, что 24 декабря Совет Труда и Обороны под председательством В. И. Ленина принял постановление, известившее мир о победе над Врангелем. Гражданская война и борьба с иностранными интервентами была закончена. Возникла необходимость вернуть одетых в солдатские шинели рабочих и крестьян к мирному труду. При этом отнюдь не снималась задача сохранения боевой мощи Вооруженных Сил: ведь нападение империалистов на Республику Советов не исключалось. Буденный старался выявить главное в предстоящей перестройке армии, определить место и роль конных масс в общей организации Вооруженных Сил. Командарм предложил провести специальное заседание Реввоенсовета армии, послушать мнение начальников дивизий и управлений. Два дня продолжалось заседание, на котором председательствовал Ворошилов (Буденный по этому случаю писал: «К. Е. Ворошилову, как члену ЦК партии и члену ВЦИК, мы с общего согласия предоставили право всегда быть председателем Реввоенсовета армии»). Обсуждались следующие вопросы: 1) о назначении Конармии; 2) численность, состав я характер Конармии; 3) сокращение армии и проведение такового; 4) о воздухофлоте; 5) об учреждениях и отделах армии, их реорганизации; 6) штабы дивизий и штабы бригад. Реввоенсовет долго и во всех деталях обсуждал, какая структура явится лучшей для армии, сколько

оставить дивизий, нужно ли объединять их в корпуса; сколько в каждой дивизии должно быть бригад, полков, в полку — эскадронов; численность эскадронов. Сохранять ли оба штаба — основной и полевой. После обсуждения пришли к выводу: корпусное строение не нужно. В армии иметь пять дивизий и одну отдельную кавбригаду, 5-я дивизия необходима как крупный армейский резерв. В дивизии — три бригады, шесть полков, каждый — из пяти эскадронов. В эскадроне — 135 сабель. Сначала все шло хорошо, и Буденный особого волнения за Конную армию не испытывал. И в это время командарм получил приказ Реввоенсовета республики, предписывающий уволить с военной службы бойцов допризывного возраста и всех старше 30 лет. Когда начальник штаба Клюев по распоряжению командарма произвел подсчет, оказалось, что предстояло уволить из армии в запас почти 10 тысяч человек! А ведь среди них немало опытных командиров. Как же быть? И когда в декабре Буденный приехал в Москву делегатом на VIII Всероссийский съезд Советов, то очень хотел обсудить эти вопросы с В. И. Лениным. 22 декабря в Большом театре, где проходил съезд, Буденный встретил Владимира Ильича. Пожимая командарму руку, Владимир Ильич с улыбкой сказал:

— Первая Конная блестяще справилась со своей задачей. Фрунзе доложил мне об этом. Я верил в силу и наступательный порыв Первой Конной и, как видите, не ошибся. Отчаянные и храбрые у вас бойцы, Семен Михайлович. В их характере есть что-то от вас, а?

Буденный смутился. Речь зашла о Махно. Ворошилов сказал, что Махно поддерживают кулаки. Они его опора. К тому же на Украине не все крестьяне охотно идут за Советами. Буденный уточнил: зажиточные во многом помогают Махно. Ленин успокоил командарма и высказал твердую уверенность в том, что это временное явление и вскоре крестьянство пойдет за нами. В заключение беседы Ленин задал командарму несколько вопросов, касающихся дел в Конармии. Буденный доложил, что у конармейцев замечается большая тяга к мирному труду, командиры и комиссары надеются на мирную передышку, но по-прежнему крепко держат в руках оружие. Империалистам, мировой буржуазии не очень-то следует доверять — внезапно могут напасть, армия должна быть начеку.

— Пусть ваши командиры и политработники так и отвечают бойцам, — сказал Владимир Ильич. — Теперь мы можем трудиться с гораздо большей уверенностью, чем когда бы то ни было. Часть бойцов демобилизуем, а костяк останется. Ну, как по-вашему, правильно это?

— Считаю так, — ответил Буденный, — что бы там ни было, товарищ Ленин, армия должна быть готова к любым неожиданностям.

— Верно! Военную готовность мы должны сохранить, во всяком случае. Хотя армию мы будем сокращать…

— А не скажется это на боевой готовности? — спросил командарм.

— Нет, не думаю, — Владимир Ильич улыбнулся. — Мы рассчитываем, что громадный опыт, который за время войны приобрела Красная Армия и ее руководители, поможет нам улучшить теперь ее качества. И мы добьемся того, что при сокращении армии мы сохраним такое основное ядро ее, которое не будет возлагать непомерной тяжести на республику в смысле содержания, и в то же время при уменьшенном количестве армии мы лучше, чем прежде, обеспечим возможность в случае нужды поставить на ноги и мобилизовать еще большую военную силу. У нас теперь есть своя когорта замечательных руководителей, которых выдвинула революция: Буденный, Ворошилов, Блюхер, Фрунзе, Дыбенко, Каширин, Котовский, Егоров, Уборевич, Каменев… Впрочем, всех и не перечислишь. Я называю тех людей, — продолжал Владимир Ильич, — которые вынесли на своих плечах всю тяжесть первой империалистической войны, еще в ту войну, будучи старшими и младшими унтер-офицерами, они проявили себя…

— У нас, товарищ Ленин, — сказал Буденный, — в Конармии все командиры дивизий, полков и бригад, как правило, из бывших унтер-офицеров. Хорошо служат делу революции, на них я могу всегда положиться, как на самого себя…

В. И. Ленин опять вернулся к теме сокращения армии, будущей стратегии, тактике.

— Кстати, вы слышали, некоторые говорят, — заметил Владимир Ильич, — что в польской кампании мы допустили ошибку — перешли границу и в будущей войне, избави бог, наступать не будем, а только обороняться, сидеть в окопах. Стало быть, конница больше не потребуется.

— Кто так говорит? — взорвался Буденный.

— Вы что — не согласны со мной?

— Владимир Ильич!..

— Вот-вот, я так и думал. Сказать Буденному, что конницу придется распустить… Каково? — И Ленин весело рассмеялся.

С затаенным дыханием Буденный слушал доклад В. И. Ленина на VIII Всероссийском съезде Советов. Он подвел итоги гражданской войны и показал, какие политические и хозяйственные задачи стоят перед страной. На съезде был

единодушно одобрен и принят разработанный по инициативе В. И. Ленина план электрификации страны — ГОЭЛРО, первый народнохозяйственный план Советской Республики, рассчитанный на 10–15 лет. «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны», — сказал В. И. Ленин под гром аплодисментов.

В. И. Ленин отметил, что военным нельзя забывать о постоянно грозящей молодой республике опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм, и, если кто забудет об этом, тот забудет и о нашей трудовой республике. «Говорить нам, что мы должны вести войну только оборонительную, когда над нами до сих пор занесен нож, когда, вопреки сотням наших предложений и при неслыханных уступках, на которые мы идем, — до сих пор ни одна из крупных держав с нами мира не заключила, — говорить это нам — значит повторять старые, давно потерявшие смысл фразы мелкобуржуазного пацифизма. Если бы мы перед такими постоянно активно-враждебными нам силами должны были дать зарок, как нам это предлагают, что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками»[12].

Буденный, вспоминая о своем участии в работе VIII Всероссийского съезда Советов, писал: «Потом я долго раздумывал над тем, что услышал от Владимира Ильича в его заключительной речи. Великий вождь давал завет партии, говорил о том, какой должна быть советская военная доктрина, в каком направлении вести воспитание воинов Советских Вооруженных Сил».

Позже, когда Буденный был в Кремле, он оказался рядом с комнатой, в которой выступление В. И. Ленина записывалось на граммофонную пластинку. Не зная об этом, Буденный заглянул в дверь и увидел Ленина. Он говорил в какой-то рупор. Владимир Ильич жестом пригласил командарма войти.

— Удивительная вещь — эта машина, — сказал Владимир Ильич, закончив выступление, — записывает и воспроизводит голос человека. Может быть, вы что-нибудь скажете?

— Простите, Владимир Ильич, что помешал вам, — извинился Буденный. — А речи хорошо говорить не умею…

— Как это: красный генерал — и говорить не умеете! — улыбнулся Владимир Ильич.

Увидев фотографа, В. И. Ленин предложил сфотографироваться. Командарм был рад этому случаю, выбежал в коридор, сбросил папаху и бекешу, поправил черкеску.

Фотограф снял его с Лениным. К великому сожалению, командарм этот снимок так и не увидел.

По возвращении из Москвы Буденный и Ворошилов рассказали командирам и военкомам о принятых VIII Всероссийским съездом Советов решениях, призвали повседневно разъяснять их конармейцам. Главная задача — как можно скорее покончить с бандитами на Украине. Так требуют партия, товарищ Ленин…

Буденный ясно понимал: борьба с бандитизмом требует иной организаторской работы в армии, иного подхода к ведению боевых операций. Обычная тактика — действовать крупными силами — в борьбе с Махно непригодна. С ним позже согласился и Фрунзе. Командарм решил прежде всего создать маневренные отряды конницы силой от эскадрона до полка, подчиненные непосредственно Реввоенсовету армии. При командирах этих отрядов создавались постоянные совещания с представителями местных органов власти, на которых возлагалась обязанность сообщать в Реввоенсовет о передвижении банд Махно; выявлять кулаков, различные уголовные элементы. Тесный контакт с местными партийными органами держал особый отдел Первой Конной, возглавляемый Г. А. Трушиным. Был создан «летучий корпус» для борьбы с махновцами. Немало отважных бойцов и командиров Первой Конной армии погибло в эти дни. 3 января 1921 года погиб начдив А. Я. Пархоменко. Случилось это близ села Бузовки.

Узнав о том, что отряды Махно находятся в районе Лукашовки, начдив утром 2 января 1921 года отдал приказ наступать. На рассвете 3 января Пархоменко, командир группы А. А. Богенгард, военком Г. Ф. Беляков, военкомдив Д. А. Сушкин, начальник штаба В. Е. Мурзин и начальник связи дивизии Сергеев на двух тачанках выехали в направлении села Бузовка. Когда тачанки подъезжали к лесу, из зарослей выехали всадники и окружили их. Всадники выдали себя за бойцов 8-й дивизии Примакова. Богенгард в ответ представился командующим группой войск по борьбе с махновцами. И тогда махновцы набросились на тачанки. Горстка красных конников приняла бой. Но силы были неравны… Когда у Пархоменко кончились в маузере патроны, он выхватил шашку, но тут же был убит. Одному лишь ездовому удалось спастись, он-то и рассказал, как все случилось.

Буденный тяжело переживал гибель замечательного красного командира. Хоронили Пархоменко в Екатеринославе. На траурном митинге выступил Ворошилов. Он сказал, что перечислять все подвиги Пархоменко, говорить о его героизме —

значит рассказать две трети истории организации и деятельности славной Красной Армии. «Жизнь Пархоменко, как прекрасная сказка, символ величия пролетарского духа», — закончил свою речь Климент Ефремович.

В марте 1921 года Буденного избрали делегатом на X съезд РКП (б). Однако вскоре командующий вооруженными силами Украины М. В. Фрунзе вызвал командарма на станцию Синельниково. Там он сообщил Буденному, что принято решение оставить его на Украине для руководства окончательным разгромом махновских банд, а на съезд направить Ворошилова.

— Не обиделся, Семен Михайлович? — улыбнулся Фрунзе.

— Конечно, Михаил Васильевич, хотелось побывать на съезде, увидеться и поговорить с Владимиром Ильичем, но приказ есть приказ. Пусть едет Ворошилов, — сказал Буденный.

— И вот еще что, — продолжал Фрунзе, — скоро начнется сев. Советское правительство, Владимир Ильич придают посевной кампании важнейшее политическое значение. Поэтому прошу вас и требую, чтобы бойцы и командиры помогли крестьянам не только подготовиться к севу, но и провести его в короткие сроки. Надеюсь, что все вопросы будут вами решены успешно.

На другой день, 25 марта, Реввоенсовет армии получил телеграмму, подписанную В. И. Лениным и адресованную всем командующим фронтами и командующим войсками округов. «Постановление VIII съезда Советов требует от всех органов Республики наибольшего напряжения сил и средств для нужд посевкампании. Примите срочные реальные меры по оказанию помощи земорганам, в частности: 1) выясните и передайте земорганам весь сельскохозяйственный инвентарь, все материалы, металлы, инструменты, ненужные военучреждениям и необходимые для ударных заданий в ремонтных мастерских; 2) передайте земорганам все тракторное имущество без нарушения интересов воинских частей;

3) предоставляйте для нужд посевкампании и срочных переброс семян, машин и удобрений гужеавтотранспортные средства, воинскую силу, но без ущерба для войск, в особенности полевых. О принимаемых мерах телеграфируйте Реввоенсовету, копией Наркомземснабжение».

В эти дни командарм работал особенно напряженно. Вместе с начдивами и комиссарами дивизий побывал он у руководителей местных органов Советской власти, обсудили все вопросы, которые следовало решать в первую очередь. Машины, тракторы, другой сельскохозяйственный инвентарь, сотни лошадей были переданы крестьянам для проведения сева… Бойцы работали

энергично, не щадя своих сил, и это радовало командарма. К моменту перехода Конармии на Северный Кавказ, 1 мая 1920 года, конармейцы распахали и засеяли 40 тысяч десятин земли, просушили 16 тысяч пудов посевного материала, собрали 18 тысяч пудов зерна. Бойцы оказали помощь крестьянам в организации 124 кузниц, своими силами отремонтировали 434 плуга, 121 борону, 24 сеялки и 59 повозок.

Кроме работ по подготовке к весеннему севу, конармейцы проводили митинги, концерты, спектакли, читали доклады о международном и внутреннем положении страны. Командарм поручил политотделу провести конкурс на создание кавалерийского значка. Лучший проект предложил А. И. Страхов, ныне народный художник Украинской ССР.

Из Москвы вернулся Ворошилов. Он подробно рассказал командирам и комиссарам, собравшимся в штабе, о работе съезда, о подавлении кронштадтского мятежа.

— Молодец, Клим, — похвалил его Буденный. — Я уже читал в газете про этот мятеж.

— А про себя ты в газете не читал? — лукаво скосил глаза на командарма Ворошилов. И, заметив недоумение Семена Михайловича, вынул из портупеи «Правду» и протянул ему. — Товарищ Ленин о тебе вспоминал.

— Да тут дел было по горло, а газету не доставили, — смутился командарм.

В своей речи при закрытии X съезда партии 16 марта 1921 года В. И. Ленин отмечал, что с начала марта вся западноевропейская печать публикует ежедневно целые потоки фантастических измышлений о восстаниях в России, о победе контрреволюции, о «переходе Буденного на сторону бунтовщиков». Некто Науен 14 марта сообщил в Париж, отмечал Ленин, что «кавалерия Буденного присоединилась к бунтовщикам около Орла…»[13]. Буденный прочел это место из речи Ленина, усмехнулся:

— Ишь чего захотели, господа вельможи.

Первая Конная армия оставалась на Украине. Командарм просил Реввоенсовет республики передислоцировать ее на Северный Кавказ, но ответа не было. Хуже того, 5 апреля Реввоенсовет республики приказал сократить Конармию на треть и рекомендовал командарму расположить полки в более обеспеченных районах Кременчугской и Николаевской губерний. А одну кавдивизию перебросить в Тамбовскую губернию. Буденный, естественно, не мог согласиться с таким решением, ибо оно фактически грозило ликвидацией Конармии. Он обратился за поддержкой к командующему войсками Украины и

Крыма Фрунзе, который со своим штабом находился в Харькове. Михаил Васильевич разделил тревогу командарма, поддержал его, и все трое — Буденный, он и Ворошилов — обратились в Реввоенсовет республики и ЦК РКП (б) с письмом. Они категорически заявили, что оставлять Конармию на Украине нельзя, иначе она может здесь погибнуть.

Прошло несколько тревожных дней, по ответа из Москвы не было. И тогда Буденный написал письмо В. И. Ленину, в котором просил разрешения перебросить Конармию на Дон, Кубань, в Ставрополье.

«Для этого нужно, — писал Буденный, — армию поставить по квартирам, и чтобы она своими силами совместно с крестьянами работала с таким расчетом, чтобы обеспечила себя на круглый год всем. Там же, на местах, проводить усиленную политработу, один раз в неделю строевые занятия. Это единственный выход, и другого нет.

Взяв на себя смелость сообщить Вам всю мою боль за любимую армию, прошу Вашей помощи о сохранении конницы. Чтобы, когда нашей республике будет что— либо угрожать, мы могли бы, как и раньше, пойти в бой…»

Буденный с волнением ожидал результата… И вот Москва вызвала его к прямому проводу. У аппарата Ленин.

— Здравствуйте, товарищ Буденный, — читал командарм на ленте. — Я получил ваше письмо. Как дела у вас теперь?

— Здравствуйте, Владимир Ильич. Положение у нас страшно тяжелое, армия день ото дня тает. Пало несколько тысяч лошадей.

— Хорошо понимаю ваши трудности, и сохранить армию было бы легче, но Дон, Кубань, Ставрополье мы сильно встревожили продразверсткой, затронули в том числе и хозяйства ваших бойцов. Для спасения республики от голода мы вынуждены были забрать у крестьян и казаков все излишки хлеба, оставив им зерно лишь для питания и посева. Такая чрезвычайная мера, которой мы не могли избежать, вызвала недовольство известной части населения. Уверены ли вы, что ваша армия в таких архинапряженных условиях останется крепкой духом, организованной и дисциплинированной?

— За это я ручаюсь своей головой, Владимир Ильич.

— Да что ваша одна голова, дорогой товарищ Буденный, если целая армия будет недовольна Советской властью? Повторяю, на Северном Кавказе достаточно спички, чтобы вспыхнул контрреволюционный пожар на манер кронштадтского. Вы должны глубоко это осознать.

— Товарищ Ленин, я знаю своих бойцов, не подведут! Здесь

же мы рискуем потерять армию, которая еще будет нужна республике.

— Хорошо. А как считают товарищи Ворошилов и Минин? Они с вами?

К аппарату подошел Ворошилов и сообщил, что он полностью поддерживает командарма.

— Ну что ж, — сказал Ленин, — тогда не возражаю. У вас все? Желаю успешного перехода. Подробности уточняйте с главкомом.

Позже Буденный узнал, что Троцкий упорно не давал согласия на передислокацию Конармии. И только решительное вмешательство ЦК РКП (б), лично В. И. Ленина спасло Конармию от гибели. 20 апреля Политбюро ЦК приняло специальное постановление о Первой Конной армии. Политбюро ЦК поручило Реввоенсовету республики и Реввоенсовету Конармии «… сократить в короткий срок армию до размера двух дивизий, сохранив весь армейский аппарат. Сокращенную армию перевести в район Маныча. Армию перевести на положение военного округа». С переводом Первой Конной на Северный Кавказ Реввоенсовет республики 28 апреля образовал Северо-Кавказский военный округ — СКВО, положив в основу его штаба штаб Конармии. К. Е. Ворошилова назначили командующим войсками округа, его заместителем и членом Реввоенсовета СКВО — командующего Конармией Буденного, заместителем по строевой части М. К. Левандовского, заместителем по политической части — О. У. Саакова, начальником штаба округа — А. М. Перемытова. Вторым членом Реввоенсовета округа и членом Реввоенсовета Первой Конной был назначен А. С. Бубнов.

5 мая вечером в Реввоенсовет поступила телеграмма В. И. Ленина на имя Ворошилова за № 108/ш. «Прошу Вас, — писал Владимир Ильич, — дать распоряжение комсоставу Конармии и проверить специально, чтобы во время перехода Конармии оказывалось всемерное содействие местным продорганам ввиду необходимости экстренной и быстрой помощи Москве хлебом»[14].

Буденный собрал командный состав и зачитал телеграмму. Решили выделить от каждой дивизии группу наиболее авторитетных бойцов, а во главе их поставить комиссаров. На эти группы возложить всю работу по заготовке хлеба в тех населенных пунктах, где данная дивизия будет проходить. Когда командиры разошлись, Ворошилов отправил телеграмму В. И. Ленину: «Вашу № 108/ш получил. Все необходимые распоряжения сделаны. Будет прослежено за точным выполнением возложенного Вами задания». Реввоенсовет Первой

Конной армии готовил армию к передислокации на Северный Кавказ. В канун марша командарм получил за № 5468 депешу от главкома С. С. Каменева, в которой указывалось, что Конной армии необходимо выделить и в конце мая командировать в Москву сводный полк четырехэскадронного состава с пулеметной командой при хоре трубачей для участия в праздновании в честь III конгресса Коммунистического Интернационала.

— Видимо, состоится парад, — сказал Ворошилов. Потом добавил: — Задание важное! Международный пролетариат в лице своих представителей — коммунистов будет смотреть первую в мире Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Ну, Семен Михайлович, не ударим лицом в грязь, а?

— Да, задание почетнейшее, и нужно выполнить его с честью.

После обсуждений решили выделить по одному эскадрону из каждой дивизии. Подобрать лучших конармейцев обязательно из строевых частей и лучший комсостав.

24 апреля Буденный издал специальный приказ № 237, в котором определялись обязанности всех должностных лиц, а также учитывался характер выполнения ответственного задания. А на другой день, 25 апреля, командарм телеграфировал главкому, что его приказ о сформировании сводного полка для участия в праздновании в честь III конгресса Коминтерна выполнен.

«Надо сказать, — писал позднее Буденный, — что конармейцы оправдали наше доверие. Сводный полк вместе с другими частями достойно представлял Красную Армию на торжествах III конгресса Коминтерна. Когда в декабре 1921 года я был в Москве, Сергей Сергеевич Каменев прямо сказал, что бойцы сводного полка Конармии с честью выполнили свою задачу, продемонстрировав высокую дисциплину, верность пролетарскому делу».

3

В первой половине июня дивизии Первой Конной достигли районов дислокации. 6-я Чонгарская дивизия расположилась в станице Брюховецкой, 4-я кавдивизия и ее штаб — в станице Лабинской, 1-я кавбригада — в станице Ярославской, 2-я кавбригада — в станицах Курганной и Михайловской, 3-я — в станице Вознесенской. В Краснодаре находились штаб и части 22-й стрелковой дивизии, которой командовал И. Шарсков. Штаб Конармии переехал в Ростов и разместился в бывшей гостинице «Палас Отель». Обстановка на Северном Кавказе в то время была

сложной. Там действовали банды генералов Пржевальского (он же Марченко, Афросимов), Ухтомского, полковников Назарова, Трубачева, подполковников Кривоносова, Юдина и десятки других, общей численностью около семи тысяч человек. Их активно поддерживали казачья верхушка и кулачество, осевшие во многих станицах и хуторах белогвардейцы. В борьбе с бандитами Буденный опирался на местные партийные и советские органы Дона и Кубани, на честных граждан, тружеников. Командарм поручил начальнику особого отдела Конармии чекисту Трушину держать тесный контакт с Дончека, председателем которой в то время был Ф. М. Зявкин. В свое время он был председателем Темерницкого подпольного комитета большевиков и командиром вооруженного отряда рабочих главных железнодорожных мастерских Ростова, потом начальником ростовской Красной гвардии. Назначенный в 1920 году председателем Донской и Терской ЧК, Зявкин беспощадно боролся с контрреволюцией. За мужество и отвагу он позже был награжден орденом Красного Знамени. Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский лично вручил ему нагрудный знак почетного чекиста и именное оружие. Конармия еще где-то была на подходе к Ростову, а Буденный, прибывший раньше в Ростов вместе со своим штабом, на другой же день встретился с Зявкиным. Председатель Дончека доложил, что бывший генерал-лейтенант К. Э. Ухтомский изменил Советской власти и сейчас руководит крупной контрреволюционной организацией на Северном Кавказе, так называемой «Второй повстанческой волной юга России». Его помощники — бывший протоиерей, профессор церковного права и настоятель Ростовского кафедрального собора П. В. Верховский и бывший офицер царской, затем белой армии Д. И. Беленьков. Они разработали план контрреволюционного восстания в Ростове, захвата власти и уничтожения партийно-советского актива.

— На когда намечен мятеж? — спросил командарм.

Зявкин ответил, что в ночь с 25 на 26 июня. Надо принять срочные меры, а времени в обрез. А тут еще нет в Ростове Ворошилова, он только выехал из Екатеринослава. Что делать? И тогда Буденный принял решение: ночью арестовать руководителей заговора. Ухтомский признал, что в станице Елизаветинской уже готовы к мятежу тысячи казаков и что они хорошо вооружены. Он рассчитывал, что Буденный испугается и не поедет в станицу, пока в Ростов по подойдут части Конармии. Но командарм заявил:

— Я поеду к казакам и буду с ними говорить. Я не боюсь их и думаю, что они меня поймут, а вас, генерал, мы будем судить за

контрреволюционную деятельность.

Однако прежде чем уехать в станицу Елизаветинскую, Буденный предложил генералу Ухтомскому и полковнику Назарову написать обращение к повстанцам, в котором указать на необходимость обойтись без кровопролития и все спорные вопросы решить мирно, например, на съезде казаков. Съезд провести в станице Елизаветинской. Обращение подписали Ухтомский, Назаров и Буденный.

Ухтомского и Назарова командарм приказал держать под арестом, а сам вместе с Трушиным, Зявкиным и секретарем Темерницкого райкома РКП (б) И. А. Дорошевым отправился в станицу. Здесь собралось около семи тысяч казаков. Предстоящий съезд, о котором Дорошев сообщил на встрече, вызвал огромный интерес у казаков.

«Положение пиковое, — вспоминал Буденный. — Ну, думаю, надо занять поудобней позицию. На мне и двух моих спутниках под плащами гранаты и револьверы…»

Казаки все прибывали, а Буденный стоял на кургане и думал, с чего же начать речь. А что, если рассказать о разговоре с Лениным?

Толпа глухо шумела. Но когда Семен Михайлович поднял руку, все притихли.

— Братья казаки! — громко начал командарм. — Я к вам от товарища Ленина!..

Наша Конная армия уже на подходе к Ростову, — продолжал Буденный. — Мы прибыли сюда по распоряжению Владимира Ильича, который приказал ни одной капли трудовой крови не проливать. Но среди вас, братья казаки, оказались предатели интересов трудового казачества…

Реакция на речь была самой неожиданной. А когда все успокоились, командарм предложил избрать председателя съезда. Все тут же дружно закричали: Буденного! Буденного! Секретарем избрали Трушина. Необычный съезд принял резолюцию: 1) каждый из участников «Второй повстанческой волны» расписывается в списках против своей фамилии и получает справку о роспуске организации; 2) повстанцы должны сдать все имеющееся у них оружие. Для руководства борьбой с бандитским движением на Северном Кавказе и координации всех гражданских организаций и воинских частей было создано краевое военное совещание по борьбе с бандитизмом в Ростове-на-Дону. Председателем крайвоенсовещания утвердили Ворошилова. 21 июня был издан приказ № 1 Северо-Кавказского краевого совещания «О помиловании всех добровольно сдавшихся бело-зеленый отрядов». В нем объявлялась амнистия всем трудящимся

казакам и крестьянам, обманом, по своей темноте и несознательности вовлеченным в бандитские отряды и добровольно сдавшимся до 1 сентября 1921 года. Многие бандиты явились с повинной, однако ярые враги Советской власти решили перейти в открытое наступление. Тогда командующий войсками Северо-Кавказского военного округа Ворошилов издал приказ, который потребовал от войск округа перейти к беспощадному истреблению бандитов. Общее руководство боевыми действиями по уничтожению Кубанской повстанческой армии было возложено на Буденного. 19 сентября командарм выехал в Краснодар. Неподалеку от города, в станице Динской, уже шли ожесточенные бои. Буденного сопровождал начальник политического управления округа О. У. Сааков, начальник особого отдела Конармии Г. А. Трушин. А на другой день, 20 сентября, Буденный получил приказ за № 1590/оп, в котором говорилось, что в целях «лучшей согласованности действий наших частей для полного уничтожения банд РВС СКВО приказывает члену РВС СКВО и командарму 1-й Конной т. Буденному вступить в командование всеми войсками, расположенными на Кубани и Черноморье». Не теряя времени Буденный быстро оценил обстановку. У командарма созрело решение — прижать белогвардейские части к реке Кубань, окружить с трех сторон, а когда те станут переправляться через реку с целью уйти в горы, ударить по ним. Он приказал начальнику 4-й кавдивизии направить в этот район 2-ю кавбригаду, которой командовал смелый и отважный К. И. Горячев. Противник оказался в тупике: с севера — Кубань и Тшитское водохранилище, с запада — река Белая, с востока — река Лаба. Оставалось закрыть тупик с юга. И этот тупик закрыла 2-я кавбригада. 22 сентября в коротком, но жестоком бою у реки Белой враг был разбит, остатки так называемой Кубанской повстанческой армии, насчитывавшей 1600 штыков и 2500 сабель при 49 пулеметах, рассыпались в горах, но в течение нескольких дней были уничтожены. Вскоре с политическим бандитизмом на Северном Кавказе было покончено. Это позволило командованию округа сосредоточить внимание на боевой учебе в частях и подразделениях. 27 ноября Буденному сообщил член РВС округа А. С. Бубнов, что ему и Ворошилову необходимо немедленно выезжать в Нальчик, где открывается I учредительный съезд Советов Кабардинской автономной области. 28 ноября делегация прибыла в Нальчик. От имени Центрального Комитета РКП (б) и ВЦИК РСФСР Ворошилов приветствовал делегатов и в их лице весь кабардинский народ. Затем слово было предоставлено Буденному. Он говорил об обстановке на Северном Кавказе, о

том, что надо всемерно укреплять Советскую власть. Победив буржуазию политически и на военном фронте, говорил командарм, мы должны победить ее экономически, то есть ликвидировать разруху и восстановить народное хозяйство. Если мы решим эту злободневную задачу, то никакие враги нам не будут страшны. Командарм призвал трудящихся области к бдительности, к борьбе против бандитизма и скрытой контрреволюции. Поздно вечером все трое — Ворошилов, Буденный и Бубнов — возвращались на отведенную им квартиру. Провожал их руководитель кабардино-балкарских большевиков Б. Э. Калмыков, с которым командарм в дальнейшем дружил. Проходя по центральной улице, Буденный заметил, что она называется Воронцовской. Семен Михайлович тут же сказал Калмыкову, что не годится иметь на Кавказе улицы в честь царских наместников. Назвали бы вы ее по-новому, например Кабардинской. Его предложение было принято. Уже на другой день командарм заметил на многих домах свежевыструганные дощечки, на которых химическим карандашом было написано: «ул. Кабардинская». Вернувшись в Ростов, Буденный вновь много ездит по станицам и хуторам, встречается с крестьянами, интересуется их жизнью. В начале декабря он прибыл в родную станицу. Не успел отдохнуть с дороги, как к нему пришла делегация крестьян. Высокий усатый казак, щуря карие глаза, сказал: продразверстку заменили продналогом, это, конечно, хорошо. Но ведь налог распространяется на каждого, даже самого бедного, крестьянина. А где, например, ему взять мясо, если в хозяйстве один-два вола, на которых он пашет? Выходит, надо идти к богатому казаку и покупать у него мясо, чтобы сдать продналог… Буденный решил о просьбе крестьян рассказать В. И. Ленину на IX Всероссийском съезде Советов, куда его избрали делегатом. В декабре 1922 года Буденный приехал в Москву. В первый же день он встретился с Владимиром Ильичем.

— Значит, на Дону армии лучше, чем было на Украине? — спросил Ленин.

— Лучше, Владимир Ильич.

В. И. Ленин внимательно слушал командарма, изредка переспрашивал. Когда Буденный напомнил ему о своем письме, которое он писал из Екатеринослава, Владимир Ильич оживился:

— Ваше письмо меня вначале рассердило! — улыбнулся Ленин. — Я, признаться, не знал той сложной обстановки, в которую попала ваша Конармия. Троцкий докладывал, что Буденный сгущает краски. Впрочем, я был уверен, что в вашем письме описано истинное положение вещей.

— Не могу я придумывать, товарищ Ленин. Правда для меня

свята…

— Дон, Кубань и Ставрополье мы сильно встревожили продразверсткой, это меня и смущало, — заметил Владимир Ильич. — Значит, пожар на манер кронштадтского не вспыхнул?

— Нет, Владимир Ильич. Бойцы преданы Советской власти.

К ним подошли Калинин и Ворошилов. Разговор снова зашел о положении на Дону. Климент Ефремович сказал, что оно стало более устойчивым, чем год назад.

— На Дону и Кубани меньше людей голодает, — сказал Калинин. — А вот в прошлом году в огромной части России и особенно в той части, где сейчас создалось очень тяжелое положение, урожай был настолько плохим, что его хватило лишь на две недели.

— Мы должны решить проблему голода, и мы решим ее, — твердо сказал Ленин и, глянув на Буденного, добавил: — Скажите, а что сейчас особенно волнует крестьян?

— Земельный вопрос, Владимир Ильич.

Ленин насторожился.

— Странно! Ведь мы давно отменили продразверстку и ввели продовольственный налог.

Буденный рассказал Владимиру Ильичу все, что узнал от крестьян, когда ездил в родные края. Ленин согласился с командармом и тут же предложил ему выступить в прениях на съезде.

На вечернем заседании, когда открылись прения по земельному вопросу, председательствовавший М. И. Калинин объявил:

— Слово имеет товарищ Буденный!

— Я хочу коснуться самого главного, на мой взгляд, в земельном вопросе — речь идет о сдаче крестьянами мяса, — начал командарм. — Я имею в виду беднейшее крестьянство, а беднейшие теперь в большинстве своем красноармейцы, которые только в 1921 году принялись за свою прямую работу. У них очень мелкое хозяйство. А продналог распространяется на каждого хозяина. Смотрите, что получается, товарищи. Крестьянин в своем хозяйстве имеет лишь пару рабочих волов, а ему надо сдать мясной налог. Другого скота у него нет, нет и ресурсов, чтобы заменить этот налог и тем спасти своего рабочего вола.

Буденный предложил съезду дополнить резолюцию пунктом, в котором было бы указано о необходимости сиять мясной налог с тех крестьян, которые имеют в своем хозяйстве не более одной пары волов. Этим самым, говорил командарм, мы укрепим мелких хозяев, и они смогут, обрабатывая свои поля, приносить

пользу государству.

— Теперь разрешите в двух словах коснуться военного вопроса, — продолжал Буденный. — Я заявляю, что, если на нас нападет враг внезапно, мы готовы к бою каждую минуту. Если понадобится, наша Первая Конная армия выступит по первому зову через двадцать четыре часа.

«Под громкие аплодисменты я сошел с трибуны, — отмечал позже Буденный. — А у самого мысли в голове: «Что скажет Владимир Ильич? Так ли я выступал?» Сел на свое место, чувствую, все лицо горит. Думаю, если аплодировали, значит, слово мое пришлось по душе… Во время перерыва к нам, группе военных делегатов, подошел Ленин.

— Товарищ Буденный, вы очень хорошо выступили, — весело сказал Владимир Ильич. — Коротко и по очень важному вопросу. Оказывается, вы скромничали, когда утверждали в беседе со мной, что речи говорить не умеете. Э, батенька, так не годится…»

4

Вернувшись из Москвы в Ростов, Буденный с новыми силами взялся за укрепление порядка и дисциплины в войсках Северо-Кавказского военного округа. Буденный многому учился у М. В. Фрунзе. Он с большим интересом прочел в журнале «Армия и революция» (№ 1 за 1921 г. — А. З.) его статью «Единая военная доктрина и Красная Армия». «Статья захватила меня, — вспоминал Буденный. — Каждую страницу, каждый абзац прочитывал несколько раз, вдумывался в каждое положение, бесконечно радовался, когда мысли М. В. Фрунзе совпадали с моими. Чувствовал, как у меня прибавлялось сил. Михаил Васильевич писал, что учение о «единой военной доктрине» имеет огромное практическое значение для республики. Оно должно прежде всего учитывать характер тех боевых столкновений, которые нас ожидают…» Статью Фрунзе Буденный глубоко изучил с командным и политическим составом. В марте 1922 года он прибыл в Москву на XI съезд партии, встретился с Фрунзе и высказал свое мнение о единой военной доктрине. Михаил Васильевич, однако, заметил, что кое-кто против этой доктрины. В первую очередь Троцкий.

— А что он предлагает? — спросил командарм.

— Конкретно ничего, но почти по всем пунктам моих тезисов — против. Именно по всем! Например, он утверждает, что мы, военные, не должны говорить своим бойцам, что в известной обстановке, при известных условиях мы не можем пойти в

наступление за пределы нашей земли. А я говорю — должны! Наш комсостав и армия должны это знать. Нельзя воспитание бойцов вести в духе оборончества, как это предлагает Троцкий.

Перед утренним заседанием военные делегаты стояли в фойе. К ним и подошел Ленин. Поздоровавшись, Владимир Ильич обратился к Фрунзе:

— Вы, надеюсь, знаете, что завтра на вечернем заседании вам предстоит доложить об итогах военного совещания?

— Знаю, Владимир Ильич, — сказал Михаил Васильевич. — После утреннего заседания мы на своей секции будем обсуждать вопросы военного строительства.

— Читал я Ваши тезисы, Михаил Васильевич, и считаю их правильными. Вы все вопросы обстоятельно обсудите на своем совещании, и тогда мы предложим съезду партии конкретное решение, — сказал Ленин. — Мы должны строить Вооруженные Силы Республики по единому централизованному плану и на основе советской военной науки…

Съезд партии собрался в трудный для страны момент. К последствиям войны прибавилась засуха 1921 года. Голодали миллионы людей. Трудно было с финансами. Не хватало сырья, топлива. «Бедствия, которые обрушились на нас в этом году, — говорил В. И. Ленин, открывая съезд, — были едва ли еще не более тяжелыми, чем в предыдущие годы»[15]. Эти слова Ленина командарм дословно записал в свой блокнот и, подчеркнув их, в углу сделал пометку: «С этого и начну свою речь перед командирами и комиссарами, когда вернусь в округ».

В. И. Ленин подвел итоги первого года новой экономической политики. Прошедший год подтвердил правильность этой политики. На новой экономической основе укреплялся союз рабочих и крестьян. Партия добилась перелома на хозяйственном фронте. И пусть пока еще очень медленный, но верный, хозяйственный подъем начался! Всесторонне оценив обстановку, Ленин заявил с трибуны съезда: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил»[16].

1 апреля делегаты съезда работали по секциям. Военные, в том числе и Буденный, готовили свои предложения. «Фактически, — писал позднее командарм, — совещание вылилось в дискуссию о советской военной науке, о единой военной доктрине Советского государства, его Вооруженных Сил». С докладом выступил Троцкий. Он был знаком со статьей Фрунзе и теперь, по существу, отвергал ее. Троцкий заявил, что

марксизм, мол, к военному делу вообще неприложим, что война — это ремесло, совокупность практических навыков, и поэтому не может быть науки о войне. Характерно, что в течение всей речи Троцкий ни разу не сослался на Ленина.

Во время перерыва Буденный подошел к Фрунзе.

— Что же это такое, Михаил Васильевич? — спросил его командарм. — Выходит, что Троцкий не вас опровергает, а товарища Ленина?

— Вот-вот, вы это тоже заметили? Ничего, я скажу об этом…

Фрунзе сделал содоклад. Он же произнес и заключительное слово. Михаил Васильевич показал полную несостоятельность выводов Троцкого, вред его взглядов на военное дело и боевой опыт Красной Армии. Выступавшие в прениях по основным вопросам Муралов, Кузьмин, Тухачевский, Буденный, Минин, Каширин, Ворошилов резко критиковали позицию «оборончества», говорили, что воинов Красной Армии надо воспитывать в наступательном духе, в духе пролетарской солидарности, верности интернациональному долгу. После речи Тухачевского выступил Буденный. Главное внимание командарм уделил вопросу: нужна ли теперь кавалерия? «Говорят, что техника превосходит ее, что сейчас есть аэропланы. Но нужно изменить применение конницы, приспособить ее к новейшей технике. Мы можем и должны избегать всякой позиционной войны. Конечно, не в том смысле, чтобы вообще не занимать позиции, просто маневрировать, переходить без цели туда и сюда. Наоборот, занимать позиции там, где начинается операция, а когда намечается ее исход, действовать маневрами, чтобы добиться успеха в кратчайшее время».

2 апреля на вечернем заседании итоги совещания съезду доложил Фрунзе. Съезд принял решение, в котором, в частности, отмечалось, что, несмотря на трудные хозяйственные условия страны, армия «усилиями всех своих сознательных элементов повысилась за истекший год в качественном отношении. Ее преданность рабоче-крестьянской Республике несокрушима». Съезд потребовал и дальше всесторонне повышать боеспособность армии, определил конкретную программу военного строительства, обратив особое внимание на усиление партийного влияния в армии и на флоте. «Дискуссия о единой военной доктрине для меня была очень важной в связи с тем, что позже мне довелось принимать активное участие в разработке воинских уставов, — писал Буденный. — В частности, я был председателем уставной подкомиссии по разработке боевого устава кавалерии. Попутно замечу, что в разработку воинских уставов и наставлений, на которых строилась вся жизнь и деятельность

Красной Армии, большой вклад внес М. В. Фрунзе, с которым после моего переезда на службу в Москву мне довелось не раз обсуждать важные вопросы строительства и укрепления Советских Вооруженных Сил».

На другой день, 3 апреля, состоялся Пленум ЦК партии, на котором И. В. Сталин был избран Генеральным секретарем ЦК РКП (б). Узнав об этом, Буденный решил встретиться с ним, обсудить ряд вопросов, касающихся дальнейшего укрепления Красной Армии, в частности, кавалерии.

Утром 4 апреля Сталин принял командарма в Кремле. Когда зашла речь о единой военной доктрине, Сталин сказал, что он полностью разделяет точку зрения Фрунзе. Красную Армию надо укреплять и дальше, поднимать ее боеготовность. Что же касается кавалерии, то она еще крайне необходима. Следует подумать, какие способы по— обходимы для се развития как стратегического рода войск.

— В этом вопросе вы человек более компетентный, чем кто-либо другой, — дружески улыбнулся Сталин.

Буденный сказал, что конница находится сейчас в тяжелом положении, и чтобы видеть это, не надо быть большим теоретиком. Начавшаяся реорганизация кавалерийских соединений сводится по сути лишь к их сокращению, а другие проблемы пока вообще не затрагиваются. Между тем Реввоенсовет Конармии и он сам не раз сообщали и главкому, и Реввоенсовету республики о необходимости увеличить хотя бы число орудий для кавалерийских частей. Ведь это нелепо, когда полк отдельной кавдивизии имеет лишь два орудия, а полк отдельной кавбригады — одно.

— А у Пилсудского, как мне помнится, было шесть орудий? — заметил Сталин.

— Пять, товарищ Сталин, — уточнил Семен Михайлович.

И еще Буденный говорил о том, что при современных средствах наблюдения и поражения конница становится все более уязвимой с воздуха и земли. Важнейшее условие успеха ее атак — внезапность. Но для этого она должна вести пеший бой, а также комбинированно-смешанный. Следовательно, требуется достаточная огневая мощь, чтобы перед атакой расстроить, деморализовать противника. Вот почему коннице давно пора придать авиацию и бронечасти. Усилить средства связи, ввести в штабы специалистов по химической защите. Оставляет желать лучшего, продолжал командарм, структура и организация кавалерийских частей. Странно, но факт: в одних дивизиях четыре полка, в других шесть. В полках где четыре эскадрона, где три. Неужели нельзя для всей кавалерии иметь единый штат? В

полках все еще большой недокомплект лошадей. Требуется новое современное оружие, мало легких пулеметов, не хватает пулеметных тачанок…

Сталин согласился с его доводами, заметив, однако, что командарму следовало бы вместе с Ворошиловым представить в ЦК партии по всем этим вопросам специальное письмо. В заключение Сталин сказал:

— Есть предложение, Семен Михайлович. Мы тут посоветовались в Реввоенсовете республики и решили учредить должность помощника главкома по кавалерии. Как вы на это смотрите?

— Я за. Мера важная и нужная. Уверен, что это при несет большую пользу нашему общему делу — укреплению Красной Армии.

— Да, конечно, польза будет, но при одном условии — если на эту должность подберем знающего человека. — Он в упор посмотрел на Буденного. — Вас рекомендуем, Семен Михайлович.

— Конечно, предложение интересное и почетное, но на Северном Кавказе осталось еще много незавершенных дел, — сказал Буденный. — Поэтому я должен хотя бы год еще побыть в округе, чтобы завершить начатое.

Сталин согласился. Перед отъездом из Москвы Буденный зашел к Фрунзе. Михаил Васильевич лежал на кровати очень бледный.

— Что с вами? — Семен Михайлович быстро подошел к столу и хотел налить в стакан воды.

— Не надо, — махнул рукой Фрунзе. — У меня обострилась язва желудка. Как у вас дела в округе?

— Меня сейчас, Михаил Васильевич, больше волнует другой вопрос. Слышал я, что Троцкий собирается ликвидировать кавалерию.

— Да, видимо, он это попытается сделать. Но вы не очень переживайте, кавалерия нам еще очень нужна. Ильич нас всегда поддержит. Вы сегодня уезжаете в Ростов?

— Да.

— А где Климент Ефремович?

— У главкома.

— Передайте, что я очень жду его. Хочу переговорить с ним о военной реформе в армии. А в Москву вам надо переезжать. Подумайте об этом.

Буденный вновь возвратился в Ростов. В начале июня командарма пригласил к себе секретарь Юго-восточного бюро ЦК партии А. И. Микоян и попросил выступить с докладом на расширенном Пленуме, где будет обсуждаться вопрос о борьбе с

бандитизмом на Северном Кавказе. «У вас есть опыт, умение, расскажите людям, что и как лучше делать», — заметил Анастас Иванович. Буденный выступил с докладом. Спустя много лет, вспоминая этот расширенный пленум Юго-восточного бюро ЦК партии, А. И. Микоян писал: «Мне запомнилось выступление Буденного — краткое, деловое, содержательное. Опытный военачальник, он отлично разбирался в обстановке и во всех тонкостях борьбы с местными банда ми, хорошо знал быт и жизнь казачества и иногородних, разбирался в раздиравших их противоречиях, а потом умел находить правильные оперативные решения с учетом местных условий так хорошо знакомого ему края, где он родился и вырос. Из его доклада на пленуме… стало ясно, что за последнее время бандитизм пошел на убыль». После пленума Буденный зашел в штаб округа. Ворошилов сообщил, что его срочно вызывают в Москву на совещание высшего командного состава кавалерии.

— Троцкий что-то задумал, будь настороже, — предупредил Климент Ефремович. — За конницу стой горой. А если что — иди к Владимиру Ильичу и доложи ему лично. Мое мнение на этот счет ты знаешь.

Через два дня, 10 июня, Буденный прибыл в Москву на совещание. Председательствовал на нем Троцкий, а доклад сделал Б. М. Шапошников, в ту пору начальник оперативного управления полевого штаба РВС республики. Речь на совещаний шла о расформировании кавалерии на том основании, что в армиях западноевропейских государств вместо конницы создавались моторизованные войска. Идея действительно хорошая, однако к тому времени еще практически и технически неосуществимая. Буденный решительно выступил против расформирования конницы. Его поддержали М. В. Фрунзе, И. С. Уншлихт и ряд других военачальников. Но Троцкий настаивал на своем. Тогда с помощью Ф. Э. Дзержинского командарм связался с В. И. Лениным и сообщил ему о том, что конницу хотят расформировать.

— Слышал о совещании и считал, что речь идет именно о реорганизации нашей кавалерии, — сказал Владимир Ильич. — Но если вопрос стоит так, как вы говорите, то мне кажется это действительно преждевременным. Мы пока не имеем достаточного количества автомобилей для переброски войск, мало у нас и другой техники. А коль так, зачем же рубить сук под собой? Не годится! И передайте товарищам по совещанию это мое мнение. Пусть хорошенько подумают, прежде чем решать… Вы читали высказывание Энгельса о коннице? — неожиданно спросил Ленин в конце беседы.

— Нет, Владимир Ильич, — смущенно признался командарм.

— Э, батенька, вам-то надо знать. Обязательно прочитайте! Он пишет, что, несмотря на преобладающую роль пехоты в сражениях, кавалерия все же остается необходимым родом войск и всегда останется таковым. Да, да, представьте себе, Энгельс утверждает, что ни одна армия не может начать боевые действия с надеждою на успех, если она не имеет кавалерии. Из опыта гражданской войны я знаю, что это положение еще не устарело… Так что и Энгельс за нас с вами, о чем вы можете сказать на совещании, — закончил разговор Ленин.

Конница осталась. В ноябре С. М. Буденный вместе с А. И. Микояном и К. Е. Ворошиловым участвовал в работе IV конгресса Коминтерна. В эти знаменательные для Республики Советов дни — накануне пятой годовщины Советской власти — в Петроград съезжались иностранные делегаты, представители компартий 58 стран. Все трое — Микоян, Ворошилов и Буденный — встречали их на вокзале. Среди прибывших Клара Цеткин и Бела Кун, с которыми командарм уже был знаком. По всему пути движения делегатов к площади Восстания их приветствовали рабочие Петрограда. На площади состоялся митинг, на котором прозвучали приветствия в адрес братьев по классу. Довелось выступить на этом митинге и Буденному. Пылко и горячо он говорил о том, что пять лет Советской власти подтвердили правоту слов В. И. Ленина: никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда. Командарм напомнил гостям слова Владимира Ильича о том, что социалистическая революция не будет только самоотверженной борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии — нет, она будет «борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма»[17].

7 ноября делегаты специальным поездом прибыли в Москву, чтобы продолжить свою работу. Здесь Буденный с интересом слушал выступление В. И. Ленина. Владимир Ильич говорил делегатам конгресса о новой экономической политике, о том, что она — временная, но весьма необходимая мера Советской власти, а вызванный интервенцией и гражданской войной военный коммунизм был вынужденным явлением. И после того как Со ветское государство предоставило крестьянам свободу торговли, они за один год не только справились с голодом, но и сдали продналог в таком объеме, что страна получила сотни миллионов

пудов хлеба и притом почти без применения каких-либо мер принуждения. Владимир Ильич закончил свою речь пророческими словами: «Из России нэповской будет Россия социалистическая». В эти дни М. И. Калинин познакомил Буденного с Георгием Михайловичем Димитровым, участвовавшим в работе II конгресса Профинтерна. Димитров улыбнулся, протянул командарму свою крепкую руку и, слегка картавя, по-русски произнес: «Здравствуйте, товарищ генерал!» Буденный смутился, глянул на Калинина, мол, как же так, он ведь не генерал и никогда им не был. Михаил Иванович рассмеялся и сказал, что да, Буденный не генерал, а командарм. Генералом его называли белогвардейцы, чтобы оправдать свое поражение в боях с Первой Конной армией. В ноябре, вернувшись из Москвы, Буденный первым делом встретился с командным и политическим составом военного округа, рассказал им о работе IV конгресса Коминтерна, о выступлении на конгрессе В. И. Ленина, о своих беседах с Кларой Цеткин, Бела Куном, Георгием Димитровым и другими. «Я прошу каждого из вас, товарищи, помнить, что, пока империалисты бряцают оружием, нам надо держать порох сухим. Владимир Ильич говорил с трибуны конгресса Коминтерна, что каждый момент, свободный от военной деятельности, от войны мы должны использовать для учебы. Мы, русские, учимся в общем смысле, а иностранные товарищи должны учиться в специальном смысле, чтобы действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы. Вот оно какое дело, товарищи. Так что прошу каждого помнить эти слова Ильича!» В начале декабря трудящиеся Чечни, входившей тогда в состав Горской республики, избрали Буденного делегатом I Всесоюзного съезда Советов. Съезду предстояло принять важнейшие документы об образовании СССР. 30 декабря Буденный вновь приехал в Москву. Здесь он встретил своих соратников. Пришлось командарму выслушать и упрек от Серго Орджоникидзе за то, что все еще не приехал к нему в Закавказье. «Я помогал вам, Семен Михайлович, на Северном Кавказе, а вы, дружок, ко мне еще ни разу не приехали. Негоже так, а то возьму и пожалуюсь в ЦК», — шутливо добавил Серго. Съезд прошел исключительно по-деловому. Доклад о создании Союза Советских Социалистических Республик сделал по поручению ЦК партии Сталин. Он зачитал Декларацию и Договор об образовании СССР. А Фрунзе, которому было предоставлено слово, предложил утвердить эти важнейшие документы. Делегаты избрали ЦИК СССР, куда в числе других вошел и Буденный. М. И. Калинин поздравил командарма с избранием членом ЦИК.

— Вот плоды революции, — сказал он. — Кто пять лет назад

знал Буденного? Никому не известный человек, бедняк-крестьянин, рядовой солдат, а сегодня полководец, государственный деятель. Право, я вам даже завидую. Слышали, — обратился Михаил Иванович ко всем, кто окружал их, — песни о нем поют: «Веди ж смелее нас, Буденный, в бой, пусть гром гремит, пускай пожар кругом…»

Уже перед отъездом в Ростов главком С. С. Каменев вручил Буденному второй орден Красного Знамени, которым командарм был награжден Реввоенсоветом республики за проведение ряда успешных операций на польском фронте.

Когда Буденный вернулся в Ростов, ему сообщили, что в январе 1923 года он в составе делегации, которую возглавляет секретарь Юго-Восточного бюро ЦК партии А. И. Микоян, едет в Чечню: она объявляется автономной советской областью.

И вот поезд прибыл в Грозный. Микоян, Ворошилов, Буденный, Таштемир Эльдерханов и другие собрались на митинг в село Урус Мартан, примерно в 30 километрах от Грозного. Так сделали в целях безопасности, поскольку в то время в горах Чечни было немало бандитов и они могли напасть на Грозный. Жители сел тепло встречали посланцев великого русского народа.

А. И. Микоян, вспоминая об этой поездке в Чечню, писал: «Чеченцам явно импонировал вид Буденного. Они с интересом и симпатией смотрели на него, внимательно слушали. Было слышно, как то здесь, то там чеченцы с восторгом произносили на своем языке: «Большой генерал!» Буденный оделся в полную военную форму. На боку висела шашка эмира бухарского, сверкающая серебром и камнями. Широкая красная лента, перекинутая через плечо, бросалась в глаза. В общем, Семен Михайлович своей подтянутостью и некоторой торжественностью произвел эффектное впечатление, не говоря уже об осанке и натуральных буденновских усах».

Обычно Буденный никогда не расставался со своей шашкой, но перед поездкой Микоян посоветовал ему надеть шашку эмира. «Пусть все видят, что Советская власть покончила и с эмиром бухарским», — сказал он. А наградил его этой трофейной шашкой М. В. Фрунзе. После разгрома Врангеля в ноябре 1920 года группа командиров во главе с Фрунзе поехала в Ялту. Остановились в бывшем дворце эмира. Там и нашли его шашку. Михаил Васильевич долго разглядывал ее, потом подозвал к себе командарма Первой Конной армии. «От имени Реввоенсовета Южного фронта награждаю вас, товарищ Буденный, шашкой. Прошу принять…»

19 января 1923 года в Грозном состоялся первый съезд трудящихся Чечни, который избрал революционный комитет

автономной области. Его председателем стал Таштемир Эльдерханов. Буденный поздравил его, заметив: «Ну вот, Таштемир, теперь от тебя зависит укрепление в Чечни Советской власти. Я верю, что ради нее ты сил своих не пожалеешь». Эльдерханов ответил коротко: «Спасибо, я честно служу своему народу».

9 мая в Ростов проездом в автономные республики Северного Кавказа прибыл Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин.

— Ну как Конармия? — спросил Михаил Иванович у Буденного. — Буду производить смотр полков. Где лучше?

Буденный ответил: можно и в Ростове. Однако Калинин возразил:

— Нет, давайте проведем смотр в Лабинской. Я приеду туда из Дагестана.

19 мая на обратном пути в Москву Калинин прибыл в станицу Лабинскую. На огромном поле Председатель ЦИК СССР принимал парад дивизий Первой Конной армии. Он остался доволен выучкой бойцов. Отличившимся в боях с Врангелем вручил ордена Красного Знамени. В тот день Реввоенсовет Конармии увольнял в запас группу воинов и Калинин сказал им напутственное слово.

— Вы хорошо били врагов, товарищи, и Советская власть вам очень благодарна, она не забудет ваших заслуг. А теперь вы уходите на мирный труд. Дома, в ваших краях, не все хорошо. Трудности у нас на каждом шагу, смело преодолевайте их, ведите за собой других. Будьте крепкими, сплоченными. Я верю, что каждый из вас с честью будет носить звание воина-буденновца…

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ

1

5 сентября 1923 года Буденный получил предписание сдать Конную армию и выехать в Москву принимать должность помощника главкома по кавалерии. «Ждал этого, был предупрежден о возможном перемещении еще год назад и все же несколько растерялся, — признавался Буденный. — Не представлял себе, как буду жить без Конармии, без постоянных забот о ней». Дела он принял у А. А. Брусилова, в то время инспектора кавалерии РККА. Едва Буденный переговорил с главкомом С. С. Каменевым, как его вызвал в Кремль Сталин. Он поздравил Семена Михайловича с назначением, заметив, что Вооруженные Силы Страны Советов «надо всемерно укреплять». Это забота всех: и партии и народа. При этом особое внимание ЦК партии обращает на необходимость усиления партийного руководства армией и флотом, недопустимость любых форм ревизии основ партийного строительства в Красной Армии и Красном флоте со стороны кого бы то ни было. Важно также поднять боевой дух армии, дать ей новую технику, вооружение, провести нужные реформы. Для укрепления партийного руководства Вооруженными Силами сентябрьский Пленум ЦК РКП (б), вопреки возражениям председателя Реввоенсовета Троцкого, ввел в его состав членов ЦК партии Ворошилова, Орджоникидзе, Сталина и других.

— Троцкий распоясался, запустил работу в Реввоенсовете, и, видимо, скоро мы его освободим от должности, — заметил Сталин.

— Невелика будет потеря, — откровенно высказался Буденный.

Утром 18 октября Буденного пригласил к себе главком С. С. Каменев и поручил ему побывать в Главном выставочном комитете, выяснить, сколько лошадей потребуется на выставку. Когда Буденный прибыл туда, ему сообщили, что завтра, 19 октября, В. И. Ленин приедет из Горок в Москву и, возможно, посетит выставку. Семену Михайловичу очень хотелось встретиться с Владимиром Ильичем. Последний раз встречался Буденный с Лениным в декабре 1922 года на IX Всероссийском съезде Советов. Тогда-то Ленин и сообщил, что правительство

решило организовать выставку в Москве.

— А не назначить ли вас, товарищ Буденный, комендантом выставки? — спросил Владимир Ильич.

Буденный молчал. Тогда Ворошилов сказал, что на Дону и Кубани тяжелое положение, и ему, командующему округом, не хотелось бы отпускать своего заместителя.

— Хорошо, убедили, — согласился Владимир Ильич и тут же добавил: — И все равно мы привлечем вас, Семен Михайлович, к участию в работе выставки. Ведь на ней будут представлены лошади, а вы, как мне известно, разбираетесь в них не хуже кого-либо из специалистов, не так ли?

Вскоре после возвращения Буденного из Москвы в штаб округа на его имя поступил приказ № 22 по личному составу Наркомзема от 21 марта 1923 года. «По соглашению с РВС республики, — говорилось в приказе, — исполняющий должность уполномоченного управления коннозаводства и коневодства на Дону и Северном Кавказе, командарм 1-й Конной армии Буденный Семен Михайлович утверждается по совместительству в должности уполномоченного УКОНА Наркомзема с 17 января 1923 года».

Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка открылась 19 августа, В. И. Ленин был избран почетным председателем митинга. А лозунгом выставки стали его слова, сказанные на XI съезде партии: «Наша цель — восстановить смычку, доказать крестьянину делами, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо и сейчас доступно при всей его нищете… доказать, что мы ему умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения разоренного… крестьянина ему сейчас помогают на деле»[18]. Все ждали Ленина. «Ильич все еще тяжело болен», — сказал Калинин.

Но Ленин приехал на выставку. «Все, кто находился в то время на выставке, — писал Буденный, — были несказанно рады, что видят вождя революции. Владимир Ильич осмотрел многие павильоны. К нему буквально тянулись все. Плохое состояние здоровья заставило его вскоре уехать. Это был последний приезд Ленина в Москву».

Наступил 1924 год, который в биографии каждого советского гражданина оставил тяжелый след: умер Владимир Ильич Ленин.

Поздно вечером 21 января Фрунзе сообщил Буденному, что Реввоенсовет принял решение создать траурный сводный эскадрон для встречи гроба В. И. Ленина у Павелецкого вокзала, эскортирования его к Дому союзов, а затем к Мавзолею на Красной площади. Семен Михайлович поздно вечером поехал в расположение Особой кавбригады, которая дислоцировалась

тогда в Москве, и сообщил о создании сводного эскадрона. В эскадрон включили самых лучших бойцов. Командовал эскадроном А. Соколов, комиссаром был П. Случевский.

В те дни (19–21 января) в Москве работал XI Всероссийский съезд Советов, и Буденный в числе других делегатов съезда ездил в Горки. Гроб с телом Ленина привезли в Москву. Буденный с группой командиров Красной Армии нес гроб с телом Ильича от Павелецкого вокзала к Дому союзов по Новокузнецкой на руках. В почетном карауле, сменяя друг друга, стояли члены ЦК, делегации трудящихся, представители Коминтерна. Высокую честь нести последнюю вахту у гроба Ильича оказали и Буденному.

На II Всесоюзном съезде Советов (26 января — 2 февраля), в работе которого Буденный также принимал участие, И. В. Сталин, Н. К. Крупская, Н. Н. Нариманов, рабочий завода «Красный путиловец» А. Н. Сергеев и другие с болью в душе говорили о горечи утраты, преданности партии и народу, заветам дорогого Ильича. Особенно запомнились командарму слова Ворошилова, говорившего от имени Красной Армии и Красного флота: «…и в этот тяжкий для нас момент, утратив дорогого Ильича, Красная Армия удесятерит свою бдительность. Она сделает все, чтобы завоевания рабочего класса были сохранены».

На II Всесоюзном съезде Советов Буденного избрали в состав Центрального Исполнительного Комитета, а затем и в состав Президиума ЦИК СССР.

Через несколько дней Буденный проверял боевую подготовку войск Московского военного округа. Еще 2 июля 1923 года в связи с усилением происков международного империализма против Советского государства ЦК РКП (б) принял решение о проверке боевой готовности Вооруженных Сил страны. В созданную с этой целью 14 января 1924 года комиссию вошли: С. И. Гусев — председатель, А. А. Андреев, А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, М. В. Фрунзе, Н. М. Шверник и другие. 3 февраля Буденный принимал участие в работе Пленума ЦК партии, на котором обсуждался доклад С. И. Гусева по результатам проверки. Комиссия вскрыла ряд серьезных недостатков в работе центрального аппарата военного ведомства. Ворошилов резко критиковал Троцкого, пытавшегося поставить Красную Армию и аппарат Наркомвоенмора в особое положение, изолировать их от контроля и руководства ЦК РКП (б). Климент Ефремович подчеркнул, что без руководства партии и ее ЦК нельзя укрепить оборону страны, повысить боеспособность Красной Армии. «Оборона страны, — заявил Ворошилов, — должна быть обеспечена во что бы то ни стало. За это несут

ответственность не отдельные лица, а весь ЦК, вся партия в целом».

ЦК РКП (б) утвердил предложения военной комиссии, направленные на устранение серьезных недостатков в обучении и воспитании личного состава Красной Армии, и они легли в основу военной реформы.

11 марта постановлением Совнаркома М. В. Фрунзе был назначен заместителем председателя Реввоенсовета СССР и заместителем народного комиссара по военным и морским делам. Позже его утвердили по совместительству и в должности начальника штаба РККА.

В это время разгорелась острая идейная борьба с Троцким и его единомышленниками по осуществлению военной реформы.

Троцкий и его сторонники стремились противопоставить политорганы Красной Армии Центральному Комитету партии и местным партийным организациям, они саботировали военную реформу, срывали укрепление обороноспособности страны. Зная об этом, партийные организации требовали принять к председателю Реввоенсовета необходимые меры, отстранить его от работы в Народном комиссариате по военным и морским делам. Однажды Буденный прямо заявил Фрунзе: «Не наш он человек, Троцкий, мое сердце почувствовало это еще в боях под Царицыном, когда, осмелившись, я предложил ему создавать свои кавалерийские части, без которых нам очень тяжело было воевать с врагом. И что же? Он просто грубо отругал меня». Фрунзе серьезно ответил Буденному, что вопрос с Троцким вот-вот будет решен, ибо его деятельность на посту председателя Реввоенсовета осуждена ЦК.

Январский Пленум ЦК РКП (б) признал невозможным дальнейшее пребывание Троцкого на посту Наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета СССР. На основании этого Президиум ЦИК СССР 26 января 1925 года освободил Троцкого от занимаемых должностей. На этот пост был назначен М. В. Фрунзе, а его заместителем стал К. Е. Ворошилов, который продолжал командовать войсками Московского военного округа. М. В. Фрунзе поручил Буденному подготовить боевой устав конницы.

«Временный боевой устав конницы РККА» обобщил опыт ведения боевых действий красной конницы, в значительной степени основанный на боевых действиях Первой Конной армии. Устав подтвердил мысль о том, что конница является самостоятельным родом войск Советских Вооруженных Сил, и ее основной особенностью является подвижность, позволяющая широко и свободно маневрировать, наносить в конной атаке сокрушительные удары.

По заданию Фрунзе Буденный инспектировал работу конных заводов. Лошадей для Красной Армии по-прежнему не хватало. До первой мировой войны Россия славилась своими неисчерпаемыми конскими ресурсами. Однако после революции и гражданской войны число конных заводов резко сократилось. Необходимо отметить, докладывал Буденный председателю Реввоенсовета, что процесс восстановления этой области хозяйства в стране совершается крайне медленно. «Я вас очень прошу, Семен Михайлович, — говорил Фрунзе, — изучите, как нам ускорить темп работы. Еще не скоро, очень не скоро трактор вытеснит крестьянскую лошадку, а мы посадим солдат Красной Армии на машины».

После инспектирования конных заводов Буденный доложил о своих предложениях Ворошилову, который после смерти Фрунзе стал народным комиссаром по военным и морским делам, а также председателем Реввоенсовета СССР. Он решительно заявил, что, если не принять чрезвычайных мер, коневодство будет обречено на страшный упадок. Помимо восстановления конского поголовья, говорил Семен Михайлович, надо особое внимание обратить на улучшение качества лошадей.

— Что вы предлагаете? — прервал его Сталин.

— Выделить для деревни достаточное количество племенных кровных лошадей, — ответил Семен Михайлович. — Этим мы прежде всего заинтересуем самих крестьян, они охотно помогут нам, и тогда мы сможем закупать хороших лошадей для армии.

Согласившись с мнением Буденного, Сталин заметил, что необходимо разработать единый государственный план использования племенного материала и расходования спецкредита. Важно также максимально использовать резервы на местах.

Теперь же Буденный сообщил, что принятые меры позволили не только решить многие вопросы по дальнейшему развитию коневодства, но и закупить для Красной Армии необходимое количество хороших лошадей. Ворошилов поручил ему сделать подробный доклад в правительство, указать конкретные цифры.

Герой Социалистического Труда академик П. П. Лобанов, который многие годы трудился на пиве коневодства вместе с Семеном Михайловичем, отмечал: «…Особенно много труда и знаний вложил С. М. Буденный в совершенствование методов разведения и выращивания лошадей для армии. Главное здесь то, что под руководством С. М. Буденного были созданы крупнейшие коневодческие хозяйства в Задонских степях, в Заволжье и в ряде восточных районов страны — это были табунно-ремонтные конные заводы, в которых применялся самый передовой для того

времени метод культурно-табунного выращивания конского поголовья. В годы Великой Отечественной войны Советская Армия получила свыше трех миллионов лошадей, и в том, что это стало возможно, большая заслуга Семена Михайловича Буденного».

В эти годы Буденный много и упорно работал в Реввоенсовете СССР, который принимал необходимые меры для укрепления обороноспособности страны. Вместе с Фрунзе, Ворошиловым, Тухачевским и другими военачальниками Семен Михайлович участвовал в подготовке проекта нового закона об обязательной воинской службе, принятого ЦИК и СНК СССР в сентябре 1925 года. Это был первый общесоюзный закон об обязательном прохождении военной службы всеми гражданами нашей страны, одновременно определивший и организационную структуру Вооруженных Сил. В этом же году в армии ввели единоначалие — важнейший элемент всей военной деятельности. Некоторые военачальники полагали тогда, что единоначалие может привести к уменьшению влияния партии в армии. Но Буденный категорически возражал, и когда однажды на встрече с командным составом Московского военного округа ему задали этот вопрос, Семен Михайлович сказал: «Кто такой командир-единоначальник? Это прежде всего коммунист. А раз так, то почему может ослабнуть роль партии, если командир будет настойчиво проводить ее решения в жизнь? А вот ответственность командира перед партией за все то, чем живет армия, резко возрастает. И на это прошу вас обратить особое внимание».

В начале марта 1926 года Сталин вызвал к себе Буденного и сообщил, что ЦК беспокоит положение в Средней Азии. Восстановление промышленности там недопустимо затягивается. Республики отстают в подъеме экономики от центральных районов. Хлопок, например, приходится покупать за границей, тратить на это валюту — а ведь стране дорога каждая копейка! Да и басмачи во многом мешают восстановлению народного хозяйства. Дехкане (крестьяне) лишены возможности спокойно заниматься мирным строительством, нет уверенности в завтрашнем дне, подрывается доверие к Советской власти.

— Не кажется ли вам, Семен Михайлович, — сказал Сталин, — что борьба с басмачеством несколько затянулась? Спрашиваю вас потому, что в борьбе с басмачами принимает участие одиннадцатая дивизия Первой Конной, а у конников славные традиции.

Такое положение терпеть больше нельзя, отметил Сталин. Для нас Средняя Азия не только важный экономический район, но и форпост революции на Востоке. Любой наш хозяйственный

промах в Средней Азии может обернуться крупным политическим проигрышем. Вот почему ЦК партии принимает ряд кардинальных мер, чтобы двинуть дело строительства социализма в окраинных республиках быстрыми темпами.

— Центральный Комитет партии решил послать вас, Семен Михайлович, в Среднюю Азию, — строго продолжал Сталин. — У вас богатый опыт борьбы с бандитизмом, и вы — я уверен в этом — правильно оцените обстановку и наметите нужные меры. Поедете в Среднюю Азию не только как член Реввоенсовета СССР и инспектор кавалерии, но прежде всего как представитель ЦК партии, Советского правительства. Наши враги за рубежом ведут усиленную антисоветскую пропаганду, пытаются поссорить народы Средней Азии с великим русским народом, активно помогают предводителям басмачества. К тому же там все еще существует Туркестанский фронт. Нет, пора и там наладить мирную жизнь.

И хотя Среднеазиатское бюро ЦК партии провело большую работу, однако она далеко еще не завершена. Теперь вам, Семен Михайлович, надлежит на месте во всем разобраться и принять необходимые меры.

27 марта Буденный прибыл в Ташкент. Командующего Туркестанским фронтом К. А. Авксентьевского и члена Реввоенсовета и начальника политуправления фронта Н. Н. Кузьмина он знал еще по гражданской войне и поэтому быстро нашел с ними общий язык. Однако это знакомство не помешало Буденному прямо, без скидок на прошлые заслуги, заявить командующему фронтом Авксентьевскому, что войска фронта слабо решают поставленную перед ними задачу по ликвидации басмачества. Басмачи действовали разрозненными группами, внезапно нападали на красноармейские отряды и так же внезапно уходили от преследования. Это вынуждало командование Туркестанского фронта вести с ними борьбу кампаниями, что, безусловно, не давало должного эффекта. Вот почему на заседании Центрального совещания по борьбе с басмачеством Буденный твердо заявил: проводить военные действия кампаниями нецелесообразно. Общая задача такова: в течение трех-четырех месяцев полностью ликвидировать басмачество. «Я не уеду отсюда до тех пор, пока не решим эту политическую задачу», — заключил он.

Буденный также обратил внимание командующего фронтом на то, что боевая учеба в частях и подразделениях по-настоящему не налажена. Авксентьевский заявил, что солдаты учатся в ходе боевых действий; Буденный, однако, возразил:

— А в более широком плане? В масштабе дивизии, корпуса,

фронта с отработкой определенных задач в условиях гор, пустыни?

— Пока не планируем. Вот покончим с басмачами…

Не мог Буденный не обратить внимания командования фронта на незначительный эффект боевых действий в борьбе с басмачами. В 1925 году было 875 боевых столкновений, а потери басмачей всего лишь 164 человека убитыми, и 20 человек взято в плен… И потом, продолжал говорить Буденный, не кажется ли командованию, что «фронт» в мирное время, когда Советская страна занята созидательным трудом, звучит иронически? К тому же дальнейшее употребление его невыгодно с международной точки зрения. Не пора ли фронт переименовать в округ?

— Пожалуй, вы правы, Семен Михайлович, — согласился Авксентьевский.

Буденный указал на необходимость организовать классово близкую Советской власти массу крестьян-дехкан против басмачества, создать в каждом кишлаке отряды самообороны, хорошо вооружить их. Тогда они смогут до подхода регулярных частей Красной Армии вести бой с басмачами.

Буденный энергично взялся за новое дело. Встречался с бойцами и дехканами, побывал во многих кишлаках и аулах. В Ташкенте Буденный выступил в военной школе имени Ленина на собрании курсантов и представителей частей Ташкентского гарнизона с докладом о международном и внутреннем положении Советского Союза, о решениях XIV съезда партии. «Заслушав доклад т. Буденного о международном положении и задачах Красной Армии, общее собрание красноармейцев, курсантов и начсостава Ташкентского гарнизона признает, — указывалось в газете «Красная Звезда» от 30 марта 1926 года, — что существующая международная обстановка, несмотря на все буржуазные разговоры о мире, таит в себе тягчайшую опасность войны. Вместе с успехами Советского Союза в деле социалистического хозяйственного строительства усиливается опасность нападения капиталистов на Советскую страну. Поэтому Красная Армия должна быть начеку.

100 процентов дисциплины, военных знаний и политической сознательности — вот очередная задача Красной Армии. Здесь, на Туркестанском фронте, где части Красной Армии до последнего времени вели и ведут борьбу с басмачеством, наша задача: покончить с басмачеством и догнать части внутренних округов в дисциплине и учебе. Собрание выражает уверенность, что под твердым руководством Коммунистической партии, управляемая РВС Союза, Красная Армия на Туркфронте выполнит свои задачи.

Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая партия

большевиков! Да здравствует РВС Союза!» Буденный встретился также с рабочими Красновосточных и Первомайских мастерских. Беседа полководца продолжалась почти три часа. Он рассказал о международной обстановке, о том, как трудятся рабочие Москвы, ответил на многочисленные вопросы. Особенно волновал дехкан вопрос о кулачестве. Буденный ответил, что партия поставила задачу — не дать кулаку овладеть середняцкой массой, организовать бедноту и середняков вокруг партии против кулака. В своей резолюции, сказал далее Семен Михайлович, съезд записал, что борьба против кулачества должна идти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества в целях изоляции кулака. Изолировать кулака — значит лишить его союзников в деревне. Однако сплотить бедняков и середняков против кулака — дело нелегкое. И все же партия приступает к решению этой труднейшей задачи, и тогда кулак не будет угрозой социалистическому строительству.

— Что нам следует сделать в первую очередь? Вовлечь крестьянина-середняка в прямое социалистическое строительство. Товарищ Ленин указал, как это сделать, — через кооперацию. Кооперирование крестьян — основной вопрос коммунистической политики в деревне. Да, товарищи, основной, — повторил Семен Михайлович. — И я верю, что вы сумеете справиться с кулаком.

Буденный присутствовал на заседаниях Совета Народных Комиссаров республики, где рассматривались важные вопросы развития Туркестана в свете решений апрельского Пленума ЦК ВКП(б) 1926 года. Как известно, Пленум наметил практические пути осуществления индустриализации, а именно: создавать кадры строителей индустрии, ускорять темпы накопления, установить строжайший режим экономии, поднимать активность партийных масс и рабочего класса, крепить единство партии. Буденный отметил успешную работу по реализации решений XIV съезда ВКП(б), подчеркнул важную роль рабочего класса и крестьян республики в строительстве главного объекта Средней Азии — Туркестано-Сибирской железной дороги, призванной соединить два крупнейших сырьевых района СССР. Когда речь зашла о подготовке к уборке хлеба, о ходе земельно-водной реформы. Буденный обратил внимание руководителей республики на скорейшую и качественную уборку урожая. «Хлеб, — сказал он, — это наше богатство. Нельзя терять на поле ни одного колоса. Так требует партия. Будет у нас в достатке хлеба — будет у нас промышленность».

29 марта Буденный выехал в Узбекскую ССР. Он побывал в самых отдаленных гарнизонах — Кулябской, Вахшской и Гиссарской долинах — очагах басмачества, в городе Термезе, расположенном в непосредственной близости от государственной границы с Афганистаном. С особой радостью встретился он с конниками прославленной 11-й кавдивизии. Где только не был в эти дни Буденный! В горах его надежным проводником был боец-разведчик Хамракул Турсункулов, ставший впоследствии трижды Героем Социалистического Труда.

Теперь Буденному была ясна обстановка, и на совещании командного состава фронта он поставил ряд вопросов, решение которых имело первостепенное значение. Прекратить разрозненные действия кавалерийских отрядов, не связанных между собой; операции проводить организованными единицами-бригадами, полками, эскадронами, связанными единой волей, каждой части выполнять определенную, предусмотренную операцией задачу; боевые действия вести главными силами, частью сил стремиться не дать бандам басмачей возможности отступать; во время боев надо изолировать банды от баз, лишить их возможности пополнять свои силы; добиться глубокого понимания каждым бойцом особенностей малой войны на горном театре; действия частей фронта проводить совместно с национальными добровольческими отрядами; всемерно укреплять связи с местным населением, особенно дехканами; среди населения вести широкую политическую работу; тех, кто перешел на сторону бандитов по несознательности, не привлекать к ответственности.

Был еще один вопрос, на который Буденный обратил серьезное внимание. В Средней Азии вместе с Советами функционировали ревкомы, назначаемые вышестоящими органами. Буденный полагал, что решительное наступление на басмачество в 1926 году позволит уже к осени провести выборы местных органов власти, а ревкомы упразднить. Его мнение разделяли члены Военного совета Туркестанского фронта, а также правительство Таджикистана. Буденный решил обо всем доложить Сталину.

Сталин: Товарищ Буденный, вы считаете, что ревкомы настало время упразднить?

Буденный: Да, товарищ Сталин. Мне кажется, что здесь, на местах, достаточно окрепла Советская власть, и выборы в Советы Таджикистана пройдут успешно. Командование фронта, правительство республики убеждены в том, что Советы победят повсеместно. Вы же знаете, что ревкомы были назначены; этим в какой-то мере ущемлялись права дехкан и рабочих: они не

выбирали членов ревкома, а лишь принимали их как должное.

Теперь же, во время выборов, труженики изберут в Советы самых достойных, тех, кого они сами пожелают.

Сталин: Все это понятно. Но не попытаются ли проникнуть в Советы наши классовые враги — байство, духовенство, эмирские чиновники и другие враги?

Буденный: Лично я убежден, что избирательная кампания пройдет в обстановке острой классовой борьбы между дехканами, рабочими и нетрудовыми элементами, но враги потерпят поражение.

Сталин: Что ж, вы наш представитель, товарищ Буденный, и, если обстановка сложится по-другому, не в нашу пользу, будете отвечать перед партией и правительством.

Буденный: Я об этом уже подумал, товарищ Сталин. Сталин: А вы, вижу, не боитесь моих предостережений. Кстати, когда товарищи думают провести в Таджикистане выборы? Буденный: Месяца через три-четыре. Все зависит от боевых действий фронта. Ведь в некоторых районах все еще есть басмачи. Сталин: Надо усилить борьбу с ними. Подключайте к этому добровольческие отряды из рабочих и крестьян. Они лучше знают своих врагов, хорошо ориентируются на местности. Словом, надо создать нетерпимую обстановку для наших врагов, надо, чтобы у них под ногами горела земля. Буденный: Есть, товарищ Сталин. Именно так мы и понимаем свою задачу. Буденный доложил Сталину также о том, что, по его мнению, пора Туркестанский фронт ликвидировать и образовать военный округ. Постановлением Реввоенсовета от 4 июня Туркестанский фронт был переименован в Среднеазиатский военный округ. Выборы в Советы Таджикской АССР прошли успешно, в состав Советов в основном вошли представители бедноты… Вместо ревкомов были избраны 248 кишлачных Советов… Так был завершен переход от системы революционных комитетов к Советам в Таджикистане. Но особо весомый вклад внес Буденный в разгром басмачества. Он участвовал в ряде боевых операций, одна из них по разгрому банд Ибрагим-бека и Хурам-бека. Командование Туркестанского фронта поставило перед кавалерийскими частями, расположенными в Таджикистане в Сурхандарьинском районе, задачу разгромить эти крупные банды в кратчайший срок. Когда Авксентьевский доложил о предстоящей операции Буденному, Семен Михайлович срочно прибыл в Термез. Он обнаружил ряд серьезных недостатков: план не предусматривал изоляцию банд от основных баз, к операции почти не привлекались национальные добровольческие отряды. Были приняты срочные меры. Это положительно сказалось на боевых действиях 6, 7 и 8-й

отдельных кавбригад 11-й кавдивизии. Решающий удар по басмачам Ибрагим-бека и Хурам-бека нанесли в горах Тереглі-Тау и Ак-Тау 82-й и 84-й кавполки 8-й бригады и 77-й кавполк. Бои по разгрому банд басмачей проводили также 3-я стрелковая дивизия и 7-я кавалерийская Туркестанская бригада. Бывший командир 2-го эскадрона 61-го кавполка 11-й кавдивизии А. П. Листовский рассказывал такой эпизод. Однажды банды Ибрагим-бека внезапно налетели на Бабатаг, завязался бой. Буденный возглавил один из отрядов, и красные бойцы одержали победу. Потом Семен Михайлович в кишлаке Янги-базар провел митинг. Собралось много народу. Буденный подробно объяснил жителям, зачем Красная Армия находится в Туркестане. После митинга Буденный лег отдохнуть, а когда встал, то увидел, что полы его шинели в некоторых местах обрезаны. Он недоумевал — кто мог испортить шинель? Оказывается, кто-то успел отрезать лоскутки на талисманы, рассказывал Листовский. В то время очень распространены были суеверия. В Буденного басмачи не раз стреляли, но ни одна пуля его не задела. Тут, видно, и пошел слух, что он заговоренный. Операции войск округа против басмачей завершились успешно. За время пребывания Буденного части Красной Армии провели десятки боев, уничтожили сотни бандитов, многих взяли в плен. В отдельные районы, где трудно проехать, выбрасывался воздушный десант, и красноармейцы с ходу вступали в бой. Вернувшись в Москву, Буденный доложил правительству о результатах своей поездки в Среднюю Азию. Позже Президиум ЦИК Узбекской ССР в ознаменование особых заслуг в героической борьбе на среднеазиатских фронтах как в годы гражданской войны, так и после нее — успешной ликвидации басмачества в Узбекистане — наградил С. М. Буденного орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР. Буденному как члену Реввоенсовета СССР часто приходилось выезжать в округа, инспектировать войска. При этом он никогда не уходил от острых вопросов, решал их оперативно, с учетом требований времени. Так было и осенью 1926 года. Узнав о том, что Северо-Кавказский военный округ недополучил несколько сотен новых орудийных установок — об этом ему сообщил И. П. Уборевич, — он тут же поехал к Г. К. Орджоникидзе, наркому тяжелой промышленности, члену Реввоенсовета СССР. Буденный часто обращался к Орджоникидзе с просьбами «усилить темпы», ускорить поставку Красной Армии нового вооружения. И в этот раз, выслушав Буденного, он тут же отдал распоряжение, и вскоре в округ было направлено необходимое вооружение. Иногда Георгий Константинович любил говорить: «А вы, Семен Михайлович, зачем торопите меня? Смотрите, останется

кавалерия не у дел. Придется вам переучиваться на танкиста. Представляете, увидят Буденного с его усами верхом на танке и с шашкой наголо!» Летом 1929 года Буденный в числе членов Реввоенсовета СССР был приглашен в ЦК партии, где наркомвоенмор Ворошилов доложил о состоянии технической реконструкции Красной Армии. Буденный выступил в прениях. Он обратил внимание на то, что некоторые военачальники, в том числе командующие рядом округов, ослабили внимание к кавалерии под тем предлогом, что, мол, сейчас судьбу войны будут решать машины и моторы. Но ведь кавалерия себя не изжила, и если оснастить ее броней и орудиями, то она себя проявит и в будущей войне. Когда Буденный сел на свое место, Орджоникидзе, сидевший с ним рядом, шепнул ему: «Намек на меня, Семен? Нехорошо, я-то за кавалерию, но с танками да орудиями». Итоги совещания подвел Сталин. В основном он одобрил предложения Реввоенсовета, однако обратил внимание на недостаточное изучение техники, которая в большом количестве поступает в войска. Задача состоит в том, чтобы в короткий срок овладеть ею. На очереди овладение воздушным океаном для переброски людей и грузов. Вполне реальная перспектива — высадка десантов. Преимущества очевидны: быстрота, внезапность, снимается зависимость от дорог.

— И овса не нужно, — заметил Орджоникидзе, лукаво взглянув на Буденного.

— Авиация не отменяет кавалерию, — громко сказал Сталин. — А вопросы взаимодействия авиации и кавалерии, взаимодействия всех родов войск в связи с появлением нового оружия приобретают особо важное значение.

После совещания ЦК партии 15 июля 1929 года принял постановление «О состоянии обороны СССР», в котором предложил Реввоенсовету усилить взятый темп работ по усовершенствованию техники Красной Армии; наряду с модернизацией существующего вооружения добиться в течение ближайших двух лет получения опытных образцов, а затем и внедрения в армию современных типов артиллерии, всех современных типов танков, бронемашин…

Буденный постоянно проявлял заботу о кадрах, выискивал способных, талантливых командиров. Еще осенью 1927 года, когда он приехал с инспекцией в войска Белорусского военного округа, в частности, в 7-ю кавдивизию, входившую в состав 3-го кавкорпуса, которым командовал С. К. Тимошенко, он познакомился с командиром 39-го кавполка Г. К. Жуковым. Во время инспектирования командир полка отдавал четкие,

продуманные распоряжения. Конский состав полка был в хорошем состоянии, ковка отличная.

Через два года по настоянию Семена Михайловича Жуков прибыл в Москву на курсы высшего начальствующего состава — КУВНАС. Окончил их успешно, а осенью 1930 года по просьбе Буденного был назначен в инспекцию кавалерии. По словам Буденного, возглавлявшего в те годы инспекцию кавалерии, Жуков очень скоро завоевал авторитет среди командного состава. Он глубоко вникал в вопросы боевой подготовки кавалерийских частей, проявлял инициативу.

Однако поработал Г. К. Жуков в инспекции недолго. Пришел он как-то к Буденному и говорит: «Товарищ Буденный, прошу вас как кавалерист послать меня в войска! И, если можно, в Белоруссию. Я ведь там семь лет прослужил». И весной 1933 года по предложению Буденного наркомвоенмор Ворошилов назначил Жукова на должность командира 4-й кавдивизии, которая в то время была отстающей. А уже через год за успехи в боевой и политической подготовке дивизию наградили орденом Ленина. Маршал Г. К. Жуков вспоминал: «В торжественной тишине после встречного марша и рапорта С. М. Буденный поднялся на трибуну. По его знаку подъезжаю с ассистентами, держа боевое знамя дивизии. С. М. Буденный прикрепляет к нему орден Ленина, и мы со знаменем скачем полевым галопом перед строем…

После объезда строя к дивизии с кратким словом обратился Семен Михайлович. Было заметно его волнение. Да и как не волноваться! Эта выпестованная им дивизия получила самую высокую награду. Надо сказать, что бойцы-конники с большим уважением относились к С. М. Буденному…»

В конце сентября 1930 года Буденный предложил наркомвоенмору Ворошилову в связи с приближающейся 10-й годовщиной разгрома Врангеля провести в стране «декаду обороны». Она позволит привлечь к Красной Армии внимание всего народа, говорил Семен Михайлович, и в первую очередь молодежи, которая скоро вольется в ряды вооруженных защитников Родины. Климент Ефремович одобрил его предложение, однако заметил, что решать такой вопрос — компетенция ЦК партии, и посоветовал доложить об этом Сталину.

ЦК партии одобрил предложение о проведении «декады обороны». Прошла она с 15 (день окончательного разгрома Врангеля) по 25 ноября. Миллионы советских людей приняли в ней активное участие, выразив горячую любовь к армии и флоту, готовность внести свою лепту в укрепление их могущества.

…Шел 1928 год. Для разрешения продовольственного кризиса в стране ЦК партии направил в отдаленные, богатые хлебом районы членов правительства.

— Вы едете с Микояном в Сибирь и на Дальний Восток, — сказал Буденному М. И. Калинин. — Прошу вас, Семен Михайлович, как члена ЦИК сделать все возможное…

В течение нескольких месяцев (до апреля 1929 года) Буденный побывал во многих районах Сибири и Дальнего Востока. В селах и деревнях он часто выступал перед крестьянами, призывая их оказать помощь голодающим рабочим промышленных центров страны. И трудовое крестьянство откликнулось на призыв. Было собрано и отправлено в города несколько миллионов пудов хлеба.

Как член Реввоенсовета, Буденный проинспектировал войска Сибирского военного округа. В это время международный империализм путем различных провокаций создал напряженную обстановку на советско-китайской границе. В связи с тем, что назревал конфликт на КВЖД, ЦК партии и Советское правительство поручили Буденному провести соответствующую работу по организационному и боевому укреплению частей Красной Армии на востоке страны. Побывал Семен Михайлович и на Краснознаменной Амурской военной флотилии, где подробно ознакомился с состоянием боевой подготовки, дисциплины и материального обеспечения военных моряков…

На одном из заседаний Реввоенсовета Ворошилов поручил Буденному побывать на ряде военных заводов в Москве, ознакомиться с выпуском военной продукции и подробно доложить об этом на совещании командного состава. Что и было сделано Буденным с присущей ему скрупулезностью.

17 июля Реввоенсовет СССР поручил штабу РККА уточнить пятилетний план военного строительства и внести его на утверждение РВС СССР. Член Реввоенсовета Буденный в эти дни работал в контакте с начальником штаба РККА, его заместителями, а также с другими видными военачальниками. 13 июня 1930 года уточненный план строительства РККА был рассмотрен и утвержден на заседании Реввоенсовета, которое проводил председатель РВС СССР Ворошилов.

И все же Буденный чувствовал: коренная перестрой ка Вооруженных Сил требует новых знаний. А значит — надо учиться. Однажды к нему домой пришел А. Е. Снесарев (профессор военной академии РККА, с которым Семен Михайлович познакомился еще летом 1918 года под Царицыном, когда тот был военным руководителем Северо-Кавказского военного округа) и предложил Семену Михайловичу поступить в

академию имени М. А. Фрунзе. Они стали часто встречаться. В последующем А. Е. Снесарев часто бывал у Буденного, и неизменно их беседы превращались в дружескую дискуссию по вопросам общей тактики, оперативного искусства и стратегии. «У отца была обширная библиотека по разным отраслям знаний, и я помню, — вспоминает дочь А. Е. Снесарева Е. А. Снесарева, — как часто С. М. Буденный засиживался у книжных шкафов, делая выписки из книг, причем не только по военным вопросам. Он шутливо повторял, ссылаясь на Карла Маркса, что и его любимое занятие — «копаться в книгах».

— У меня много пробелов, — говорил он отцу, — надо нагонять упущенное.

С. М. Буденный с А. А. Брусиловым часто приглашали отца с собой на ипподром, где показывали лошадей. Брали иногда и меня. Отец, уроженец Дона, любил лошадей, восторгался их красотой. Для меня эти поездки были большим праздником. С. М. Буденный разрешал мне гладить лошадей, а иногда удавалось и покататься…»

Однако не так легко было попасть на учебу в академию имени М. В. Фрунзе. Только с разрешения Генерального секретаря ЦК партии при академии была создана специальная группа, где могли учиться военачальники, разумеется, без освобождения от основной работы. Буденный в то время был членом ЦИК СССР, членом Реввоенсовета СССР, инспектором кавалерии РККА, постоянным председателем уставной, наградной и высшей аттестационной комиссий. И все же, несмотря на большую занятость, Семен Михайлович учился с огромным усердием и был старшиной академической группы. На каждый день, как правило, он составлял конспективный план мероприятий. Об этом свидетельствуют записи в его рабочем блокноте. Вот запись 10 февраля 1931 года: «10.2.31. Задание на 12.2.31.

1) Односторонняя военная игра на розыгрыш боя в глубине обороны (организация контрудара комдивом).

2) Составить общую таблицу боя. 3) Распределение ролей по игре: Буденный — комдив, Городовиков — начартдив, Молодцов — комполка-58, Апанасенко — комполка-60 и командир 10 л. т. б-на». Ниже записей — схема расстановки войск, стрелки направления главного удара. И запись для памяти: «Автор книги «Пехота в бою» Бутанкур». Распорядок рабочего дня у Буденного был жесткий. В 7.00 — подъем, физзарядка, завтрак. С 8.00 до 14.00 — занятия в академии. С 14.00 до 15.00 — обед, а затем до 24.00 — работа в инспекции кавалерии, в комиссиях на различных конференциях. В 24.00 — ужин и до 3.00 — подготовка к занятиям в академии. В сорок восемь лет Буденный

совершил прыжок с парашютом!.. Когда об этом узнал художник-баталист, бывший боец Первой Конной армии М. Б. Греков, он сразу же прибыл к Семену Михайловичу и заявил:

— Знал я, что вы человек отчаянный, видел не раз вас в бою, и все же не мог поверить, что вы могли решиться на такой прыжок. Что ж, вы еще раз преподали всем нам урок.

Греков показал Семену Михайловичу свои новые работы о Конной армии. Еще осенью 1929 года к 10-летию Первой Конной Греков создал диораму, посвященную армии. На куске полотна он ярко отразил ураганную мощь красной конницы, мужество ее бойцов. Тогда по ходатайству Буденного председатель Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилов наградил художника золотыми часами с надписью: «Художнику — мастеру батального слова Митрофану Борисовичу Грекову. 1-я Конная армия».

В январе 1933 года после недельного пребывания на Дону, в родных краях, Буденный вернулся в Москву. В тот же день к нему пришел Александр Серафимович.

— Дела на Дону идут хорошо: колхозы и совхозы окрепли. Сейчас они готовятся к весеннему севу. Правда, не хватает кормов для животноводства, но я обещал помочь, — сказал Буденный.

Серафимович пригласил Буденного на свой юбилейный вечер.

— Я очень хочу, Семен, чтобы ты был на вечере. Во-первых, мы с тобой земляки; во-вторых, своими советами ты помог мне в работе над «Железным потоком». Сам же говорил, что Кожух, возглавивший поход Таманской армии, тебе пришелся по душе? А ведь в его характере есть кое-что и твое. Не находишь? Скажу, Семен, что Кожух мой главный человек в жизни!

— А ты же говорил, что в «Железном потоке» главный герой — народ.

— К народ и Кожух. Он ведет армию. Вот как ты был командармом. Как Василий Чапаев. Как Щорс… В «Железный поток» я вложил часть своего сердца. Да, это моя главная книга. Вообще, писателю надо хорошо знать дело, о котором он пишет. Иначе ему никто не поверит, и он не сумеет нарисовать правду жизни.

— Не только знать, но и стоять на партийных позициях, — заметил Буденный.

— Книгу бы о тебе написать, а? Вот и Максим Горький об этом говорил. Пусть молодежь учится на примерах твоей жизни. Нам с тобой довелось принять участие в величайших событиях. Октябрьская революция давно принадлежит истории, но сила ее воздействия ощущается и поныне…

Серафимовича чествовали в здании Коммунистической

академии. «Вся страна чествовала Серафимовича, — отмечал Буденный. — Я от души поздравил своего земляка. Он волновался, и было отчего: ЦК нашей партии назвал его книгу «Железный поток» классическим произведением. Такая высокая оценка обязывала его работать еще лучше».

Позднее, 25 апреля 1933 года, и в жизни Буденного произошло волнующее событие: Семену Михайловичу исполнилось 50 лет. В приветствии ЦК ВКП(б), в частности, говорилось:

«ЦК ВКП(б) горячо приветствует тебя, дорогой Семен Михайлович, в день твоего пятидесятилетия.

Верный сын трудового народа, ты с первых же дней Октябрьской революции был одним из первых бойцов, организаторов красной конницы. В годы гражданской войны ты появлялся во главе красной кавалерии в самых опасных местах — и на родном твоем Дону, и под Царицыном, и на Украине, и в Крыму, громя помещичье-буржуазную контрреволюцию и генеральские банды Краснова и Деникина, Врангеля и польских панов. После гражданской войны ты продолжаешь стоять на славном посту, работая над укреплением мощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и как верный сын партии активно участвуешь в борьбе за строительство социализма, в борьбе за строительство колхозов…

ЦК ВКП(б) горячо приветствует и желает тебе долгих лет работы и борьбы за дело пролетарской революции».

«11 мая 1933 года Сталин пригласил меня к себе, — писал в воспоминаниях Буденный.

— Семен Михайлович, — сказал Иосиф Виссарионович, — поздравление ЦК партии по случаю вашего пятидесятилетия вы уже получили, а сейчас лично хочу поздравить вас.

И Сталин крепко пожал мне руку.

— Спасибо, Иосиф Виссарионович.

В тот день мы долго беседовали. Вспоминали гражданскую войну, ожесточенные бои под Царицыном… Сталин был веселый, то и дело задавал вопросы. Когда я уходил, он сказал:

— Семен Михайлович, у нас ведь с вами давняя боевая дружба, а фотокарточки вашей не имею, может быть, подарите?

Я не растерялся:

— А вы мне свою?

— Пожалуйста, Семен Михайлович.

Сталин тут же извлек из стола свою фотокарточку и написал: «Создателю Красной конницы, другу и товарищу Семену Михайловичу Буденному от И. Сталина. 11.5.33 г.».

Этот портрет с надписью и поныне висит в рабочем кабинете

маршала Буденного. Буденный всегда самокритично относился к своей деятельности. На одном из расширенных заседаний Реввоенсовета СССР, посвященном рассмотрению итогов боевой подготовки РККА в 1928–1929 годах, наркомвоенмор Ворошилов, оценивая подготовку кавалерии, высказал ряд критических замечаний: конная артиллерия действует не тогда, когда нужно, ею не умеют управлять; действия пулеметчиков — один «сплошной позор», порой пет ближней и дальней разведки, нет охранения в походе…

Эта критика и недостатки, выявившиеся на учениях и маневрах, помогли Буденному внести коррективы в организацию боевой подготовки кавалеристов, изыскивать новые пути их обучения и воспитания. Буденный часто выезжал в части, инспектировал штабы, оказывал помощь командирам, политработникам. В Москву он приезжал лишь на короткое время по неотложным делам.

3

В это время в особенно тесном контакте Буденный работал с начальником штаба Красной Армии А. И. Егоровым. Нередко вместе они выезжали в военные округа — Белорусский, Киевский, проводили учения в лагерях Московского военного округа. Однажды после Майского праздника 1932 года Егоров пригласил Буденного в штаб и передал ему приглашение Горького. Горький и Буденный встретились на Красной площади.

— Мне, Алексей Максимович, очень понравилась пьеса В. Вишневского «Первая Конная». Правдиво написано.

— Да, вещь получилась хорошая, — поддержал его Горький. — Ваш боец хорошо воевал и правдиво отобразил это в своей пьесе.

— А вот «Конармией» Бабеля я недоволен, — сказал Семен Михайлович. — Многим командирам и политработ— пикам Первой Конной эта книга не понравилась. Бабель не мог, не имел права умолчать о том, что Конармия — армия революции, а ее бойцы — верные сыны Советской Республики. Как только рассказы Бабеля появились в печати, в Реввоенсовет республики, редакции центральных газет и лично мне стали приходить письма с резким протестом. В письмах говорилось, что автор неправдиво освещает жизнь конармейцев, умышленно обобщает частные недостатки в Конной Армии. Вот один из документов тех лет. — И Семен Михайлович подал лист бумаги Горькому.

«Протокол № 1 общего собрания командного и политического

состава 1-й Особой кавалерийской бригады от 4 января 1925 г. Москва. Ходынка.

Повестка дня: «Взгляды комполитсостава 1-й Особой кавбригады на рассказы гр. Бабеля, опубликованные в третьей книжке (апрель — май 1924 г.) журнала «Красная новь» из книги «Конармия».

Слушали: доклады тт. Галиева, Славского. Выступили: тт. Черкасов, Соколов, Медведев и другие. Как докладчики, так и выступающие единодушно отмечали, что рассказы Бабеля о Конармии — это пасквиль на 1-ю Конную армию. В рассказах нет ни одного положительного бойца или командира, которому подражали бы другие. Бабель, взявшись писать о Конармии, не мог, не имел права умолчать о том, что эта армия — армия революции, а ее бойцы — верные сыны Советской Республики, им дороги свобода и независимость, и поэтому они решительно громили врага…» Примерно те же мысли были отражены в резолюции собрания командного и политического состава 3-й бригады 10-й Майкопской кавдивизии имени Коминтерна молодежи и в других письмах… Трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР Е. П. Славский позже писал: «Я вспоминаю, как ревниво оберегал славу, авторитет и высокие морально-политические качества конармейцев, добытые ими в боях за власть Советов, ее командарм Семен Михайлович Буденный. Это он поддержал инициативу личного состава нашей кавбригады, выступившего после опубликования первых глав из книги И. Э. Бабеля «Конармия» с резким протестом. Многие конармейцы считали, что писатель тенденциозно показал жизнь и быт Конармии, обобщая частные недостатки… В январе 1925 года, выступая с докладом на общем собрании командного и политического состава 1-й Особой кавалерийской бригады, я подчеркивал, что в рассказах Бабеля о Конармии не показан ни один положительный боец или командир. А ведь наша армия — детище революции, ее бойцы — верные сыны Советской Республики, защищавшие ее свободу и независимость. Все выступавшие поддержали меня». Когда Всеволод Вишневский написал свою знаменитую пьесу «Первая Конная», Буденный дал ей высокую оценку. «Мне хочется указать на то, — писал Семен Михайлович, — что только пулеметчик Вишневский, боец Первой Конной, один из могучего коллектива ее героев, смог создать эту вещь — конармейскую… Боец рассказал о бойцах, герой — о героях, конармеец — о конармейцах». (Из предисловия ко 2-му изданию «Первой Конной», 1930 г. — А. З.). Перед этим, 30 марта 1930 года, Вишневский писал в Москву Буденному: «1) Результаты работы

оценены ленинградской прессой отлично. Прилагаю вырезки из 3 главных ленинградских газет: «Лен. правда», «Красная газета» и «Вечерняя газета». 2) В провинции пьеса пошла. Ставит Казань, готовится Днепропетровск, Винница и др. Я отказался от платных договоров — пусть так, только бы давали как следует, верно… 3) МХАТ — один из лучших театров СССР — 20 марта решает вопрос о постановке «Конной». Пьесу они затребовали у меня телеграфно и уже прочли. Впечатление благоприятное — о чем телеграфировал мне сегодня директор МХАТа т. Шейтц. То, что можно сделать в условиях МХАТа, по мысли — огромно… 5) Пресса начинает разбор книжки. Шлю рецензию т. Перцова из «Комс. правды». 6) Поскольку т. М. Горький стал участником спора вокруг книги Бабеля «Конармия» и поскольку пьеса есть и бойцовский ответ Бабелю — я посылаю ее т. М. Горькому. Пусть он выслушает слово бойца и пусть узнает о конниках то, чего еще, наверное, не знает…» И действительно, Вишневский послал Горькому свою пьесу «Первая Конная». И вскоре получил ответ от него. «Пьесу Вашу, т. Вишневский, я уже прочитал раньше, чем Вы прислали мне ее, — писал Алексей Максимович. — Хотел написать Вам — поздравить: Вы написали хорошую вещь… и хороша она именно тем, что написана в повышенном, «героическом» тоне… По поводу книги Бабеля «Конармия» Вс. Вишневский писал: «Бабель… односторонне, искривленно показал нас, буденновцев… Несчастье Бабеля в том, что он не боец. Он был изумлен, испуган, когда попал к нам, и это странно болезненное впечатление интеллигента отразилось в его «Конармии». Дмитрий Фурманов вслед за Вишневским отмечал: «Нет массы. Нет подлинных коммунистов. Побудительные стимулы борьбы мелки». В 1957 году пьеса Вс. Вишневского «Первая Конная» была поставлена в Театре имени Ленинского комсомола. Семен Михайлович не раз встречался с заслуженным артистом РСФСР А. Вовси, который исполнял роль Буденного. В апреле 1933 года, когда Буденный отмечал свое 50-летие, Вс. Вишневский писал ему: «Помню Воронеж, помню Касторную, Сватово, ход на Ростов, на Тихорецкую — и всегда с нами наш командарм. И помню приказ: «Конная армия всегда была грозой неприятелю, любовью и надеждой трудящихся…» Донес память о всех боях, о командарме до наших дней и написал «Первую Конную». Семен Михайлович, в случае, скомандуйте: «По коням!» — и придет в Конную вдесятеро больше, чем раньше. Годы рубить не мешают!» Однажды Горький пригласил Буденного в Союз писателей. В тот день писатели Москвы слушали «самого блестящего кавалерийского начальника в мире». Горький пожал Семену Михайловичу руку и, улыбаясь в усы, сказал:

— Говорить вы умеете. Ярко, по-народному, с юмором. Некоторым нашим литераторам как раз и не хватает простоты языка. Я считаю ваш призыв — писать о Красной Армии, писать правду — очень важным. Так и передайте председателю Реввоенсовета Клименту Ефремовичу Ворошилову. Я уже говорил с ним, он в обиде на писателей. Мало пишут о Красной Армии, до обидного мало. И моя тут вина…

Завязалась беседа о писателях, о книге Фурманова «Чапаев» и о нем самом. Горький сказал, что у Дмитрия Фурманова был живой ум, он много видел на войне и сумел ярко показать это в своем произведении.

— Я часто встречался с ним, — сказал Семен Михайлович. — Фурманов рассказывал о своих планах, говорил, что считает своим долгом писать о бойцах Красной Армии, которые совершили так много подвигов. А вы знаете, Алексей Максимович, — оживился Буденный, — один поэт, сейчас уже не помню кто, написал обо мне поэму. Получилось невесть что. Ну Фурманов и раскритиковал ее…

Поэму о Буденном написал поэт Д. Петровский. Фурманов вспоминал: «Он (Д. М. Петровский) написал большую поэму «Буденный». Пришел ко мне за книжкой, читал поэму. Работал все время с футуристами… Некоторые места потрясающи. Но цельности нет, только места. Говорили мы часа полтора, и что же: он бросит эту поэму и напишет новую — так, как я ему говорил: цельно, реалистически, чтобы связь была через всю поэму, чтобы логика реально-художественная была соблюдена: тогда он эту новую мне прочтет… Я хотел только одного: помочь ему верно охватить Буденного, буденновцев и характер его походов».

— Вот видите, взялся человек писать о Буденном, а его-то небось и в глаза не видел, — подхватил Горький.

— Не видел, факт! — подтвердил Семен Михайлович.

В 1933 году в Москве состоялся I Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Буденный выступил на съезде с большой речью. «Вы знаете, товарищи, что сейчас под руководством Максима Горького пишется «История заводов», — обратился Семен Михайлович к делегатам съезда. — То же самое нужно сделать и в отношении сел и колхозов. Нужно записать их революционные заслуги, революционную деятельность, описать героические подвиги тех бойцов, которые в годы гражданской войны сражались в рядах партизан, красногвардейских отрядов, в Красной Армии. Нужно начать писать историю сел и колхозов, чтобы на этой истории воспитывать наше молодое поколение, чтобы оно дало достойных бойцов нашей социалистической Родине…»

Речь Буденного понравилась Горькому, и он откликнулся на нее статьей «История деревни». «Среди прекрасных речей на съезде колхозников, — писал Алексей Максимович, — среди множества ценных пожеланий и предложений, высказанных хозяйками и хозяевами Союза Советов, было отмечено дружными аплодисментами предложение товарища Буденного…» Писатель увидел в нем возможность воспитания советской молодежи на революционных и боевых традициях народа. «Это весьма ценная и своевременная идея, — отмечал Горький, — и она уже, как говорят, «носится в воздухе»… Товарищ Буденный отлично указал, для чего требуется это знание. Но, кроме еще более крепкой организации сопротивления врагам, кроме самообороны оружием, нам необходима оборона посредством знания. Нужно, чтобы молодежь знала, в какой страшной темноте, в какой нищете, в каком унижении жили ее деды и отцы, какую массу крови и энергии затратил рабочий класс на борьбу за освобождение деревни из ежовых рукавиц помещиков и кулаков, из крепких сетей нищенской, единоличной собственности, которая делает людей врагами друг другу…» Далее Горький подчеркнул, что «значение истории деревни будет гораздо шире, глубже, если поставить ее в масштабе всесоюзном, и что к этой работе необходимо привлечь колхозную молодежь».

Много внимания уделил Буденный в своем выступлении вопросам кадровой политики.

— Тут говорили о том, что у нас есть группа людей — «честных болтунов». У нас есть еще и другая группа людей — «шатунов», которые шатаются целую пятилетку напролет, ничего не делают и только ездят по железным дорогам и получают подъемные. В одном месте такой человек наделает дел, потом переезжает в другое, и так без конца. А я считаю, что, если человек провалился в одном месте, нужно об этом сказать, чтобы и на новом месте о его ошибках знали. А если он повторяет свои ошибки, тогда его вовсе не надо допускать к ответственной работе.

На XVII съезде ВКП(б) Буденного избрали кандидатом в члены ЦК партии, а К. Е. Ворошилов стал членом Политбюро. Кандидатами в члены ЦК были избраны также В. К. Блюхер. И. С. Уншлихт, М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров и И. П. Уборевич.

В 1934 году ЦИК СССР принял постановление об упразднении Реввоенсовета республики и переименовании Народного комиссариата по военным и морским делам в Народный комиссариат обороны (НКО) СССР. В наркомате на Буденного возложили несколько обязанностей. Он был членом Военного совета при Народном комиссариате обороны, председателем

высшей аттестационной комиссии командного состава, инспектором кавалерии.

20 ноября 1935 года за выдающиеся заслуги в деле руководства войсками Буденный в числе первых был удостоен высокого воинского звания — Маршала Советского Союза.

Михаил Кольцов, характеризуя первых маршалов Советского Союза, в газете «Правда» писал, что Климент Ворошилов — «пролетарий до мозга костей. Его соратник в седле и за штабным столом, чудесный самородок, народный герой, поднявшийся из крестьянских низов, овеянный легендой Семен Михайлович Буденный — разве его врожденное умение руководить огромными конными массами не вписало его имя навсегда в историю?»

4

В мае 1937 года Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин, пригласив в Кремль работников Наркомата обороны, высказал свое беспокойство тем, что в Красной Армии боевая учеба еще далека от современных требований, медленно осваивается новейшая техника, не уменьшается число чрезвычайных происшествий. Особенно это касалось Московского военного округа.

— Чем вы это объясните, товарищ Ворошилов? — строго спросил Сталин.

— Неподготовленностью людей, товарищ Сталин, — ответил нарком Ворошилов. — Идет массовый призыв. Части еще только сколачиваются. А в период реорганизации издержки неизбежны.

— А что скажете вы, Семен Михайлович? — Сталин закурил трубку.

Буденный поддержал наркома, сказав, что в армию молодежь приходит в основном с начальным образованием — шесть-семь классов — и ей нелегко в короткий срок изучить сложную боевую технику, овладеть навыками в ее использовании.

— Даже кавалеристов и тех нелегко обучить, — добавил Буденный.

Сталин согласился. Конечно, сказал он, потребуется определенный срок, чтобы обучить молодых бойцов. Это аксиома. Вопрос о том, какое время. В Европе идет война. На Испанию гитлеровцы смотрят как на полигон. Проверяют там в боях самолеты, танки, тактику.

— Мы не можем растягивать сроки обучения. Надо резко повысить напряжение в учебе, — продолжал Сталин. — Учить красноармейцев в обстановке, максимально приближенной к

боевой, непосредственно на местности, с преодолением водных и других рубежей, приучать к действию в ночное время. Вырабатывать у бойцов инициативу, смекалку. А на учениях чаще практиковать стрельбу боевыми снарядами.

— Есть предложение прежде всего укрепить руководство округа, — Сталин посмотрел на Буденного. — Рекомендуем назначить командующим округом Маршала Советского Союза Буденного. Как вы, Семен Михайлович?

Буденный встал.

— Сидите, сидите, — сказал Сталин. — Повторяю: Московский округ — особый, и ЦК партии возлагает на вас, Семен Михайлович, большие надежды.

— Постараюсь оправдать доверие партии, — ответил маршал.

Вскоре последовал приказ народного комиссара обороны, и 6 июня 1937 года Буденный приступил к исполнению новых обязанностей с освобождением от должности инспектора кавалерии.

Первое, с чего начал Буденный, — провел инспектирование ряда дивизий. Оно выявило много недостатков. Особенно слабо была поставлена в округе специальная подготовка командного состава. Занятия по тактике в ряде частей велись бесплановo, в отрыве от боевых задач. Не везде боролись за крепкую воинскую дисциплину, организованность и порядок.

В ноябре наша Родина отмечала 20-ю годовщину Октября, и к этому времени войска округа добились определенных успехов в боевой и политической подготовке. В статье «Грозная сила», опубликованной в праздничном номере «Красной звезды», 7 ноября, маршал писал о том, что вместе со страной на новую ступень поднялась и Красная Армия. Произошли качественные изменения в пехоте и коннице, в артиллерии, авиации и других родах и видах войск. Серьезным экзаменом на боевую зрелость для частей округа явились осенние тактические учения. Рост в учебе показали артиллеристы, отмечал Буденный. Крупных успехов добились они в огневой подготовке, в освоении новых методов и видов стрельб. На Всеармейских стрелково-артиллерийских соревнованиях подразделения артчастей Московского военного округа заняли пять классных мест, а по некоторым видам стрельб — первые места в РККА. Имеются подразделения, которые целиком состоят из снайперских расчетов. Танкисты также искусно владеют своей боевой техникой и умело взаимодействуют. Войсковая авиация добилась хорошей огневой подготовки. На всех учениях она успешно взаимодействовала с наземными войсками…

В декабре 1937 года началась первая избирательная

кампания по выборам в Верховный Совет СССР. Буденный был выдвинут кандидатом в депутаты трудящимися Шепетовского избирательного округа Украинской ССР. Маршал побывал в тех местах, где Первая Конная армия громила белогвардейские и махновские банды. Встречался с избирателями, выступал на предвыборных собраниях. Рассказывал о достижениях страны, о напряженной международной обстановке, о назревающей повой войне, о мерах, какие принимают партия и правительство по укреплению обороны социалистического государства.

На первой сессии Верховного Совета Буденного избрали членом Президиума Верховного Совета СССР. Прямо с заседания в Кремле, не заезжая домой, Буденный уехал в штаб округа. Это было в семь часов вечера. А в два часа ночи по боевой тревоге вместе с начальником штаба округа комбригом А. И. Антоновым они направились к танкистам, у которых начиналось зимнее учение с боевыми стрельбами. Узнал об этом нарком обороны Ворошилов и сказал: «Узнаю командарма Первой Конной, ни свет ни заря он спешит в войска. Таких командиров бойцы любят сердечно!»

В 1938 году Военный совет округа завершил перевод всех частей и соединений округа на штат кадровых. Вместе с начальником штаба А. И. Антоновым Буденный разработал новую структуру дивизий. При этом учитывались особенности современных боевых действий, опыт проводимых маневров и учений, а также организационное строение армий зарубежных стран. Буденный брался за все новое, передовое. Порой внедрять новое было весьма нелегко, но, не боясь ответственности, маршал шел на это важное и нужное дело. И когда в Наркомате обороны зашел разговор о формировании авиадесантных частей, Семен Михайлович взял на себя смелость начать это дело в округе. Вскоре ему удалось создать три боеспособных авиадесантных полка. А к концу 1938 года он наметил комплектование еще трех парашютно-десантных батальонов.

21-29 ноября в Наркомате обороны подводились итоги боевой подготовки РККА за 1938 год и ставились задачи на 1939 год. Нарком обороны высоко оцепил боевую подготовку Московского военного округа.

Буденный глубоко вникал в боевую подготовку личного состава, своевременно делал необходимые выводы. Так было и с проверкой готовности войск противовоздушной обороны, особенно по охране Москвы с воздуха. Командующий, штаб округа провели колоссальную работу, проинспектировав все основные части ПВО; состоялось несколько учений, на которых отрабатывалось взаимодействие авиации с наземными войсками

ПВО. Командующий пришел к выводу о необходимости создания штаба группы для более оперативного руководства подготовкой истребительной авиации. Нарком обороны все одобрил, заметив, что это, безусловно, улучшит подготовку летчиков.

— А план рассредоточения авиации по аэродромам подготовили? — спросил вдруг Ворошилов.

Буденный доложил: да, подготовили, Военный совет уже знакомился с этим планом и в целом одобрил его.

— Наркомат обороны пошлет в округ свою комиссию с целью проверки первого корпуса ПВО, — сообщил Ворошилов.

И такая проверка состоялась в августе. Комиссия НКО была весьма требовательной. Результаты проверки были обсуждены на заседании Военного совета. На нем присутствовал первый секретарь МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков. По докладу комиссии Военный совет принял специальное решение, в котором просил Наркомат обороны сформировать четыре дивизиона ПВО для обеспечения обороны московских электроцентралей (Кашира, Шатура, Сталиногорск, Павлово-Посад); форсировать введение на вооружение частей ПВО крупнокалиберных зенитных орудий и пулеметов; ускорить перевооружение оптики зенитной артиллерии на более мощную; укомплектовать до штата части ПВО Москвы зенитными прожекторами и аэростатами заграждения (положено 324 прожектора, а имелось только 156, вместо 216 парных аэростатов боеспособных было только 15); увеличить число искателей в зенитно-прожекторных частях до нормы; реорганизовать 1-й полк ВНОС в бригаду; увеличить количество постов ВНОС с 70 до 200. Кроме того, Буденный предлагал: для усиления и улучшения системы ВНОС Москвы предусмотреть на военное время развертывание 7-го батальона ВНОС (90 постов); изучить возможность применения для службы ВНОС небольших дирижаблей, которые крайне полезны для наблюдения за воздухом в условиях слоистой облачности, тумана, на большой высоте; выделить для этого опытные образцы дирижаблей, связать КП ПВО Москвы с основным и оперативными аэродромами истребительной авиации, отстраиваемыми в 1939 году; ходатайствовать перед правительством СССР о проведении в первой половине октября учений по ПВО в Москве с развертыванием всех средств по плану и с привлечением населения.

Почти все эти и другие предложения (за небольшим исключением) Наркомат обороны принял. Претворение их в жизнь во многом подняло боевую готовность частей ПВО столицы. Особенно большое значение имело усиленное развитие истребительной авиации и зенитной артиллерии, что намного

повысило возможности системы ПВО округа.

«Вскоре мы убедились, — писал Буденный, — что качество подготовки войск ПВО округа было высоким. В 1939 году в боях в районе реки Халхин-Гол приняли участие два дивизиона 191-го зенитного артполка из нашего округа. Личный состав этих полков, прибывший в распоряжение командующего Забайкальским фронтом, успешно выполнил свои боевые задачи».

По свидетельству Буденного, объем работ по созданию принципиально новых Вооруженных Сил, способных противостоять не только армии любого капиталистического государства, но и блоку государств, был поистине громаден. Для лучшего руководства этой работой в марте 1938 года был создан Главный Военный совет. В него вошли К. Е. Ворошилов (председатель), И. В. Сталин, В. К. Блюхер, С. М. Буденный, Е. А. Щаденко, Б. М. Шапошников, и И. Ф. Федько и другие. Секретарем совета был заместитель начальника Генерального штаба комкор К. А. Мерецков. На заседаниях Главного Военного совета рассматривались наиболее важные, узловые вопросы обороны страны, строительства армии и флота.

«Работать приходилось очень напряженно, — писал Буденный. — Только за 1938 год мы обсудили свыше восьмисот вопросов, охватывающих самые различные стороны жизни и деятельности Красной Армии».

В июле 1938 года очередное заседание Главного Военного совета проходило в Кремле, в кабинете Сталина. Обсуждался вопрос об освоении дальних бомбардировщиков (ДБ-3) на Дальнем Востоке. Докладывали военные летчики Коккинаки и Бряндинский. На это заседание были приглашены нарком оборонной промышленности, главный конструктор Ильюшин, командующий 1-й авиационной армией В. С. Хользунов и другие. «Помню, — писал впоследствии маршал Буденный, — Сталин дотошно расспрашивал Ворошилова и Мерецкова, как они расценивают новейшие виды авиационной техники. Климент Ефремович оптимистически отнесся к испытаниям самолетов, сказав, что эти образцы в процессе эксплуатации будут и дальше совершенствоваться.

— Нельзя ведь сразу дать летчикам машину, прекрасную во всех отношениях, — заявил он сердито.

Сталин прищурил глаза.

— Вы так думаете? Нет уж, товарищ Ворошилов, правительство не может согласиться с подобным утверждением. Оно опасно. Хорошие самолеты нам нужны сейчас. Так что не будем себя успокаивать — когда-то и что-то появится…

Ворошилов заверил Сталина, что опыт использования ДБ-3 на

Дальнем Востоке будет изучен во всех деталях».

В предвоенные годы наше правительство, отмечал маршал Буденный, уделяло весьма серьезное внимание вопросам обучения войск. В одном из приказов по войскам Московского военного округа прямо указывалось, что «перед лицом нарастающей военной угрозы социалистическому государству со стороны озверевших фашистских орд мы вышли на поля родной страны для очередной проверки своей боевой подготовки». (Этот приказ был подписан маршалом Буденным. — А. З.) «Мы учили войска смело смотреть опасности в глаза, призывали бойцов быть готовыми встретить врага во всеоружии».

В эти годы совершенствовалась и партийно-политическая учеба личного состава войск РККА, ее формы и методы. На заседании Главного Военного совета 11 декабря 1940 года, в котором активное участие принял Буденный, рассматривался образец красноармейского политучебника. Докладывал начальник управления пропаганды Главного Политического управления РККА дивизионный комиссар Гуревич. Совет признал, что учебник сложен по содержанию, велик но объему — 25 печатных листов, — и предложил коренным образом переработать его, дать книге популярное изложение политики Коммунистической партии и Советского правительства. Объем уста повили не более десяти печатных листов.

Когда заседание уже закончилось, нарком обороны Тимошенко, обращаясь к Буденному, сказал:

— Красноармейцам учебник готовим, вот как народ вырос, а мы-то в гражданскую, Семен Михайлович, грамоте в походах учились.

На это А. А. Жданов заметил:

— Другое время, товарищи. Бойцы у нас отважные, хорошо подготовленные в военном отношении. А вот политические знания у них слабые. И очень важно, чтобы каждый боец, я уже не говорю о командирах, умел разбираться в политической обстановке. В политической зрелости воинов — сила и непобедимость Красной Армии.

Обязанностей по службе у командующего войсками Московского военного округа маршала Буденного стало больше: по совместительству его назначили заместителем наркома обороны (с 1935 года он был еще членом коллегии Наркомзема).

Буденный много сил и энергии отдавал внедрению новой техники и оружия в войска. Он встречался с конструкторами, поддерживал их замыслы, оказывал практическую помощь, нередко вместе с ними испытывал новейшее оружие и технику. Правда, не всегда у военных конструкторов все получалось, по

маршал всегда их поддерживал. Летом 1939 года Буденный участвовал в испытании новой автоматической пушки, которая была очень нужна войскам. Испытания проводились на полигоне под Москвой. Эту пушку калибра 76 миллиметров сделал конструктор В. Г. Грабин, которого Буденный хорошо знал. До этого конструктор пережил тяжелую неудачу. Он сконструировал 76-мм пушку Ф-22, однако на испытаниях комиссия под председательством инспектора артиллерии Красной Армии Н. Н. Воронова выявила ряд серьезных дефектов, и Грабину предложили доработать ее. На повторных испытаниях, проводившихся под руководством помощника начальника Генерального штаба М. В. Захарова, впоследствии Маршала Советского Союза, вновь выявились дефекты. Тогда Буденный лично побывал в мастерской конструктора Грабина, выслушал его просьбы, оказал необходимую помощь. Через полгода Грабин представил новую пушку. На этот раз испытания прошли удачно. Буденный тут же поздравил конструктора. Пушка обладала хорошими тактико-техническими данными: скорострельность до 25 выстрелов в минуту, дальность — 14 километров, вес системы — 1480 килограммов; из нее можно было вести прицельный огонь как по наземным, так и по воздушным целям. В годы Великой Отечественной войны пушка Грабина была лучшей среди других систем.

Для снабжения Красной Армии требовалось много шерсти и шелка. Однако промышленность вырабатывала их в то время недостаточно. Остро встал вопрос о том, чтобы найти заменитель для этих материалов. И 10 июня 1939 года Буденный направил заместителю председателя экономического совета при Совете Народных Комиссаров СССР А. И. Микояну письмо, в котором сообщал о новом синтетическом искусственном волокне «нейлон», выпущенном одним американским концерном. Это волокно в иностранной печати характеризовалось как исключительно прочное — по крепости и эластичности превосходит натуральный шелк, устойчивое к влажности и температуре. Волокно могло стать ценным заменителем шерсти и шелка, а его производство базировалось бы целиком на отечественном сырье, освобождая страну от импорта «тонкого лоскута» (искусственной шерсти). «Полагал бы необходимым, — писал Буденный, — дать указание соответствующим наркоматам (Наркомхимпрому и Наркомтекстильпрому) и Академии наук СССР о необходимости всестороннего изучения научно-исследовательским институтом свойств и состава волокна «нейлон» с целью разработать промышленностью его получение и освоение нашей текстильной промышленностью».

На другой день Анастас Иванович позвонил маршалу и сказал, что письмо обсуждалось на заседании. Изучением волокна уже занялась Академия наук СССР.

У Семена Михайловича с Микояном сложились хорошие, деловые отношения еще в 1921 году, когда Буденный работал в Ростове-на-Дону. В то время А. И. Микоян — секретарь Юго-Восточного Бюро ЦК РКП(б) — всячески поддерживал усилия командования округа, направленные на повышение боеготовности войск округа. В Москве он также чутко относился к нуждам Наркомата обороны к обеспечению Красной Армии всем необходимым. Буденный в то время занимался вопросами материального обеспечения войск. И так случилось, что в военных округах за 1937, 1938 и 1939 годы появилась большая задолженность государству главным образом за отпущенный Главвоенстрою продфураж. Маршал написал А. И. Микояну, что повторяющаяся из года в год задолженность целиком падает на кредиты продслужбы РККА, отягощает их, создает финансовые затруднения в армиях, округах, ставит под прямую угрозу нормальную реализацию плана снабжения продовольствием и фуражом РККА в целом. «В связи с изложенным, — писал Буденный, — прошу: а) задолженность 1937 года в сумме 106 260 тысяч рублей со строительных батальонов списать и б) обязать наркоматы и Главвоенстрой задолженность 1938 года и первого квартала 1939 года немедленно покрыть за счет имеющихся в их распоряжении средств и в дальнейшем таковую не допускать.

Одновременно с этим прошу также указать Наркоматам и Главвоенстрою, что получение продфуража со складов НКО должно производиться строительными батальонами только по предъявлении квитанции, свидетельствующей о том, что стоимость получаемого продфуража оплачена».

Микоян доложил об этом документе на заседании Совета Народных Комиссаров, и вопрос был решен положительно. Ворошилов по этому поводу пошутил: «Я же говорил, Семен Михайлович, что вам в Совнаркоме не откажут. А подпиши я это письмо — глядишь, в чем-нибудь урезали бы. Да, — добавил он, — Анастас Иванович Микоян по-государственному все решил. А вы уж теперь, как мой заместитель, следите, чтобы задолженности больше не было».

После этого разговора прошло некоторое время, маршал, однако, не забыл о своей просьбе и на одном из заседаний в Кремле подошел к Микояну и спросил, как идет дело с «нейлоном». Микоян улыбнулся в усы, сказал, что о письме заместителя наркома обороны он не забыл, держит на контроле, и уже вот-вот Красная Армия получит новые образцы искусственной

ткани, из которой даже можно будет изготовлять парашюты.

10 марта 1939 года открылся XVIII съезд ВКП(б). Съезд собрался в тот период, когда международная обстановка была до предела напряжена. В Европе бряцали оружием, вооружались до зубов, готовились к переделу карты мира немецкие и итальянские фашисты. В Китае ужо вела войну империалистическая Япония. Поэтому вопросам обороны страны съезд уделил большое внимание. О нарастании военной опасности и задачах партии говорил в Отчетном докладе ЦК И. В. Сталин. По военным вопросам выступили на съезде К. Е. Ворошилов, Н. Г. Кузнецов, И. Ф. Тевосян, Б. М. Шапошников, Г. М. Штерн и другие делегаты.

На съезде выступил я Буденный. Он говорил о том, что к XVIII съезду партии Рабоче-Крестьянская Красная Армия пришла неизмеримо выросшей и окрепшей. Воины страны социализма до конца верны присяге и до последнего дыхания преданы партии, своему народу, Советской Родине и рабоче-крестьянскому правительству.

— Мы должны помнить о том, — говорил маршал, — что современную войну выиграет то государство, которое имеет крепкий, незыблемый тыл, то есть где армия и народ — одно нерушимое целое. Такого государства за рубежами Советской страны мы не знаем. Государство, в котором армия и народ составляют одно целое, — это наше социалистическое государство рабочих и крестьян.

Сразу же после съезда партии состоялся организационный Пленум, на котором маршал Буденный был избран в состав ЦК.

Но было бы неверным утверждать, что в работе Буденного все шло хорошо. Были и неудачи. Их выявил вооруженный конфликт с Финляндией. Семену Михайловичу пришлось выслушать справедливую критику и в свой адрес.

В марте 1940 года состоялся Пленум ЦК, на котором были обсуждены итоги войны с Финляндией. Пленум заслушал самокритичные выступления К. Е. Ворошилова, С. К. Тимошенко, С. М. Буденного, Б. М. Шапошникова и других военачальников.

Пленум рекомендовал наркому обороны СССР провести расширенное заседание Главного Военного совета совместно с командующими армиями; членами. Военных советов армий, командующими корпусами и дивизиями, на котором сделать надлежащие выводы из опыта последних войн.

1 мая 1940 года состоялись парад войск на Красной площади и демонстрация трудящихся. Парадом командовал маршал Буденный, принимал его нарком обороны К. Е. Ворошилов. После парада Генеральный секретарь ЦК партии пригласил военачальников к себе на дачу. Речь зашла о сложности

управления промышленностью, о необходимости поставить у руководства всей оборонной промышленностью компетентное и авторитетное лицо. Сталин сообщил, что на этот пост будет назначен К. Е. Ворошилов, а пост наркома обороны займет маршал С. К. Тимошенко. А через неделю, 8 мая, на заседании Президиума Верховного Совета СССР, в котором принимал участие и член Президиума Верховного Совета СССР маршал Буденный, был принят Указ о назначении маршала К. Е. Ворошилова заместителем Председателя СНК СССР и председателем Комитета обороны при СНК СССР, а наркомом обороны — маршала С. К. Тимошенко. Буденный тепло поздравил своих бывших соратников по Первой Конной армии с высокими назначениями. Тимошенко поблагодарил его и, глядя на Климента Ефремовича, заметил:

— Не мне наркомом следовало быть, а Семену Михайловичу. И по возрасту он старше, и опыта у него больше.

Ворошилов, однако, возразил: у Буденного нагрузок хватает. А потребуется его помощь, он никогда не откажет.

Вскоре после этого Буденный был на докладе у наркома, и тот сообщил ему, что он отдал распоряжение о проведении в военных округах дивизионных тактических учений с боевой стрельбой.

— Первое такое учение будем проводить у вас, в Московском военном округе, — сказал нарком. — Где лучше?

Буденный предложил в Гороховецких лагерях. Нарком Тимошенко согласился с командующим, подчеркнув, что заодно он проверит боевую готовность войск округа. «Знаю, слышал от Ворошилова, что вы многое сделали в округе и все же хочу лично все посмотреть», — добавил нарком. «Мы наблюдали, как на практике проявляют себя положения артиллерийского устава, — писал об этом учении маршал К. А. Мерецков, — и каковы способности командиров различных степеней по организации боя и управлению подразделениями, частями и соединениями, а также боевую слаженность войск. Учение прошло поучительно». Во время боя с «противником» командующему Московским военным округом доложили, что танки пошли в атаку на позиции артиллеристов. Тогда маршал сел в головной танк и возглавил атаку. Все прошло как нельзя лучше, но в самый последний момент танк чуть не свалился в глубокий овраг, заполненный водой. Водитель, молодой танкист, видя рядом с собой маршала, растерялся и в дыму не смог быстро сориентироваться. На какое-то мгновение машина, задрав нос, повисла над оврагом, но тут же рванулась на обочину дороги. Нарком обороны, наблюдая за атакой, не заметил, как Буденный исчез. Он хотел отдать какие-то

распоряжения и, не найдя маршала, недоуменно пожал плечами. Когда Буденный вернулся, Тимошенко сердито бросил вполголоса:

— Кто вам разрешил участвовать в атаке?..

Нарком провел совещание командиров, на котором сделал обстоятельный разбор учения. Все пришли к общему заключению: учение оказалось очень полезным, такие учения необходимо провести во всех округах. Отмечалось также, что командующий округом умело руководил войсками. Казалось бы, тот злополучный эпизод уже забыт. Но вот взял слово Тимошенко. Дав учению высокую оценку, он вдруг взглянул на Буденного и сказал:

— А вам, Семен Михайлович, советую садиться не в танк, а быть на КП и руководить войсками. Это в гражданскую войну с шашкой наголо мы мчались за вами в атаку. Но те времена давно прошли, да и танк не лошадь.

Все, что сделал маршал Буденный на посту командующего Московским военным округом, по достоинству было оценено Советским правительством: в конце июля маршал Буденный был назначен первым заместителем наркома обороны СССР с освобождением от должности командующего Московским военным округом. Дела он сдал генералу армии И. В. Тюленеву, тоже бывшему соратнику по Первой Конной армии.

— Вот какие кадры вырастила Первая Конная! — с гордостью сказал маршал Тимошенко, поздравляя Семена Михайловича с новой должностью.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
В ЧАС ГРОЗНЫХ ИСПЫТАНИЙ

1

Наступил 1941 год. На страну надвигался час грозных испытаний. Фашистская Германия расширяла агрессию. Северная Франция была оккупирована гитлеровцами, а французская армия, деморализованная и подавленная, беспорядочно в панике отступала на запад и юг. Бельгия и Голландия лежали под ногами захватчиков. Буденный понимал, что передышка, полученная в результате пакта о ненападении, заключенного с фашистской Германией в 1939 году, не будет длительной, если учесть агрессивный характер германского фашизма. «Напряжение нарастало, — писал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, в ту пору начальник Генштаба. — И чем ближе надвигалась угроза войны, тем напряженнее работало руководство Наркомата обороны. Руководящий состав Наркомата и Генштаба, особенно маршал С. К. Тимошенко, в то время работали по 18–19 часов в сутки. Часто нарком оставался у себя в кабинете до утра». Развертывание Советских Вооруженных Сил в связи с угрозой фашистской агрессии, повышение их боевой готовности, проведение неотложных мер для укрепления Красной Армии и Военно-Морского Флота — эти и многие другие вопросы находились в центре внимания деятельности нашей партии. Необходимость укрепления Вооруженных Сил была глубоко обоснована в решениях XVIII съезда, XVIII партийной конференции, в ряде постановлений ЦК партии и правительства. В феврале 1941 года ЦК партии и правительство утвердили план мобилизации, на основе которого проводились крупные мобилизационные мероприятия. Весной был разработан Наркоматом обороны новый план обороны государственной границы… Развертывание армии проводилось энергично, но оно не было завершено к началу войны. Многие новые части и соединения не имели еще достаточного количества вооружения и боевой техники, особенно новых образцов. В середине июня, близко к полуночи, наркома обороны Тимошенко и его первого заместителя Буденного пригласили к Сталину. В кабинете уже находились Ворошилов, Молотов и Калинин. «Сталин бегло оглядел нас, — писал Буденный, — устало, в задумчивости прошелся по кабинету раз, другой, третий и остановился у карты.

— Меры, какие мы принимаем, чтобы предотвратить военный конфликт с Германией, не дают нужных результатов, — тихо сказал он. — Война неотвратимо приближается. Трагическая развязка вот-вот наступит. Людоед Гитлер не отказывается от своих планов завоевания мирового господства… Я думаю, мы предпримем еще один дипломатический шаг. Сделаем небольшое заявление в печати. Цель его, во-первых, дать понять Гитлеру, что нам известны его планы. Во-вторых, предупредить мировую общественность, что Гитлер собирается развязать войну, которая охватит все материки и континенты земного шара и в огне которой погибнут миллионы людей, прольются реки крови. В-третьих, вызвать Гитлера на откровенность.

— Он может промолчать, — заметил Тимошенко.

— Но тогда само молчание послужит красноречивым ответом, — сказал Калинин.

Сталин подал знак Молотову:

— Пожалуйста, зачитайте.

Вполголоса, делая характерные для него паузы после определенных слов, Вячеслав Михайлович начал читать «Сообщение ТАСС…».

14 июня сообщение ТАСС было опубликовано в печати. Ответа на него не последовало. Хорошо помню, как Сталин озабоченно сказал:

— Да, войны с Гитлером, кажется, нам не избежать».

Через несколько дней, 21 июня, произошло событие, которое особенно насторожило Буденного. Начальник Генштаба Жуков сообщил, что, по докладу начальника штаба Киевского военного округа генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева, к нашим пограничникам явился немецкий перебежчик-фельдфебель. Он заявил, что наступление немецких войск начнется утром 22 июня. Правда, выслушав доклад наркома обороны, Сталин высказал такую мысль: не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика. чтобы спровоцировать конфликт? Нет, ответил Тимошенко, считаем, что перебежчик говорит правду. Нарком предложил Сталину немедленно дать директиву командующим о приведении войск приграничных округов в полную боевую готовность. Однако Сталин возразил: такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Когда Жуков ушел составлять проект директивы, маршал

Буденный, глядя на Тимошенко, спросил:

— Неужели и ты, Семен Константинович, уверовал в то, что немцы щекочут нам нервы?

Тимошенко долго молчал, потом наконец выдохнул:

— Нет, Семен Михайлович, я верю, что это война. Не сегодня, так завтра. Но товарищ Сталин… — Он до конца не договорил, но Буденный его и так понял. Директива вскоре была готова, передачу ее в округа закончили лишь в 00. 30 минут 22 июня. В эту трагическую ночь Буденный находился в кабинете наркома обороны и помогал ему вести переговоры с командующими приграничных округов. И в это время пришло роковое сообщение, — в 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В. Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Несколько позднее фашистская авиация бомбила города Украины… Фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. 23 июня постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР была создана Ставка Главного Командования, куда вошел и маршал Буденный. Еще 25 июня из четырех армий Резерва Ставки была сформирована группа резервных армий под командованием Буденного. В нее вошли армии генералов И. С. Конева, П. А. Курочкина, В. Ф. Герасименко и Ф. А. Ершакова. На войска группы возлагалась задача отрекогносцировать оборонительный рубеж по линии Сущево — Новель — Витебск — Могилев — Жлобин — Гомель — Чернигов — река Десна — Днепр до Кременчуга, создать полосы заграждений. Ставилась задача остановить дальнейшее продвижение врага на этом оборонительном рубеже, а если потребуется, то и перейти в контрнаступление. Ночью, даже не успев проститься с семьей, Буденный выехал в Брянск, где разместился штаб. Прибыв на место, маршал сразу же включился в работу. Несколько дней войска вели ожесточенные бои. Однако враг, имея превосходство в живой силе и технике, особенно в танках, рвался вперед. 1 июля, когда обстановка резко осложнилась, резервные армии подчинили Западному фронту. Командующим назначили маршала С. К. Тимошенко. По его просьбе заместителем к нему были направлены маршал Буденный и генерал А. И. Еременко. В те дни у советского командования не было иною выхода, кроме как перейти к обороне на всем стратегическом фронте. Главное — задержать фашистские войска на оборонительных рубежах как можно дольше, чтобы выиграть время для подтягивания сил из глубины страны. Выиграть время! В эти тревожные дни Буденный не только организует оборону наших войск на подступах к Западной Двине и Днепру, но и занимается вопросами эвакуации

населения и промышленных объектов в глубь страны. 9 июня, на восемнадцатый день войны, Буденного вызвала на связь Москва. Звонили по ВЧ по поручению Сталина. «Вам необходимо срочно прибыть в Кремль», — коротко сказали ему. Вечером Буденный был в Москве. А на другой день узнал о перестройке системы стратегического руководства Вооруженными Силами. 10 июня Государственный Комитет Обороны преобразовал Ставку Главного командования в Ставку Верховного Командования. В состав Ставки вошли И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов, Б. М. Шапошников, генерал армии Г. К. Жуков (19 июля Сталин назначается народным комиссаром обороны, а 8 августа — Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил СССР. С этого времени высший орган стратегического руководства стал именоваться Ставкой Верховного Главнокомандования. — А. З.). В это же время, 10 июля, Семен Михайлович был назначен главкомом Юго-Западного направления, куда входили Юго-Западный и Южный фронты. Юго-Западным командовал генерал-полковник М. П. Кирпонос, а Южный фронт возглавлял генерал армии И. В. Тюленев. Напутствуя Буденного в дорогу, Сталин был краток: надо во что бы то ни стало защитить столицу Украины Киев. Буденный даже вздрогнул, когда Председатель ГКО, хмуря брови, добавил: «Отвечаете головой за Киев, так что думайте, как сдержать врага. Резервов пока у меня нет, и как бы ни было тяжело, не просите, напрасная трата времени». В тот же день Буденный прибыл в Киев. Позже Семен Михайлович писал: «Мы сорвали планы фашистов по захвату Киева. Гитлер приказал своим генералам с ходу захватить столицу Украины, но советские войска этого не допустили. Правда, на левом фланге Юго-Западного фронта гитлеровцам удалось прорвать оборону наших войск на Уманском направлении. Я почти все время находился на передовых позициях и видел, как мужественно и храбро сражались наши бойцы. Но у немцев было преимущество в танках и авиации, поэтому мы вынуждены были отходить на восток…» Сразу же по прибытии в Киев Буденный обратился к воинам Юго-Западного направления, призвав их сражаться насмерть, до последнего патрона. В тот же день он подготовил воззвание к рабочим, хлеборобам и интеллигенции оккупированных городов и сел Украины. «Братья и сестры! — указывалось в нем. — Я, Семен Михайлович Буденный, батрак станицы Платовской, в годы священной гражданской войны волею бойцов славной Рабоче-Крестьянской Красной Армии, волею большевистской партии и Советского правительства был назначен командармом Первой Конной армии, которая вместе со всей доблестной Красной Армией громила и разгромила интервентов и белогвардейцев.

Мне, бывшему батраку, теперь Маршалу Советского Союза, выпала честь — партия и правительство назначили меня Главнокомандующим войск Юго-Западного направления, чтобы разбить фашистскую гадину, освободить вас из-под гнета кровавых палачей-кровопийцев. Братья украинцы! Я обращаюсь к вам: поднимайтесь на борьбу с захватчиками, организуйте партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с фашистами! Беспощадно громите и уничтожайте тылы немецко-фашистских войск. Ни дня, ни часа не давайте им покоя! Уничтожайте их обозы, танки, пушки, самолеты, запасы с горючим, взрывайте и поджигайте мосты, организуйте аварии поездов, уничтожайте все переправы на пути фашистов, уничтожайте телефонную и телеграфную связь! Поджигайте леса, пусть живыми горят фашистские бандиты. Не оставляйте скот. Ни одного грамма хлеба, ни одного литра горючего не должно достаться фашистским людоедам! Все, что не может быть спрятано от фашистских разбойников, должно быть уничтожено. Создавайте нетерпимые условия для врага и всех его пособников. Преследуйте и уничтожайте их на каждом шагу, срывайте все их мероприятия… Сбейте спесь с немецких захватчиков, которые считают себя непобедимыми. Продолжайте и умножайте славные традиции Боженко, Щорса, Котовского, Пархоменко, которые беспощадно громили и уничтожали немцев в 1918 году… Все, как один, поднимайтесь на борьбу за Родину, за независимость, за честь и свободу! Проявляйте героизм, мужество, отвагу, смелость, инициативу и смекалку, присущие нашему народу! Вперед, к полному уничтожению фашизма! Победа будет за нами!» «Писатели и критики могут найти в этом тексте шероховатости, — говорил как-то Буденный. — Но я писал то, что было на сердце, чем тогда жил и что меня волновало. Эти листовки потом наши самолеты разбросали далеко в тылу, на оккупированной врагом территории. Мы хотели, чтобы наши люди знали правду, уверовали в то, что враг непременно потерпит поражение». В критические моменты боев под Киевом Буденный находился на командном пункте Юго-Западного фронта, не раз выезжал на передовые позиции. На рассвете 12 июля начальник штаба генерал-майор А. П. Покровский доложил ему, что положение на Юго-Западном фронте значительно ухудшилось. Он отправился на передовую. Главкома встретил командующий фронтом генерал— полковник М. П. Кирпонос, доложил обстановку. Фашистские танковые и моторизованные войска в районе южного сектора Новоград-Волынского укрепрайона заметно продвинулись вперед. Части 13-й танковой дивизии группы Клейста подошли к реке Ирпень — переднему

краю Киевского укрепрайона. До Киева осталось всего 20 километров. На правом фланге фронта вела бои 5-я армия генерала М. И. Потапова. В центре — 26-я, а на левом фланге сдерживали напор 17-й вражеской армии части 6-й и 12-й наших армий. Он, Кирпонос, приказал войскам удерживать занимаемые рубежи, не отступать ни на шаг…

— Так и действуйте, — сказал Буденный. — Передаю вам два стрелковых корпуса: двадцать седьмой — его две дивизии на подходе, и шестьдесят четвертый из Северо-Кавказского военного округа прибудет сюда чуть позднее. Это все, что пока могу сделать для фронта.

…Главком Буденный ехал в машине по пыльной дороге. С болью глядел он на толпы беженцев, люди шли группами и в одиночку, ехали на бричках. Справа, где дорога переходила в ржаное поле, пастухи гнали скот. Вдали горело село. Маршал невольно вспомнил годы гражданской войны, когда Первая Конная армия походным порядком шла этими местами на польский фронт. Тогда жители украинских сел и деревень с радостью встречали конармейцев, несли им хлеб, молоко. А теперь люди шли в скорбном молчании, они спешно эвакуировались, потому что знали — враг вот-вот прорвет линию фронта. У колодца машина остановилась: дорогу перекрыли крестьянские подводы. Бородатый мужчина в галифе и белой рубахе подошел к машине и пристально посмотрел на главкома, а потом воскликнул:

— Господи, так это же самолично товарищ Буденный! — Он подскочил к машине, попытался было открыть дверцы, у него это не вышло. Машину сразу же окружили люди. Тогда маршал вышел из автомобиля.

— Товарищ Буденный, — обратился к нему бородатый мужчина. — Как же это так, неужто германец сюда прискачет?

Люди притихли и ждали, что скажет маршал.

— У немца, товарищи, сейчас больше танков, и он напирает. Но я хочу вам сказать, мои дорогие, что Гитлеру мы голову скрутим. Это уж факт. Он напал на нашу страну внезапно, напал как бандит. Вы знаете, что Первая Конная армия, не знавшая поражений, разбила и Деникина и Врангеля на украинской земле. Била так, как призывал нас к этому наш вождь и учитель товарищ Ленин. Могу заверить вас в том, что и гитлеровцы будут разбиты. Что вам сказать сейчас? Старайтесь в полную силу трудиться в тылу, все для фронта, все для победы. И чтоб паники не было в ваших рядах, и чтоб каждый знал — мы, солдаты и маршалы Красной Армии, не отдадим нашу прекрасную Родину на поругание врагу. Гитлер будет разбит, победа будет за нами. Это

я вам говорю, Семен Буденный!..

2

Дорога свернула к селу, а там и неподалеку штаб армии. Главкома встретил начальник штаба Юго-Западного направления генерал А. П. Покровский. Хмурясь, доложил обстановку. Его слова: «Наши войска после упорного боя отступили», — покоробили маршала.

— Из Ставки ничего нет? — спросил он, стряхивая с кителя пыль.

— Ставка пока молчит. — Генерал достал из сумки какой-то листок. — Немцы сбросили листовки, болтают, что Гудериан через две недели будет на подступах к Киеву…

— Ладно, — прервал его Буденный, — я сам вижу, куда пошли танки Гудериана. Вот что, начштаба, срочно свяжитесь с командующим артиллерией фронта и отдайте приказ от моего имени — усилить огонь по передовым частям немцев. У Кременчуга сложилась критическая обстановка, надо поднять в воздух всю авиацию…

Наша авиация нанесла ощутимые удары по пехотным дивизиям врага на Кременчугском направлении. Примечательно, что 1 сентября Гальдер записал в своем дневнике: «Форсирование рек 100-й и 97-й легкими пехотными дивизиями даст возможность переправить на тот берег (у Кременчуга) еще три полка. Однако из-за превосходства противника в воздухе пока невозможно навести мост. Пока необъяснимо, с чем связан усиленный огонь артиллерии противника на северо-западном участке фронта у Киева…» Кстати, начальник штаба сухопутных войск гитлеровской Германии Гальдер в своем военном дневнике не раз упоминает имя маршала Буденного. Характеризуя обстановку на фронте на двадцатый день войны, Гальдер обеспокоенно пишет о том, что «русское Верховное Командование поставило во главе фронтов своих лучших людей: Северо-Западный фронт возглавляет Ворошилов, Западный — Тимошенко, Юго-Западный фронт — Буденный». Правда, Гальдер допустил ошибку, не фронты, а направления…

…Было два часа ночи. Далеко над Днепром полыхало зарево — там шел бой. Час назад главкому звонил генерал Кирпонос и с тревогой сообщил, что в ряде мест фронт прорван и немцы пытаются взять наши войска в клещи. Кирпонос просил прислать подкрепление. «Если можно, я вас убедительно прошу дать хотя бы сто танков, — клокотал в телефонной трубке голос

генерала. — Я понимаю, у вас, возможно, и нет танков, тогда шлите артиллерию…»

…Буденный склонился над картой. Танки Гудериана прорвали Брянский фронт и повели наступление на Конотоп и Чернигов. Нависла угроза над 5-й армией генерала Потапова. Становился очевидным замысел противника — обойти нашу киевскую группировку с восточного берега Днепра, взять ее в железные клещи. Однако Брянскому фронту, которому ставилась задача разгромить танковую группу Гудериана, этого сделать не удалось. У него, как потом выяснилось, не хватило сил. Докладывая маршалу Шапошникову, что противник охватывает с севера правый фланг Юго-Западного фронта, Буденный телеграфировал: «Я прошу вас вообще обратить внимание на действия Еременко, который должен был эту группу противника (речь идет о танковой группе Гудериана. — А. З.) уничтожить, а на самом деле из этого ничего не получилось… Мое мнение прошу доложить Верховному Главнокомандующему».

Прошла еще одна тревожная ночь. Буденный ни на минуту не сомкнул глаз. Вражеские танки уже ворвались в Ромны. Командование Юго-Западного фронта вынуждено было обратиться в Ставку с просьбой об отводе войск, чтобы избежать окружения. На просьбу командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М. П. Кирпоноса об отводе войск начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников ответил: «Ставка Верховного Главнокомандования считает ваше предложение пока преждевременным». Генерал-полковник Кирпонос о содержании своих переговоров доложил главкому Юго-Западного направления маршалу Буденному, который тут же обратился в Ставку к Сталину: «Военный совет Юго-Западного фронта считает, что в создавшейся обстановке необходимо разрешить общий отход фронта на тыловой рубеж. Начальник Генштаба маршал тов. Шапошников от имени Ставки Верховного Главнокомандования в ответ на это предложение дал указание вывести из 26-й армии две стрелковые дивизии и использовать их для ликвидации прорвавшегося противника из района Бахмач — Конотоп. Одновременно тов. Шапошников указал, что Ставка Верховного Главнокомандования считает отвод войск на восток пока преждевременным. Со своей стороны, полагаю, что к данному времени полностью обозначился замысел противника по охвату и окружению Юго-Западного фронта с направлений Новгород-Северский и Кременчуг.

Для противодействия этому замыслу необходимо создать сильную группу войск. Юго-Западный фронт сделать это не в состоянии. Если Ставка Верховного Главнокомандования, в свою

очередь, не имеет возможности сосредоточить в данный момент такой сильной группы, то отход для Юго-Западного фронта является вполне назревшим… Промедление с отходом Юго-Западного фронта может привести к потере войск и огромного количества мат— части».

Ответ из Ставки был неутешительный: «Киева не оставлять и мостов не взрывать…» Маршал Буденный надеялся, что Верховный Главнокомандующий поймет его тревогу, разрешит отвод войск во избежание окружения, но Сталин после доклада главкома переговорил с командующим Юго-Западным фронтом генерал-полковником Кирпоносом и требовательно заявил: «Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной вам реки кажется опасным».

— Что мне делать? — спрашивал главкома генерал-полковник Кирпонос.

— Сражаться до последнего, — ответил маршал.

В тот же день, 11 сентября, маршала Буденного известили, что решением Ставки он освобожден от должности главкома Юго-Западного направления и вместо него назначен маршал С. К. Тимошенко.

Вернувшись в Москву, Буденный сразу поехал в Кремль. Сталин принял его.

— Мне кажется, вы не все сделали, что требовалось. Да, согласен, что Еременко не смог остановить танковую группу Гудериана. Но ведь и у вас было немало войск?

— У нас почти не было танков, товарищ Сталин. И потом, я уверен, что… — Буденный увидел, как нахмурился Сталин, однако решительно продолжал: — Я уверен, что ваше решение вместо меня назначить главкомом Юго-Западного фронта маршала Тимошенко ничего не изменит. В самый критический момент, и вдруг смена главкома. Нет, я этого не понимаю. Конечно, ваш приказ для меня закон, но что это даст? Судьба Киева решена, его вот-вот возьмут гитлеровцы. Я же докладывал в Ставку и лично вам, товарищ Сталин, свои соображения, просил разрешить отвод войск, но… — И маршал развел руками.

Он ждал, что Сталин возразит ему, но тот долго молчал. А потом сказал:

— Ставка была уверена, что Брянский фронт нанесет чувствительный удар по танковой группе Гудериана. Еременко уверял меня, что он это сделает.

После того как Буденный сдал дела маршалу Тимошенко и прибыл в Москву, положение под Киевом еще более обострилось. 19 сентября наши войска оставили город. Последней уходила из Киева 37-я армия. 71 день сражались наши войска, обороняя

столицу Украины. По силы была неравны. Буденный очень переживал эту неудачу, хотя врагу и был нанесен огромный урон: Красная Армия в ожесточенных боях за Киев разгромила свыше десяти кадровых дивизий противника, он потерял более ста тысяч солдат и офицеров. Более месяца сдерживали советские войска группу армий «Центр» действиями на Киевском направлении. Это было очень важно для подготовки битвы под Москвой.

Вышел от Сталина Буденный удрученным. Он глубоко верил в свою правоту, считал, что Верховный Главнокомандующий недооценил обстановку под Киевом, не прислушался к его голосу. Чтобы как-то снять гнетущее напряжение, Буденный зашел в рабочую комнату генерала А. М. Василевского, Александр Михайлович сидел за столом и что-то чертил на карте. Увидев Буденного, встал, тепло пожал ему руку.

— Я все уже знаю, — упреждая доклад Семена Михайловича, сказал Василевский. — Считаю, что товарищ Сталин не все учел…

Спустя много лет, касаясь тех драматических событий, маршал Василевский писал, что вплоть до 17 сентября Сталин не только отказывался принять, но и серьезно рассмотреть предложения, поступавшие к нему от главкома этого направления Буденного, члена Ставки Г. К. Жукова, Военного совета Юго-Западного фронта и от руководства Генерального штаба. «Объяснялось это, на мой взгляд, тем, что он преуменьшал угрозу окружения основных сил фронта, переоценивал возможность фронта ликвидировать угрозу собственными силами и еще больше переоценивал предпринятое Западным, Резервным и Брянским фронтами наступление во фланг и тыл мощной группировки врага, наносившей удар по северному крылу Юго-Западного фронта. Сталин, к сожалению, всерьез воспринял настойчивые заверения командующего Брянским фронтом А. И. Еременко в безусловной победе над группировкой Гудериана. Этого не случилось. И Б. М. Шапошников и я с самого начала считали, что Брянский фронт не располагает для этого достаточными силами. Но, видимо, тоже поддались уверениям его командующего». Еще до сдачи дел маршалом Буденным Василевский и Шапошников были у Верховною Главнокомандующего с твердым намерением убедить его в необходимости немедленно отвести все войска Юго-Западного фронта за Днепр и далее на восток и оставить Киев, о чем докладывал Сталину главком Юго-Западного направления. «Разговор был трудный и серьезный, — писал маршал Василевский. — Сталин упрекал нас в том, что мы, как и Буденный, пошли по линии наименьшего сопротивления: вместо того чтобы бить врага, стремимся уйти от пего…» Маршал Г. К.

Жуков также отмечал: «Считаю, что Верховный Главнокомандующий был тогда не прав, требуя от командования Юго-Западного фронта удерживать фронт обороны западнее Днепра и западнее Киева до последней возможности…» Активный участник боев на Юго-Западном направлении маршал И. Х. Баграмян, анализируя причины поражения наших войск, писал: «Надежда Сталина на успех Брянского фронта в борьбе с танковой группой врага явилась одной из серьезных причин упорного нежелания Ставки начать во второй декаде сентября отвод войск Юго-Западного фронта».

3

В боевой биографии маршала Буденного командование Резервным фронтом заняло всего лишь 27 суток — он был назначен на эту должность 12 сентября 1941 года. Но эти сутки стоили ему огромных усилий, и позже, вспоминая то суровое время, он с удовлетворением говорил: «В обороне родной и милой моему сердцу Москвы есть и моя частица труда». На дальних подступах к столице вели оборонительные бои три фронта: Западный (командующий генерал— полковник И. С. Конев), Брянский (командующий генерал-лейтенант А. И. Еременко) и Резервный фронты. Всего в их составе к концу сентября насчитывалось около 800 тысяч бойцов, 782 танка и 6808 орудий и минометов, 545 самолетов. Гитлеровское командование развернуло на Западном направлении против трех наших фронтов 77 дивизий, в том числе 14 танковых и 8 моторизованных, и главные силы 2-го воздушного флота — более 1 миллиона человек, 1700 танков и 960 самолетов, свыше 14 тысяч орудий и минометов. Нетрудно подсчитать, что в численности войск, их вооружении противник имел значительный перевес. Приняв командование Резервным фронтом, Буденный в течение двух суток объезжал войска. С чувством горечи он признал, что хотя люди и горели желанием скорее идти в бой, однако большая их часть не обстреляна, не имела опыта ведения боев, и это, безусловно, снижало боеготовность войск Резервного фронта. В «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» говорится, что «Резервный фронт в основном был укомплектован запасными частями и соединениями народного ополчения. Части фронта почти не располагали автоматическим стрелковым оружием, им не хватало артиллерии, танков, а очень часто и обычных винтовок». Однако главное все же было в том, и это весьма

отчетливо понимал Буденный: противник имел в то время общее техническое превосходство. И все же маршал не падал духом. Воспользовавшись тем, что на фронте наступило относительное затишье — гитлеровское командование сосредоточивало свои силы для наступления, командующий фронтом все время проводил в войсках: проверял готовность артиллеристов, танкистов, летчиков к обороне. «Мы должны сделать все, чтобы не дать врагу прорваться к столице» — такими фразами обычно Буденный заканчивал свою беседу с воинами. На рассвете 2 октября группа армий «Центр» нанесла удары по войскам Резервного фронта. Гитлеровцы бросили в бой танки, авиацию. Несмотря на героические действия советских войск, противнику к исходу дня удалось вклиниться в расположение советских войск в стыке между 30-й и 19-й армиями, а также на левом фланге 43-й армии. Когда тапки противника прорвались в полосу 43-й армии, маршал Буденный находился в боевых порядках этой армии и тут же организовал оборону. По его приказу командарм 43-й армии перебросил на угрожаемый участок несколько орудий, и артиллеристы буквально с ходу в упор били по фашистским танкам. Вот загорелись один, другой, третий танки. Остальные повернули обратно. Высокий черноглазый сержант-артиллерист что было сил крикнул:

— Товарищ маршал, драпают фрицы! Аж пыль столбом!

Ночь прошла спокойно. А с рассветом 3 октября завязались ожесточенные бои. Немецкое командование бросало в сражение свежие силы. Критическое положение сложилось в полосе 43-й армии, левый фланг которой примыкал к правому крылу Брянского фронта. Буденный бросил в бой последние резервы, по задержать противника так и не удалось. 5 октября он доложил в Ставку Верховного Главнокомандования о том, что положение на левом фланге Резервного фронта создалось чрезвычайно серьезное. Образовавшийся прорыв вдоль Московского шоссе закрыть нечем. Фронт своими силами задержать противника на направлениях Спас-Деменск — Всходы (30 километров севернее Спас-Деменска. — А. З.) — Вязьма, и Спас-Деменск — Юхнов — Медынь не может. Маршал просил Ставку усилить удары авиации по прорвавшимся танковым частям противника и выдвинуть на направление прорыва резервы Главного Командования. В районе Вязьмы группировка наших войск попала в окружение. Оборвалась связь с командующим Западным фронтом И. С. Коневым и со Ставкой. На вездеходе под огнем врага Буденный рано утром 8 октября приехал в Малоярославец и с работниками штаба расположился в райисполкоме. Из докладов офицеров ему стало ясно, что слабо прикрыта или почти оголена Можайская

линия, поэтому танки вот-вот могут появиться под Москвой. Еще 5 октября Ставка разрешила войскам Резервного фронта отойти на рубеж Ведерники (25 километров восточнее Вязьмы) — Мосальск — Жиздра. И хотя Буденный выполнил это указание, облегчения ни ему, ни войскам не наступило. Теперь он размышлял, что еще можно сделать, чтобы вывести части войск из окружения. В это время дверь открылась и в комнату кто-то шумно вошел. Буденный обернулся. Это был Г. К. Жуков.

— Вот не ожидал! — обрадовался Георгий Константинович, здороваясь с маршалом.

Буденный, в свою очередь, был рад, что увиделся с Жуковым.

— Ты откуда? — спросил его Буденный.

— От Конева. Ему тоже там нелегко…

— А я двое суток не имею с ним связи, — сказал Семен Михайлович. — Вчера я находился в штабе сорок третьей армии, а штаб фронта снялся в мое отсутствие, и я не знаю, где он сейчас. А связи, как видишь, пока нет. Вот колдую над картой.

Жуков сообщил Буденному, что на Западном фронте значительная часть наших сил попала в окружение.

— У меня не лучше, — Буденный устало присел на стул. — Двадцать четвертая и тридцать вторая армии отрезаны. А вчера я сам чуть не угодил в лапы врагу между Юхновым и Вязьмой.

Штаб Резервного фронта в это время находился на сто пятом километре от Москвы, в лесу за железнодорожным мостом через реку Протву.

— Сталин вызвал меня из Ленинграда, — говорил Жуков. — Там немцы ослабили натиск, и, по нашим данным, они не могут в ближайшее время начать наступление — понесли большие потери. Я передал Ленинградский фронт генералу Федюнинскому, а сам срочно вылетел. — Помолчав, Жуков добавил: — Верховный очень встревожен создавшейся обстановкой. Вот послал меня сюда… Немцы наращивают силы, рвутся к Москве.

— Ты куда сейчас? — спросил Буденный.

— Поеду в район Юхнова, а оттуда — в Калугу. — Георгий Константинович надел шинель. — Поезжай в штаб фронта, разберись в обстановке и сообщи в Ставку, как идут дела. Сразу же позвони, Семен Михайлович. Сталин очень ждет твоего доклада. А я поеду даль— те. Да, не забудь доложить Верховному о нашей встрече. Он поручил мое лично увидеться с тобой.

После отъезда Жукова Буденный связался с Москвой, доложил обстановку. Выслушав его, начальник Генштаба маршал Б. М. Шапошников сказал, что дня через два Ставка примет важное решение, а пока войска Резервного фронта должны

сражаться до последней возможности. А через два дня, чтобы сконцентрировать усилия войск, прикрывавших Москву с запада, и наладить более четкое управление ими, Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования передали 10 октября войска Резервного фронта в состав Западного фронта. Командование фронтом возложили на Г. К. Жукова, а его заместителем был назначен генерал-полковник И. С. Конев.

Хмурым утром 12 октября Буденного вызвали на связь. У аппарата — Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин. Разговор был коротким.

— Срочно выезжайте в Москву, — сказал Верховный. — Вам предстоит выполнить важное поручение…

На другой день Буденный прибыл в Москву. Прямо с аэродрома направился в Кремль. Сталин тепло встретил его, пожал руку и усадил в кресло. По задумчивому лицу Семен Михайлович догадывался, как тяжело Сталину.

— Мы собираемся провести в Москве военный парад. Что вы на это скажете?..

Семен Михайлович опешил. Какой еще парад? Ведь враг стоит в тридцати километрах от Москвы. Столица на осадном положении, ЦК партии и Государственный Комитет Обороны приняли решение срочно эвакуировать из Москвы в Куйбышев ряд государственных и правительственных учреждений, а также весь дипломатический корпус. Над столицей стали появляться фашистские самолеты. И вдруг парад.

— Парад мы проведем обязательно, — повторил Сталин. — Мы с вами, Семен Михайлович, сделаем так: вы объедете и поздравите войска, а я скажу небольшую речь. Согласны?

— Я буду рад выполнить это поручение.

— Хорошо. Подумайте с командующим войсками Московского военного округа Артемьевым, какие нужно принять меры предосторожности против вражеских провокаций, особенно с воздуха, и сделайте все, чтобы это был настоящий большой парад войск Московского гарнизона. Он будет иметь большое политическое значение, вызовет громадный резонанс во всем мире. Вы только вдумайтесь: Гитлер трубит на весь мир, что он вот-вот возьмет столицу большевиков, а у нас на Красной площади, у Мавзолея Ленина — военный парад. Это очень важно! И надо его хорошо подготовить.

После беседы со Сталиным маршал поехал в штаб Московского военного округа. С командующим войсками генерал-лейтенантом П. А. Артемьевым обсудили, какие части вывести на парад. Приняли меры для охраны неба столицы.

О том, как ответственно отнесся маршал к важному правительственному заданию — подготовке парада, свидетельствуют записи в блокноте, сделанные маршалом и хранящиеся ныне в семейном архиве Буденных. Вот запись от 27 октября 1941 года: «27.10.41. Парад» (подчеркнуто). Затем перечислены вопросы, очевидно, подлежащие решению и контролю:

«1. Командующий П. А. Артемьев. 2. Подготовка на лошадях. 3. Какие войска. 4. Сколько войск. 5. Форма одежды. 6. Порядок построения. 7. Оркестр 200 человек (Николаевский НКВД)». Вслед за этим записано: «Патроны» (и подчеркнуто двумя жирными линиями). Красным карандашом выделено: «Начало парада» и тоже подчеркнуто два раза. Под этими словами простым карандашом помечено: «5 минут. Ускоренный шаг при прохождении войск. Поворот войск после прохождения у набережной». 7 ноября, когда многое уже было сделано по подготовке к столь необычному параду, маршал записал: «5.XI.41. Доложить т. Сталину о параде на 7 ноября. 1. ВВС, об аэродромах, базах горючего, огнеприпасах. 2. Как быть с вооружением танков, авиации?» И еще одна запись: «5.X1.41. При налете противника зенитная артиллерия ведет огонь: при облачной — заград. огонь, а при ясной погоде — прицельный». Когда маршал сделал все, что намечал, он доложил об этом Верховному Главнокомандующему. Выслушав Буденного, Сталин спросил, какое настроение у летчиков.

— Верят, что фашистам не бывать в столице, — сказал маршал. — Правда, жаловались, что самолетов мало.

Сталин заметил:

— Самолеты у нас будут… Теперь же надо принять все меры, чтобы пи один фашистский самолет не проник в московское небо. Но если все же они появятся, парад ни в коем случае не отменять.

Наутро 7 ноября состоялся исторический военный парад войск Московского гарнизона.

…8 часов утра. На трибуну Мавзолея В. И. Ленина поднялись члены Государственного Комитета Обороны, члены правительства. Маршал Буденный пришпорил коня и галопом выскочил из Спасских ворот на заснеженную Красную площадь. Приняв рапорт командующего парадом генерала П. А. Артемьева, он стал объезжать выстроенные на площади части. Воины дружно отвечали на его приветствие. «Ура!» катилось по Красной площади. Громкое, воинственное. Объехав войска, Буденный поднялся на трибуну Мавзолея. К микрофону подошел Сталин и, как всегда, негромко, но с какой-то особенной приподнятостью, произнес речь.

«На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Начался торжественный марш войск. Перед Мавзолеем В. И. Ленина твердой поступью прошли части 2-й Московской стрелковой дивизии. За ними пронеслись эскадроны кавалерии, мотопехота, танки. Воины были в теплых полушубках, стальных касках. Они уходили прямо с парада на фронт…

Военный парад 7 ноября 1941 года в Москве на Красной площади вызвал новый мощный патриотический подъем по всей стране. Коллективы заводов, фабрик, совхозов и колхозов брали обязательства дать больше продукции, необходимой фронту. Красноармейцы в окопах клялись не допустить врага к столице. Весь мир увидел, как велика уверенность и решимость советских людей отстоять свою Родину. «Организация в Москве обычного традиционного парада, — писала английская газета «Ньюс кроникл», — в момент, когда на подступах к городу идут жаркие бои, представляет собой великолепный пример мужества и отваги».

В ходе контрнаступления советских войск под Москвой немецко-фашистские армии потерпели серьезное поражение. 11 танковых, 4 моторизованные и 23 пехотные дивизии были разбиты, остальные 50 дивизий группы армий «Центр» понесли большие потери. Общий урон противника, включая раненых и больных, составил не менее 300 тысяч человек. Гитлеровцы были отброшены от Москвы на 100–200 километров.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой — решающее военно-политическое событие первого года Отечественной войны, начало коренного ее поворота и первое крупное поражение гитлеровцев во второй мировой войне. Победой под Москвой был окончательно сорван фашистский план «молниеносной войны» и развеян миф о непобедимости германской армии. Провалились расчеты гитлеровцев на непрочность общественного и государственного строя, советского тыла… Но Буденный, как, может быть, никто другой, вынес с полей этого сражения и другое: времена гражданской войны

давно прошли, и теперь важно изыскивать иные формы борьбы с врагом, чем те, которые применялись ранее; враг силен и коварен, и для его разгрома мало одной храбрости…

4

Вскоре после военного парада на Красной площади Буденный едет инспектировать строительство оборонительных сооружений под Сталинградом. Дело в том, что с помощью заводов строители под руководством инженера А. Н. Комаровского, ставшего впоследствии генералом армии, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и Государственной премий, организовали массовое изготовление сборных железобетонных деталей и по собственному проекту начали сооружать из них доты и командные пункты. Предварительно эти конструкции испытали на поражаемость артиллерийским оружием, убедились в их надежности. Однако из Москвы поступило категорическое требование прекратить «самовольство», а строить эти сооружения только из монолитного железобетона. Тогда стояли сильные морозы, не было леса для опалубки, средств для обогрева тепляков, передвижных бетономешалок, и применять монолитный бетон было практически невозможно. Однако руководство Главного управления оборонительного строительства Народного Комиссариата Обороны (НКО) не соглашалось с тем, что стал делать А. Н. Комаровский, ссылаясь на указания начальника Генерального штаба маршала Б. М. Шапошникова. Дело застопорилось. Разобравшись во всем на месте, Семен Михайлович доложил в Ставку: метод строительства оборонительных сооружений, предложенный Комаровским, вполне надежен. С мнением Буденного Ставка согласилась. Уже после войны генерал армии А. Н. Комаровский писал: «С большой признательностью вспоминаю поддержку в этом вопросе Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного, который был командирован Ставкой для инспектирования наших работ. С ним мы много поездили по сталинградским и донским рубежам на его зеленом «бьюике» с колесами, обмотанными цепями». Вскоре после Октябрьских праздников Буденный по заданию Верховного Главнокомандующего вылетел на юг. Обстановка для советских войск в то время была тяжелой. Во второй половине октября вражеские войска перешли в наступление. 11-я армия Манштейна, стремясь захватить Крым, наносила главный удар через Перекопский перешеек. Крым тогда обороняла лишь одна ослабленная 51-я Отдельная армия под командованием генерал-

полковника Ф. И. Кузнецова. А части Отдельной Приморской армии, эвакуированные из Одессы, вступили в бой с фашистами только 23 октября. Генерал И. Е. Петров, командовавший этой армией, был опытным военачальником, но он уже тогда честно заявил маршалу Буденному: Крым нам не удержать, силы слишком неравны.

— Иван Ефимович, надо сделать все возможное, чтобы как можно дольше продержаться в Крыму, — сказал Семен Михайлович. — Да, войск у нас недостаточно, но мы должны сковать в Крыму силы врага, чтобы не дать ему возможности перебросить свои войска под Москву.

Храбро сражались советские воины, они совершали подвиги, оказывая врагу упорное сопротивление. И все же гитлеровцам удалось к середине ноября захватить весь Крым, кроме Севастополя. Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение в декабре подготовить и провести крупную десантную операцию в Крым с целью разгрома немецко-фашистских захватчиков. В Тамань стали прибывать свежие воинские части. Операция готовилась серьезно, без спешки.

5 декабря в Тамань прилетел представитель Ставки маршал Буденный с группой старших начальников. Начальник Генштаба маршал Б. М. Шапошников поручил ему оказать помощь командирам и политработникам в подготовке десантной операции. Командир военно-морской базы контр-адмирал А. С. Фролов доложил маршалу, что армейских складов в Тамани пет, но теплое обмундирование есть в батальоне. Буденный попросил комиссара стрелкового батальона Д. В. Полякова подобрать всем полушубки и меховые шапки, что и было сделано.

Буденный лично осмотрел войска, готовившиеся к выбросу десанта. «Скоро положение на фронте изменится к лучшему», — сказал маршал, выступая перед личным составом. Действительно, в конце декабря наши войска успешно высадили десанты в Керчь и Феодосию, освободили от врага Керченский полуостров. Большой вклад в это внес и маршал Буденный.

1941 год закончился нашими бесспорными успехами в Крыму. Севастополь отбил второй, декабрьский, штурм гитлеровцев. Однако превосходство в авиации и танках все еще было на стороне врага. В январе 1942 года немцам удалось вновь захватить Феодосию и несколько потеснить части 51-й армии на восток. Большего добиться враг не мог. Однако к весне на Керченском полуострове создалась сложная оперативная обстановка. В целях облегчения руководства войсками на юге Ставка создала 21 апреля Северо-Кавказское направление, куда были включены Крымский фронт, Севастопольский

оборонительный район, Северо-Кавказский военный округ, Черноморский флот и Азовская военная флотилия. Главнокомандующим войск этого направления был назначен маршал Буденный, членом Военного совета — секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) П. И. Селезнев, заместителем главкома по морской части — заместитель наркома Военно-Морского Флота адмирал И. С. Исаков, начальником штаба — генерал Г. Ф. Захаров. «Я знал, что на Кавказе в новой должности мне будет нелегко, — писал после войны Семен Михайлович. — Этого не скрывал и Верховный Главнокомандующий. Но я был горд оказанным мне доверием и мысленно дал себе клятву, что трудности и даже опасности не будут для меня помехой».

Перед отъездом маршала Буденного на фронт его принял Верховный Главнокомандующий. Он говорил о том, что стратегические планы фашистского командования предусматривают выход на Черноморское побережье, захват основных баз нашего военного флота. Кроме того, врагу нужна нефть Грозного, Майкопа и Баку. Этого нельзя допустить. Сражаться надо до конца. Ни шагу назад без приказа высшего командования!

— Товарищ Сталин, задача мне ясна, — сказал Буденный.

На другой день вместе с наркомом Военно-Морского Флота адмиралом Н. Г. Кузнецовым маршал вылетел в Краснодар. Летели ночью. В небе рыскали «юнкерсы», один раз самолет даже обстреляли, но все обошлось благополучно. Едва устроились с дороги, как прибыл командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский. Он подробно доложил Буденному о составе флота, обороне Севастополя и перевозках на Керченский полуостров, где действовали войска Крымского фронта под командованием генерала Д. Т. Козлова, имевшие в своем составе 47, 51 и 44-ю армии со средствами усиления. Буденный тогда же вылетел на Керченский полуостров. В селе Ленинское, где размещался командный пункт Крымского фронта, Буденного встретил командующий фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов, а вечером Буденный и нарком ВМФ адмирал Кузнецов выехали на передний край. Во время поездки они окончательно решили, что противник стремится как можно скорее ликвидировать Керченский плацдарм, чтобы затем все силы бросить на Севастополь. Буденный позвонил в Ставку и высказал опасение: поскольку в районе Керчи мы не имеем глубоко эшелонированной обороны, войска 11-й армии Манштейна остановить весьма трудно. Однако начальник Генштаба потребовал обороняться до последней возможности.

Прошло еще несколько дней. Наступление противника

началось 8 мая, к концу дня ему удалось прорвать оборону нашей 44-й армии на пятикилометровом участке. Потом немцы неожиданно повернули главные силы своей ударной группировки на север, к побережью Азовского моря, и нанесли удар во фланг и тыл 51-й и 47-й армиям. Ставка была вынуждена приказать главкому Буденному 10 мая отвести войска Крымского фронта на Турецкий вал и организовать оборону. Однако сделать это не удалось, так как противник 11 мая окружил часть сил 51-й и 47-й армий. Войска Крымского фронта, измотанные в длительных боях, не имея резервов, стали отходить. Штаб фронта перебрался в Аджимушкайские каменоломни. Поздно вечером 11 мая в Краснодар, где размещался штаб Северо-Кавказского направления, позвонил Верховный Главнокомандующий и приказал Буденному срочно выехать в Керчь, чтобы разобраться на месте и принять необходимые меры. И вот уже на катерах маршал Буденный и адмирал Исаков добрались в штаб Крымского фронта. Когда Буденный прибыл в Аджимушкай с передовой линии, свидетельствует нарком ВМФ И. Г. Кузнецов, сюда приехали командующий Крымским фронтом генерал Д. Т. Козлов, член Военного совета фронта Л. З. Мехлис и другие. Оценив создавшуюся обстановку, маршал Буденный отдал Черноморскому флоту приказ: 1) прекратить отправку морем грузов для Крымского фронта; 2) весь свободный тоннаж, пригодный для переправы через Керченский пролив, немедленно направить в Керчь; 3) дать усиленный конвой из катеров и тральщиков; 4) командир Керченской военно-морской базы контр-адмирал А. С. Фролов назначается начальником переправы; 5) теперь же начать эвакуацию тяжелой артиллерии и гвардейских минометов; 6) организовать надежную ПВО всех переправ и пристаней. Адмирал Исаков распорядился направить в Керчь все суда, находившиеся в этом районе, независимо от их ведомственной принадлежности.

13 мая обстановка еще более обострилась: противник прорвал позиции на центральном участке Турецкого вала. На другой день немцы ворвались на окраины Керчи. В создавшейся обстановке маршал Буденный с разрешения Ставки дал распоряжение об эвакуации войск Крымского фронта с Керченского полуострова. А 15 мая немцы заняли Керчь. После девяти месяцев осады город Севастополь 4 июля также был оставлен нашими войсками. Становился очевидным замысел врага: приступая к выполнению плана «Эдельвейс» — операция по захвату Кавказа, — гитлеровское командование ставило цель вначале окружить и уничтожить советские войска между реками Дон и Кубань, а после этого одной группой направить свой

главный удар на районы Новороссийска и Туапсе и, развивая свое наступление вдоль побережья Черного моря, выйти в Закавказье, а другой группой занять Грозный, Махачкалу и Баку. Затем часть сил двинуть в наступление через перевалы Главного Кавказского хребта на Тбилиси, Кутаиси и Сухуми. Перед маршалом Буденным стояла нелегкая задача — остановить всю эту громаду фашистских войск, не дать ей продвинуться в глубь Кавказа. Находясь в штабе, он бросил взгляд на оперативную карту. От устья Дона по восточному берегу Азовского моря, Керченского пролива и по берегу Черного моря до Лазаревской его войска занимали оборону; они имели в своем составе 47-ю армию, ослабленную в боях на Керченском полуострове, 1-й отдельный стрелковый и 17-й казачий кавалерийский корпуса и 5-ю воздушную армию. От Лазаревской до Батуми вдоль побережья Черного моря были развернуты войска Закавказского фронта под командованием генерала армии И. В. Тюленева.

Буденному доложили, что из Севастополя прибыл лидер «Ташкент». Фашистские самолеты преследовали его вею дорогу. Отважные моряки сумели сохранить корабль, благополучно привели его в Новороссийск. Из Севастополя «Ташкент» вывез свыше двух тысяч раненых бойцов.

— Кто особо отличился? — спросил Буденный адмирала И. С. Исакова.

— Все, товарищ маршал, — ответил адмирал. — От командира лидера Ерошенко до рядового матроса. Экипаж перенес неслыханные трудности. От взрыва бомб корабль лишился управления, но люди выдержали поединок.

— Если отличился весь экипаж, — сказал Буденный, — то всех и представим к наградам. И корабль наградить. Я сам побываю у моряков.

29 июня Буденный приехал в Новороссийск. «Ташкент» в то время стоял у Элеваторной пристани. Маршала сопровождали дивизионный комиссар И. И. Азаров, командующий эскадрой кораблей Черноморского флота контр-адмирал Л. А. Владимирский и писатель Евгений Петров. О том, как прошла встреча экипажа с маршалом Буденным, рассказал бывший командир лидера контр-адмирал В. Н. Ерошенко: «Мы только вернулись с моря. Борта во многих местах имели пробоины. Пахло гарью и дымом. Личный состав стоял в строю. И, как это сразу почувствовалось, Буденный меньше всего рассчитывал на парадные церемонии. Поздоровавшись у трапа со мною и батальонным комиссаром Коноваловым, Семен Михайлович осмотрелся и, сделав широкий жест рукой, сказал: «Станьте-ка покучнее, товарищи моряки. Строй нам сейчас не нужен. А мне

куда-нибудь повыше забраться». Маршал ловко поднялся на плоский купол зенитной баш— ни, отсюда он и говорил с «ташкентцами». Говорил просто, сердечно, будто беседовал с друзьями. Рассказал о положении на фронте, о том, что на юге оно сейчас весьма тяжелое — враг продолжает наступать. Но наша армия сражается геройски, отпор врагу нарастает. «Я приехал сюда, чтобы поздравить вас с благополучным завершением последнего героического похода. Мы все делали, чтобы поддержать Севастополь, и ваш корабль — один из тех, которые помогли Севастополю особенно значительно. За это вам, морякам, великое спасибо. Я давно слышал о вашем корабле, слышал и о том, что командир у вас кубанский казак…» Тут Буденный задорно мне подмигнул, а я подумал, что в казаки меня, должно быть, произвел писатель Евгений Петров, который по пути из Краснодара сообщил Семену Михайловичу, что родом я с Кубани».

«Рад, что довелось с вами встретиться, — продолжал Буденный, — увидеть вас здоровыми, веселыми. Я знал в гражданскую войну немало героев и героических дел, и мне приятно было сегодня узнать, что вы — моряки-черноморцы — проявили массовый героизм. Такими бойцами, как вы, может гордиться и вся наша армия. Считаю, что весь экипаж «Ташкента» заслужил правительственные награды. А перед наркомом буду ходатайствовать о присвоении кораблю гвардейского звания. «Ташкент» его достоин!» Грянуло «ура!». Такой оценки наших походов мы и не ожидали. Все понимали: раз главнокомандующий фронтом так сказал о наградах экипажу, то это вопрос решенный. А на Черноморском флоте летом сорок второго года еще не было такого корабля, где имел бы правительственные награды весь личный состав…»

Позже, как и обещал главнокомандующий фронтом, награжден был весь личный состав. В. Н. Ерошенко и комиссар корабля — орденами Ленина.

В ночь на 5 июля Буденному доложили, что 51-я армия с боями отошла на юго-восток, а 37-ю армию гитлеровские танки обошли с обоих флангов, войска 12-й и 18-й армий оттеснены неприятелем с рубежа Дона к реке Кагальник. Но Буденный не растерялся, его спокойствие, умение сплотить людей в трудный час должным образом оцепила и Ставка. Стремясь укрепить руководство войсками на Северном Кавказе, Ставка 28 июля объединила Северо-Кавказский и Южный фронты в Северо-Кавказский фронт под командованием маршала Буденного. Заместителями командующего фронтом были назначены генерал — лейтенант Р. Я. Малиновский и генерал-лейтенант А. И.

Антонов. Перед Северо-Кавказским фронтом стояла задача не только задержать продвижение противника на юг, но и во что бы то ни стало восстановить положение по левому берегу Дона.

Вскоре вновь развернулись ожесточенные бои. К середине июля войска противника подошли к излучине Дона. Войска Северо-Кавказского фронта сражались самоотверженно. Но враг, не считаясь с большими потерями, рвался к Сталинграду. Глубокой ночью, когда Буденный вернулся в штаб, ему позвонили из Ставки. Маршал доложил, что по всему фронту идут упорные бои. Воины армии и флота дерутся до последнего.

— Да, положение у вас тяжелое, — сказал Василевский. — Я понимаю, но Ставка пока резервами помочь не может. Никак не может, Семен Михайлович. Вчера, 26 июля, немцы прорвали оборону 62-й армии и вышли в район Каменского. Верховный приказал бросить туда 1-ю и 4-ю танковые армии, чтобы если не остановить, то хотя бы задержать врага. На днях вы получите очень важный приказ Верховного Главнокомандующего № 227, и я прошу вас лично довести его содержание до войск фронта.

Вскоре приказ был получен. В нем прямо говорилось, и это Буденный прочел особенно внимательно, что «отступать дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину… Ии шагу назад без приказа высшего командования. Таков призыв нашей Родины…». Наутро всем войскам Северо-Кавказского фронта был зачитан приказ наркома обороны И. В. Сталина. Однако этим маршал не ограничился. Он произвел перегруппировку войск. 56-я армия заняла Краснодарский район обороны, 17-й казачий кавалерийский корпус был выведен на рубеж реки Куго-Еи (приток реки Еи) для нанесения контрудара совместно с войсками 18-й армии, а 1-й отдельный стрелковый корпус Черноморского побережья перебрасывался на реку Кубань в район Армавира. Кроме того, Буденный доложил в Ставку о том, что с целью лучшего управления войсками он создал две оперативные группы: Донская в составе 51, 37 и 12-й армий под командованием генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского и Приморская в составе 18, 56 и 47-й армий, 1-го отдельного стрелкового и 17-го казачьего кавалерийского корпусов под командованием генерал-полковника Я. Т. Черевиченко. «Ваша задача, — сказал Буденный Малиновскому, — прикрыть Ставропольское направление, а ваша, — взглянул маршал на генерал-полковника Черевиченко, — прикрыть Краснодарское направление и Таманский полуостров. Прошу помнить о приказе Верховного Главнокомандующего — ни шагу назад без приказа высшего командования!»

И снова Буденный — на переднем крае, где шли

ожесточенные бои. Для него оборона Кавказа была жизненно важным делом, и он старался сделать все, чтобы ослабить натиск немецко-фашистских войск, задержать их продвижение, как этого и требовала Ставка. Он чувствовал — от действий его, командующего фронтом, зависело многое, и старался предвидеть замысел врага, чтобы потом упредить его ударом своих войск. Сопротивление советских войск на Кавказе, несмотря на их малочисленность и утомленность, непрерывно возрастало.

Будучи командующим Северо-Кавказским фронтом, маршал Буденный глубоко вникал в вопросы обороны Северного Кавказа. Этот край он хорошо знал: в годы гражданской войны Первая Конная армия успешно громила войска Деникина. С маршалом Буденным не раз советовался Верховный Главнокомандующий. Так было и в июле 1942 года, когда наши войска оставили город Ростов и на Нижнем Дону началась оборонительная операция войск Южного и Северо-Кавказского фронтов. Враг здесь обладал превосходством над советскими войсками в танках и авиации. Верховный Главнокомандующий потребовал от Генштаба доложить свое мнение о том, где и как, по его мнению, следует строить оборону Кавказа. Мы в Оперативном управлении, вспоминал генерал армии С. М. Штеменко, рассчитали все и, взвесив, пришли к выводу, что с танками противника в кубанских степях бороться будет трудно, тем более что на Северном Кавказе у нас имелось много конницы и мало противотанковых средств, а подходящих естественных рубежей для организации обороны поблизости не было. Поэтому строить оборону следовало по реке Терек и предгорьям Кавказского хребта.

И. В. Сталин приказал запросить мнение командующего Северо-Кавказским фронтом С. М. Буденного и члена Военного совета адмирала И. С. Исакова. Они ответили: «Главной и основной линией обороны должны быть река Терек и Кавказский хребет. Для обороны военно-морских баз — Новороссийск, Анапа, Туапсе — 47-ю армию с отдельным стрелковым корпусом подчинить в оперативном отношении Черноморскому флоту».

В «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» говорится, что благодаря героическим усилиям воинов армии и флота, гибкому руководству советского командования, своевременной мобилизации Коммунистической партией народных масс Северного Кавказа и Закавказья на помощь фронту «войска преодолели все трудности и выполнили стоявшие перед ними задачи».

Во время боев на Кавказе наши зенитчики сбили немецкий самолет. Летчик выбросился с парашютом и был взят в плен. Привели к Буденному. Гитлеровский офицер вел себя нагло.

«Россия больше нет, — заявил он. — Теперь мы будем здесь хозяин!» Маршал подошел к фашисту, глянул на него пристально. «Верно, царской России давно уже нет, еще со времен Октябрьской революции. А насчет хозяина… — Буденный рубанул воздух рукой. — Никс! Кукиш тебе, понял? Вы лишь приоткрыли дверь в наш советский дом, а жить в нем вам не придется! И под Сталинградом мы вас разобьем».

Победа под Сталинградом явилась крупнейшим военно-политическим событием второй мировой войны. Она положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны и всей второй мировой войны. Были подорваны военная мощь Германии, ее военный престиж. В то же время повысился международный авторитет СССР и его Вооруженных Сил. Эта победа способствовала подъему освободительной борьбы в Европе, укреплению антигитлеровской коалиции, усилению национально-освободительного движения народов Востока. Для всего мира она явилась убедительным доказательством обреченности фашизма, неизбежности его краха и оказала решающее влияние на позиции нейтральных стран.

Выступая на митинге воинов дивизии, отправляющейся на фронт, Буденный говорил, что исход битвы под Сталинградом пошатнул здание фашистского блока.

— Теперь уже и сами фашистские генералы не очень-то верят Гитлеру в том, что над русскими можно одержать победу, — говорил маршал. — А вот мы, советские люди, рядовые бойцы Красной Армии, генералы и маршалы, верим, что скоро враг будет уничтожен. От каждого из вас и теперь, товарищи, требуется мужество и стойкость, умение бить фашистов наверняка и чтоб жалости к этим извергам и людоедам ни у кого не было. Наше дело правое, товарищи, мы победим!..

В начале 1943 года Буденного с фронта вызвали в Ставку Верховного Главнокомандования. Здесь он встретил Г. К. Жукова. Семен Михайлович уже знал, что 18 января, в день завершения прорыва блокады Ленинграда, Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Маршала Советского Союза. Буденный поздравил Георгия Константиновича, сообщил, что его зачем-то вызвал Сталин. Жуков улыбнулся:

— Наверное, тебе снова придется возглавить кавалерию. Впрочем, Верховный сам все объяснит. А я вот послезавтра с Ворошиловым выезжаю в Ленинград…

Сталин принял Буденного поздно ночью. Буденный поздравил его с победой в Сталинградской битве, с успешным наступлением наших войск. К его удивлению Верховный Главнокомандующий довольно сухо ответил на поздравление.

Потом он заговорил о последних событиях на фронтах, в частности, об умелом использовании конно-механизированных соединений, которые должны сослужить большую службу.

— Государственный Комитет Обороны принял решение ввести должность командующего кавалерией Красной Армии, создать при нем штаб. На должность командующего я рекомендую вас. — Сталин внимательно посмотрел на Буденного. — Вы хорошо понимаете, какие задачи партия возлагает на вас?

— Понимаю, товарищ Сталин. — Буденный встал. — Благодарю за доверие. Постараюсь оправдать его.

— Тогда приступайте к работе.

Для лучшего использования этого рода войск маршал Буденный и штаб кавалерии, возглавляемый генералом П. С. Карпачевым, разработали директиву фронтам. В главном пункте указывалось: усиленные кавалерийские корпуса использовать на направлении главного удара основной группировки армии и во взаимодействии с ней. Предписывалось усиливать кавалерийские корпуса, придавая им стрелковые дивизии, артиллерию Резерва Верховного Главнокомандования, гвардейские минометные части и специальные войска. Не допускалось использование кавалерийских соединений для самостоятельного прорыва укрепленных рубежей, захвата населенных пунктов и для действий на таких направлениях, где им не обеспечивалась свобода оперативного маневра.

Для того чтобы добиться эффективного использования кавалерии, Буденный с одобрения Верховного Главнокомандующего весной 1943 года в штабе Степного фронта провел совещание командиров всех кавалерийских корпусов. Требовалось в короткий срок доукомплектовать кавалерийские дивизии и корпуса, наладить планомерную боевую подготовку, организовать занятия с командным составом, а главное — решить, как более эффективно использовать кавалерию в предстоящих боях. Открывая совещание, маршал Буденный рассказал его участникам о планируемых на ближайшее время крупных наступательных операциях, о том, как предстоит действовать кавалерийским соединениям в составе фронтов. Для командиров дивизий и корпусов это имело огромное практическое значение, так как в предстоящих боевых операциях Ставка боевым действиям конницы отводила важную роль.

Совещание прошло по-деловому, на нем выступили многие генералы и офицеры, работники штабов дивизий и корпусов. «Проведенное по инициативе С. М. Буденного крупное, хорошо организованное фронтовое совещание было очень полезным, —

писал впоследствии его участник дважды Герой Советского Союза генерал армии И. А. Плиев. — Оно помогло нам при подготовке к наступательным операциям, в которых предстояло участвовать кавалерии. Мы начали отправлять кавалерийские корпуса на соответствующие фронты для более активного их использования на направлениях главных ударов путем ввода в прорыв и активных действий в оперативном тылу противника. Это был единственный за всю войну сбор командиров всех кавалерийских корпусов в условиях действующей армии. Мы получили немало цепных практических советов и указаний и от всей души благодарили за это Семена Михайловича Буденного».

Буденный никогда не следовал шаблонам в использовании кавалерии. Он был сторонником новых, гибких форм борьбы, требовательно относился к применению конницы на фронтах, ибо, как указывал В. И. Ленин, «методы борьбы против врага надо уметь изменять, когда изменяются обстоятельства»[19].

Именно так и поступал всегда маршал Буденный. В разгар оборонительных боев за Терек в октябре 1945 года со стороны командования Закавказского фронта выявились недооценка сил и средств Черноморской группы войск. Верховный Главнокомандующий по этому случаю 15 октября издал директиву на имя командующего Закавказским фронтом генерала армии И. В. Тюленева, в которой, в частности, указывалось: «Из наших наиболее частых посещений войск Северной группы и из того, что вами значительно большая часть войск направлена в состав этой группы, Ставка усматривает недооценку вами значения Черноморской группы и оперативно-стратегической роли Черноморского побережья». Стремясь усилить удары по врагу, генерал армии И. В. Тюленев вышел в Славку с предложением создать на Северном Кавказе Конную армию. Речь шла о преобразовании 4-го гвардейского кавкорпуса в Конную армию. Объединить в ней предлагалось семь кавдивизий: 9-ю и 10-ю Кубанские гвардейские, 11-ю и 12-ю Донские гвардейские, 30, 63 и 10-ю. По этому поводу генерал армии И. В. Тюленев имел переговоры с Верховным Главнокомандующим. И. В. Сталина эта идея заинтересовала, и он поручил комиссару Генштаба Ф. Е. Бокову (начальник Генштаба А. М. Василевский в это время находился на фронте. — А. З.) решить этот вопрос в Генштабе.

О роли конницы в современной войне, ее организации и способах применения имелось несколько точек зрения. Одни считали, что конница изжила себя, что она уже не способна к лихим атакам и глубоким рейдам из-за уязвимости от огня автоматического оружия, наличия у противника большого количества танков, трудностей снабжения фуражом и по многим

другим причинам. Указывалось и на то, что в современной войне часто необходимо переходить к обороне, а конница без пехоты, танков и артиллерии прочной обороны создать не может. Следовательно, ее потребуется усилить другими родами войск, но при этом она неизбежно утратит свое самое сильное качество — подвижность. А раз так, то нет смысла иметь кавалерию вообще. Другие склонялись к тому, что конницу надо использовать в комбинации с танками и механизированными войсками, в виде временных конно-механизированных объединений при достаточной авиационной поддержке. Такой точки зрения придерживался и маршал Буденный. Он уважал и ценил военный талант генерала армии И. В. Тюленева, своего боевого друга и соратника по Первой Конной армии. Однако в вопросе создания Конной армии на Северном Кавказе его не поддержал. На вопрос И. В. Сталина, надо ли создавать Конную армию, маршал ответил: нет, ибо она будет уязвима для врага и с земли, и с воздуха. Отрицательное заключение на этот счет дал и Генеральный штаб. Верховный Главнокомандующий с этим согласился.

По предложению маршала Буденного Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение создать конно-механизированные группы. Уместно отметить, что еще до войны Буденный пришел к выводу (и это подтвердила практика), что лучшим соединением конницы должен быть кавалерийский корпус не менее чем трехдивизионного состава. Чтобы сохранить за конницей свободу маневра и не спешивать конников для боя за какой-либо тактический рубеж или опорный пункт, корпусу придавалась моторизованная стрелковая дивизия. Кроме того, в состав корпуса включались танковая бригада, артиллерийские и минометные части.

Ставка Верховного Главнокомандования поддержала предложения Буденного. В то время, стремясь остановить наступление Красной Армии, противник организовал на главных направлениях оперативную оборону. В глубине обороны размещались подвижные резервы, строились мощные опорные пункты. Успешное решение оперативных задач в подобных условиях требовало более крупных, технически оснащенных подвижных соединений, чем корпус.

Конно-механизированные группы оправдали себя в ряде операций 1943–1944 годов. А в 1944 году была создана штатная конно-механизированная группа в составе 4-го, 6-го гвардейских кавалерийских и 7-го механизированного корпусов. Командование ею принял гвардии генерал-лейтенант И. А. Плиев. Конники умело сражались с врагом. Группе было присвоено наименование 1-й гвардейской.

Командующий кавалерий Красной Армии Буденный и его штаб принимали участие в разработке наступательных операций с использованием кавалерии. Ставка не раз вносила в эти планы существенные поправки, касающиеся главным образом прикрытия.

Во время проведения Донбасской операции (август 1943 г.) член Ставки Верховного Главнокомандования маршал А. М. Василевский, которому было поручено координировать действия Юго-Западного и Южного фронтов, пригласил с собой в поездку С. М. Буденного. Он просил Семена Михайловича побывать в 4-м гвардейском Кубанском казачьем корпусе, в других соединениях, чтобы выявить недостатки в подготовке к боевой операции, оказать необходимую помощь. В то время гитлеровское командование пыталось остановить наступление советских войск на рубежах Славянок — Краматорск — Константиновка и далее по реке Кальминус, прикрывая подступы к центру Донбасса. Но уже 6 сентября Юго-Западный и Южный фронты, успешно развивая наступление, сорвали этот план, освободив от захватчиков свыше ста населенных пунктов. Через два дня, 8 сентября, 5-я ударная армия при содействии войск 2-й гвардейской армии овладела городом Сталино (Донецком). 10 сентября войска Юго-Западного фронта освободили железнодорожный узел Барвенково, а войска Южного фронта — Волноваху и во взаимодействии с десантом Азовской военной флотилии — Мариуполь, важный центр металлургической промышленности.

Враг пытался вернуть себе Донбасс, не раз переходил в контратаки, даже захватил некоторые населенные пункты. Ожесточенные бои проходили 11 и 12 сентября. Маршалу Василевскому пришлось принять дополнительные меры, чтобы не дать врагу развить наступления. Через три дня советские войска вышли на линию Лозовая — Чаплино — Гуляй-Поле — Урзуф. Тогда гитлеровцы окончательно убедились, что им не удержать Донбасс и начали поспешно отступать. Важно было не дать фашистам оторваться, их следовало преследовать. Это задание возлагалось на группу войск генерала Н. Я. Кириченко, куда входил, кроме 4-го гвардейского Казачьего кавкорпуса, и 4-й механизированный корпус генерала Т. И. Танасчишина. Маршал Василевский, однако, остался недоволен действиями генерала Кириченко, о чем сообщил маршалу Буденному. Группа Кириченко должна была через Верхнетокмак быстро выдвинуться к Мелитополю на реку Молочную. А войска группы остановились, хотя сплошного фронта противника здесь не было, они вели бои за отдельные населенные пункты. Буденный, выслушав

справедливые нарекания маршала Василевского, не мог ему возразить; Семен Михайлович и сам немало переживал за действия генерала Кириченко, связывался с ним по телефону, указывал на его упущения. Но то ли генерал не видел своих просчетов, то ли не смог быстро сориентироваться в боевой обстановке, но должных мер не принял. Василевский тогда решил ехать в группу Кириченко и на месте во всем разобраться. Вместе с Буденным Василевский встретил генерала Кириченко на окраине поселка Куйбышево, в 30 километрах юго-восточнее Пологи. Состоялся серьезный разговор. Маршал Василевский приказал генералу прекратить бои за отдельные пункты, оставить узлы сопротивления врага, а войскам двинуться к реке Молочной, с ходу захватить Мелитополь.

Буденный вспомнил, что в просчетах генерала Кириченко есть и его вина. Об этом он сказал Василевскому, заверив его в том, что лично останется в корпусе Кириченко, пока тот не выполнит поставленную перед ним задачу. Василевский это одобрил.

В марте 1944 года маршал Буденный приехал в 7-й гвардейский кавалерийский корпус, штаб которого находился в городе Мозыре. В то время советские войска двигались на запад, и в соответствии с планами командования 7-й кавкорпус перегруппировывался в полосу действий 2-го Белорусского фронта южнее Ковеля.

— Как идет подготовка к новым сражениям? — спросил маршал.

Комкор Константинов доложил, что «все идет строго по плану». Буденный, выслушав подробный доклад, этим не ограничился. Он всегда шел в войска, проверял их готовность в местах дислокации. Не изменил маршал своему принципу и на этот раз. Вместе с комкором он выехал в район Глинко. Проверив ход перегруппировки войск, маршал во время большого привала посетил 16-ю кавдивизию генерал-майора А. Г. Белова. Укомплектованность, боевая готовность личного состава, состояние боевой техники, вооружения и конского состава — все это удовлетворило командующего кавалерией. Буденный выступил перед бойцами и командирами, ознакомил их с положением на фронтах, напомнил о боевых действиях Первой Конной армии в этих местах в 1920 году, дал много полезных советов гвардейцам, призвал их в предстоящих боях приумножить славные традиции воинов Красной Армии новыми подвигами. На митинге гвардейцы заверили Буденного в том, что они с честью донесут свои гвардейские знамена до Берлина. И действительно, 7-й гвардейский Бранденбургский кавкорпус успешно действовал

в составе войск 1-го Белорусского фронта и в Берлинской операции. За отличные боевые действия по захвату города Бранденбурга корпус был награжден орденом Ленина. Вскоре после победы над фашистской Германией, в мае 1945 года, в своей статье «Мы дали слово…» Герой Советского Союза генерал-полковник М. П. Константинов писал: «Семен Михайлович приехал в поверженный Берлин. Я получил приказ прибыть в штаб фронта. Там в присутствии Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского состоялась наша встреча с Буденным. Командующий кавалерией был очень доволен успешными боевыми делами 7-го гвардейского корпуса. Отвечая на вопросы Семена Михайловича, я подробно рассказал о состоянии корпуса, его людях и технике, конском составе и сказал, что корпус получил приказ и готовится к маршу на Родину. Наша беседа затянулась до позднего вечера. Мы вспоминали трудные дороги к нашей победе, говорили о начальном периоде войны, о тех испытаниях, которые вынес советский народ в этой войне. Семен Михайлович поинтересовался моими личными делами, здоровьем родных, спросил, не нужна ли его помощь. Это участие и забота очень тронули меня. По приказу командования корпусу предстояло переформирование в механизированные соединения. Я попросил Семена Михайловича разрешить корпусу передать Белоруссии семь тысяч лошадей. Семен Михайлович согласился и, возвратившись в Москву, официальным документом соответствующих органов подкрепил такое разрешение. Дар конников-гвардейцев белорусы приняли с благодарностью».

5

Буденный часто бывал на различных фронтах. Будучи членом Ставки Верховного Главнокомандования, маршал активно участвовал в разработке и проведении крупнейших наступательных операций. И когда заходила речь о кавалерии, Верховный Главнокомандующий считал целесообразным выслушать мнение командующего маршала Буденного. Так было и весной 1944 года, когда Верховное Главнокомандование приняло окончательное решение о проведении летней кампании. Сталин в тот же день вызвал в Ставку Г. К. Жукова, А. М. Василевского, А. И. Антонова, С. М. Буденного и некоторых командующих фронтами. Обсуждался план операции «Багратион». (Такое кодовое наименование получила Белорусская операция.) Как известно, Сталин придавал проведению летней кампании 1944 года особое значение: Красная Армия выходила на

границу и переносила свои боевые действия на территорию европейских государств. Уточняя некоторые моменты летней кампании, Сталин указал на необходимость решительных боевых действий по освобождению Белоруссии, которая уже три года стонала под игом немецко-фашистских захватчиков. К участию в Белорусской операции привлекались 1-й Прибалтийский и три Белорусских фронта, Днепровская военная флотилия, а также соединения белорусских партизан.

— План операции «Багратион» Ставка утвердила, — сказал Сталин, шагая по кабинету. — Фронтам выделены значительные силы. Кроме того, из Резерва Ставки будут переданы пять отдельных танковых корпусов, два механизированных корпуса и несколько кавалерийских корпусов. — Сталин остановился у стола, за которым сидели военачальники, взглянул на Буденного. — Вы уже продумали, сколько кавалерийских корпусов можно дать?

— Четыре, товарищ Сталин, — доложил маршал.

— Четыре… — повторил Верховный Главнокомандующий. — А что скажет товарищ Жуков?

— По-моему, вполне достаточно. Особенно большая нагрузка ляжет на генерала Плиева. Но я уверен, что его конно-механизированная группа выполнит боевую задачу.

— А как на это смотрит командующий Первым Белорусским фронтом генерал армии Рокоссовский?

— Я был уверен и все с ним обговорил. Группа будет брошена в прорыв, с воздуха ее прикроют наши самолеты…

Другая конно-механизированная группа, генерала Н. С. Осликовского, действовала в составе войск 3-го Белорусского фронта, которым командовал генерал И. Д. Черняховский. И о ней было доложено Верховному Главнокомандующему. Когда Черняховский приглашал Буденного прибыть к нему на командный пункт, Сталин улыбнулся:

— Я вижу, что маршал Буденный везде желанный гость, не так ли? — И, не дождавшись ответа, Верховный продолжил: — Координировать действия войск фронтов будут товарищи Жуков и Василевский. Жукову поручим Первый и Второй Белорусский фронты, а Василевскому — Первый Прибалтийский и Третий Белорусский. Возражений нет? А теперь перейдем к рассмотрению вопроса обеспечения операции «Багратион» материально-техническими средствами, боеприпасами и оружием…

После совещания Жуков пригласил Буденного к себе. На столе уже был горячий чай и бутерброды.

— Садись, перекусим, — кивнул Жуков на стул. — Значит,

собираешься снова побывать у генерала Плиева?

— Надо, Георгий Константинович. — Буденный отпил глоток. — Плиеву будет на этот раз очень трудно.

— Поезжай завтра же в группу Плиева, — сказал Георгий Константинович. — Перед наступлением надо все проверить, и если что не так, решить на месте.

Ночью Буденный вылетел на фронт. В расположение войск генерал-лейтенанта И. А. Плиева маршал прибыл рано утром. В зыбкой дреме застыл лес, черневший на серо-малиновом горизонте. Видно, недавно в этих местах прошел дождь, земля была сырая, и даже на «пятачке», где приземлился самолет, было как-то неуютно, зябко. Небо все в заплатах черных туч, и хотя стоял май, дул холодный ветер, Буденный вышел из самолета. Его встретил Исса Александрович Плиев. Живой, энергичный, он провел маршала в свой штаб, доложил обстановку.

Буденный прошел к столу и, сняв фуражку, сел.

— Я только из Ставки, — сказал он, — скоро развернутся большие события, и вашей конно-механизированной группе придется решать весьма ответственные задачи…

Долго продолжалась беседа. Выслушав маршала, генерал Плиев попросил его доложить Верховному Главнокомандующему, что группа готова выполнить стоящие перед нею задачи.

— Скажу прямо, Исса Александрович, тяжеленько вам придется. Но учтите: в Ставке, когда речь зашла о вашей конно-механизированной группе, вас хвалил маршал Жуков, — Буденный улыбнулся, но тут же его лицо стало сосредоточенным. — Вот что, Исса Александрович, тщательно продумайте взаимодействия кавалерийских соединений с танковыми. И еще — установите тесную связь с действующей на вашем направлении авиацией. Их представители уже прибыли в штаб?

— Нет, товарищ маршал. Через день-два будут. Телеграмму мы получили. А к вам у меня просьба, Семен Михайлович. Нельзя ли ускорить прибытие эшелонов с лошадьми?

Маршал сказал, что перед вылетом он дал задание начальнику штаба кавалерии лично проследить за движением эшелонов с лошадьми и маршевыми эскадронами из запасных кавалерийских частей. Эшелоны вот-вот прибудут.

Генеральное наступление началось 23 июля. Сокрушительный удар по противнику в Белоруссии нанесли четыре наших фронта. «Наступление на Паричи идет успешно», — сообщал в Ставку Верховного Главнокомандования командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский. Армии генералов П. И. Батова и А. А. Лучинского совместно с

танковым корпусом генерала М. Ф. Панова прорвали оборону противника. Танковый корпус углубился в сторону Бобруйска до 20 километров, и это позволило ввести в прорыв конно-механизированную группу генерала И. А. Плиева. На третий день сражения группа И. А. Плиева и корпус М. Ф. Панова, громя части отступающего врага, начали быстро продвигаться вперед. В это время маршал Буденный находился на КП у командующего 65-й армией генерала П. И. Батова. Он был рад за конников И. А. Плиева, которые, как говорил Буденному генерал армии К. К. Рокоссовский, «вихрем налетали на врага и беспощадно рубили его клинками».

Днем раньше, 24 июня, пока правое крыло 3-го Белорусского фронта завершало операцию по уничтожению окруженной группировки в Витебске — там было окружено пять вражеских дивизий, — армии левого крыла фронта двигались на запад. Когда армия генерала Н. И. Крылова прорвала фронт и заняла Богушевск, в прорыв была введена конно-механизированная группа генерала И. С. Осликовского, а затем гвардейская танковая армия генерала П. А. Ротмистрова.

— Молодцы кавалеристы, бьют гитлеровцев, как говорится, и в хвост и в гриву, — сказал командующий фронтом, когда наши войска вышли на Минское шоссе западнее Орши.

В период наступления Буденный связался с генералом Плиевым по телефону.

— Нажимай, Исса Александрович, — сказал он бодро. — Темпа наступления не снижай. Немцы ощутили на себе первый удар танкистов, не давай им опомниться. И еще — не забудь, что лошадь нуждается в отдыхе, хотя бы накоротке. Места там тяжелые, болотистые. Ты понял?

— Все ясно, товарищ маршал!

А когда в районе Бобруйска была окружена большая группировка вражеских войск и гитлеровцы сложили оружие, маршал Буденный поздравил генерала Плиева с успехом.

— Ну, братец, твои конники — орлы! — сказал маршал. — Молодцы!.. Спасибо за отличную службу Родине!

— Служу Советскому Союзу! — гордо произнес генерал.

— Вернусь в Ставку и буду просить Верховного Главнокомандующего, чтобы отметил ваши успехи приказом. Бы это заслужили…

Буденный вернулся в Москву через несколько дней. В Ставке маршала встретил временно исполняющий обязанности начальника Генерального штаба генерал А. И. Антонов.

— Ну как там, на фронте? — спросил его Антонов.

— Да вы же сами знаете больше, чем я, — пошутил

маршал. — Вам идут доклады со всех фронтов, а я был на Первом Белорусском. Что могу сказать? Кавалерия успешно громит врага. Очень даже успешно. Вот хочу просить Верховного, чтобы в своем приказе отметил Плиева.

— Торопитесь, — сказал Антонов, — а то вам надлежит снова убыть на фронт, теперь уже на Второй Украинский к генералу армии Малиновскому. Он тоже доволен казаками-кавалеристами генерала Горшкова, но просит пополнения.

— Я готов ехать. Верховный у себя?

— Советую зайти к нему завтра утром. Сейчас он лег отдыхать.

Узнав о том, что маршал Буденный вернулся с фронта, Сталин сам вызвал его.

— Через два-три дня Минск будет освобожден. Мне только что звонил Жуков. Ну а как вы съездили? Да вы садитесь… Рокоссовский не жалуется на кавалерию?

Буденный доложил Верховному о действиях конномеханизированной группы генерала Плиева, просил отметить его в приказе, а потом как бы вскользь заметил: большие потери в лошадях, да и танков маловато…

— Дадим больше. А еще что вас беспокоит? — спросил Сталин.

— Надо бы чаще и надежнее прикрывать действия кавалерии с воздуха.

— Вы правы, — согласился Сталин. — Я уже предупреждал командующих фронтами, в том числе и Рокоссовского, чтобы оберегали кавалерию. Несомненно, она весьма уязвима с воздуха. А вас прошу лично проверить, как выполняется мое требование. — Сталин подошел к столу, взял карандаш и сделал пометку в своем блокноте. — Героев надо отметить, и я это сделаю…

Вскоре Буденный читал приказ Верховного Главнокомандующего, в котором говорилось, что юго-западнее Минска войска 1-го Белорусского фронта стремительным ударом конницы, танковых соединений и пехоты овладели городами и важными узлами коммуникаций Столбцы, Городея и Несвиж, отрезав тем самым пути сообщения немцев из Минска на Брест и Лунинец. В числе отличившихся в боях назывались и кавалерийские соединения казаков генерал-лейтенанта Плиева, которому Верховный Главнокомандующий объявил благодарность. Заслуги Плиева и его кавалеристов были отмечены также приказом Сталина от 3 июля 1944 года за успешные боевые действия по освобождению Минска.

Спустя много лет после этого маршал Буденный в беседе с

генералом армии И. А. Плиевым сказал:

— Я всегда гордился и горжусь вами, Исса Александрович. Вы дважды Герой Советского Союза, и этим все сказано. Но я вас очень уважаю еще и потому, что вы блестящий кавалерийский начальник. В боях с врагами вы не только проявили личное мужество, но умело командовали соединениями. Я сам не день и не два провел в седле и знаю, как нелегко воевать в кавалерии. Вот почему, когда решался вопрос о присвоении вам высокого звания Героя Советского Союза в апреле сорок четвертого и вторично в августе сорок пятого года, я, как член Президиума Верховного Совета СССР, голосовал за вас. И то, что вы стали генералом армии, — это тоже меня радует. Ну что, разве я сказал что-нибудь лишнее, перехвалил вас?..»

6

Маршал Буденный еще до назначения на должность командующего кавалерией Красной Армии много внимания уделял повышению боеготовности конно-механизированных корпусов, обеспечению их всем необходимым. Больше всего его беспокоила нехватка лошадей, о чем он не раз докладывал Ставке, лично Верховному Главнокомандующему. В этом важном вопросе большую помощь оказала нам Монгольская Народная Республика, свидетельствует маршал Буденный. А все началось так. 10 января 1943 года Буденного срочно вызвал к себе Верховный Главнокомандующий. Едва маршал вошел в его кабинет, как услышал о том, что в Москву прибыла делегация Монгольской Народной Республики во главе с премьер-министром маршалом Чойбалсаном. Она будет вручать нашим солдатам танковую колонну, построенную на средства, собранные монгольским народом.

— Прошу вас немедленно связаться с делегацией Монгольской Народной Республики и, пока она здесь, держать постоянную связь с маршалом Чойбалсаном. Хорошо, если вы поговорите с ним о лошадях. Ведь вы с Чойбалсаном старые друзья, сумеете договориться…

Впервые Буденный встретился с Чойбалсаном в 1926 году в Москве. Как известно, еще в 1921 году Временное народное правительство Монголии обратилось к Советскому правительству с просьбой оказать военную помощь в борьбе против белогвардейских банд Унгерна. Идя навстречу монгольским братьям, Советское правительство направило в Монголию части и соединения Красной Армии, которые разгромили врагов

Монголии. Чойбалсан достойно продолжил традиции Сухэ-Батора. Советские командиры помогали ему обучить бойцов, укрепить боеготовность народно-революционной армии.

В 1936 году Чойбалсану было присвоено высокое звание маршала, и Буденный одним из первых поздравил его. Чойбалсан ответил «легендарному красному кавалеристу», как он называл Буденного: «Я буду стараться, чтобы наш дружба стала еще более прочной. Я сделаю все, чтобы наши народы еще более сдружились. Ну а что касается лично меня, то мое сердце предано не только моей любимой Монголии, по и стране великого Ленина, которая помогла нам завоевать свободу и независимость».

Многое вспомнили старые друзья во время встречи в квартире Буденного.

— Для нас сейчас нет важнее задачи, чем помогать Красной Армии. Помогать ей, чтобы она скорее уничтожила гитлеровские полчища, — говорил маршал Чойбалсан. — Мы хотим на свои средства построить авиаэскадрилью «Монгольский арат» и передать ее в подарок Красной Армии. Скажу вам, товарищ Буденный, — продолжал Чойбалсан, — что мы, монголы, смотрим на Советский Союз как на любимого брата, на мудрого учителя, на верного друга. И сейчас, когда идет тяжелая и кровопролитная война, каждый арат считает своим долгом помочь советским людям. Ваша борьба с фашизмом — это и наша борьба…

— Спасибо, Хорлогийн! — Маршал Буденный, как брата, обнял Чойбалсана.

Утром они вновь встретились. Делегация МНР вручала советским воинам танковую колонну «Революционная Монголия», построенную на собранные монгольским народом средства. Перед бригадой танкистов, которой командовал полковник Леонов, выступил премьер-министр Монгольской Народной Республики маршал Х. Чойбалсан. Обращаясь к танкистам, он заявил: «Дорогие товарищи, наши советские братья! В каждой из этих боевых машин воплощена безграничная любовь монгольского народа к своему великому другу — советскому народу, его доблестной Красной Армии. Пусть эти грозные машины будут символом нерушимой дружбы наших народов. Пусть они напоминают нам ежедневно, что монгольский народ отдает все, чем он богат, делу борьбы с заклятым врагом всего прогрессивного человечества — немецким фашизмом». Командир бригады полковник Леонов в ответном слове сказал: «Заверяю вас, товарищ премьер-министр, в том, что эти боевые машины переходят в надежные руки. Мы все клянемся, что будем бить

врага до полного его уничтожения». И действительно, экипажи танков, носивших имена «Сухэ-Батор», «Маршал Чойбалсан» до самого Берлина пронесли боевое знамя грозной танковой бригады «Революционная Монголия». С большим удовлетворением воспринял маршал Буденный известие о том, что Малый хурал по докладу маршала Х. Чойбалсана принял специальное постановление об оказании помощи Красной Армии. Помимо танков, на средства, собранные трудящимися дружественной страны, была построена эскадрилья «Монгольский арат». Она вошла в состав 2-го Оршанского гвардейского авиационного полка и закончила свой победный боевой путь в районе Кенигсберга в составе 3-го Белорусского фронта. Маршал Г. К. Жуков лично отмечал ее боевые успехи, многие летчики были награждены орденами и медалями. Снова увиделся Буденный с маршалом Чойбалсаном в 1944 году, когда Красная Армия вела успешные наступательные бои. Естественно, разговор зашел в первую очередь о лошадях. Семен Михайлович сказал, что кавалерийские корпуса, понесшие в боях потери, нуждаются в лошадях. «Сколько вам надо, столько и дадим», — сказал Чойбалсан. Перед отъездом из Советского Союза, маршал Х. Чойбалсан пригласил Семена Михайловича к себе в Монголию. «Приезжайте и берите у нас лучших скакунов». А вернувшись в Монголию, маршал Х. Чойбалсан заявил на митинге, обращаясь к аратам: «Можно с уверенностью сказать, что нет в мире другой армии, равной Красной Армии. Мы горды тем, что у нас, монголов, есть такой могучий, такой героический, такой искренний друг, как советский народ». Уезжая на фронт, туда, где кавалерийские части действовали с составе армий, Буденный отнюдь не замыкался в своей деятельности только на конниках. Как член Ставки, он выполнял много других заданий. В январе 1944 года маршал Буденный находился в кавалерийском корпусе генерала А. Г. Селиванова, входившем в состав войск 2-го Украинского фронта. Командующий фронтом генерал И. С. Конев просил Буденного лично проверить, готовы ли кавалеристы к тяжелым боям. Маршал нашел корпус Селиванова в полной боевой готовности.

— Иван Степанович, можете положиться на кавалерию, она не подведет, — заверил он Конева.

К тому времени 1-й и 2-й Украинские фронты готовились к Корсунь-Шевченковской операции. Нашим войскам противостояли девять пехотных, одна танковая и одна моторизованная дивизии. Эта довольно сильная группировка противника, по словам маршала, основательно мешала дальнейшему наступлению. Ставка, естественно, приняла

решение разгромить эту группировку. 24 января войска 2-го Украинского фронта начали наступление на Звенигородку. На другой день свой удар обрушили на врага войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала Н. Ф. Ватутина. Гитлеровцы упорно сопротивлялись. Всю неделю шли ожесточенные бои. Наши войска с трудом продвигались вперед. На седьмой день, 30 января, генерал И. С. Конев ввел в сражение дополнительные силы — второй эшелон 5-й гвардейской танковой армии, 18-й танковый корпус и кавалерийский корпус генерала А. Г. Селиванова.

Враг дрогнул — брешь в его обороне была пробита. На другой день, когда маршал Буденный вместе с И. С. Коневым находился на командном пункте фронта, его вызвали по ВЧ. Семен Михайлович взял трубку. Звонили из Ставки Верховного Главнокомандования.

— Вам срочно прибыть в Москву. Это приказ Верховного…

Буденный вылетел на самолете. Из-за нелетной погоды прибыл в Москву лишь ночью. Утром в Кремле его встретил Сталин.

— Вам надлежит выполнить одно поручение… — Сталин взял со стола трубку и закурил. — Завтра исполняется годовщина со дня разгрома немецко-фашистских войск в Сталинграде. Мы решили этой годовщине придать политическую окраску. Не догадываетесь?

— Ехать туда на торжества? — спросил маршал.

Сталин улыбнулся: Не угадали, Семен Михайлович. Здесь будут торжества. Словом, вам надлежит вручить делегации граждан Сталинграда Почетный меч — дар короля Георга Шестого. Делегация уже находится в Москве.

— Это для меня большая честь, товарищ Сталин, — волнуясь, сказал маршал.

На другой день Буденный прибыл в Кремль. Здесь уже собрались заместитель наркома иностранных дел В. Г. Деканозов, маршал авиации А. А. Новиков, начальник Главного артиллерийского управления генерал-полковник Н. Д. Яковлев, начальник бронетанкового управления генерал-полковник Я. Н. Федоренко, секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкин, посол Великобритании в СССР А. К. Керр и другие официальные лица.

Маршал Буденный взял клинок с выгравированной надписью на английском и русском языках: «Гражданам Сталинграда, крепким как сталь, — от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа», подошел к трибуне и перед вручением меча главе делегации, председателю исполкома

Сталинградского Совета депутатов трудящихся Д. М. Пигалеву, произнес речь.

— Товарищи, — обратился Буденный к делегации города Сталинграда. — Председатель Совета Народных Комиссаров, Верховный Главнокомандующий, Маршал Советского Союза товарищ Сталин поручил мне передать вам Почетный меч — дар короля Великобритании Георга Шестого гражданам Сталинграда в ознаменование героической обороны города. Этот дар знаменует собой крепнущее боевое содружество народов Великобритании и Советского Союза в борьбе против общего врага. Мы знаем, что недалек тот час, когда армии союзных государств нанесут смертельный удар фашистскому зверю и навсегда похоронят кровавый гитлеровский режим.

Сегодня, второго февраля 1944 года, — продолжал Буденный, — исполнилась годовщина разгрома сталинградской группировки немецких войск. Красная Армия и граждане Сталинграда более пяти месяцев выдерживали бешеный натиск врага. В стратегических расчетах немецкого командования Сталинград имел особое значение. Овладение Сталинградом дало бы возможность немецкому командованию разорвать наши коммуникации с югом и нанести удар по Москве с тыла. Однако эти авантюристические расчеты немцев позорно провалились, а отборные немецкие дивизии нашли свою гибель у стен Сталинграда…

Никогда в веках не померкнет слава героических воинов Сталинграда — солдат, офицеров и генералов Красной Армии, сталинградских рабочих, колхозниц, интеллигенции…

— Принимая меч, — сказал в ответном слове Д. М. Пигалев, — мы заявляем, что будем его хранить как символ крепнущего боевого сотрудничества народов Советского Союза и Великобритании. Фашистские варвары разрушили наш город. Но мы восстановим Сталинград. Из развалин и руин он возродится еще более могучим и величавым.

Да здравствует наша великая Родина! И снова Буденный на фронте. Позднее, объясняя свое стремление чаще быть в действующей армии, маршал говорил: «Человек я военный до мозга костей, и все то, что делалось на фронте, помогало мне дышать воздухом победы. Нет, никак я не мог усидеть в Ставке. Я рвался на фронт…» Летом 1944 года, когда советские войска вели бои по освобождению Белоруссии, Буденный после пребывания в войсках 1-го Белорусского фронта вернулся в Москву. В эти дни сюда же, в Ставку, по вызову Сталина прибыл Г. К. Жуков. Он рассказал Семену Михайловичу, что столицу Белоруссии не узнать. Почти весь город разрушен.

— Поверь, Семен, кровью сердце обливалось, когда увидел все это, — говорил Георгий Константинович. — Я ведь в Минске прослужил семь лет, когда командовал полком. А наши солдаты сражались как львы. Знаешь, сколько там перемололи фашистской техники и живой силы? Ого-го! Взято в плен более ста тысяч фашистских солдат и офицеров, среди них двенадцать генералов!

Поговорив о военных делах, Буденный сказал Жукову, что у него родился сын.

— Сын? Ай да Семен Михайлович! Поздравляю! — Жуков обнял Буденного за плечи.

Позже они были приглашены на дачу к Верховному Главнокомандующему. Перед этим Буденному позвонил Сталин.

— У меня будут гости. Жукова в наркомате видели? Он тоже приедет.

На даче у Верховного Главнокомандующего были Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, А. И. Антонов и другие военачальники. Верховный Главнокомандующий часто ставил в пример маршала Жукова. Вот и в этот раз Сталин отметил успешные действия войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов и потому возложил на Жукова обязанность координировать действия войск 1-го Украинского фронта, которому предстояло разгромить немецко-фашистских захватчиков на Львовском и Рава-Русском направлениях. «Надо сокрушать врага с меньшими потерями в живой силе», — заметил Сталин. В сентябре после совещания в Ставке, где обсуждалась директива командованию 2-го Украинского фронта о проведении Дебреценской операции, Сталин задержал Буденного. Он долго стоял у карты Венгрии, потом подошел к столу, сел и заговорил о том, что надо наступать без малейшей паузы. Разбить немцев в Венгрии как можно быстрее, а это можно сделать лишь при максимально высоких темпах наступления. Малиновскому придется вести наступление в грязь, распутицу, бездорожье. Танки могут застрять. Войска потеряют темп — и операция сорвется. Поэтому командующему фронтом надо иметь под рукой какие-то подвижные соединения, которые в критический момент могли бы дополнить и даже заменить танковые части.

— В имеете в виду конницу? — спросил Буденный.

— Да. — Сталин встал, подошел к карте. — Введем кавалеристов в прорыв рядом с танкистами. Но один корпус ничего не сделает. Надо объединить несколько корпусов под единым командованием. Поговорите у себя в штабе и дайте ваши соображения, что включить в группу. Подумайте, кого назначить командующим.

В 1-ю гвардейскую конно-механизированную группу Буденный включил 4-й гвардейский Кубанский Краснознаменный орденов Суворова и Кутузова кавалерийский корпус, 6-й гвардейский кавалерийский корпус… Командующим был назначен генерал И. А. Плиев.

Все дни во время подготовки Будапештской операции маршал Буденный находился в 1-й гвардейской конномеханизированной группе. Вместе с генералом Плиевым он сколачивал конные боевые части, проводил учения, налаживал тесное взаимодействие с соседними дивизиями.

2-й Украинский фронт наступал с запада и с востока. Главный удар наносила 7-я гвардейская армия. В образованный ею прорыв вводились 6-я гвардейская танковая армия и следом — из-за ее правого фланга — 1-я гвардейская конно-механизированная группа. Ей ставилась задача разобщить будапештскую и мишкольскую группировки гитлеровцев.

Конники в Венгрии с честью выполнили боевое задание, отмечал маршал Буденный. Вне дорог, по горно-лесистой местности, под дождем, они за три дня (6–9 декабря) с боями преодолели 75 километров, достигли намеченных пунктов (Балашшадрьярмат, Сечень), повернули на восток и юго-восток, в район Киштеренье, на тылы и фланг пастовской группировки противника (чем обеспечили продвижение на север 53-й армии) и, наконец, повернули на северо-запад в район Левице, прикрывая 6-ю гвардейскую танковую и 7-ю гвардейскую армии, завершавшие окружение противника в районе Будапешта.

В сражении за Берлин приняли участие войска 1-го Белорусского, 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов. Перед началом штурма города маршал Г. К. Жуков в разговоре с Буденным признался:

— Предстоящая битва за Берлин, Семен Михайлович, — операция особая, тяжкая, хотя ты прекрасно знаешь, что мне уже довелось участвовать во многих сражениях. Во-первых, войскам надо с ходу прорвать сплошную эшелонированную зону мощных оборонительных рубежей гитлеровцев; во-вторых, разгромить на подступах к Берлину крупнейшую группировку немецко-фашистских войск… Нет, дело это для нас нелегкое.

16 апреля авиация и артиллерия 1-го Белорусского фронта обрушили свои удары на оборону врага. В наступление с Кюстринского плацдарма перешли пять общевойсковых армий — генералов Ф. И. Перхоровича, В. И. Кузнецова, Н. Э. Берзарина, В. И. Чуйкова и В. Я. Колпакчи. Севернее Кюстринского плацдарма Одер форсировала армия Войска Польского генерала С. Г.

Поплавского, а с плацдарма южнее Франкфурта перешла в наступление армия В. Д. Цветаева… Когда маршал Буденный узнал о том, что только за первый день боя артиллерия 1-го Белорусского фронта израсходовала более одного миллиона снарядов и мин, он сказал:

— Вот это удар! Сплошное море огня и металла! Теперь важно наступать без передышки…

На Зееловских высотах гитлеровцы оказали особо упорное сопротивление. Тогда маршал Г. К. Жуков ввел в сражение гвардейские танковые армии генералов С. И. Богданова и М. Е. Катукова. Усилили удары по врагу воздушные армии генерала П. С. Рыбалко и маршала авиации А. Е. Голованова. Оборона на Зееловских высотах была прорвана, и наши войска устремились на Берлин.

Ожесточенные бои развернулись в полосе войск 1-го Украинского фронта. В направлении на Котбус наступали армии генералов В. Н. Гордова и Н. П. Пухова. К Эльбе на Торгау двигались армия генерала А. С. Жадова, южнее, на Дрезденском направлении, вела бои 2-я армия Войска Польского генерала К. К. Сверчевского. Гвардейские танковые армии генералов П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко вышли к реке Шпрее и, форсировав ее, повернули на север — на Берлин… Войска 2-го Белорусского фронта начали свое наступление позже, чем другие фронты, — 20 апреля на севере Германии. Здесь армии генералов П. А. Батова, В. С. Попова и И. Т. Гришина форсировали Одер и устремились на запад. Северная группа гитлеровских войск хотя и оказала им упорное сопротивление, но сдержать натиск наших войск не смогла… Особенно радовало маршала Буденного то, как храбро и отчаянно сражались кавалеристы. Это не осталось незамеченным и Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным. В одной из бесед с маршалом он сказал:

— Кавалерия еще раз доказала, что она может при помощи танков и авиации успешно громить гитлеровские войска…

…30 апреля 1945 года Буденный вернулся с фронта очень усталым. Уснул крепко. И вдруг глубокой ночью раздался телефонный звонок. Семен Михайлович снял трубку и услышал голос Сталина.

— Хочу сообщить вам, как члену Ставки, приятную новость, — сказал Верховный. — Гитлер покончил самоубийством, и его труп сожгли.

— Слава богу, — вырвалось у Буденного. — А кто вам сообщил, товарищ Сталин?

— Жуков только что звонил. Да, жаль, что нам не удалось взять Гитлера живым. Очень жаль…

12 мая, на третий день после окончания войны, маршал Буденный прибыл в Берлин. Его встретил военный комендант и начальник гарнизона Берлина командующий 5-й ударной армией Герой Советского Союза генерал-полковник Николай Эрастович Берзарин, с которым Семен Михайлович был хорошо знаком. Верховный Главнокомандующий поручил маршалу проверить, как нормализуется жизнь в городе, как организовано снабжение населения продуктами питания, очищены ли улицы от неразорвавшихся мин и снарядов, скоро ли вступят в строй железнодорожные станции и речные порты.

— Ну, как вы тут? — спросил Берзарина Буденный.

— Дел невпроворот, — ответил Николай Эрастович. — Но мы стараемся делать все, чтобы наладить жизнь берлинцев.

Военный комендант доложил маршалу, что Военный совет фронта принял постановление о снабжении продовольствием немецкого населения Берлина. Теперь установлен порядок и нормы выдачи продуктов. Принято также постановление по коммунальному хозяйству.

— Мы создаем немецкие органы самоуправления, — добавил Берзарин, — нам самим всех задач не решить.

— Кто назначен обер-бургомистром Берлина? — спросил маршал.

— Доктор Вернер, — сказал Берзарин, — сам антифашист. Очень деятельный товарищ, собрал свой актив, в нем все члены — антифашисты-демократы. Многие из них преследовались нацистами. Маршал Жуков поручил ему, как военному коменданту Берлина, выступить с докладом о политике советских властей: в городе действуют военные комендатуры, вся полнота власти находится в их руках. С помощью коммунистов и демократов они проводят большую работу по организации демократического устройства в Берлине. Правда, тут не обходится без курьезов. Эсэсовцы, которым удалось скрыться от ареста, кое-где пытались совершить диверсии. Но сами же немцы помогают нашим солдатам обезвреживать их. Сейчас обсуждается вопрос о создании городской полиции, суда и прокуратуры. Возглавит всю городскую полицию Пауль Маркграф, участник движения «Свободная Германия». С ним уже беседовал маршал Жуков.

— А как обстоят дела с транспортом, как метрополитен?

— Наши солдаты трудятся день и ночь, но городской транспорт пока не работает. Трамвайные линии все взорваны, треть станций метро затоплена водой.

— А жители помогают?

— Так точно. Они же видят: все, что делается, только для

них, их детей…

Маршал Буденный и генерал-полковник Берзарин се ли в машину и вместе с сопровождающими их липами направились в центр Берлина. Берзарин давал маршалу пояснения, докладывал, какие работы предстоит выполнить в ближайшую неделю.

— Через два дня мы откроем движение по первой линии метрополитена, а к концу мая введем в эксплуатацию пять линий — там сейчас идет откачка воды, ремонт станций. Новая дирекция метро сумела привлечь к восстановительным работам демократически настроенных немцев. Завтра начнет свои передачи Берлинское радио, готовим также издание газеты советских оккупационных войск «Ежедневное обозрение» на немецком языке. Вот— вот начнут работать театры. Вчера я беседовал с директорами берлинских театров Густавом Грюндгеном, Эрнстом Легалем и Паулем Вернером. Мы обсудили все вопросы, связанные с подбором трупп, репертуара. На днях откроем несколько кинотеатров и будем демонстрировать советские художественные и документальные фильмы.

— Вот, вот, это очень важно — показать немцам наши кинофильмы, — оживился маршал. — Пусть увидят, как и чем живут советские люди. Надо им показать документальные ленты о зверствах фашистов на советской земле. По этим вопросам мы уже беседовали с маршалом Жуковым. Работа, которую вы проводите сейчас среди немцев, — это работа политическая.

Москва готовилась к Параду Победы. В нем должны были принять участие и кавалеристы. Старший сержант запаса П. Ф. Скакун, бывший помощник командира пулеметного взвода, рассказал о таком эпизоде. 4-й гвардейский Кубанский казачий корпус находился в Польше, когда поступил приказ послать в Москву для участия в Параде Победы сводную группу в форме кубанских казаков. Начальник штаба фронта генерал-полковник М. В. Захаров (впоследствии Маршал Советского Союза) обходил выстроенные батальоны. Часть людей была одета в форму кубанских казаков, а часть — в обычную общевойсковую. На вопрос генерала Захарова, почему так получилось, командир сводного полка доложил, что всем кубанской формы не хватило. Тогда генерал Захаров приказал:

— Радировать в Москву лично Семену Михайловичу и передать мою просьбу изготовить вот такую форму… — Он головой показал на кубанских казаков. — Сколько казаков?

— Двести восемь, товарищ генерал! — доложил командир сводного корпуса.

— Изготовить двести десять комплектов! — Улыбаясь, генерал прошел вдоль строя. — Ничего не скажешь, бравые

ребята!..

В чем была сложность? Сшить форму кубанского казака не так-то просто, если учесть, что шили люди, которые ее и в глаза не видели. Пришлось Буденному съездить на швейную фабрику. Он потом говорил маршалу Захарову, как своей просьбой тот озадачил его. Но все было сделано отлично, швейники постарались на совесть.

Парад Победы принимал маршал Г. К. Жуков. Рапорт отдавал командующий парадом маршал К. К. Рокоссовский. Мимо Мавзолея, чеканя шаг, прошли войска — представители десяти фронтов. Каждый фронт был представлен одним полком самых заслуженных воинов. Одиннадцатым шел сводный полк Военно-Морского Флота. Пожалуй, самым волнующим был момент, когда участники особого батальона под дробь барабанов бросали на землю к подножию Мавзолея поверженные фашистские знамена, в том числе и личный штандарт Гитлера. Штандарт захватили в «фюрер-бункере» 2 мая 1945 года воины 301-й Донецкой стрелковой дивизии, которой командовал Герой Советского Союза генерал-майор А. Антонов.

На другой день, 25 июня, правительство устроило прием в честь участников Парада Победы. На нем присутствовали члены Президиума Верховного Совета СССР, народные комиссары, члены ЦК ВКП(б), маршалы, генералы и офицеры Красной Армии и Военно-Морского Флота, виднейшие деятели советской промышленности, науки, искусства, литературы. В Большом Кремлевском дворце собрались прославленные полководцы — командующие фронтами Великой Отечественной войны, командующие армиями, Герои Советского Союза, участники исторических сражений за Вену, Прагу, Белград, Будапешт, воины, водрузившие Знамя Победы над поверженным рейхстагом. Среди прославленных полководцев находился и С. М. Буденный. Стоя среди них, он не стесняясь говорил:

— Я будто помолодел в День Победы… Я счастлив, что сражался с врагом, счастлив, что завоевания революции мы отстояли в жестокой войне и советские солдаты приумножили силы нашей героической армии. Ради этого стоило переносить тяготы и лишения войны.

Всюду, куда в годы Великой Отечественной войны посылали маршала С. М. Буденного партия и Советское правительство, он своей беззаветной и неутомимой работой содействовал достижению победы советского народа и его доблестных Вооруженных Сил над немецко-фашистскими захватчиками. За ратные подвиги во время войны он удостоен высокой награды — ордена Суворова 1-й степени.

В 1958 году Семену Михайловичу Буденному было присвоено звание Героя Советского Союза, в 1963 году он награжден второй, а в 1968 году третьей медалью «Золотая Звезда».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
РОДИНА У НАС ОДНА…

1

Когда закончилась Великая Отечественная война, Буденному исполнилось 62 года. Но об отдыхе он не думал, хотелось еще многое сделать. Впоследствии он говорил, что, когда ездил по стране и видел разрушенные города и села, у него «от боли за людское горе душа разрывалась на части», хотелось работать больше и лучше, чтобы поскорее залечить раны, нанесенные войной. В 1947 году по предложению Генерального секретаря ЦК партии маршал Буденный по совместительству назначается заместителем министра сельского хозяйства СССР. В беседе с ним И. В. Сталин спросил:

— Вот скажите, что требуется для успешного развития животноводства в стране?

Буденный доложил, что для этого необходимы два условия: во-первых, создание прочной кормовой базы, во— вторых, организация и проведение племенной работы в животноводстве…

— Я же говорил, что вам все это хорошо знакомо, — сказал Сталин. — У меня была беседа с министром сельского хозяйства Бенедиктовым. Он говорит, что у вас есть опыт по организации и руководству коневодческим хозяйством страны…

Бывший министр сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктов вспоминал: «В один из обычных рабочих вечеров, было это в 1947 году, в моем кабинете раздался требовательный звонок.

— Бенедиктов у аппарата.

— Здравствуйте, Иван Александрович, — услышал я хорошо знакомый голос Н. А. Поскребышева. — Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.

— Товарищ Бенедиктов, — услышал я неторопливый, чуть с хрипотцой голос Иосифа Виссарионовича, — мы тут в Политбюро посоветовались и приняли решение направить к вам заместителем по коневодству товарища Буденного…

После небольшой паузы, длившейся ровно столько, чтобы я мог сообразить, что бы это означало, Сталин сказал еще несколько слов о том, что коневодство, этот особый, государственной важности участок находится в запущенном состоянии и его надо как можно скорее выправлять.

«Такого человека к нам, в Министерство сельского

хозяйства», — невольно подумал я после того, как положил трубку на рычаг. Честно говоря, в те минуты мне подумалось, что, как бы ни сложилась его работа в качестве моего заместителя по коневодству и куратора главка этой отрасли, он подомнет своим авторитетом и славой всех специалистов…»

Кое-кому это назначение Буденного показалось странным — маршал, военный деятель и вдруг занимается вопросами сельского хозяйства. Однако маршал воспринял это как ответственное задание партии. «Новая должность не помешала моему маршальскому званию, — писал Буденный. — Работал. Старался, и как будто мною были довольны». А вот что сказал спустя годы И. А. Бенедиктов: «Буденный, большой знаток вопросов коневодства и коннозаводства, сделал для сельского хозяйства очень многое. Достаточно сказать, что написанная им книга «О племенной работе в коневодстве и коннозаводстве» стала настольной для зоотехников и специалистов в области продуктивного животноводства».

Сразу же после окончания войны вопросам дальнейшего развития сельского хозяйства страны Коммунистическая партия и Советское правительство уделили огромное внимание. В стране не хватало лошадей, крупного рогатого скота. Свою работу в министерстве Буденный начал с того, что укрепил кадрами все звенья коневодческого хозяйства страны. Особенно тщательно подбирал руководящие кадры для конных заводов. Он лично знакомился с каждым директором конного завода, инструктировал их. Чаще всего это были люди опытные, бывшие командиры кавалерийских частей и соединений, которых хорошо знал маршал. Буденный много ездил, изучал работу конных заводов, колхозов и совхозов, встречался с их руководителями, секретарями райкомов партии, специалистами сельского хозяйства и обсуждал многочисленные вопросы. Без коренного улучшения кормления и содержания животных, говорил им маршал, а также без правильно проводимой работы по улучшению существующих и по выведению новых пород, отбора и подбора невозможно добиться высокой продуктивности животноводства. Что касается племенной работы в животноводстве, ее надо строить на основе передовой биологической науки. Об этом Буденный сказал и на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, проходившей 5–9 мая 1949 года.

Сессия обсудила вопрос о задачах научно-исследовательских учреждений по выполнению трехлетнего плана развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949–1951 гг.). Позже Буденный писал, что

академия и вся научно-исследовательская сеть должны так организовать свою работу, чтобы она способствовала быстрейшему подъему животноводства. В одной из своих статей он отмечал: «Работники академии, институтов, специалисты всех звеньев должны держать тесную деловую связь с колхозами, совхозами, так как только при этом условии они смогут совершенствовать свои знания, быть полезными стране и не превратятся в схоластов, мимо которых пройдет живая действительность».

Почти два года Буденный готовил научный труд, который был издан Государственным издательством сельскохозяйственной литературы. В своей работе он рассматривал многие вопросы: требования к коневодству по зонам; система организаций по улучшению коневодства; что такое порода, чистопородность и чистокровность; о родственном разведении; способы племенной работы в коневодстве и коннозаводстве; выведение лошадей буденновской породы; выведение лошадей терской породы. К этому следует добавить, что буденновская порода лошадей выведена в конных заводах имени С. М. Буденного и имени Первой Конной армии. Лошади этой породы по своим рабочим качествам универсальны: они пригодны под седло и упряжь, прекрасно использовались в кавалерии и на сельскохозяйственных работах.

Академик Герой Социалистического Труда П. П. Лобанов отмечал, что маршал Буденный был известен «как один из лучших знатоков теории и практики коневодства и коннозаводства, он успешно наладил планомерную работу по выведению новых, более продуктивных и выносливых пород лошадей на базе конного завода, носившего его имя». Профессор И. Ф. Бобылев, заведующий кафедрой коневодства Московской ветеринарной академии имени К. И. Скрябина, много лет работавший в этой области рядом с Буденным, писал, что Семену Михайловичу «потребовалось более 25 лет, чтобы путем скрещивания знаменитых чистокровных скакунов с неутомимыми золотисто-рыжими донскими работягами вывести новую породу лошадей. Создание буденновской и терской пород — результат вдохновенного труда многих советских специалистов отрасли, руководил которой заместитель министра сельского хозяйства С. М. Буденный».

Большую работу проводил маршал Буденный на посту члена Президиума Верховного Совета СССР. Опираясь на помощь местных партийных и советских органов, он глубоко вникал во все области жизни Советского государства, помогал местным органам власти, не оставлял без внимания пи один негативный

факт. Так было и в 1952 году, когда он побывал у себя на родине, на Дону. «Меня поразила одна особенность, — писал позднее Семен Михайлович. — Всегда донские станицы утопали в зелени. Возле каждой хаты здесь имеются сады. И вот эти сады очень сильно поредели. Я спросил у земляков, почему вырубают фруктовые деревья? Оказывается, на каждое деревцо финансовые органы накладывали налог. Заниматься садами стало невыгодно. Началась вырубка фруктовых деревьев. Слезы навертывались на глаза, когда валили под корень цветущие яблони, вишни, груши.

Возвратившись в столицу, я написал специальное письмо по этому поводу. Однако по письму мер принято в свое время не было».

Тогда Семен Михайлович лично поехал в ЦК партии, чтобы доложить о положении с фруктовыми деревьями на Дону. Вскоре налоги на них были отменены.

Маршал в те годы объездил тысячи колхозов и совхозов, оказывал им большую практическую помощь.

Буденный принимал активное участие в совершенствовании советского законодательства и правовой системы в целом. Климент Ефремович Ворошилов как Председатель Президиума Верховного Совета СССР поручал боевому другу важные задания, и Семен Михайлович с присущей ему взыскательностью к себе выполнял их: он ездил по стране, изучал работу местных органов власти, вносил на обсуждение Президиума Верховного Совета СССР важные вопросы жизни народа.

Большой вклад внес Буденный в проведение определенного Коммунистической партией курса на мирное сосуществование со всеми странами. Во время поездок за рубеж, встреч с представителями иностранных государств в нашей стране он в своих беседах настоятельно пропагандировал миролюбивую политику Советского государства, разъяснял внешнеполитический курс Коммунистической партии Советского Союза, направленный на борьбу за ослабление угрозы войны, обуздание гонки вооружений. Однажды на приеме по случаю Дня Победы один из иностранных дипломатов в беседе с Буденным сказал, что Англия и США наравне с Советским Союзом вели борьбу с Гитлером. Буденный подозвал к себе переводчика и попросил передать господину дипломату следующее: да, Англия и США оказали некоторую помощь советскому народу в его борьбе с гитлеровскими захватчиками. Но советско-германский фронт был главным фронтом второй мировой войны, СССР вынес на своих плечах основную тяжесть войны, в которой погибло свыше двадцати миллионов советских граждан. «Я гость вашего посольства, — сказал маршал Буденный, — а гости должны быть

сдержанными. Однако вынужден заявить вам, что искажение истины — это дело рук наших недоброжелателей, а мы хотим со всеми жить в мире и дружбе. Я немало воевал на фронтах, не раз был ранен, знаю, что такое война, и могу сказать, что только враги желают проливать народную кровь. Судьба Гитлера — хорошее предупреждение всем тем, кто мечтает о чужих землях».

Особое значение придавал Буденный укреплению дружеских интернациональных связей СССР со странами социалистического содружества. Как-то в беседе с военным атташе ГДР Рихардом Фишером Буденный говорил о том, как важно укреплять дружеские связи между СССР и ГДР. «Мы хотим, — подчеркивал маршал, — чтобы ваш народ знал: советские люди гордятся дружбой с ГДР, всегда готовы прийти на помощь, если кто-либо попытается нарушить ваш мирный труд. Но и мы хотим, чтобы каждый гражданин ГДР знал, какой дорогой ценой добыта наша с вами дружба. Гитлеровский фашизм потерпел крах, и надо сделать все, чтобы он никогда не возродился на немецкой земле».

Военный атташе Рихард Фишер с уважением относился к маршалу, ценил его незаурядный талант военного деятеля. В марте 1967 года Р. Фишер, уезжая в ГДР после пяти лет деятельности в качестве военного атташе при посольстве Германской Демократической Республики в СССР, не смог увидеться с Буденным, поэтому написал ему прощальное письмо, в котором сообщал: «Хочу заверить Вас, что для моей супруги и для меня было большой честью и радостью нашей деятельностью вносить вклад в дело углубления дружбы между ГДР и СССР. Население нашей родины делает все, что в его силах, для того, чтобы с немецкой земли не разразилась новая война. Наши люди знают, что дружба с Советским Союзом означает для них счастье, благосостояние, мир и счастливое будущее.

Бросая взгляд на предстоящую пятидесятую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, заверяю Вас, уважаемый товарищ маршал, что сердца нашей молодежи тысячей уз связаны с сердцами вашей молодежи…»

Буденный внес большой вклад в установление и укрепление отношений между СССР и Монгольской Народной Республикой: многие годы Семен Михайлович был председателем Центрального правления Общества советско-монгольской дружбы. В апреле 1973 года правительство МНР наградило Буденного вторым орденом Сухэ-Батора. Тогда же посол МНР в СССР Н. Лувсанчултэм вручил маршалу этот орден. «Я с радостью выполняю поручение правительства моей страны; вручаю вам, дорогой товарищ Буденный, орден Сухэ-Батора, — сказал посол. — Вы много сделали и делаете для Монголии, и наш народ

этого не забыл». — «Благодарю вас, товарищ посол, за высокую награду, — ответил Буденный. — Я буду носить орден с гордостью…»

Семена Михайловича лично поздравил с высокой наградой Первый секретарь Монгольской народно-революционной партии Юмжагийн Цеденбал. Еще в годы Великой Отечественной войны у маршала сложились с ним добрые отношения. После войны Буденный неоднократно встречался с Ю. Цеденбалом. На XVII съезде КПСС Семен Михайлович говорил Цеденбалу:

— Прошло десять лет с тех пор, как я гостил в Монголии, и рад, что многое изменилось за эти годы. Я читал ваш доклад четырнадцатому съезду Монгольской народно-революционной партии. Ваша страна стала еще сильнее, ваш народ добился больших успехов.

— Да, мы стали сильнее, — ответил Цеденбал. — Но это благодаря бескорыстной помощи великого Советского Союза. У нас простроены предприятия угольной, мукомольной, молочной промышленности, воздвигнуты важные объекты транспорта и связи… Я уверен, что экономическая мощь вашего государства сыграет огромную роль в выполнении третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства МНР. Я чувствую это сердцем, а оно меня еще не подводило…

В январе 1966 года советская партийно-правительственная делегация во главе с Первым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым прибыла на землю древней Монголии. В канун приезда ее в Улан-Батор маршал Буденный выступил в газете «Унэн» со своей статьей. В ней были и такие слова: «Нам, советским людям, кому Ленин завещал быть верными интернациональному долгу революционеров, радостно знать, что свои успехи монгольский народ неразрывно связывает также с советско-монгольской дружбой, с широким и плодотворным сотрудничеством наших стран. Наше братство, родившееся в революции, было осенено великим Лениным и славным сыном монгольского народа Сухэ-Батором».

Маршал вел большую переписку. Рабочие рапортовали ему о первых трудовых успехах, писали колхозники, ветераны войны; другие благодарили маршала за участие в их судьбе, а кто просто рассказывал о себе или напоминал давнюю встречу с Семеном Михайловичем, делился радостями. Сотни, тысячи писем, и в каждом угадывался искренний порыв души советского человека, его уважение к заслугам маршала перед Родиной. Молодые рабочие Камского автомобильного комплекса писали Буденному: «Мы гордимся тем, что народ доверил нам, молодым, эту стройку, и мы докладываем вам, товарищ маршал, что не уроним рабочей

чести, будем изо дня в день перевыполнять задания на каждом объекте…»

— Я верю этим ребятам, — говорил Семен Михайлович. — У них есть цель в жизни, а это как крылья для человека.

Некоторое время спустя Буденный узнал, что к строителям Камского автозавода и города Набережные Челны с напутственными словами обратились герои первых пятилеток — Алексей Стаханов, Мария Виноградова, Петр Кривонос, Александр Бусыгин и Иван Гудов. Прославленные ветераны труда призывали строителей добиваться высоких результатов на любом участке. «Стране нужен массовый большегрузный автомобиль. И мы, люди, знающие цену рабочему слову, уверены, что в срок, назначенный партией и правительством, начнет действовать и даст очень нужную народному хозяйству продукцию Камский автомобильный комплекс…»

— Знаю многих героев первых пятилеток, лично знаком с ними, — сказал тогда маршал. — Помню первый съезд стахановцев. Это был гимн труду. А люди-то какие собрались на нем! Орлы! Спрашиваю Алексея Стаханова, мол, как дела. А он: «Взять бы еще рекорд!» Хорошо знал я и Макара Мазая, лучшего сталевара страны. Двадцать дней подряд средний съем стали у него был почти тринадцать тонн с квадратного метра площади мартеновской печи. Серго Орджоникидзе, в то время нарком тяжелой промышленности, пожал комсомольцу руку, назвав его рекорд революцией в металлургии. Когда я беседовал с Макаром, — продолжал Буденный, — то свой успех он не считал подвигом. В бою проявить себя — да, это мужество, подвиг, а на работе — ну что, мол, там такого? Вари себе сталь, гляди в стеклышко, как кипит она в мартеновской печи, не в огонь же лезешь! В годы войны Мазай сражался в рабочем отряде под Мариуполем, а когда в город ворвались фашисты, остался в подполье. Но его схватили враги, они хотели склонить Мазая к измене Советской Родине, обещали ему несметные богатства, только бы он согласился работать на них. Но Мазай не предал свою Родину. Погиб, но не предал. Характер у него оказался покрепче той стали, которую сам он плавил.

Кто бы ни приезжал к маршалу, для каждого он находил время. Принес адъютант как-то на подпись документы, а маршал говорит: «Поезжайте во Внуково, там у военного коменданта ветеран ждет, ко мне прилетел из дальних краев. Что-то с пенсией у пего неладно…» Однажды у Буденного поднялось давление. Врач, осмотрев его, строго заметил: «Покой и покой. Лежать в постели». Но едва врач уехал, как маршалу позвонили из приемной Президиума Верховного Совета СССР. С Кубани

приехала старая женщина, вся в слезах — сын под суд попал, а ей кажется, что он вроде бы и невиновен. Просит встречи с членом Президиума Верховного Совета СССР Буденным. «Я ему все по совести расскажу, а уж Семен Михайлович сам решит, что мне делать…».

— Пусть ко мне приезжает, — маршал положил трубку телефона. — Я чуть-чуть, два слова скажу ей, и все. Только два слова…

Дело оказалось не «на два слова». Когда женщина ушла, маршал продиктовал адъютанту письмо Генеральному прокурору СССР с просьбой взять жалобу под особый контроль. И действительно, через месяц с Кубани пришло радостное письмо, полное всяких благодарностей.

В ноябре 1969 года предстоял III Всесоюзный съезд колхозников. Семену Михайловичу принесли гостевой билет № 0272, где указывалось, что он, маршал Буденный, приглашается принять участие в работе съезда. В билете значился первый ряд в зале. Один из близких друзей маршала по гражданской войне, генерал-майор П. К. Случевский, сказал:

— Тут, видно, произошла какая-то ошибка. Ваше место, Семен Михайлович, в президиуме съезда.

— Петр Кириллович, а может, попросить для себя отдельную ложу? — с иронией спросил Буденный и серьезно добавил: — Важно не то, где сидеть, важно дело делать… Правда, у меня были ситуации посложнее. — Буденный лукаво прищурил глаза. — В феврале тридцать пятого года я участвовал в работе второго съезда колхозников-ударников. Так вот Мария Демченко начала свою речь с упоминания моей персоны. Ничуть не смущаясь, с трибуны съезда она во весь голос заявила: «Хай живе любимый Буденный!» Честное слово, я так смутился, что глаз не мог поднять. А сидевший рядом Демьян Бедный толкает меня в бок и шепчет: «Семен, ты слышишь? Если Демченко желает тебе долго жить, то будешь ты жить сто лет!» Хотя бы только раз упомянула мою персону, а то не раз и не два. В перерыве ей и говорю, мол, к чему прославлять меня, а она смеется: «Так це ж привет от сельчан!..» Ну каково, а? — Семен Михайлович улыбнулся. — Потом попросила меня с ней сфотографироваться. «Если, — говорит, — я не привезу фотокарточку, мне никто не поверит, что я передала вам привет от колхозников района».

Когда маршал работал над третьей книгой своих воспоминаний «Пройденный путь», возникла необходимость проверить написанное, особенно те страницы рукописи, где рассказывалось о деятельности Г. К. Жукова в инспекции кавалерии РККА. Семен Михайлович поручил адъютанту съездить

к маршалу Жукову. Может, вкралась какая-нибудь ошибка. А тут важна объективность. Книги ведь живут века.

В те дни Георгий Константинович прибаливал, но он все же нашел время выслушать просьбу маршала.

— Нет уж, — сказал Жуков, — читать я не стану. Не имею права. Не год и не два я служил под началом Семена Михайловича. Я многому научился у него до войны, уже тогда известного всей стране полководца и народного героя. И то, что он счел нужным написать обо мне, ему лучше известно, нежели мне. Он был моим командиром, и он вправе оценивать мою работу. Знаете, — добавил Жуков, — если ученик начинает поучать своего учителя, то это плохой ученик. А я не хочу быть плохим учеником. Нам с ним довелось пройти тяжкими дорогами Великой Отечественной войны. Но даже в те горячие годы мы оставались с Буденным искренними боевыми друзьями. Не раз в Ставке или у Верховного Главнокомандующего обсуждали разные военные вопросы, особенно когда Семен Михайлович был командующим кавалерией Красной Армии. Не скрою, порой мы спорили с ним, расходились в оценке той или иной операции, в подготовке войск, в частности, кавалерийских частей и использовании их на различных фронтах. Но всегда это был деловой, партийный разговор. Буденный по натуре своей хотя и горяч, но эго не мешало ему быть во всем объективным. Мне, как заместителю Верховного Главнокомандующего, не раз приходилось давать Семену Михайловичу поручения, и всегда он выполнял их на совесть, в пример другим военачальникам. Точно так же поступал и я в двадцатых и тридцатых годах, когда служил и работал под его началом…

Буденного связывала большая дружба с писателями, художниками, скульпторами, артистами. Как-то ему позвонил художник В. Н. Мешков и попросил разрешения писать его портрет. Семен Михайлович дал согласие, и художник стал работать у маршала на квартире. Сеансы проходили интересно: Мешков рассказывал Буденному о художниках, о различных течениях в искусстве, а маршал — о подвигах воинов Красной Армии.

— Однажды, оставшись один после очередного сеанса, — рассказывал маршал, — я стал рассматривать портрет, и мне показалось, что застежка на гимнастерке не на середине и усы уж очень жесткие, торчат, как у кота. Я взял кисть и поправил портрет. Мне показалось, что портрет стал лучше. Но каково же было мое удивление, когда на следующий день, приехав домой, я еще в передней услышал разгневанный голос художника. Вхожу в кабинет и вижу разъяренного Мешкова. Он ругался, что кто-то

«изуродовал» портрет.

— Не изуродовал, а подправил, — сказал я.

Это окончательно вывело художника из равновесия. Я тоже вспылил. И в результате сеанс не состоялся.

Через некоторое время Мешков позвонил.

— Семен Михайлович, вы на меня не сердитесь? — спросил он.

— Нет, — отвечаю я, — я быстро отхожу.

— Я тоже, — сказал Мешков. — Может, продолжим наши встречи?

— Пожалуйста, — ответил я.

Портрет получился хороший и мне очень понравился.

— Но почему глаза вы сделали светлыми, с голубизной? — спросил я. — Ведь они у меня, как у кошки, карие с зеленцой?

— Глаза — зеркало души, а душа у вас светлая, — ответил художник с улыбкой.

Так был закончен портрет, и мы расстались друзьями. Буденный выдвигал таланты, помогал людям утвердить себя. Так было и с народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии СССР К. К. Ивановым. «Мой Костя» — как любовно называл его маршал. Иванов был воспитанником одного из полков Красной Армии, где научился хорошо играть на духовых инструментах. Прослужив некоторое время музыкантом в пехотных частях, он попал в кавалерию и был очень рад, потому что давно мечтал стать кавалеристом. В Тифлисе, где в ту пору жил Иванов, свою службу он совмещал с учебой в консерватории. Директором консерватории был известный композитор профессор М. М. Ипполитов-Иванов. Но вот Иванов уволился из полка и приехал в Москву с одним желанием — поступить учиться в Московскую консерваторию. Устроился он в 63-й полк Особой кавбригады, который стоял на Ходынке. Там его и увидел Буденный. Командир полка Павловский доложил Семену Михайловичу, что «наш трубач Костя Иванов и музыку сам сочиняет». Оркестр сыграл один из маршей, сочиненных Ивановым. Буденный, когда утихла музыка, сказал: «Тебе, парень, учиться надо, нам нужны хорошие музыканты». Буденный отдал приказание начальнику штаба по слать Иванова учиться и дал направление в музыкальный техникум имени Скрябина. Позже, когда при Московской консерватории открылись курсы военных капельмейстеров, он перешел на эти курсы, и потом его перевели на симфоническое отделение. Так Иванов стал студентом Московской консерватории. В апреле 1963 года маршалу Буденному исполнилось 80 лет. Не забыл его поздравить и народный артист СССР К. К. Иванов. Позже Иванов писал: «За

разговором Семен Михайлович вдруг спросил меня:

— Костя, а помнишь ли ты наши боевые сигналы? — Я ответил утвердительно. Да и разве мог я забыть наши кавалерийские сигналы!..

— А ну спой, — сказал Семен Михайлович, — «Всадники, двигайте ваших коней в поле галопом быстрей» (то есть галоп).

Я спел. Он попросил спеть «По переднему уступу». А потом мы в два голоса начали с Семеном Михайловичем петь другие сигналы…

Встречи с Семеном Михайловичем оставили след в моей душе, в моей жизни. Ведь, дав мне направление на учебу, он стал моим крестным отцом, помог найти себя. Не обрати Семен Михайлович тогда, в те далекие годы, внимания на мальчишку с трубой, может, и не стал бы я дирижером. И за это особое, великое спасибо ему…»

Лауреат Ленинской премии скульптор Е. В. Вучетич давно мечтал вылепить из мрамора бюст полководца, и когда ему удалось это сделать, бюст экспонировался на Всесоюзной художественной выставке 1951 года в Третьяковской галерее. Семен Михайлович приехал на выставку. Долго и с интересом разглядывал он скульптуру, затем сказал стоявшему рядом Евгению Викторовичу Вучетичу: «Вот уж не думал, что из мрамора можно сделать такое живое лицо». На вопрос скульптора, похож ли он, маршал ответил: «Очень даже…»

Затем они заговорили о другом произведении — «Степан Разин». В работе над ним Вучетичу помог М. А. Шолохов. По первому замыслу, горбинки на носу у «Степана» не было. Сделал ее Вучетич по совету Шолохова.

— Должна быть горбинка непременно, — заметил Шолохов…

Буденный гордился, что был земляком Шолохова, не раз бывал у него в гостях; рассказывал, как с трибуны XVIII съезда партии Шолохов заявил: в частях Красной Армии под ее овеянными славой знаменами «будем бить врага так, как никто никогда его не бивал, и смею вас уверить, товарищи делегаты съезда, что полевых сумок бросать не будем — нам этот японский обычай ну… не к лицу».

В романе М. Шолохова «Они сражались за Родину» есть такой эпизод. Командир дивизии полковник Марченко, раненный под городом Серафимовичем в предплечье и голову, узнал о том, что к нему пришло двадцать семь бойцов во главе со старшиной Поприщенко. В тяжелом и неравном бою они сохранили знамя полка. Марченко, несмотря на острую боль, лично поблагодарил бойцов за мужество и преданность своему воинскому долгу. Он говорил о том, что с этим знаменем на Южном фронте сражался

полк с деникинскими бандами. Это знамя видел на Сиваше товарищ Фрунзе. Развернутым это знамя многократно видели в бою товарищи Ворошилов и Буденный. Это место в романе показал маршалу генерал армии А. Стученко. Буденный просмотрел страницы, прочел о себе, нахмурился.

— Зря он обо мне… Герои-то солдаты. Я только командармом был. Мое дело направлять бойцов. А уж сражались они…

«Голос большого писателя, как звон огромного колокола, слышен далеко, — любил говорить Семен Михайлович. — У Миши Шолохова и есть такой голос». Сам писатель с уважением относился к полководцу, высоко ценил его заслуги перед своим Отечеством. В день 80-летия Семена Михайловича М. Шолохов прислал ему приветственную телеграмму. В архиве хранится ответ маршала. Буденный, в частности, писал: «Если бы я обладал талантом художника слова, каким щедро наделила Вас природа, родная донская земля и ее мудрый народ, то все бы самое сильное я вложил в это послание, чтобы оно донесло до Вашего сердца мои горячие чувства братской признательности. Я горжусь, что являюсь земляком писателя, могучая жизненная правда и художественное совершенство литературных трудов которого с таким ослепительным блеском показали громаду исторических событий Великого Октября, гражданской войны и становления Советской власти. За власть Советов я расписался шашкой и рад, что мой ратный автограф пригодился для Ваших чудесных произведений».

Уж если маршал с кем «завязывал узелок», то это накрепко и надолго. Так у него было и с Алексеем Толстым. «Русский народ, — писал Толстой, — создал новые формы организации конной боевой части. Такой была вышедшая из Сальских степей бригада Семена Буденного. Не в одной только храбрости заключалась ее сила. Белоказаки тоже умели рубить до седла. От обозного бородача до знаменосца, с усами в четверть, буденновская бригада была спаяна верностью и дисциплиной. Ее эскадроны, ее взводы формировались из односельчан. Бойцы, когда-то вместе ловившие кузнечиков в степи, шли рядом на конях. Сыновья, племянники — в строю, отцы, дядья — на тачанках и в обозе».

Когда Алексей Толстой писал свой знаменитый роман-трилогию «Хождение по мукам», он часто бывал у Буденного, и все просил открыть ему «тайну» побед бойцов Красной Армии. Толстой недоумевал — раздетые, порой голодные, красные кавалеристы били хорошо вооруженных, сытых, поддерживаемых империалистами врагов. В чем была их сила? Буденный как мог пояснял писателю, в чем сила воинов Красной Армии, в том числе

и конармейцев. По словам маршала, Толстой был благодарным слушателем, дотошно вникал во все детали армейской службы, особенно требовал подробностей, когда речь заходила о боях Конной армии. Порой спорил, выясняя истину. Выпытывал мельчайшие детали не только у Семена Михайловича, но и у Ворошилова, у других ветеранов гражданской войны. Иногда просил Буденного нарисовать ему схему боя или показать на карте, где и как стояли полки, откуда наседал противник и где были конармейцы.

Однажды автор этой книги попросил маршала С. Буденного рассказать что-нибудь интересное из встреч его с Алексеем Толстым. Семен Михайлович сказал: «Да, Алеша Толстой… Дружили мы с ним, он часто бывал у меня, Клима Ворошилова. Довелось мне слушать его на Чрезвычайном восьмом съезде Советов. Интересно говорил! После вечернего заседания пригласил его к себе домой. Веселый, общительный, умный человек. Все донимал расспросами о гражданской войне: как, дескать, воевал, каких генералов бил? А потом неожиданно спросил: «А как же получилось, что Шкуро от вас ушел?» Трусливый, говорю, потому и ушел. Ведь храбрый один раз умирает, а трус — десятки раз. Выглядел Толстой хорошо, не дашь ему пятьдесят лет, а ведь мы с ним почти ровесники: он отмечал свое пятидесятилетие в январе 1933 года, я — в апреле того же года. Верилось, он напишет еще немало хороших книг. К двадцатилетию Октябрьской революции обещал написать роман «Оборона Царицына», хотя работал над романом «Хождение по мукам». В нем просто все бурлит. Не зря Ворошилов сказал: «Этот бывший граф тоже отдал свое сердце Советской России». Просил меня оказать ему помощь в подборе исторических материалов. Чувствовалось, что Толстой — огромный, большой художник, требовательный к себе и к другим, прекрасный учитель молодых литераторов. Не зря его хвалил Максим Горький. Я помню траурный митинг на Красной площади во время похорон Горького. Толстой сказал: «В какой-нибудь год имя Горького облетело весь мир. Он стал предтечей революции, ее буревестником». Хорошо сказал! И сам следовал призыву Горького писать для народа… — Буденный сделал паузу. — Ну а что касается его романов, то в них отражено немало эпизодов, связанных с Первой Конной армией, и за это я ему благодарен. Вы помните мой рассказ о том, как Олеко Дундич вручил генералу Шкуро мое ультимативное письмо? Так вот, об этом эпизоде я рассказал Толстому, и писатель использовал его в своем романе…»

А. Толстой писал: «В ночь на девятнадцатое октября разведка

донесла, что началось движение противника. Час кровавой битвы наступил. Семен Михайлович, сидевший со своими начдивами при свече над картой, сказал: «В добрый час», — и отдал приказ по дивизиям, по полкам, по эскадронам: «По коням!» Алексей Толстой был прав, упрекнув Буденного в том, что генерал Шкуро из Воронежа тогда удрал. Писатель затронул больное место Семена Михайловича: он никак не мог себе простить, что в боях за Воронеж Шкуро удалось бежать. Ну а от возмездия этот кровавый генерал— палач так и не ушел… Сразу же после победы в Великой Отечественной войне в один из весенних дней Буденному позвонил домой И. В. Сталин. Он спросил, не хочет ли Семен Михайлович посмотреть на своих бывших «друзей» по гражданской войне. Естественно, маршал тут же спросил: кто они? Сталин ответил: Шкуро, Краснов и другие. Буденный уже знал о том, что под ударами наших войск в предгорьях Альп части так называемой «русской освободительной армии» (РОА) бежали в горы. Генерал-лейтенант Шкуро, атаман Краснов, командир «дикой» дивизии генерал-майор князь Султан-Клыч, а также генерал-майор Доманов попали в плен. Буденного смутил такой неожиданный вопрос, ему не хотелось видеть этих битых генералов, и он сразу даже не решился прямо сказать об этом Сталину. Наконец ответил с присущей ему честностью:

— Товарищ Сталин! Честно скажу: не хочу их видеть. Народ давно вынес им свой приговор.

— Ну что ж, Семен Михайлович, я не возражаю, — согласился Сталин. — Я понимаю и разделяю ваши чувства…

Но вернемся к Алексею Толстому. Буденный щедро помогал ему освоить материал для своих романов. По его совету Толстой едет туда, где проходили жестокие сражения с белогвардейцами. Он побывал в Ростове, Новочеркасске, в станице Павловской, в Синельникове, в Запорожье, пароходом проехал по Волге от Астрахани до Рыбинска. Сколько впечатлений, сколько интересных встреч с ветеранами гражданской войны!..

К маршалу Буденному обращались люди самых разных возрастов и профессий, и в этом было признание его великих заслуг перед партией и советским народом.

2

Февраль 1957 года. В Кремле проходят заседания шестой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва. После окончания вечернего заседания маршала Буденного окружили депутаты. Тут были его земляки с Дона, друзья из Калмыкии и

Ставрополья, ветераны Первой Конной армии. Герой Социалистического Труда председатель колхоза имени Буденного М. А. Посмитный с увлечением рассказывал Семену Михайловичу о делах тружеников. Хозяйство их окрепло, так что есть о чем доложить на сессии Верховного Совета СССР. Посмитный пригласил маршала в гости. Буденный не без чувства уважения ответил: вот он скоро поедет по конным заводам Дона и обязательно выкроит время для встречи с тружениками артели. Не может же он не побывать в колхозе, носящем его имя! Тут уж надо выбрать время, а то что люди скажут? Возгордился, мол, Буденный… К ним подошел Николай Константинович Черкасов и по-военному поздоровался с маршалом. «Добрый день, товарищ Полежаев!» — с лукавой усмешкой ответил Буденный. Черкасов быстро нашелся: для него, полководца, он скорее не профессор Полежаев, а Александр Невский. «Помните его слова? «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет русская земля»?» Буденный пригласил Черкасова и Посмитного к себе. Они сидели за столом, и тут Черкасов, как бы продолжая начатый разговор, признался, что поначалу трусил браться за роль Александра Невского. Вдруг не сумеет? А потом все получилось. Посмитный спросил, а правда, что в кинофильме «Александр Невский» лошади тонут в Чудском озере? Ну, когда русские ударили по крестоносцам.

— Бутафория! — сказал Черкасов.

Буденный шутливо заметил: если бы в озере утонула хоть одна лошадь, он, маршал, посадил бы Николая Константиновича на гауптвахту. Все трое добродушно засмеялись.

В Черкасове маршалу правились энтузиазм актера и его темперамент на сцене, покоряющая зрителя правдивость создаваемых им образов. Потому-то он и покорял людские сердца. Вот кинофильм «Ленин в восемнадцатом году». Там Черкасов играет роль Максима Горького. До чего же сильно у него получилось! Или взять картину «Оборона Царицына». Там Черкасов — крестьянский ходок к Ленину. Какой образ! Истинный крестьянин. Маршалу, бывшему батраку, это очень близко. И сам фильм — сущая правда, в обороне Царицына в годы гражданской войны он также принимал участие. После боев под Царицыном, по существу, и родилась Первая Конная армия.

В годы войны на экраны страны вышел кинофильм «Его звали Сухэ-Батор». Черкасов в этом фильме сыграл роль барона Унгерна. Вместе с Буденным этот фильм смотрел маршал Чойбалсан. «Молодец товарищ Черкасов, — сказал тогда Чойбалсан, — я лично отблагодарю его». И отблагодарил…

Весной 1943 года, когда Черкасов находился в Алма— Ате на

съемках художественного фильма «Иван Грозный», ему из Монголии прибыл подарок — охотничье ружье. В посылке было письмо. «Уважаемый Николай Константинович! — писал советскому артисту маршал Чойбалсан. — Весьма рад Вашему успеху в работе над ролью Ивана Грозного. Надеюсь, что Вы воспользуетесь возможностью посетить нашу страну, как только для этого будут соответствующие условия. Наш народ, которому Вы знакомы по многочисленным кинокартинам, примет Вас как дорогого гостя. Посылаю Вам в подарок охотничье ружье 12-го калибра «Зауер» три кольца № 261870 и 100 шт. патронов к нему. От души желаю доброго здоровья и успехов в работе…»

Автор этих строк как-то спросил Буденного, почему маршал Чойбалсан подарил Черкасову именно ружье?

— Черкасов был охотником, и, когда зашел разговор о подарке, я посоветовал Чойбалсану послать ему ружье.

Однажды в одной из бесед Буденный сказал Черкасову:

— Образы, которые вы создаете на сцене или в кино, помогают нашим людям, особенно молодежи, лучше работать во имя настоящего и будущего, видеть себя в деле, искать и находить то, что мешает идти в ногу с жизнью. Я видел вас в роли Александра Невского, Ивана Грозного, профессора Полежаева, Максима Горького, Александра Попова, профессора Антонова, Стасова, академика Дронова… Я не напутал, нет?

Черкасов с любовью глядел на маршала и кивал.

— Все правильно, это мои главные роли. Память у Вас, Семен Михайлович, крепкая, дай бог мне иметь такую память в ваши годы.

Маршал, словно не слыша его, спросил:

— Скажите, пожалуйста, а что главное для актера?

Черкасов задумался, поглядел в окно:

— Я, право, затрудняюсь сразу ответить. Лично для меня главное — это учиться у жизни. Изучать современников, проникать в их мир, в их характеры. Я бы сравнил актера с командиром Советской Армии. У командира много подчиненных, десятки, сотни, а иногда и тысячи. У каждого свой характер, свои нравы, свое отношение к окружающему. И чтобы влиять на эту массу людей, учить ее, делать то, что велит командир, а не то, что ей хочется, надо обладать определенным талантом воспитателя. Такими были Фрунзе, Блюхер, Чапаев, Щорс, Пархоменко, Котовский. А если взять минувшую войну, то я назвал бы маршалов Конева, Рокоссовского, Мерецкова… Ну а Жуков — это талантище. Не зря ведь Сталин сделал его своим первым заместителем. Не знаю, как удались бы мне роли полководцев. А вот Жукова, пожалуй, взялся бы сыграть. Ведь какая натура —

богатая, властная, требовательная, мужественная.

— У вас есть учителя в актерском смысле слова? — спросил маршал.

Черкасов ответил сразу, словно ожидал этого вопроса.

— И не один, Семен Михайлович. Вот Борис Щукин. Он первым создал на сцене образ вождя революции Ленина в пьесе Николая Погодина «Человек с ружьем». Я завидовал Щукину, До чего же сильно он играл! Чем он покорил меня? Правдой-матушкой. Его Ленин — натура сильная, цельная, живая и неугомонная. Ему удалось схватить мельчайшие штрихи в облике вождя революции. Ленин буквально слит с народом, рабочими, ты чувствуешь его могучий ум, ты восхищаешься этим гениальным человеком. Порой даже забываешь, что на сцене артист, а не Ильич. Вот она, сила искусства, — ты веришь образу, как поверил бы себе.

Буденный поглядел на Черкасова, задумчиво сказал:

— Ленин один у всего человечества. Ну а как вам удается почувствовать своего героя, сжиться с ним? Что здесь главное — понять его натуру, распознать характер?

— И то и другое, — пожал плечами Черкасов. — Хотя я не волшебник, а самый обыкновенный человек. И еще надо быть храбрым. Говорят, что храбрость — это до конца не осознанная ответственность. Конечно, это относится к храбрости на войне, в бою. Но есть она и у нас, артистов. Это когда ты добиваешься чего-то на сцене. Тебе трудно, до слез трудно, а ты должен, обязан воплотить свой замысел в образе. А тот, кто уходит со сцены, не добившись своего, просто дезертир.

— У вас такое было? — Маршал смотрел на артиста с улыбкой.

— Что вы, Семен Михайлович? — воскликнул Черкасов. — Да я бы первым пришел к вам и сказал: рубите мне голову шашкой. Может, потому и добился я многого в искусстве, что до седьмого пота работал. А вот сижу сейчас рядом с вами, беседую, и как-то мне становится неловко при мысли, что не довелось служить в армии. Вы — участник четырех войн, кровь проливали, осколок до сих пор сидит у вас в теле… А я кто такой?

— У каждого в жизни своя судьба, — заметил Буденный. — Своя дорога, свой долг и свое призвание. Я в кино не сыграл ни одной роли — и ничего, живу. Значит, моя польза обществу в другом.

Заслуженный работник культуры РСФСР Б. В. Преображенский почти всю войну пробыл в 6-м гвардейском кавалерийском корпусе, которым командовал генерал-лейтенант С. В. Соколов. «Уже после войны генерал Соколов пригласил меня

поехать с ним на дачу к Буденному, — рассказывал художник. — Я с радостью согласился. Маршал близко знал художников Грекова, Мешкова, Бродского, Авилова, Герасимова, Савицкого и многих других. И неудивительно, что, пожалуй, самая большая изолетопись создана о Семене Буденном. Как-то у меня возникла идея написать картину — Буденный с командирами-кавалеристами. «А что, командиры гвардейских кавалерийских корпусов — это же настоящие герои! — воскликнул маршал. — Пиши, если что, я готов помочь». По моему эскизу Семен Михайлович утвердил расположение всех персонажей. Потом началась этюдная работа над портретами участников композиции. Буденный часто приезжал в мою мастерскую позировать. В 1948 году, к тридцатилетию Советской Армии, эта картина была показана на выставке о Музее имени А. С. Пушкина.

Так началась моя дружба с полководцем. Позируя, Семен Михайлович рассказывал мне о своем трудном детстве, немало интересного узнал я о героях Первой Конной армии, о тех, с кем довелось маршалу служить в период Великой Отечественной войны. Как-то маршал показал мне две свои фотокарточки — в парадной и повседневной форме, когда служил в царской армии драгуном. «Давай напишем, а?» — спросил он. Это предложение мне понравилось. Так появились портреты маршала — полного георгиевского кавалера. За двадцать лет дружбы с маршалом я написал немало картин, посвященных боевой деятельности полководца. А картина «Степные богатства», созданная вместе с художником Д. И. Домогацким после поездки на конный завод имени Буденного в Сальских степях, экспонировалась на всесоюзной выставке. Картина «Вручение С. М. Буденному золотого оружия от ВЦИК» и «Шашка от Ленина» также полюбились воинам. К 30-летию Победы я написал картину «Маршал С. М. Буденный принимает парад войск на Красной площади 7 ноября 1941 г.». Но эту картину Семен Михайлович уже не увидел…»

Однажды на встрече с молодыми литераторами маршала спросили: «Как вы оцениваете творчество Владимира Маяковского?» Буденный ответил: «Очень высоко. Я люблю Маяковского, он воспел нашу партию. Ленина воспел. А партия и Ленин для меня святая святых… Я хорошо знал поэта. В бытность мою заместителем командующего войсками Северо-Кавказского военного округа в начале двадцатых годов Маяковский приезжал к нам в Ростов, читал нам, военным, свои произведения. Когда в двадцать восьмом году он прочел мне свою «Десятилетнюю песню», я обнял его, как родного человека. С какой любовью он написал о Красной Армии! Стихи посвящались десятой

годовщине Красной Армии. Вот послушайте:

Помня
принятие
красных
присяг,
лава
Буденных
пойдет
на рысях.
Против
буржуевых
новых блокад
красные птицы
займут облака.
Крепни и славься
в битвах веков,
Красная
Армия
большевиков!..

«Я выучил эти стихи не потому, что Маяковский пишет про «лаву Буденных», — как-то заметил маршал, — а потому, что он правдиво передает то былинное время, когда мы сражались на фронтах гражданской войны, зовет воинов армии и флота быть всегда начеку. Кстати, — продолжал Семен Михайлович, — до войны инспекция кавалерии Красной Армии издавала свой журнал «Красная конница». Я был его редактором. В тридцать девятом году ноябрьский номер мы посвятили двадцатилетнему юбилею Первой Конной армии. По предложению редколлегии в этом номере и были напечатаны эти стихи Владимира Маяковского». Народный артист СССР, награжденный четырьмя орденами Ленина, Иван Семенович Козловский, который много раз бывал в семье Буденных, дружил с полководцем, уже после кончины маршала писал: «Есть деяния полководцев, в результате которых создаются высокие классические произведения искусства. К числу таких людей принадлежит Семен Михайлович Буденный, человек неповторимой судьбы, которого наше поколение помнит с юных лет. О нем немало написано в литературе, создано немало песен, волнующих нашу молодежь и поныне. Несомненно, что он послужит героем новых литературных произведений. И в музыке о нем скажут свое слово исполнители и композиторы. Но опера, занявшая в моей жизни большое место, требует отдаленных событий, о чем говорил еще

Александр Сергеевич Пушкин, когда он утверждал, что деяния Петра Первого слишком близки к нему по времени. А то он написал бы роман. Будут воспеты боевые дела Семена Михайловича в империалистическую войну, в гражданскую и в Великую Отечественную, и тот волнующий эпизод, свидетелем которого были миллионы советских людей и наших друзей за рубежом, когда полководец прощался со своей боевой шашкой, вручив ее комсомольцам семидесятых годов в Кремлевском Дворце съездов. Сегодня это выглядит несколько театрально. Но ведь Верховный Главнокомандующий Сталин принимал меч от короля Георга Шестого гражданам Сталинграда за их мужество и стойкость в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, колено преклонивши. Символично и то, что этот Почетный меч английского короля делегации города Сталинграда вручал маршал Буденный!.. Лично я, — продолжал Козловский, — преклоняюсь перед боевыми делами полководца. счастлив, что дружил с ним, слушал рассказы маршала о его жизни. Уверен, что наши деятели искусства и литературы создадут новые произведения, в которых будет воспет Семен Михайлович, человек и военный деятель». В личной библиотеке маршала было около десяти тысяч книг. Среди них — около тысячи с автографами. Надписи на книгах очень выразительны, они показывают его глубокие связи с государственными и общественными деятелями страны, военачальниками и рядовыми солдатами, писателями, учеными, актерами и музыкантами. Вот, например, что написал на своей книге «Токсикология ядовитых растений» профессор И. А. Гусынин: «Маршалу Советского Союза Семену Михайловичу Буденному — в знак глубокой признательности Вам за помощь в издании книги и в Вашем лице — партии и правительству, которые помогли мне, ветеринарному врачу чапаевских отрядов (1918 г.), стать научным работником. Автор, 5 ноября 1951 г.». А вот автограф профессора В. О. Витта на его книге «Из истории русского коннозаводства. Создание новых пород лошадей на рубеже XVIII–XIX столетий», изданной в Москве в 1952 году: «Первый авторский экземпляр руководителю советского коневодства Маршалу Советского Союза Семену Михайловичу Буденному. Профессор В. Витт». Есть в библиотеке и книги, подаренные ему видными государственными деятелями и военачальниками. Автографы А. А. Андреева, К. Е. Ворошилова, Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, С. С. Бирюзова, главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова и многих других. Вот книга «Город-воин на Днепре» с надписью: «Уважаемому Семену Михайловичу в память о трудном лете 1941 года. И. Баграмян». Адмирал флота Советского Союза И. С. Исаков на

книге «Военно-Морской Флот СССР в Отечественной войне» написал: «Маршалу Советского Союза Буденному С. М. в знак глубокого уважения к своему командующему и на память о пережитом на Северо-Кавказском фронте от Исакова. 15.7.44 г.». Автограф Ю. А. Гагарина на книге «Дорога в космос. Рассказы летчика-космонавта» краток и выразителен: «Дорогому Семену Михайловичу Буденному с глубоким уважением и благодарностью. 10. Гагарин». А вот еще одна примечательная надпись: «Славному участнику персидского похода Маршалу Советского Союза дорогому Семену Михайловичу Буденному на память от автора как воспоминание о конных боях лихого Северского драгунского полка у Хамадана, на равнинах Керменшаха и под пальмами Ханекина. Участник похода бывший подъесаул 1-го казачьего Горско-Моздокского полка Мугуев Хаджи-Мурат. 6 апреля 1955 г. Москва». Автор известных мемуаров «Пятьдесят лет в строю» А. А. Игнатьев на первом томе написал: «Примите, дорогой Семен Михайлович, сей законченный труд старого кавалериста — в знак самого высокого к Вам уважения автора Алексея Игнатьева. 15.1.51 г.». Буденный делал выписки из прочитанных книг, подчеркивал в них интересные для него мысли, иногда записывал свое мнение о прочитанном. На пьесе К. Симонова «Русские люди», которую маршал прочел с интересом, крупным размашистым почерком написал: «Хорошая. 14.5.42 г.». Маршалу нравились романы советских писателей, в которых воссоздавались картины исторического прошлого России, показывалась освободительная борьба русского народа, завершившаяся победой великого Октября. По нескольку раз перечитывал Буденный любимые книги, среди них — «Петр Первый» и «Хождение по мукам» А. Толстого, «Цусима» А. С. Новикова-Прибоя, «Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского, «Порт-Артур» А. Н. Степанова, «Железный поток» А. С. Серафимовича. О романе «Война и мир» Л. Н. Толстого он говорил: «Каждый русский человек, особенно военный, должен не раз и не два прочесть эту вещь. Лично я не могу быть равнодушным к этому роману». А из «Холстомера» цитировал по памяти целые куски. Особенно маршал ценил произведения своих земляков М. А. Шолохова, Д. И. Петрова-Бирюка…

3

С открытым сердцем шел Буденный к молодежи. Он подчеркивал, что воспитание молодежи — это большая, кропотливая работа, и требует она от каждого огромной любви,

выдержки, ума. Так он и поступал. Беседовал с юношами неторопливо, будто вслух размышлял. Речь насыщал такими словами, которые заставляли задуматься, побуждали человека как бы изнутри увидеть себя; он стремился укрепить в их сознании мысль, что военному делу надо учиться серьезно, со школьной скамьи готовить себя к трудным испытаниям. «А у нас есть парни, которые не понимают, как важно стать настоящим солдатом. Но Родина-то у нас одна, и ее беречь надо. Это же святое наше дело! На этом деле каждый проверяет себя!» Сами ребята часто обращались к Буденному, просили дать совет, как поступить в том или ином случае. Ученик с Дона писал: «Я скоро уйду служить в армию и очень прошу Вас, дорогой Семен Михайлович, дать мне совет — кем быть? Я хочу в танкисты, а потом вернуться в колхоз и работать трактористом. А дедушка, который в молодости служил на Черноморском флоте и плавал на кораблях, говорит: «Иди на флот, там будешь человеком!» А разве на суше я не стану человеком? Отец мой и дедушка поспорили. Подскажите, кто из них прав и куда мне идти служить…»

— Что ж, придется написать ему, — прочтя письмо, сказал маршал. — И на флоте, и в армии служить почетно. Не это главное. И там и там вырастают людьми. Важно стать настоящим воином. Служба в Вооруженных Силах — это же целый жизненный университет!

Буденный высоко ценил воспитательное значение походов но местам революционной, боевой и трудовой славы советского пароода. В ответном письме украинским комсомольцам, решившим совершить поход по героическим местам, где сражались их отцы, он писал: «Я хочу пожелать успеха всем вам, кто решил отправиться по следам героического рейда партизан С. А. Ковпака от Путивля до Карпат. Во время гражданской войны красная конница, совершив более чем тысячеверстный переход от Майкопа до Умани, с ходу прорвала хорошо организованную оборону противника. Поход партизанского соединения под командованием С. А. Ковпака по своим масштабам тоже был беспримерным…» А когда ребята — все в конармейских шлемах — приехали к маршалу, он смотрел на них, родившихся после войны, а видел тех, кто начинал этот век, кому вручал красные знамена М. И. Калинин. Оно из таких боевых знамен ветераны передали красным следопытам Киева. Знамя, как прежде, в походном строю.

…Дом пионеров Краснопресненского района Москвы. В зале много ребят. Здесь не только москвичи, но и школьники, приехавшие в столицу на время новогодних каникул из Перми, села Шушенского, из Ростова-на-Дону. С волнением слушали

ребята Л. В. Маяковскую, сестру поэта, Л. Ф. Космодемьянскую. А потом завязался бесхитростный разговор с маршалом Буденным.

— Каждый из вас должен знать, — громко звучал голос маршала, — что помимо семьи, своих родных — отца, матери, братьев, сестер — у вас есть еще государство советское. Это ваше государство. Ваша Родина. У вас прекрасное будущее, все вы можете стать замечательными специалистами. Для вас созданы все условия. От вас требуется одно — старательно учиться. Вы все восхищаетесь героизмом своих дедов и отцов. Да, тогда была война. Но ведь героизм можно проявить и в обычном труде.

Во фронтовом блокноте маршала есть такие строки: «Разведчик сержант Барасби Хамгоков. 12 лошадей. Встреча в Москве и вручение ордена». Кто этот Хамгоков? Оказывается, пионер из Кабарды. В войну смелым разведчиком стал…

Барасби вырастил для Красной Армии двенадцать лошадей. Буденный доложил наркому обороны К. Е. Ворошилову о благородном поступке пионера-патриота. И вскоре юный джигит был награжден орденом «Знак Почета». В Москве в торжественной обстановке Барасби вручили орден. Семен Михайлович принял Барасби у себя в кабинете и даже сфотографировался с ним.

«Я очень люблю лошадей, — сказал пионер. — И еще очень люблю нашу Красную Армию. Подрасту и тоже стану бойцом».

Но вот грянула война, и Барасби Хамгоков ушел сражаться за Советскую Родину. Он был пехотинцем-разведчиком, храбро воевал на фронте. Однажды их отряд получил задание разведать силы противника, укрепившегося в одной деревушке. На окраине деревни они обнаружили дзоты, орудия, минометы…

Смельчаки мигом вернулись. Выслушав их, командир сказал: надо зайти в тыл фашистам и выбить их из дзота. А там с ними уже легче будет разделаться…

Разведчики выполнили приказ. За мужество при выполнении задания они были представлены к правительственным наградам. Барасби получил орден Красной Звезды. Вскоре после этого боя «Пионерская правда» опубликовала письмо Барасби к советским пионерам: «На моей родине, в знаменитом колхозе «Миллионер», побывали фашисты. У соседа-колхозника они нашли мой портрет, на котором я снят вместе с товарищем Буденным. Этот снимок сделан, когда я еще был пионером. Немцы жестоко избили колхозника. Мои земляки могут быть уверены, я не посрамлю чести своей Родины. Недавно меня представили снова к правительственной награде — второму ордену Красной Звезды».

На примерах из фронтовой жизни Буденный убеждал молодых людей в том, как важно воспитывать в себе волю, стойкость, готовность к подвигу. А надо сказать, что Буденного

всегда интересовали люди сильной воли, кто не по лихости своей шел на опасное дело, а по велению сердца выполнял свой долг. Маршалу стало известно о том, что во время боев на подступах к Ростову-на-Дону в декабре 1943 года смертью храбрых погиб лейтенант Г. А. Тарасенко. Тяжело раненный, он нашел в себе силы, чтобы написать последнее письмо сыну. Были в нем и такие слова: «Знай, мой любимый сыночек, что и моя кровь оросила землю, по которой ты можешь ходить, строить счастливую жизнь, о которой я так мечтал. Пройдут годы, десятилетия, могилы врагов зарастут бурьяном, а нам, защитникам, свободная Родина построит памятник Победы. Смотри на него и вспоминай меня…»

Буденного заинтересовала судьба героя, погибшего на Дону. Выяснилось, что лейтенант Тарасенко родился на Украине, до войны был учителем.

«Профессия у него была мирная, а началась война, и он в числе первых ушел на фронт, — говорил маршал молодым солдатам. — Так поступает настоящий советский патриот. Надо, чтобы память о таких, как Тарасенко, жила вечно. Как-то я беседовал с Иваном Кожедубом.

Герой, каких на всей планете раз, два и обчелся. Спрашиваю, вот ты трижды Герой Советского Союза, какое у тебя самое большое желание? Знаете, что он мне ответил? Говорит, хочу видеть всех парней героями ратного труда. И чтоб каждый помнил: земля, по которой он ходит, полита отцовской кровью».

В канун 90-летия Буденного редакция журнала «Агитатор» попросила маршала высказать свои пожелания молодежи. Полководец обратился к молодому современнику:

«Ты живешь на земле, политой кровью своих дедов и отцов, защищенной их грудью от врага. Будь же делами своими, высокими гражданскими помыслами достоин их, будь их наследником в трудовом и ратном служении Отчизне:

— береги, укрепляй свое Отечество;

— каждый день — ударная вахта. Каждый день идти вперед. Взял один рубеж, не останавливайся на достигнутом, работай на совесть, наращивай темпы, бери с ходу еще рубеж и еще. В труде растет человек;

— все мы прежде всего защитники своего Советского государства, а раз так, значит, мы должны быть готовы к любым испытаниям на случай войны;

— своими делами и поступками будь достоин героев войны, им ты обязан своей мирной жизнью и счастьем;

— будь скромен, береги свою честь и во всем поступай так, как поступил бы твой отец;

— Родина у нас одна, ей отдай себя всего без остатка».

Буденный придавал большое значение пропаганде боевых традиций, прославлению ратного подвига воинов армии и флота. Он активно, заинтересованно участвовал в работе над многотомной «Историей гражданской войны и СССР». Об этом свидетельствует Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР академик И. И. Минц, «В 1931 году я работал в секретариате главной редакции этого издания. Буденный часто выступал на ее заседаниях, ратуя за правдивое освещение событий, за принципиальность и четкость формулировок. Я много раз встречался с Семеном Михайловичем, записывал его воспоминания о гражданской войне. Многое из его рассказов было использовано нами в работе. После Великой Отечественной войны мы вновь вернулись к изданию, шла подготовка очередных томов. Будучи членом главной редакционной комиссии, С. М. Буден— ный продолжал свое сотрудничество. Порой на заседаниях, доказывая то или иное положение, горячился, нервничал, но от своего не отступал. Его мнение было очень важным и заслуживающим внимания. Ведь его биография неразрывно связана с историей развития и становления наших Вооруженных Сил».

В мае 1973 года академик И. И. Минц вручил Буденному свой трехтомный труд «История Великого Октября», а маршал, не оставшись в долгу, третью книгу воспоминаний «Пройденный путь».

— Спасибо огромное, — сказал Минц, принимая подарок. — Как видите, мы одновременно завершили работы — вышел третий том ваших воспоминаний и моих исследований. Это, наверное, символично. Ведь вы один из тех, кто защищал завоевания Великого Октября, о ком написана эта книга.

— Каждый, кто боролся за Советскую власть, — герой, — заявил Семен Михайлович.

«Мы прощаемся. Крепко стиснув мою руку, Семен Михайлович весело спрашивает:

— Ну как, есть еще сила?

— Да еще какая сила, Семен Михайлович!..

Как-то в интервью для «Недели» среди прочих вопросов мне задали и такой: как повлияла на мою жизнь, выбор цели и творчество служба в рядах Первой Конной армии? Я без колебаний ответил: «От бойцов-красноармейцев ко мне, по-видимому, перешло чувство веры в свое дело, чувство оптимизма, в том числе исторического. От Буденного и его бойцов я на всю жизнь воспринял жизнелюбие и жизнестойкость».

Большую и плодотворную работу вел маршал Буденный в ДОСААФ СССР. Почти двадцать лет он был председателем

Центральной наградной комиссии ЦК ДОСААФ СССР. По словам трижды Героя Советского Союза, председателя ЦК ДОСААФ СССР маршала авиации А. И. Покрышкина, съезды оборонного общества, Пленумы ЦК, почти все заседания президиума Центрального комитета ДОСААФ СССР, а также многие мероприятия областных, городских, районных и крупных первичных оборонных организаций проходили при активном участии Семена Михайловича Буденного. В своих ярких выступлениях он горячо и заинтересованно говорил о необходимости превращения ДОСААФ в действительно массовое, многомиллионное оборонное общество, подсказывал, как поднять активность всех его звеньев, улучшить подготовку специалистов, расширить обучение всего населения страны правилам противовоздушной обороны и противоатомной защиты, развивать технические, военно-прикладные виды спорта… «Мы регулярно встречались с С. М. Буденным на сессиях Верховного Совета СССР, — писал Покрышкин. — Я уже говорил, что Семен Михайлович был не только военным, но и мудрым государственным деятелем. Он живо интересовался всем, что происходило в стране, радовался ее успехам в коммунистическом строительстве. Так было и с оборонным обществом, работе которого Семен Михайлович отдал много сил, частицу души».

«Москва. Маршалу С. М. Буденному…» По этому адресу чаще всего шли письма Семену Михайловичу. Он лично читал эти письма, комментируя их, нередко говорил: «Значит, я чего-то стою, если пишут мне со всех концов страны». Буденный был не только талантливым полководцем. Он был еще и мудрым политиком, тесно связанным с народом, и переписка с людьми помогала ему знать, чем живет молодежь, какие у нее запросы и как она трудится. Особенно радовали маршала рапорты о трудовых успехах. Как-то секретарь Волгоградского горкома ВЛКСМ В. Кудрявцев написал Буденному, что комсомольцы свято чтут память тех, кто погиб за дело революции. На площади Павших борцов горит Вечный огонь. У братской могилы защитников города — пионерско-комсомольский пост. Во Всесоюзном смотре спортивной и оборонно-массовой работы по физической и военно-технической подготовке городская комсомольская организация заняла первое место, ей вручено Красное знамя ЦК ВЛКСМ. Секретарь горкома ВЛКСМ писал маршалу: «Нам будет по-сыновьи приятно в день открытия конференции получить от Вас, почетного гражданина нашего города, героя гражданской войны, приветствие и Ваши пожелания. Ведь для нас Вы — волгоградец номер один!»

Как-то ранним утром секретарь-машинистка В. Н. Ежова

сообщила, что из города Уральска приехала ветеран комсомола. В 1925 году она была пионеркой в отряде имени Буденного… Пришлось срочно ехать в город.

— Я проездом через Москву, — сказала гостья. — А вот этот букет цветов передайте Семену Михайловичу от пионеров Уральска. Мы любим Буденного и желаем ему долгих лет жизни…

История эта давняя. В дни, когда страна готовилась к празднованию 8-й годовщины Великого Октября, пионеры Уральска обратились к Буденному (он был тогда помощником главкома по кавалерии и членом Реввоенсовета СССР) с просьбой разрешить их отряду носить его имя. Семен Михайлович посоветовался с Председателем ЦИК СССР М. И. Калининым. Выслушав его, Михаил Иванович рассмеялся: «Да разве можно отказать? Наши дети учатся у героев революции, хотят подражать им. Это ли не замечательно? Что вас смутило?..»

И Семен Михайлович написал пионерам. Он выразил уверенность в том, что «настанет момент, когда вы без колебаний замените красноармейцев в будущих боях с буржуазией». Полководец не ошибся. Многие бывшие пионеры отличились в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны. В тот же день я рассказал маршалу о встрече с гостьей из Уральска, о том, какую большую работу ведут пионеры 20-х годов среди молодежи, родившейся в 50-х годах.

— Это замечательно! — сказал Буденный. — Вот она, живая связь поколений! Значит, и «Картошку» поют, и песню про армию Буденного? Молодцы ветераны. Каждому из них готов поклониться за доброту к детям, за то, что учат любить армию. И верите, в двадцатых годах молодежь тоже жила своей мечтой, как жил ею, к примеру, Юрий Гагарин. Он мечтал стать летчиком и стал им. После, когда Юрий уже прославился, он подарил мне свою книгу и сказал: «Я в детстве тоже играл в Буденного и Чапаева». Не знаю, смог бы Юрий Гагарин проскакать несколько километров на хорошем коне, — пошутил Буденный, — но в космос он слетал на стальном коне-ракете блестяще. Советский парень стал космонавтом номер один.

Накануне XVI съезда ВЛКСМ маршал Буденный решил подарить свою шашку Ленинскому комсомолу. Это было волнующее зрелище. В то утро, 30 мая 1970 года, маршал надел свою парадную форму и, глядя в зеркало, весело сказал:

— А что, усы как у молодого. Вот только лицом постарел. Ну-ка где там моя шашка?..

Приехали мы в Кремлевский Дворец съездов задолго до начала заключительного заседания. Маршала окружили делегаты,

задавали вопросы, просили что-нибудь рассказать из своей богатой событиями жизни.

В президиуме съезда он сидел задумчивый. А когда в зал внесли боевые знамена, он долго не спускал глаз со знамени Первой Конной армии, которое держал в руках дважды Герой Советского Союза, Герой ЧССР генерал армии Д. Д. Лелюшенко.

Потом председательствующий предоставил ему слово. Семен Михайлович взял свою боевую шашку, с которой не расставался много лет, и, передавая ее комсомольскому съезду, сказал:

— Дорогие товарищи! С этой шашкой я защищал наше Советское государство, а теперь передаю ее вам как эстафету старшего поколения младшему. И разрешите пожелать вам больших успехов в дальнейшем развитии нашей революции, в умножении побед нашей Родины. Храните боевые традиции, несите их вперед и вперед! От души: желаю вам больших успехов в вашей жизни и труде.

Раздались бурные аплодисменты. Когда вернулись на дачу, маршал сказал:

— Кажется, вместе с шашкой я отдал комсомольцам и свое сердце…

Через несколько дней маршал получил телеграмму от экипажа атомной подводной лодки «Ленинец», которая блестяще выполнила задание на маневрах. «Видите, — говорил он, — хоть я и не адмирал, а моряки считают меня своим человеком». «Дорогой товарищ маршал! Пишем Вам под глубоким впечатлением Вашего выступления на XVI съезде ВЛКСМ, вручения Вами делегатам съезда революционного почетного оружия как символа боевой эстафеты наших дедов и отцов, — говорилось в телеграмме. — Мысленно мы были среди тех, кто от имени 27 миллионов комсомольцев, от имени всех юношей и девушек нашей Отчизны принял Ваш бесценный дар. Выражая горячую признательность Вам за веру в советскую молодежь, за любовь к ней, от имени всех своих товарищей по службе и оружию заверяем Вас, товарищ маршал, что не уроним чести советского военного моряка, будем высоко нести знамя отцов, сделаем все, чтобы традиции старшего поколения жили и преумножались. Мы — на боевом посту, мы — на вахте Великого Октября. Время зовет нас учиться бою, память — готовиться к подвигу…».

Буденный свернул листок.

— Вот люди, а? Да с такими не то что в разведку пойдешь, а горы своротишь. И море они любят, и корабли для них что родной дом. Вот уж обрадовали старика. Вы даже не поверите, так мне хочется побывать сейчас на корабле, обнять всех этих

ребят.

В этот же день маршал послал ответную телеграмму экипажу атомной подводной лодки «Ленинец», в которой были и такие слова: «Будьте бдительны! Помните уроки истории. Ленинский завет — быть всегда начеку, беречь обороноспособность нашей страны как зеницу ока — должен стать законом жизни воинов».

В 1972 году ЦК ВЛКСМ за активное участие в военно-патриотическом воспитании молодежи наградил Буденного знаком «Воинская доблесть».

В ноябре 1969 года вся страна отметила полувековой юбилей Первой Конной армии. Буденный был бодр, энергичен, а когда дважды Герой Советского Союза генерал армии Д. Д. Лелюшенко спросил о самочувствии, Семен Михайлович взял его руку и сжал в своей ладони.

— Видишь, сколько у меня силы! — И он добродушно улыбнулся. — Скажи, смогу еще держать шашку?

— Сила-то у вас от родной донской земли…

— А вот Климент Ефремович очень болеет…

И случилось то, чего боялся Буденный: в ночь со 2-го на 3 декабря на 89-м году жизни Климент Ефремович скончался. Буденный отдыхал в санатории в Барвихе. Он тяжело воспринял печальную весть. Траурная мелодия, звучавшая по радио, тревожила его сердце. В тот же день позвонили из редакции газеты «Правда» и попросили Семена Михайловича написать статью о К. Е. Ворошилове. Буденный согласился. «Это надо сделать. О Климе, родном, напишу…»

В день похорон К. Е. Ворошилова статья была опубликована в «Правде» под заголовком «Память боевого друга». «Он умер, как солдат на посту, — писал Семен Михайлович. — Благодарный народ Советского Союза всегда будет помнить его великие заслуги в борьбе за власть Советов. Жизнь Климента Ефремовича была прекрасной песней, а песня, как подвиг, бессмертна и вечна».

25 апреля 1973 года Буденному исполнилось 90 лет. Тысячи писем, телеграмм получил юбиляр в тот день. Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев назвал Семена Михайловича прославленным ветераном революционных боев, народным героем.

В поздравлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР полководцу говорилось: «Вся Ваша деятельность — это достойный пример мужества и отваги, беззаветной преданности и служения Коммунистической партии, советскому народу, делу коммунизма…»

Письма, поздравления, и в каждом — горячая любовь и

признательность полководцу за все, что сделал он для народа и партии. «Вы можете с гордостью оглянуться на пройденный путь. Всю свою сознательную жизнь Вы отдали служению Отчизне», — писал Анастас Иванович Микоян. «У нас в Степнянском совхозе станицы Кущевской, где стоял штаб Конармии, горит Вечный огонь, — писал Буденному секретарь парткома совхоза Ф. П. Епатко. — В отблесках его пламени нам видятся лица героев, и тогда невольно хочется спросить себя: «А как ты сам живешь, не забыл ли тех, кто сражался за твое счастье?..» Нет, товарищ маршал, героев мы не забыли. Память о них свята. А еще доложу Вам, Семен Михайлович, что у нас каждый старается стать ударником в труде. Это тоже подвиг…»

В эти дни маршал получил письмо от народной артистки Казахской ССР и заслуженной артистки Таджикской ССР, лауреата Всесоюзного смотра детских театров Ольги Алексеевны Решетниченко. О чем писала она? «Меня Вы должны помнить. Я — актриса, которой в 1935–1936 годах посчастливилось первой в Союзе играть на сцепе Сему Буденного (в Симферопольском театре юного зрителя в пьесе Игоря Всеволожского «Детство маршала»), доброго сердцем, плясуна и необычайно смелого хлопца. Сколько переживаний было в зрительном зале за Сему! Дети очень любили этот спектакль, но были удивлены, что вместо Семки-мальчишки появлялась я, девушка. По они были рады видеть меня. Дарили цветы, игрушки и даже фантики. У детей фантик считался дорогим подарком. Каждый из них старался чем-то походить на Сему Буденного…»

Маршала сердечно приветствовали зарубежные друзья. Из далекой Венесуэлы телеграфировал Генеральный секретарь ЦК КП Венесуэлы Хесус Фариа: «Вся Ваша жизнь, товарищ Буденный, неразрывно связана с рождением, укреплением и защитой первого в мире социалистического государства. Ваше участие в Октябрьской революции, Ваши подвиги в гражданской и Великой Отечественной войнах являются живым примером и ценным опытом для коммунистов всех стран…» Президент ЧССР Людвик Свобода писал, что в день юбилея он думает о Буденном, своем друге и боевом товарище, как «о легендарном полководце гражданской войны и выдающемся военачальнике, который участвовал в победоносных операциях Советских Вооруженных Сил во время Великой Отечественной войны, верном друге нашей страны, так много сделавшем для укрепления нерушимой дружбы между нашими братскими народами…»

У Буденного с Президентом ЧССР Л. Свободой были добрые, сердечные отношения. А узнал он его в апреле 1943 года. Людвику Ивановичу, тогда еще полковнику, вручали в Кремле

орден Ленина. В ответном слове Свобода сказал, что нет большей гордости, чем носить такие ордена, которые украшают грудь лучших героев, защитников Москвы, Ленинграда, Сталинграда. «Обещаю вам, — заверил полковник Свобода М. И. Калинина, — что в будущих боях каждый из нас сделает все, чтобы быть достойным той чести и той ласки, которые нам оказал советский пародо. Самоотверженной борьбой плечом к плечу со славной Красной Армией мы хотим завоевать нашему народу опору и поддержку вашей страны на вечные времена…»

А через несколько дней орден Ленина получил Буденный. 25 апреля 1943 года ему исполнилось 60 лет. В приветствии ЦК партии юбиляру говорилось: «Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР горячо приветствует Вас, одного из виднейших организаторов Вооруженных Сил Советского Союза и выдающегося полководца Красной Армии — в день Вашего шестидесятилетия…» Орден Ленина М. И. Калинин вручил маршалу 29 апреля.

В тот же день приказом Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина кавалерийские курсы усовершенствования командного состава Красной Армии были переименованы в Краснознаменную Высшую офицерскую кавалерийскую школу Красной Армии имени С. М. Буденного.

9 мая в Москве состоялся III Всеславянский митинг, в нем участвовали писатели, военные и политические деятели. На митинг с фронта прибыл Л. Свобода. Выступая с трибуны Колонного зала Дома союзов, он сказал: «Мы клянемся не прекращать борьбы, пока гитлеризм не будет стерт с лица земли, пока не воссияет солнце свободы над нашей Родиной».

За несколько дней перед этим Государственный Комитет Обороны рассмотрел просьбу чехословацких товарищей и принял специальное постановление «О формировании 1-й чехословацкой пехотной бригады». (До этого на территории СССР действовал 1-й чехословацкий пехотный батальон. В марте 1943 года его воины отличились в боях за село Соколово.) Приволжскому военному округу предписывалось выделить необходимое число командиров для оказания помощи в подготовке специалистов. Верховный Главнокомандующий, по словам Буденного, в беседе с Л. Свободой, когда решился вопрос об отправке батальона на фронт, подчеркнул необходимость всячески укреплять его, чтобы солдаты могли выстоять в боях с гитлеровцами.

Чехословацкую бригаду инспектировал генерал Баринов. Людвик Свобода вспоминал: «Генерал Баринов признал нашу подготовку отличной. На боевой проверке присутствовали товарищи Готвальд, Фирлингер, Неедлы, Шверма, Врбенский,

Борек и другие. Наш посол в СССР Фирлингер от имени президента вручил 1-й чехословацкой бригаде боевое знамя».

Об этом не только знал Буденный, по как командующий кавалерией Красной Армии оказывал Л. Свободе помощь в подготовке к боям личного состава, оружия и боевой техники. 30 сентября 1943 года на фронт убыл первый воинский эшелон. Чехословацкая бригада поступила в оперативное подчинение командования 1-го Украинского фронта и совместно с его войсками участвовала в боях по освобождению Киева. Сто тридцать восемь солдат и офицеров были награждены орденами Советского Союза, в том числе и Людвик Свобода. А поручик А. Сохор и подпоручик Р. Тесаржик удостоились высокого звания Героя Советского Союза. За отличные боевые действия соединение наградили орденом Суворова 1-й степени. Бригада Л. Свободы принимала участие в боях за Белую Церковь и была награждена орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени. К тому времени Л. Свобода стал генералом.

«Людвик Свобода питает глубокое уважение к советским людям, — писал Семен Михайлович. — Уже после войны я был в Чехословакии, виделся с ним, и он говорил, что свое боевое крещение получил на русской, советской земле и никогда этого не забудет…»

Тогда же Л. Свобода подарил маршалу книгу своих воспоминаний. На титульном листе Л. Свобода собственноручно написал: «Дорогому Маршалу СССР Семену Михайловичу Буденному на добрую память о совместных боях во время Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков в день 15-й годовщины освобождения Чехословакии доблестной и славной Советской Армией. С глубоким уважением ваш Л. Свобода. Прага. 4.05.1960 г.».

В день юбилея Семен Михайлович чувствовал себя превосходно, шутил, смеялся:

— Я еще проживу. Корень наш крепкий, донской…

Чествовали Семена Михайловича в Краснознаменном зале Центрального Дома Советской Армии имени М. В. Фрунзе. Вечер открыл Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян. На сцепу внесли овеянные боевой славой знамена Первой Конной армии. Заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза К. С. Москаленко проникновенно говорил о Буденном — народном герое и крупном военачальнике, военный талант которого высоко ценил В. И. Ленин. На вечере было зачитано приветственное письмо С. М. Буденного. «Я счастлив, — писал маршал, — что всю свою жизнь посвятил делу революции, Советской Родине, своему народу. Я горжусь, что мне довелось не

раз встречаться с великим Лениным, выполнять его задания по обороне страны. Для меня нет выше чести, чем принадлежать нашей ленинской партии, бороться за ее идеалы. Коммунистом я стал в грозные годы гражданской войны и с тех пор в мыслях и в делах своих вместе с партией. Я бесконечно благодарен нашей партии, которая вырастила меня». Вечером маршал вернулся на дачу. Он признался, что его до крайности растрогали слова приветствия. А держался он в президиуме только на энтузиазме. Его очень огорчило то, что, когда в зал внесли знамя Первой Конной армии, все встали, а он сидел. Впервые в своей жизни сидел, когда вносили знамя, святыню! Врачи не разрешили маршалу подниматься. «А ведь под этим знаменем мы воевали, — сказал Семен Михайлович. — Такое не уходит из памяти. Даже по требованию врачей». Лечащий врач маршала посоветовал Семену Михайловичу отдохнуть.

— Я чувствую себя молодым! — улыбнулся Буденный. — А вот цветы уже увяли. Вообще-то, если честно, розы не в моем вкусе. Люблю я гвоздики. И еще — бессмертник. У пас на Дону в степи много его. Когда уходил в 1903 году на действительную службу, мать, провожая меня, сорвала у околицы цветок и сказала: «Пусть этот бессмертник сохранит тебе жизнь». Потому-то и запомнился мне этот цветок.

— Значит, вы верите в счастье?

— Разумеется, не в свалившееся с неба, — ответил маршал. — Счастье создают трудом. В песне есть такие слова: «Куем мы счастия ключи…» Очень правильные слова! Человек сам кует свое счастье…

Беда грянула неожиданно. 20 октября утром Семен Михайлович проснулся грустным и опечаленным. На вопрос Марии Васильевны, как он себя чувствует, Семен Михайлович ответил: очень болит голова. Вызвали врача.

Прошел еще один день. Состояние здоровья маршала ухудшилось… Вскоре он потерял сознание, а 26 октября вечером Буденный скончался от кровоизлияния в мозг.

С глубокой скорбью встретил советский народ эту печальную весть. В некрологе, подписанном руководителями партии и правительства, видными государственными и военными деятелями страны, говорилось: «От нас ушел человек, вся жизнь которого является ярким примером беззаветного служения социалистической Родине, делу Коммунистической партии, членом которой он состоял с 1919 года… Светлая память о Семене Михайловиче Буденном — верном сыне ленинской партии, храбром и талантливом полководце, прославленном народном герое навсегда сохранится в сердцах советских людей».

У гроба Буденного в Колонном зале Дома союзов в почетном карауле стояли руководители партии и правительства. Похороны легендарного полководца состоялись на Красной площади. Отдавая последние воинские почести умершему полководцу, по серой брусчатке Красной площади проходили войска. Вся страна прощалась с народным героем.

В целях увековечения памяти выдающегося полководца, героя гражданской и Великой Отечественной войн маршала Буденного Указом Президиума Верховного Совета РСФСР город Прикумск и Прикумский район Ставропольского края переименованы в город Буденновск и Буденновский район. Постановлением Совета Министров СССР его имя присвоено Военной ордена Ленина Краснознаменной академии связи. На здании штаба Московского военного округа, войсками которого в предвоенные годы командовал Буденный, установлена мемориальная доска. Имя Буденного носит один из проспектов Москвы. Для слушателей и курсантов ряда высших военно-учебных заведений установлена стипендия имени Буденного…

Жизнь маршала Буденного — это легенда, а легенда живет вечно, как вечно будет жить в памяти подвиг, который он совершил во славу своего Отечества.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1883, 25 апреля — Родился на хуторе Козюрин в семье крестьянина-батрака Михаила Ивановича Буденного.

1903, сентябрь — Призван в русскую армию.

1904–1905 — Участвовал в русско-японской войне в составе 46-го казачьего полка.

1905–1906 — Служил в приморском драгунском полку в селе Раздольном под Владивостоком.

1907–1908 — Учился в Петербургской школе наездников при Высшей офицерской кавалерийской школе.

1908, май — Присвоено звание младшего унтер-офицера.

1908, сентябрь — Присвоено звание старшего унтер-офицера.

1908–1914 — Служил в Приморском драгунском полку в качестве сверхсрочника.

1914, сентябрь — Участвовал в первой мировой войне в составе 18-го Северского драгунского имени короля датского Христиана IX полка в должности взводного унтер-офицера 5-го эскадрона Кавказской кавалерийской дивизии на Западном фронте.

1914, ноябрь — Награжден Георгиевским крестом 4-й степени за бой под Бжезинами. Переехал в район Тбилиси на Турецкий фронт.

1915, январь — Участвовал в боях за город Ван, вновь награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

1916, январь — Участвовал в боях за город Менделидж, награжден Георгиевским крестом 3-й степени. Февраль — награжден Георгиевским крестом 2-й степени.

1916, март — Награжден Георгиевским крестом 1-й степени.

1917, март — Избран председателем эскадронного и членом полкового комитетов. Июль — Избран председателем полкового комитета и заместителем дивизионного комитета; встреча с М. В. Фрунзе. Август — Участвовал в разоружении «дикой» дивизии в Орше. Ноябрь — Приезд на родину, в станицу Платовскую.

1918, февраль — Участвовал в работе окружного съезда Советов в станице Великокняжеской, избран заведующим окружным земельным отделом.

1918, февраль-июнь — Командир конного отряда. Июль — ноябрь — Помощник командира конного полка.

1918, ноябрь — март — Помощник командира 1-й Донской кавбригады.

1919, апрель — июнь — Начальник 4-й кавдивизии.

1919, 26 апреля — Командир конного корпуса.

1919, 17 ноября — Командарм Первой Конной армии.

1919, март — Награжден орденом Красного Знамени.

1920, апрель — Первая встреча с В. И. Лениным.

1921, апрель — Назначен членом Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа, заместителем командующего округом.

1923, март — Награжден почетным огнестрельным оружием с орденом Красного Знамени на нем.

1923, март — Награжден вторым орденом Красного Знамени.

1923, сентябрь — Назначен помощником главнокомандующего всех Вооруженных Сил республики по кавалерии, членом Реввоенсовета республики.

1924, январь — Назначен инспектором кавалерии РККА и членом Высшей аттестационной комиссии РВС СССР.

1932, июнь — Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе.

1935, сентябрь — Получил звание Маршала Советского Союза.

1937, июнь — Назначен командующим войсками Московского военного округа и членом Главного Военного Совета НКО СССР.

1939, март — Назначен заместителем наркома обороны.

1940, август — Назначен первым заместителем наркома обороны.

1941, 23 июня — Назначен членом Ставки Главного Командования, позже — член Ставки Верховного Главнокомандования.

1941, июнь — июль — Назначен командующим группой войск армий Резерва Главного Командования. Июль — Назначен Главнокомандующим войск Юго-Западного направления.

1942, апрель — Назначен Главнокомандующим войск Северо-Кавказского направления. Май — Назначен командующим Северо-Кавказским фронтом.

1943, январь — Назначен командующим кавалерией Советской Армии и членом Высшего Военного Совета Министерства Вооруженных Сил СССР.

1947, март — Назначен заместителем министра сельского хозяйства СССР по коневодству и коннозаводству.

1954, октябрь — Назначен заместителем министра обороны СССР по особым поручениям.

1958, февраль — Присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

1963, февраль — Присвоено высокое звание дважды Героя

Советского Союза.

1968, апрель — Присвоено звание трижды Героя Советского Союза.

1973, 26 октября — умер в Москве.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, 36, 38, 39, 42, 43, 45, 51, 52, 51

Ленин В. И. Военная переписка (1917–1920). М., Политиздат, 1957.

Буденный С. М. Боец-гражданин. М., Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

Буденный С. М. О племенной работе в коневодстве и коннозаводстве. М., Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1949.

Буденный С. М. Пройденный путь. Кн. 1-я. М., Воениздат, 1958.

Буденный С. М. Слово к молодому воину. М., Воениздат, 1959.

Буденный С. М. Пройденный путь. Кн. 2-я. М., Воениздат, 1965. Буденный С. М. Нерушимый союз. М., Профиздат, 1969.

Буденный С. М. Первая Конная на Дону. Ростовское книжное издательство, 1969.

Буденный С. М. Встречи с Ильичем (литературная запись А. Золототрубова). М., Изд-во ДОСААФ, 1972.

Буденный С. М. Пройденный путь. Кн. 3-я. М., Воениздат, 1973.

Буденный С. М. Пройденный путь. Главы из 4-й кн. — «Дон», 1975 г., № 1, 2, 3, 4.

КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы. 1917–1968. М., Политиздат, 1969.

Воспоминания о В. И. Ленине. М., Политиздат, 1957.

Из истории гражданской войны в СССР, т. 3. М., «Советская Россия», 1961.

Декреты Октябрьской революции. М., Политиздат, 1933.

Документы внешней политики СССР, т. 3. М., Госполитиздат, 1959.

История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3. М., Политиздат, 1973.

Калинин М. И. Статьи, беседы, речи. Кн. 2-я. М.—Л., 1926.

Михаил Иванович Калинин. Краткая биография. М., Политиздат, 1975.

Горелов Иван. На родине С. М. Буденного. Азчериздат, 1936.

Леонидов Олег. Первая Конная. Очерки из истории красной конницы. М., Воениздат, 1939.

Директивы Главного Командования Красной Армии (1917–1920). М, 1969.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–

1922), т. 2. М., 1972.

Советская военная энциклопедия. М., Воениздат, 1979.

Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии большевиков, 1919, 30 сентября, № 6.

Оборона Царицына. Истпартиздат Сталинградского крайкома ВКП(б), 1937.

Клюев Л. Первая Конная на польском фронте в 1920 году. М., Госвоениздат, 1932.

Фрунзе М. И. Избранные произведения, т. 1. М., Воениздат, 1957.

М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов. М., Воениздат, 1941.

Научно-исследовательский кабинет М. В. Фрунзе при Военной академии имени М. В. Фрунзе, д. 55, л. 520–521.

Южный фронт (май 1918 — март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России. Сб. документов. Ростовское книжное издательство, 1962.

Документы о героической обороне Царицына в 1918 году. М., Огиз — Госполитиздат, 1942.

Оборона Царицына. Сб. документов и статей. Истпартиздат Сталинградского крайкома ВКП(б), 1937.

Документы по истории гражданской войны в СССР, М., 1941, т. 1.

История гражданской войны в СССР. М., 1959, т. 4.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1969.

Василевский А. М. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1978.

Патоличев Н. С. Испытание на зрелость. М., Политиздат, 1977.

Городовиков О. И. Воспоминания. М., Воениздат, 1957.

История второй мировой войны 1939–1945. М., Воениздат, 1977.

Приказы Верховного Главнокомандующего в период ВОВ Советского Союза. М., Воениздат, 1970.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1968.

Золототрубов А. М. Жизнь — подвиг. М., 1979.

Борзенко С., Денисов Н. Самородок России. М., 1970.

Акшинский В. Климент Ефремович Ворошилов. Биографический очерк. М., Политиздат, 1974.

Сто парадов. М., Воениздат, 1974.

Страницы большой жизни. Сб. воспоминаний о Маршале Советского Союза С. М. Буденном. М., Воениздат, 1981.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Меланья Никитична Буденная, мать Семена Михайловича.

Михаил Иванович Буденный, отец Семена Михайловича.

С. М. Буденный с матерью и родными. Станица Платовская, 1925 г.

Старший унтер-офицер С. М. Буденный. 1915 г.

С. М. Буденный после награды Георгиевским крестом 4-й степени. 1914 г.

С. М. Буденный во время службы в 18-м Северском драгунском полку. 1915 г.

В отряд к С. М. Буденному.

В атаку…

М. И. Калинин принимает парад частей Первой Конной армии. 1920 г.

Командарм Первой Конной армии С. М. Буденный и член Реввоенсовета Конармии К. Е. Ворошилов. 1920 г.

С. М. Буденный. Севастополь, 1920 г.

Член Реввоенсовета Южного фронта Бела Кун. 1920 г.

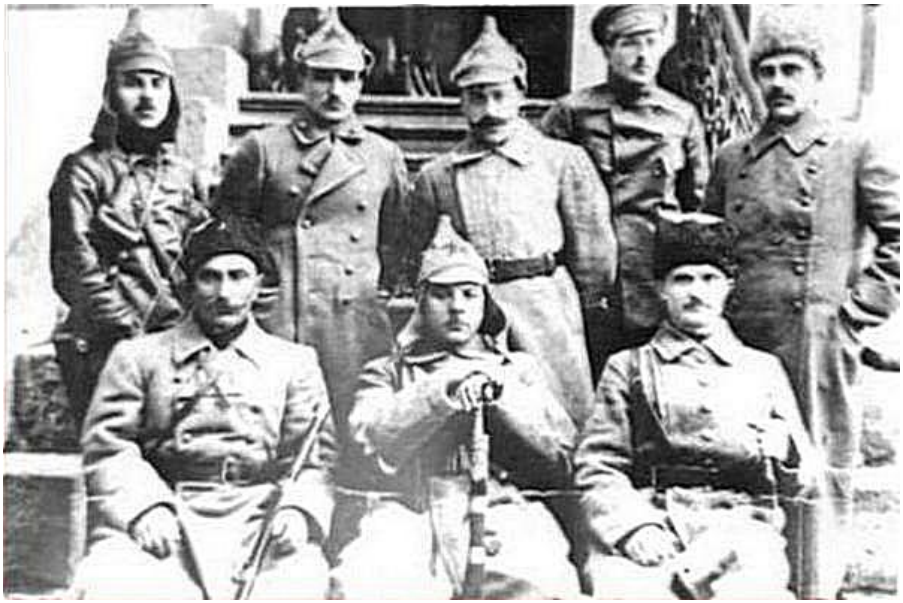
Командующий Южным фронтом М. Ф. Фрунзе. 1920 г.

Братья-конармейцы, командиры эскадронов — Емельян, Денис и Леонид Буденные.

М. И. Калинин среди бойцов Первой Конной армии. Выступает С. М. Буденный. 1920 г.

С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, А. С. Бубнов и др. с членами Пятигорского комитета РКП(б). 1920 г.

Командарм Первой Конной армии С. М. Буденный.



С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Е. А. Щаденко, стоят слева направо: Лакотош, Г. Ф. Беляков, Н. К. Щёлоков, С. М. Орловский, Г. К. Сиденко. Ростов-на-Дону, 1920 г.

С. М. Буденный, М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов на Южном фронте.

М. И. Калинин и С. М. Буденный беседуют с крестьянами. 1921 г.

С. М. Буденный и Г. К. Орджоникидзе. 1920 г.

С. М. Буденный на встрече с делегатами VIII Всероссийского съезда Советов. Москва, 1920 г.

М. И. Калинин и С. М. Буденный с американским сенатором

Джонсоном на Красной площади. 1923 г.

Г. К. Орджоникидзе, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов и другие несут гроб с телом В. И. Ленина от Павелецкого вокзала к Дому союзов. 1924 г.

Командарм С. М. Буденный вручает знамя одному из кавалерийских полков. 1923 г.

М. В. Фрунзе и С. М. Буденный на военном параде в честь Великого Октября. Москва, 1923 г.

Встреча С. М. Буденного с группой бывших партизан, 1929 г.

С. М. Буденный и Х. Чойбалсан.

Инспектор кавалерии РККА и член РВС СССР С. М. Буденный

среди моряков Амурской военной флотилии. 1929 г.

С. М. Буденный и «алтайский Сусанин» — Ф. С. Гуляев. 1929 г.

Член Реввоенсовета СССР С. М. Буденный на заседании Совнаркома Туркменистана. 1926 г.

Слушатель Военной академии имени М. В. Фрунзе С. М. Буденный перед полетом. 1931 г.

С. М. Буденный и А. М. Горький на Красной площади у Мавзолея В. И. Ленина. 1932 г.

С. М. Буденный среди военачальников на трибуне Мавзолея В. И. Ленина 7 ноября 1935 г.

Выступление С. М. Буденного на VII Всесоюзном съезде Советов. 1935 г.

С. М. Буденный и Н. К. Крупская среди делегатов VII Всесоюзного съезда Советов. 1935 г.

И. В. Сталин, С. М. Буденный и Мария Демченко в группе участниц II Всесоюзного съезда колхозников-ударников. Москва, 1935 г.

На собрании партактива Московского военного округа. В президиуме заместитель наркома обороны С. М. Буденный, секретарь МГК ВКП(б) А. С. Щербаков и бригадный комиссар А. А. Лобачев.

Маршал Советского Союза С. М. Буденный, командующий войсками Московского военного округа и член Военного Совета А. И. Запорожец среди начсостава кавалерийской части. 1939 г.

С. М. Буденный на тактических учениях. 1940 г.

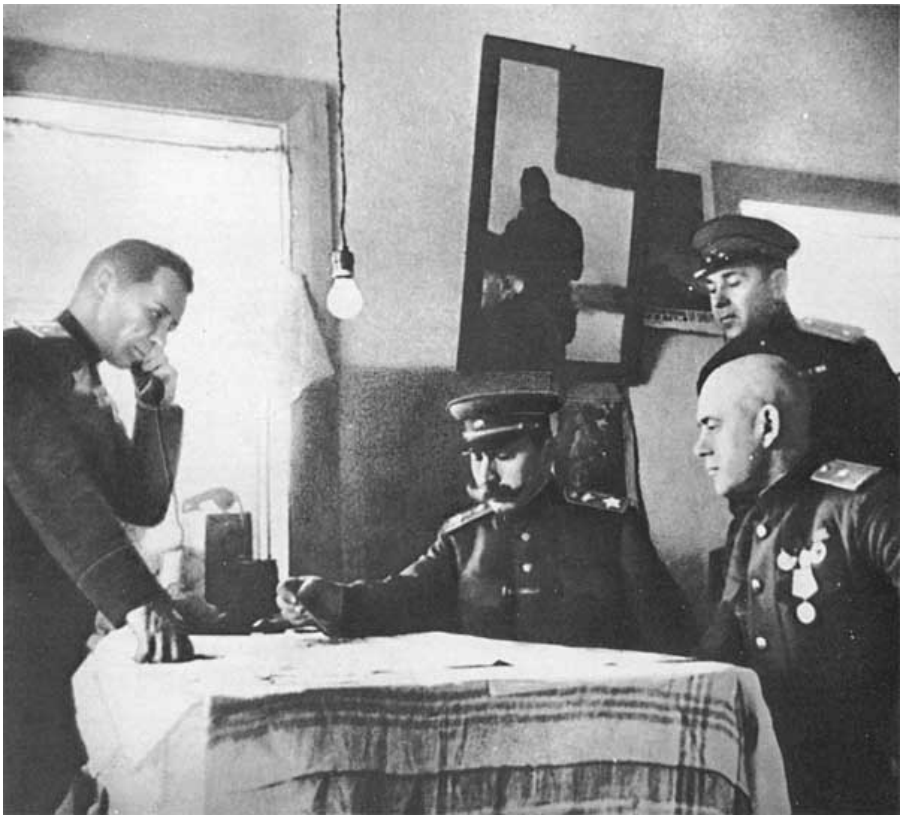
На партийной конференции Ленинградского военного округа. С. М. Буденный и командующий округом М. П. Кирпонос. 1940 г.

С Красной площади — в бой!

Маршал С. М. Буденный принимает военный парад 7 ноября 1941 года.

Командующий войсками Северо-Кавказского фронта маршал С. М. Буденный выступает на митинге перед моряками лидера «Ташкент». Июнь 1942 г.

Встреча с бойцами и командирами перед отправкой на фронт. Крым, 1942 г.



С. М. Буденный на командном пункте генерала П. И. Батова. 1943 г.

Члены Ставки Верховного Главнокомандования маршалы А. М. Василевский и С. М. Буденный в Донбассе. 1943 г.

Маршал С. М. Буденный в День Победы. Москва, 1945 г.

С. М. Буденный в поверженном Берлине. Май 1945 г.

В день 60-летия министра обороны СССР маршала Г. К. Жукова. Москва, 1956 г.

Заместитель председателя главного правления Общества польско-советской дружбы Мечислав Вонгровский поздравляет С. М. Буденного в день 80-летия. 25 апреля 1963 г.

С. М. Буденный беседует с космонавтами Ю. А. Гагариным и Г. С. Титовым.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев поздравляет С. М. Буденного с награждением второй медалью «Золотая Звезда». 1963 г.

М. А. Шолохов приветствует полководца на донской земле. 1966 г.

С. М. Буденный и искусствовед Б. Н. Федоров на выставке произведений С. Т. Коненкова.

С. М. Буденный в кругу семьи.

Маршал С. М. Буденный вручает свою боевую шашку комсомольцам 70-х годов на XVI съезде ВЛКСМ.

За рабочим столом. 1973 г. Фото автора.

notes

Примечания

1

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 230.

2

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 152.

3

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 54.

4

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 134.

5

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 159.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 238.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 249.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 152.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 295.

10

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 315.

11

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 356.

12

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 173.

13

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 125.

14

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 177.

15

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 67.

16

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 87.

17

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 327.

18

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 77.

19

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 178.